XIV

Drachen

XIV

принцип

Все книги на свете написаны одной рукой...

Эмерсон. «Essays», 2, VIII.

ПРОЛОГ

Пурпурная, как полотнища боевых племен Империи, заря поднималась из глубоких расщелин гор, окружающих Ультуан. Едва первые лучи рассвета коснулись мозаичных стекол Белой Башни Хоэта, по мраморным плитам ее полов поползли кружевные тени от кованых решеток на окнах башни.

Звонко цокая каблуками по плитам, в зал ворвалась Валайа. На ходу сбросив в кресло тяжелый лук, она приблизилась к столу и спросила:

— Надеюсь, была весомая причина?

Сидящий во главе стола Таал показал ей на искрящийся многогранный рубин, лежащий на исписанном странными письменами пергаменте.

— Четырнадцатый принцип определил хозяина.

— Кто он?

— Ты не поверишь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бедняге Ленскому в зале не верили, во всяком случае, ничто в его облике не подразумевало амурную скорбь, а на фразе «я люблю вас, Ольга» зал испытывал больше сострадания к упомянутой девице, нежели к вислозадому «баритону» средних лет с внешностью спивающегося аудитора.

Тут-то и зазвонил телефон. Судорожно пытаясь прикрыть верещащий мелодией из популярного кинофильма динамик, Сергей двинулся к выходу из концертного зала. Под неодобрительным взглядом пожилой женщины в униформе театрального администратора молодой человек выскочил в холл и приложил трубку к уху. На другом конце провода раздался голос Петра Алексеевича — непосредственного начальника Сергея, да и к тому же владельца мебельного салона, где он работал.

— Ты где был?! — в категоричной форме поинтересовался начальник.

— В опере, у меня выходной, — сразу начал оправдываться Сергей.

— Короче, бросай все и мигом на работу, — не терпящим возражений голосом потребовал Петр Алексеевич.

— Что-то случилось?

— Случилось, случилось. Обхохочешься, — хмыкнул начальник и оборвал связь.

Петр Алексеевич, что нередко случается с владельцами крупных мебельных магазинов, слыл среди сотрудников салона законченным самодуром и бытовым деспотом, но к Сергею он относился отнюдь не плохо. Очевидно, начальнику льстило наличие двух высших образований у своего подчиненного, да и о повышении зарплаты тот ни разу за два года службы не заикнулся. В общем: по всему выходило, что молодой человек соответствует занимаемой им должности продавца элитной мебели.

Всю дорогу Сергей тихо мурлыкал себе под нос: «Что день грядущий мне готовит». Таксист все понял по-своему и попросил денег на сто рублей больше.

Действительно, несмотря на поздний час, в витринах магазина горел свет. Петр Алексеевич сидел на итальянской софе у стены, перед ним стоял хорошо одетый господин, примерно ровесник Сергея, с кожаной папкой в руках и темных, не ко времени суток, очках в тонкой оправе.

— Вот и он, — радостно ткнул пальцем в подчиненного Петр Алексеевич и преданно покосился на позднего посетителя.

— Да, это я, — хмуро согласился Сергей. — Чем могу быть полезен?

— Ты, брат, в командировку поедешь… — начал объяснять ему начальник, но посетитель перебил его, протянул Сергею руку и представился:

— Герман Маннбарт, адвокат.

— Сергей Кашин, продавец, — в силу приличий пришлось представиться и молодому человеку.

— Короче, давай загранпаспорт на визу, у тебя утром самолет, — опять вмешался Петр Алексеевич. — У господина Маннбарта дом за рубежом, он хочет его обставить мебелью из нашего магазина. Дал предоплату за половину ассортимента. Большой, наверное, дом.

— Очень большой, — согласно кивнул покупатель и вопросительно взглянул на Сергея: — Вы согласны?

— Заграничный и общегражданский паспорта у вас, Петр Алексеевич, в сейфе. Помните, вы их ксерокопировать забирали три месяца назад. На всякий случай. Но за несколько часов визу не получают, — сказал тот, машинально меняя местами на столе письменный прибор и пепельницу.

— Консул сделает все от него зависящее. У меня нашлись аргументы, — улыбнулся ему адвокат.

— Надолго лететь?

— Думаю — не более трех дней.

— А если я не соглашусь?

— Тогда я предложу вам больше.

— Вы умеете договариваться. А на сколько больше?

— Тысяч на десять. Фунтов, естественно.

Петр Алексеевич беспокойно заелозил по софе.

— Хорошо, что на десять. А какая тогда первоначальная сумма?

— Пятьдесят и полное содержание.

— Я бы согласился и на гораздо меньшую сумму, — саркастично усмехнулся Сергей.

— Я знаю, — улыбнулся ему в ответ посетитель, попутно оправляя воротник норковой дохи.

— Позвольте... — опять влез в разговор Петр Алексеевич.

Но смекалистый адвокат так же прервал его на полуслове:

— У меня в доме двести комнат.

— Двести! — изумился начальник, но тут же взял себя в руки: — Итак, Сережа, где у нас тут сейф?

— У вас под столом, — подсказал ему тот.

Когда Сергей вместе с адвокатом вышел на улицу, то немедленно уточнил:

— А какая все-таки истинная цель поездки?

— Давайте пока будем придерживаться первоначальной версии, — интеллигентно уклонился от ответа покупатель и протянул ему конверт: — Здесь пять тысяч. Вам же, наверное, нужно сделать какие-то покупки в дорогу.

— На пять тысяч фунтов стерлингов? Ночью? — по-доброму съязвил молодой человек.

Адвокат, кажется, не понял его шутки или не захотел понимать, а только показал на один из двух припаркованных у магазина автомобилей:

— Эта машина будет вас возить, куда вам заблагорассудится, а утром привезет в аэропорт. А пока дайте мне ваш заграничный паспорт.

Молодой человек протянул ему документ и пошел к указанному автомобилю. Уже взявшись за ручку двери, он все-таки спросил:

— Я надеюсь, речь пойдет не о моей почке или печени для пожилого состоятельного клиента?

— Мой клиент, а вернее — клиенты, более чем здоровы, — по-доброму ответил ему адвокат и сел в машину.

Сергей последовал его примеру и, только оказавшись на мягком сиденьи рядом с водителем, осознал, что сидит в «майбахе» стоимостью этак в полмиллиона.

— Хорошая машина, — констатировал он, обращаясь к пожилому водителю в костюме.

— Очень хорошая, — согласился тот и посоветовал: — Вы бы лучше назад сели. Обычно в таких машинах пассажиры ездят сзади.

— Ничего, — мягко отказался молодой человек. — Не буду пока привыкать.

— Хозяин — барин, — пожал плечами водитель и спросил: — Куда поедем?

— А какие магазины работают в половине двенадцатого?

— Никакие.

— Тогда в ночной клуб или ресторан. Нет, в одно местечко на Соколе. Я покажу, — махнул рукой Сергей. — Славное место — клуб «Кролик Джек Робертс Слимс».

Машина тихо, как подводная лодка, заскользила по пустому шоссе в указанном направлении.

В дороге Сергей предался размышлениям, присущим всем особям мужского пола двадцати семи лет, обремененным двумя высшими образованиями — филологическим и физико-математическим — и не имеющим видимых перспектив в карьерном росте по причине отсутствия когерентности к текущей реальности. Иными словами: зарабатывать деньги он так и не научился, любимой женщины не встретил, футбол не любил, настоящими друзьями не обзавелся, подвига не совершил, родину недолюбливал, но и за рубеж не торопился. Хотя при этом во многих редакционных коллективах имел репутацию приятного та-

лантливого парня. Мало того, его очерк «Парадокс Туллио Редже» получил высочайшую оценку специалистов в области популярного естествознания и почетный диплом.

— А что, собственно, мы теряем?! — думал молодой человек, разглядывая проносящиеся за окном автомобиля мерцающие огнями рекламные стенды. — Ничего не теряем. Нет, конечно, можно было дописать давно начатый роман или наняться землекопом в археологическую экспедицию. Но..., если я этого не сделал раньше, нет никаких гарантий, что я это сделаю потом. А тут — нереальный задаток и явно, что с мамой мы больше не увидимся. Тоже непонятно — хорошо это или это плохо. Нет, это, должно быть, очень плохо. Вот! — и Сергей рефлекторно поднял кверху указательный палец. — Надо две тысячи маме отдать. Более чем благородно, и когда у меня совесть, наконец, проснется, будет лишний аргумент в мою пользу. Все равно за семь часов всю «котлету» я не истрачу.

Так он и поступил. Машина, изменив маршрут, вскоре затормозила у неказистого девятиэтажного дома. Сергей, на ходу выдумывая убедительный повод не задерживаться больше времени, чем это необходимо на пересчет сорока пятидесятифунтовых бумажек, пошел к дому. И когда мама ему открыла дверь, он тут же затараторил:

— Все, быстро! У жены Борщевского схватки, я ближе всех к его дому. Да! Я гонорар получил. Половина тебе.

— Сподобились! — язвительно скривилась добрая женщина. — Месяц не звонил, думает — можно деньгами откупиться. Такие сейчас дети! Будь у них возможность — вообще бы с родителями не знакомились.

Сергей внутренне согласился, но промолчал и начал отсчитывать деньги.

— Мама, — попутно инструктировал он. — Это не доллары, это фунты стерлингов, они дороже. Меняй в государственном банке.

— Может, их туда и положить? — отвлеклась от обличительных речей женщина.

— Не надо, их только что оттуда взяли, у них начнется депрессия, — покачал головой молодой человек.

— Ладно, — хмыкнула она и начала рассуждать вслух: — Главное, чтобы Павел не узнал. Этот скупердяй мне из-за них голову своим нытьем провинтит. Да, — и на лице родительницы появилось истеричное выражение, — твой братик два экзамена завалил, а тебе на все наплевать!

— Мама! — снова воззвал он к здравому смыслу родительницы. — Купи что-нибудь себе, именно себе, а не родственникам. Все, я побежал, — и он выскочил на лестничную площадку.

— Я твоей бабке новый памятник поставлю, — крикнула ему в спину женщина.

— Нефритовый! — отозвался молодой человек, перепрыгивая по четыре ступени за раз.

Только на улице он облегченно перевел дыхание. Общение с мамой последние пятнадцать лет ему не доставляло удовольствия. Когда-то ее беспрерывные слезные истерики по любому поводу стерли на нотном листе подростковой души Сергея какой-то важный знак, отчего гармония была безвозвратно утрачена. Хотя он прекрасно понимал, что молодая, интересная и, что самое главное, незамужняя женщина в лице двенадцатилетнего подростка имела серьезные препятствия для следующего брака. И хотя она сама никогда бы не призналась в этом даже себе самой, существование Сергея превращало ее жизнь в сущий ад, и, доведись несчастному случаю вычеркнуть ее постылую обузу из списка житейских проблем, на похоронах она бы плакала в последний раз. Для Сергея это был абсолютный факт. Свою мать он никогда не винил, но и никогда не оправдывал. Он просто испытывал к ней острое психологическое отчуждение. Знал, что так быть не должно и это характеризует его как никчемного человека.

Выйдя из подъезда, молодой человек мимоходом бросил взгляд на небо. У самого горизонта стелились две полупрозрачные белые полосы облаков, подсвечиваемые снизу заревом столичных индустриальных гигантов. Было что-то в памяти схожее с этим. Двенадцать лет, череда далеких огней проходящей мимо электрички, на которой наконец может приехать из города вечная студентка мама, игрушечный замок,

сложенный пьяницей дедом из детского пластикового конструктора, таинственный сосновый бор у реки, навсегда завязший посреди болота гусеничный трактор, родные скелеты линии высоковольтных электропередач, мерно гудящие вперемешку с порывами ветра, и сотни ворон, дремлющих на массивных проводах...

У подъезда его облаяла невесть откуда возникшая белая дворняжка; отмахнувшись от нее конвертом с деньгами, он едва не наступил в незамеченную им ранее лужу и, огорченно крякнув, сел в машину.

Только подъехав к бару, Сергей отвлекся от противоречивых, не приводящих ни к чему кроме запоя, ассоциаций. Пришло время потратить большую часть случайного заработка. А ничто не лечит так эффективно искалеченные души, как пустые расходы.

Прежде всего, войдя в питейное заведение, молодой человек потребовал у старика гардеробщика вызвать дежурного администратора, а когда тот появился, бодро навел справки — сколько он должен за тот раз?

В этот день дежурил Женя — человек без чувства юмора, что, впрочем, он с лихвой компенсировал гипертрофированным чувством ответственности, поэтому сразу уточнил — за какой именно раз, когда два бокала «Хайнекен» разбили или когда Сергей всех с «днем электрика» поздравлял?

— За все считай, и я сегодня тоже шалить буду, — сообщил молодой человек и понял, что ему очень нравится быть платежеспособным.

— Милости просим, — недоверчиво буркнул Женя и пошел к себе в комнату искать счета, отложенные официантами в прошлые посещения беспокойного гостя.

— Что-то случилось? — участливо поинтересовался гардеробщик, до пенсии — летчик-испытатель, по слухам, первый, сбросивший водородную бомбу на безымянный атолл где-то в Тихом океане.

— Бабушка в Бразилии почила в страшных судорогах, оставила несколько миллионов, загородный дом и ученого орангутанга. Он умеет говорить «мама», — сообщил Сергей, заглядывая в зал.

Было поздно, и зал практически пустовал — два-три посетителя, один из которых сразу приветливо махнул молодому человеку. По бес-

сменному болотному плащу в нем он признал Андрея Петрова, главного редактора одного периодического издания, где Сергей совсем не периодично, но все-таки вел колонку «Городские слухи».

— Миру — мир, старикашка! — присаживаясь рядом с ним, поздоровался он. — Я Гейзенберга дочитал.

— Будь осторожен, здесь Ильин, — сразу предупредил тот и попросил у бармена: — Мне виски, ему «Кальвадос», поллитра «Сидра» и сырные шарики. Правильно, или ты женишься?

— Очень правильно, — подтвердил Сергей и успокоил собутыльника: — Ильина не боюсь, я ему сейчас долг верну.

— Серьезно?! — не поверил друг. — Неужели роман дописал?

— Нет. Роман еще не дописал. Все банальнее — у меня бабушка в Бразилии преставилась, оставила несколько миллионов, загородный дом и бладхаунда. Он умеет говорить «мама».

— Мои искренние соболезнования, — на мгновение восскорбел собутыльник, но сумел быстро взять себя в руки и обратился к бармену, уткнувшемуся в экран телевизора, с которого известный юморист обреченно рассказывал древний анекдот. — Дружище, ты слишком задумался. Он шутит за деньги. Выключай это дерьмо и обслужи однополчан.

— А!!! Карапузы! — раздалось за спиной у друзей. Они обернулись и обнаружили упоминаемого раньше Ильина — человека с порядочной зарплатой и должностью биржевого маклера.

— Вот так кстати! — хлопнул его по плечу Сергей. — Я как раз Андрюхе говорил, что не смогу тебе отдать пятьсот баксов.

— Нет, я не рад, — невесело признался Ильин.

— У меня нет баксов, да и вообще баксы — это архаика, я тебе отдам фунтами стерлингов, — не замедлил его успокоить молодой человек, хрустнул пачкой денег в кармане и протянул кредитору десять бумажек.

— Теперь я рад. Здесь больше, — уже веселее отозвался тот, трепетно осязая пальцами купюры.

— Так ты лишнее прогуляй, все-таки не каждый день видимся, — посоветовал Сергей и поправил другу галстук.

Ильин воистину был человеком дела и повторять не заставил.

— А мне мое меню — Б-52, четыре раза подряд, пять порций блинчиков с маком и два больших «Гольша».

— Мужчина, столько переварить одному организму за раз нереально и небезопасно, — заметил Петров.

— А что реально, старина?! — резонно возразил маклер. — Поверьте мне — биржевику со стажем — вся наша жизнь мираж. Ети ее майа, от цен на нефть до поцелуя младенца.

— Поддерживаю, — согласился Сергей. — Нет ничего более нереального, чем реальность.

— Однако свой заказ подтверждаю — четыре Б-52, пять блинов, два пива, — поставил в диспуте точку Ильин. — Реально — нереально, но меня очень возбуждает сам процесс переваривания. Фрейд меня побери!

Когда бармен выставил перед друзьями вышеперечисленные заказы, Сергей поднял свою рюмку и провозгласил тост:

— Друзья! Время работает на других, и мы не работаем на время, а другие не работают ни на нас. Поэтому надо выпить!

— Выпить надо в любом случае, — согласился Андрей, но, икнув, заметил: — Отличный, ик, тост! Главное, ик, его, ик, не запомнить!

— Я точно, ик, не смогу запомнить эту чушь, — поддержал Ильин и выпил первым.

— Нет, дружище, это не чушь, это поэзия Великого Хаоса, нашей истинной родины! — сказал Сергей и выпил вторым.

— Далекой, ик, но желанной. За нее, ик, роднульку! — добавил Андрюха и выпил третьим.

Через сорок минут собутыльники начали понимать друг друга значительно лучше, но мужскую идиллию нарушило появление в баре Ольги — жены редактора.

— Ну что?! — сердито поинтересовалась она у мужа.

— Клянусь — после рабочего дня зашел выпить кофе, а тут такое несчастье — у Сержа тетка в Албании купила слона, а он на нее возьми и сядь. Так что теперь — грех не помянуть, — сообщил тот.

— Сережа, требую мужа обратно, мы с ним бабулю дома помянем, — обернулась к виновнику торжества Ольга.

— Его никто не держит, ик. Наоборот, это он нас обычно толкает к пропасти,— возразил Ильин, подтягивая к себе очередную рюмку Б-52. — Теперь же оставлять нас наедине с жизнью — просто неблагородно. Ольга, ты — как следующая ступень женской эволюции, могла бы тоже поддержать компанию.

— Нет-нет, — запротестовал Андрюха. — У меня завтра сдача номера.

— Не зли меня, — огрызнулась на Ильина Ольга. — Иначе я Миле позвоню.

— Миле не надо, она в Италии, может со злости больше денег потратить, — ответил Ильин и признался: — Просто я завидую — у одного дядьку акула съела, а к другому жена приехала.

— Мурена, — поправил его Андрюха, поднимаясь из-за стойки.

— Прощайте, сироты!

— Прощай, «тимуровец», — махнул ему вслед маклер. — Береги жену и пиши только правду.

— Я не пишу некрологи, — напоследок огрызнулся редактор.

К четырем утра силы окончательно оставили Ильина и он собрался домой.

— Пора, друг, спать, иначе завтра я буду очень плохой, — заявил он, поднимаясь со стула.

— Ты и так будешь плохой, — предупредил его Сергей.

— Нет — «плохой» и «очень плохой» — это две разные вещи, — объяснил маклер. — Когда ты просто «плохой», ты радуешься, что к вечеру опять можно стать хорошим, а когда ты «очень плохой» — ты не

хочешь к вечеру опять быть хорошим, ты вообще ничего не хочешь. А это либо признак просветления, либо диагноз.

— Именно это я и имею в виду, когда слышу — деловой разговор, — душевно согласился с ним собутыльник.

— Да! — сказал Ильин после длинной паузы, в течение которой пытался застегнуть верхнюю пуговицу на рубашке и вернуть на место приспущенный галстук. Поскольку это ему так толком и не удалось, он хлопнул на прощанье Сергея ладонью по плечу и покинул бар.

— Вот что может сделать с человеком работа не по профилю, — глядя вслед уходящему приятелю, констатировал молодой человек.

— А какой у него профиль? — спросил снулый бармен, продолжая поглядывать на экран с платным весельчаком.

— Римский, — сообщил молодой человек и тоже поднялся со стула. — А я поехал в аэропорт, там сейчас на первом этаже тоже кабельное телевидение включат.

— Всего хорошего! — попрощался с ним бармен и выложил на стойку счет. — Тут и за «день электрика».

Сергей не глядя вытащил из кармана несколько купюр и бросил их на стойку:

— Этого хватит?

Бармен быстро пересчитал деньги и сообщил:

— Хватит еще на два «дня электрика».

— Ну, теперь ничего не страшно, — пожал ему руку молодой человек, вышел на улицу и тут же свернул в соседний подъезд.

Старый лифт послушно довез Сергея до последнего этажа. Ключ оказался на прежнем месте: под металлическим порогом двери, ведущей на крышу.

Молодой человек прошелся вдоль каменного парапета до угла здания и уселся на самый край крыши, свесив вниз ноги.

Нет, само собой, он боялся высоты, но всякий раз, перебрав лишнего в «Кролике», Сергей приходил сюда и усаживался на одно и то же

место. Опасаясь прийти к печальным выводам, он сам никогда не подвергал тщательному анализу мотивы этой романтической, но вздорной привычки.

Внизу томился огнями сонный город, холодный ветер терзал рекламный транспарант над шоссе, до слуха доносились обрывки песни про робота из отечественного фантастического фильма 70-х годов.

— Нет, я не дописал роман, — вслух сказал молодой человек, вдоволь надышавшись влажным воздухом. — Это очень трудно — дописать роман. Чтобы дописать роман, нужно знать, чем он закончится, а это так грустно — знать, чем он закончится. Я просто отказываюсь это знать.

Со стороны шоссе послышался визг тормозных колодок автомобиля, и что-то разбилось.

— Похоже, у ваших отношений, товарищи, есть будущее, — беззлобно отреагировал Сергей, не имея возможности рассмотреть аварию из-за крон деревьев, скрывающих от взгляда место дорожно-транспортного происшествия.

— Да, есть будущее, — повторил он и плюнул вниз. — Будущего нет у меня.

Машина покорно ждала его у входа в бар. Как только молодой человек оказался на крыльце, водитель завел мотор, включил фары, сам вышел навстречу пассажиру и открыл перед ним заднюю дверь.

— Мило, мило, — поблагодарил Сергей, но, обойдя водителя, сам открыл себе переднюю дверь и сел на прежнее место.

— Что, домой и потом в аэропорт? — с надеждой в голосе поинтересовался водитель, разочарованный упрямством пассажира.

— Зачем домой? — не понял молодой человек.

— Ну, — неопределенно буркнул водитель. — Зубную щетку там взять, кота покормить, с родными попрощаться.

— Все так плохо?!

— Почему плохо? Если я куда-нибудь уезжаю, то с женой и дочерью прощаюсь.

— У меня нет жены, с которой надо прощаться, нет кота, которого надо кормить, вообще никого нет. Я принципиально беден и одинок. Поэтому куплю зубную щетку в аэропорту.

— А если трубу прорвет? — предоставил последний аргумент водитель.

— Да, что-то обязательно прорвет или воспламенится, — согласился молодой человек и решил: — Поехали в «Е-макс» на Пятницкой. Ключи от квартиры другу отдам.

— Это баня?

— Нет, это не баня, это интернет-клуб в доме, откуда «радионяню» передавали. Вы слушали «радионяню»?

— Бывало, — стыдливо признался водитель и тронул машину с места.

Раннее утро не предполагало большого числа посетителей — две китайские студентки, копающие недра сетевых библиотек в поисках нужного реферата или курсовой, пожилой мужчина в спортивном костюме, по первому ощущению — демократ и кляузник, отсылающий электронной почтой характеристику на сослуживца в соответствующие органы, заспанный длинноволосый юноша, копирующий из сетевого ресурса на диск какие-то непостижимо длинные формулы с не менее непостижимыми графиками. Сергей не стал задерживаться в общем зале и спустился в игровую зону. Тут народу было больше — две подростковые компании, переругиваясь, вели компьютерную перестрелку друг с другом. Молодой человек подошел к стойке администратора и разбудил спящего там парня:

— Коля, загружайся, времени нет.

— Чего-чего?! — недовольно поднял голову тот, пригляделся к посетителю и поздоровался: — Маг, ты чего? Пришел играть?

— Сорок раз говорил тебе, — дохнул на него винными парами тот, — называй меня полным именем — Магнификус, потому что это означает — «великолепный», а «маг» — хрен знает что обозначает. Понимаешь?

— Да перестань, не лютуй, — отмахнулся сонный администратор. — Какая разница, как тебя называют. Ты чемпион до следующего года. Чего хотел-то?

— Ключи от моей квартиры Горацио отдай, скажи, чтобы поглядывал. Так, раз в неделю.

— Куда глаза глядят? — спросил Коля, забирая из рук Сергея ключи и бросая их в ящик с дисками.

— Чужие глаза глядят, но «глаза» платят вперед и много, — честно признался тот. — За границу, визу за ночь обещали сделать. Дикари — одно слово. Знакомы полчаса, а уже платят.

— Значит, богатые перцы, — высказал предположение прозорливый администратор и крикнул в зал: — Э! Малолетние! Кто там курит?! Я сейчас вас поотключаю!

— Все-все! — крикнули оттуда.

— Смотрите у меня! — показал им кулак Коля и опять вернулся к беседе. — Могу угадать кто платит!

— Кто?

— Тот «сетевой» чудила, который три «лимона баксов» обещал, если ты отобьешь его химер. Ты зиккураты у леса на границе карты ставил, а потом он их снес, ты отошел вглубь материка и «нашлепал» пауков. Как его?! Чего-то — Нахтримгур.

— Нахтрагент, — поправил его молодой человек. — Нахтрагент по-немецки значит «злопамятный».

— Тогда это не он, — потянулся Коля. — Такие деньги не отдают.

— То-то и оно, — согласился Сергей и поделился внезапно возникшим соображением: — Коля, знаешь, что гарантирует успех любого общественного заведения в ближайшие сто лет? Надпись на входной двери — «круглосуточно». Люди не хотят жить днем.

Тот не оценил его откровения.

— Ну ты только подумай!!! — перегнувшись через стойку, закричал администратор. — Там опять кто-то курит! Я вас вырубаю. Собирайтесь!

— Пошел я, — попрощался с ним молодой человек и зашагал по лестнице наверх.

— Вспомнил! Не баксов, — услышал он последнее восклицание Коли, — стерлингов.

— Стерлингов, стерлингов, — напевая про себя, подошел к машине Сергей.

Невозмутимый водитель протирал салфеткой фары.

— Слушай, — подойдя к нему сзади, спросил молодой человек, — твой работодатель чем занимается?

— Мне работу дает, — уклончиво ответил тот.

— Я ему зачем? — продолжил допытываться молодой человек.

— Не знаю, — покачал головой водитель. — Нам сказали тебя до утра катать, если что охранять, а утром — в аэропорт.

— В смысле — охранять? — удивился Сергей.

— Охранять и все, — отбросил в сторону грязную салфетку водитель и начал садиться в машину.

— От кого и как? — не унимался настырный пассажир. — И почему ты говоришь во множественном числе?

— Ото всех, автоматом, — и водитель показал миниатюрный автомат, висящий у него на ремне под пальто, но поспешил оговориться:

— Все официально, у меня есть все бумаги.

— Хорошо, — тоже плюхаясь на сиденье. — А что значит — «мы». У тебя кто-то в багажнике сидит?

— Нет, за нами в полукилометре отсюда еще четыре «Краузера» и в них четырнадцать человек едут.

— Тоже с автоматами?

— Почему с автоматами? Есть и с «помпами», и с обычными стволами.

— Круто! — не сдержался от восклицания ошарашенный информацией пассажир.

— Круто! — согласился водитель. — Для тебя все наше агентство арендовали. Для нас ты очень «серьезный клиент».

— Машины тоже ваши?

— Нет, машины пять дней назад заказчики купили.

— Славная интрига, — задумался молодой человек и осторожно спросил: — А я, если что, могу вот так из машины выйти и уйти? Так, чтобы без погони?

— Хоть сейчас, — пожал плечами его собеседник и с надеждой в голосе уточнил: — В аэропорт?

— Выходит, что туда, раз «хоть сейчас», — смирился «очень серьезный клиент».

Из всех мест на земле Сергей больше всего любил международный аэропорт. В самой сути этого места было что-то неуловимо привлекательное для человека, рожденного в шестидесятых, а в семидесятых уже получившего знание об истории своей необъятной родины из школьных учебников, но сделавшего собственные выводы, бесконечно далекие от выводов учителя начальной военной подготовки.

В международном аэропорту всегда было светло и празднично, просто нескончаемый Новый год — многочисленные магазинчики, набитые блестящей мелочевкой для туристов, открытые кафе и ресторанчики с нереально приветливыми официантами и столь же нереально высокими ценами, повсюду мерцающие экраны телевизоров, тихие приветливые люди с новыми чемоданами, ну и, конечно, самое главное — этот волшебный, чарующий голос, льющийся из-под самых сводов помещения: «Начинается регистрация на рейс 264 на Ниццу, пассажиров просят пройти на регистрацию к секции номер два». Подобный голос мог принадлежать только доброй фее из старого детского кинофильма «Золушка».

Молодой человек побродил немного по первому этажу, выпил чашку двойного эспрессо и рюмку «Кальвадоса», пересчитал оставшиеся деньги. Осталось чуть более двух тысяч.

— Все это прекрасно, — подумал он. — Но нормальные люди давно бы уже ехали в сторону курортной зоны, а потом еще годик-другой жарили шашлыки для туристов. Шлепнут наверняка! Однако...

Что «однако», Сергей так и не смог интерпретировать и принялся слоняться дальше.

Ноги сами принесли его к дежурному милиционеру у эскалатора, и он невзначай поинтересовался у скучающего «гаранта правопорядка»:

— Как вы думаете, если появились случайные деньги, их лучше потратить или приберечь «на черный день»?

— Если случайные, то лучше потратить, — не раздумывая посоветовал мудрый служака. — Потому что случайные могут назад забрать или самолет не долетит. Тогда какие там деньги! Тем более случайные.

— Это гениально! — восхитился молодой человек, внутренне настраиваясь на более обстоятельную беседу.

— Я поэтому и стихи пишу, — признался милиционер, но у него зашумела рация и он быстро зашагал в сторону багажного отделения.

Следуя авторитетному совету, на втором этаже Сергей сразу посетил обменный пункт, где принял всю имеющуюся наличность, а затем зашел в ювелирный магазин. После десятиминутного ознакомления с экспозицией, он указал миленькой девушке-продавцу на массивное кольцо со столь же массивным изумрудом общей стоимостью в две тысячи фунтов. Померив его на средний палец левой руки, он небрежно хрустнул пачкой денег, расплатился и уже намеревался покинуть магазин, как вдруг у него за спиной раздался знакомый голос:

— Изящный выбор, хотя оправа грубовата, теперь необходим сапфир на мизинец, рубин на указательный и, конечно, черный бриллиант на указательный палец правой руки. Это будет правильно.

Молодой человек обернулся и обнаружил стоящего рядом улыбающегося адвоката.

— Я абсолютно с вами согласен, но пока весь гарнитур мне не по карману, — вместо приветствия ответил Сергей.

— Ничего, я расплачусь карточкой, — еще шире улыбнулся Маннбарт и повернулся к девушке: — Уверен, что все вышеперечисленное мной у вас в магазине имеется.

Девушка явно имела устойчивый иммунитет к обаянию транзитных нуворишей, поэтому в ее голосе было больше деловых ноток, чем торгового кокетства.

— Всего, может быть, и нет, но через двадцать минут будет, — сообщила она и уточнила: — Какой крупный?

— Черный? — так же ласково переспросил адвокат.

— Черный, красный и синий, — деликатно сообщила она.

— Сергей, покажите руки девушке, — попросил Герман.

Молодой человек послушно вытянул вперед обе руки.

— С ноготь каждого пальца, для которого предназначены камни, — сказал адвокат.

Продавец взглянула на отнюдь не идеальные в плане гигиены ногти Сергея и согласно кивнула.

— Благодарю вас, — сделал полупоклон Маннбарт. — До нашего рейса ровно час. Мы будем в кафе рядом. Кстати, закажите что-нибудь себе.

— Не стоит, — попробовала отказаться девушка.

— Понимание — одна из самых дорогих вещей на свете. Считайте, что в некотором смысле я даже сэкономил на вас, — снова пустил в ход улыбку адвокат. Девушка на этот раз не удержалась и улыбнулась ему в ответ.

— Герман, это из моих трех миллионов? — выходя из магазина, ненавязчиво уточнил Сергей.

Адвокат удивленно вскинул брови:

— Нет, но признаюсь, что вы крайне наблюдательны. О чем еще мечтает человек вашего склада и положения?

— Склад у меня действительно мечтательный, а положение, очевидно, неопределенное, — нахально заявил молодой человек. — Посему меня бы несказанно взбодрили породистые золотые часы и мобильный телефон в платиновом корпусе. К слову, эти невинные безделушки я видел вон там, — и он указал на горящие витрины магазинов в другом конце зала.

— И то и другое в вашем положении абсолютно бесполезные вещи, но моя миссия — сделать наш вояж максимально комфортным. Поэтому вперед, на встречу с вашими провинциальными грезами, — глазом не моргнув, столь же велеречиво согласился Маннбарт и добавил: — Стыдно признаться, но я бессовестно обманул вашего работодателя. Меня зовут не Герман, а Торгрим. Ничего не поделаешь — с детства стеснялся настоящего имени.

— Еще вопрос, — обратился к нему молодой человек. — Если у вас, гер Торгрим, в жизни все так просто, то почему мы не в VIP-зоне?

— В моей жизни действительно все очень просто, но в окружающей меня жизни все немного сложнее, — двигаясь по направлению к указанным магазинам, ответил тот, но тут же объяснил: — В VIP-зону не пустят четырнадцать человек охраны с боевыми единицами на руках. Зайдем туда к концу регистрации.

— Вон оно как! — ехидно улыбнулся Сергей.

— А вы как думали? — не менее ехидно подмигнул ему адвокат.

Уже через двадцать минут попутчики сидели в кафе рядом со знакомым ювелирным магазином и пили чай. Сергей попутно разглядывал свежеприобретенный прибор фирмы «Потек Филипп» и желанный телефонный аппарат. Вдоволь наигравшись, он обратился к спутнику:

— Я понимаю, что все вы мне рассказать не можете, так же я понимаю, что вся необходимая мебель у вас есть, ответьте мне пока на два вопроса: куда мы летим и что нам угрожает?

— Летим мы в Ниццу, и пока нам ничего не угрожает. Так, перестраховка, — ответил Торгрим.

— В Ниццу! — восхитился молодой человек. — Ницца — город моих снов.

— Вам еще не снились настоящие сны, — обнадежил его собеседник и хотел к этому добавить еще что-то, но показавшаяся из магазина девушка сделала приглашающий жест, и он предложил спутнику: — Пойдемте оценим вкус нашей трепетной наяды.

В магазине помимо уже знакомого продавца наличествовали еще двое пожилых мужчин и охранник. Перед одним из мужчин на прилавке было разложено темно-бордовое сукно с горстью ювелирных изделий.

— Померьте, — предложил Сергею адвокат, указывая на украшения и мало обращая внимания на присутствующих.

Молодой человек не заставил себя ждать и быстро унизал пальцы искрящимися кольцами в соответствии с ранее оговоренной последовательностью.

— Ну как, не жмут? — участливо поинтересовался Торгрим.

— Я потерплю, если что, — разглядывая свои руки, ответил Сергей.

— Это будет стоить четыреста тридцать тысяч долларов, — подал голос один из новоприбывших пожилых господ.

— Удивительно! Четыреста тридцать — это пароль моей электронной почты, — заявил адвокат, протянул говорившему кредитную карточку и обратился к девушке: — Можно полюбопытствовать, что вы выбрали себе?

Та смущенно показала на небольшой медальон в форме золотого дельфина с двумя микроскопическими бриллиантами.

— Клянусь, я выбрал бы себе то же самое, — улыбнулся Маннбарт, но тут же посерьезнел и ткнул в кольцо с овальным изумрудом под стеклом на витрине: — Посчитайте и это. Иначе вас не поймут сослуживцы.

— Четыреста тридцать две тысячи, — снова подал голос пожилой гость.

— Еще удивительней! — засмеялся адвокат. — А это номер моего паспорта.

— Правда? — не удержался от вопроса окончательно запутавшийся в ситуации неопытный спутник.

Торгрим молча извлек из кармана свой паспорт, раскрыл его и показал на номер сверху.

— Действительно, четыреста тридцать два! — прочитал вслух номер молодой человек.

LOADING...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Боюсь летать! — признался Сергей своему спутнику, устраиваясь в кресле у иллюминатора.

— Не проблема, — успокоил его тот.

— Кто такой Нахтрагент? — спросил молодой человек, невольно время от времени продолжая разглядывать украшения на своих руках.

— Я, — спокойно признался Торгрим.

— Значит, у вас и фамилия другая?

— Признаться, Маннбарт — это фамилия моего близкого родственника, но я решил пока пользоваться ею, потому что кроме вас мою настоящую фамилию еще никто нормально здесь не выговорил. А казалось бы, чего проще — Нахтрагент! Скромно и понятно.

— Я бы еще добавил — изящно. Вы очень многоликий адвокат. Короче, это ты мне обещал три миллиона?

— Короче, можно так сказать, что я или, если быть совсем точным, — через меня.

— Тогда зачем мы куда-то летим? Отдали бы мне деньги и все?!

— Поймите, я только адвокат, я только представляю интересы своего клиента.

— Это опять про мебель?

— Да, будем пока придерживаться официальной версии.

— Ладно, — отчаявшись что-либо выведать у своего странного спутника, откинул голову назад молодой человек.

Самолет качнуло, за иллюминатором потянулась череда огней взлетной полосы.

— Я боюсь летать, я очень боюсь летать, у меня может сердце не выдержать, — опять пожаловался соседу Сергей.

— Не бойтесь, — улыбнулся Торгрим, протянул руку к голове молодого человека и легко нажал большим пальцем на какую-то точку за ухом попутчика.

Последнее, что запомнил Сергей, было участливое лицо бортпроводницы, укутывающей его ноги в полосатый плед.

Его разбудил толчок, вызванный касанием шасси самолета взлетной полосы.

— Мы прилетели, — поспешил сообщить адвокат и показал на иллюминатор, за которым активно светлело.

— Слава Богу! — потянулся со сна Сергей.

Пассажиры начали выстраиваться в проходе, бортпроводница щедро одаривала каждого улыбкой и неким ободряющим пожеланием, правда, только по-французски.

— Что она говорит? — спросил Сергей у своего спутника.

— Общий смысл — не советует задерживаться, — растолковал Маннбарт и, в свою очередь, сам что-то сказал девушке и протянул визитку, отчего та зарделась, невинно скосила глазки в сторону и сунула предложенную карточку в кармашек униформы.

— А ты что сказал?

— Общий смысл — все зависит от вас.

— А не общий?

— Это личное.

— Дорого?

— Как все во Франции — все дорого, но все доступно.

— Одно слово — свободная страна! — констатировал молодой человек, вышел на трап и с удовольствием полной грудью вдохнул свежий воздух.

— Два слова, — поправил его Торгрим.

У трапа их уже ждал бронированный лимузин и два черных джипа сопровождения.

— Все-таки мы кого-то боимся, — подметил Сергей, садясь в машину.

— Это обычай. Французы патологически гостеприимны, — хмыкнул Торгрим.

— Обычай, наверное, как все во Франции, — дорогой, но доступный?

— Увы! Страна с такой пышной историей должна знать себе цену.

Кортеж тронулся с места, беспрепятственно миновал пост охраны на въезде и помчался по широкому шоссе в сторону разливающейся на востоке зари.

— Будем жить в отеле? — заинтересовался молодой человек, разглядывая мелькающие за окном дорожные указатели на французском.

— Нет, у нас недалеко отсюда есть приличный дом, — спокойно ответил ему Торгрим. — Кстати, там нас уже ждет портной. Он подгонит под вас гардероб.

— Чужой чей-то гардероб?

— Почему же чужой. Ваш. Но кое-какие поправки нужно внести.

— Я начинаю привыкать ко всей этой истории, — признался Сергей. — Не могу точно определить — нравится она мне или нет, но в любом случае она интереснее всех предыдущих.

— Гораздо интереснее, — кивнул адвокат. — Жизнь Магнификуса Второго — это сплошное приключение.

— Кто такой Магнификус Второй?

— Вы, мой друг.

— Почему второй?

— Потому что первый умер.

— Давайте угадаю — умер насильственной, мучительной смертью?

— Его убил предатель.

— Значит, мы все-таки относимся к хорошим, у нас есть противники — плохие, меня не распилят на запасные части для больных богатых дядек, я очень важная особа и, само собой, — за мной идет нешуточная охота?

— Совершенно верно! — еще раз кивнул его спутник.

— Может быть, вы мне расскажете все в прямой последовательности, а то как-то неловко чувствовать себя дураком, — попросил молодой человек.

— Пока это нецелесообразно, тем более я сам всего не знаю, — мягко отказался Маннбарт и предложил: — Почему бы вам просто не расслабиться и не получить максимальное удовольствие?

— Я не очень представляю, что такое максимальное удовольствие, — вздохнул Сергей. — Последние пять лет, стыдно сказать, но я получал удовольствие только от компьютерных игрушек, «Кальвадоса» и ежемесячной перестановки мебели в квартире.

— Зачем так часто?

— Поиск себя в пространстве. У меня есть дурная манера — стараюсь сделать еще лучше, поэтому ничего не доделываю до конца. В детстве на одном празднике я очень захотел в туалет, а когда вернулся, Дед Мороз уже все подарки раздал. Остались только два зеленых воздушных шарика. Я их на улицу вынес, но они от холода сдулись.

— Ну и что? — не понял адвокат.

— На другом празднике, через год, я опять захотел в туалет, но терпел, пока в штаны не навалил, а Дед Мороз подарки в машине брата забыл. Так началось мое падение в бездну.

— Очень поучительно. Извините, — Торгрим снял с инкрустированной деревом панели перед собой телефонную трубку, что-то сказал по-немецки, потом повернулся к молодому человеку и указал в окно: — Магнификусхолл.

— Типа — мой домишко? — спросил тот.

— Именно, — подтвердил Маннбарт.

Размеры как самого здания, так и прилегающих к нему территорий ошеломили новоиспеченного домовладельца. Дом, внешне напоминающий старинную английскую усадьбу, находился в нескольких

десятках метров от моря. Ландшафт вокруг дома был выполнен в псевдояпонском стиле — аккуратные брусчатые дорожки вились вокруг бесконечных композиций, сложенных из массивных валунов. Все это окружал сложенный из тех же валунов забор, оплетенный плющом. По дорожкам неторопливо расхаживали крепкие молодые люди в хороших костюмах, придерживая нервных доберманов на длинных поводках.

— Что ж, миленько, — огляделся по сторонам Сергей и спросил: — Но почему ни одного дерева?

— Стратегически неверно, — невнятно объяснил адвокат и жестом пригласил к дому.

Внутри, как и ожидалось, дизайнеры постарались не меньше — огромный холл с закопченным камином и столь же огромным столом, заблаговременно сервированным. Из холла наверх поднималась мраморная лестница, устланная бордовым ковром. Массивные дубовые двери украшали кованые узоры с изображением мифических чудовищ и неизвестных символов.

— Тоже симпатично, — кивнул молодой человек, но добавил: — Я бы заменил ковер на бежевый.

— Утром так и будет, — послушно согласился Маннбарт.

— А что за транспарант? — ткнул пальцем в алое полотнище над камином новый домовладелец. На полотнище красовалось изображение дракона, сжимающего в лапах кованую цифру четырнадцать.

— Четырнадцатый принцип, — торжественно сообщил адвокат, — ваш герб.

— Величественно, — буркнул Сергей, уже начинающий уставать от обилия впечатлений.

— Наверное, вы хотели бы принять ванну и переодеться? — деликатно поинтересовался Торгрим.

— И поспать, — разделил его мнение молодой человек.

— Нет проблем, но еще десять минут на портного, — согласился адвокат. — Я же пока, с вашего разрешения, удалюсь ненадолго.

— Валяйте, — махнула рукой жертва неожиданной роскошной жизни.

Десять минут затянулись на добрых сорок. Беспрерывно что-то бормочущий по-французски пожилой господин сто раз обмерил молодого человека с ног до головы, попутно записывая полученные данные в блокнот. Когда модельная экзекуция закончилась, молчаливый дворецкий препроводил Сергея в его апартаменты, где тот, на ходу сбросив ботинки, рухнул на огромную кровать с балдахином над ней.

— С «Кальвадосом» стоит вести себя дипломатичней — уже засыпая, пробормотал молодой человек, рассчитывая проснуться дома в Москве.

Но пробудившись, он обнаружил, что злоупотребление спиртным здесь ни при чем. Все осталось тем же — кровать, балдахин над ней и прочие атрибуты новой жизни.

Сергей посмотрел на свои руки — кольца тоже были на месте.

Устало вздохнув, он стянул украшения с рук и положил на резной столик у кровати. Потом встал и подошел к окну. За ним в лучах заходящего солнца переливалась бескрайняя морская даль.

— Мы будем жить в большом доме у моря, вечерами пить зеленый чай на веранде и смотреть в телескоп на созвездие Стрельца, — вспомнил он слова милой девушки с гигантскими карими глазами, обещавшей ему научиться готовить лазанью и родить троих детей, но спустя несколько дней сбежавшей от него с уже женатым владельцем универсального магазина.

— Бывает и такое! — сам себе прошептал молодой человек и пошел искать ванную комнату, на ходу прихватив из вазы со столика

желтое яблоко. Ванная комната оказалась за ближайшей дверью. Мало того, неведомый благодетель успел развесить на вешалке у зеркала отутюженный костюм, другие полагающиеся детали туалета, включая нижнее белье, и выставив целую галерею пузырьков с мужскими одеколонами.

Приведя себя в подобающий вид, Сергей пошел бродить по дому. Торгрима он обнаружил в холле у пылающего камина с мандолиной в руках. Адвокат мастерски владел инструментом. Он играл что-то похожее на средневековую балладу.

— Браво, — присаживаясь рядом с ним в кресло, похвалил молодой человек.

— И у адвокатов бывают слабости, — улыбнулся тот.

— Где вы этому научились?

— Это обычный для моего народа инструмент, гораздо привычнее гитары, — ответил тот.

— Что за народ? — беря со стола графин с вином, уточнил Сергей.

— Гномы, — просто ответил адвокат.

— Ах, гномы! — понимающе вздохнул молодой человек. — Я так и предполагал. Как же гномы и без инструмента?! Ни один уважающий себя гном на улицу без инструмента не выходит.

— Напрасно утрируете, — спокойно усовестил его Маннбарт, — Не у всех гномов есть музыкальный слух. Кстати, кольца вы напрасно сняли.

— Мне надоело звенеть, я наигрался, и, признаться, мне больше нравится «восьмиднев» «Оберхарта», а не «Потек Филип». Алчность подвела, — налил себе из графина в бокал вина Сергей и сделал глоток. — Хорошее «порто». Минимум сорок лет.

— Совершенно верно, но кольца придется опять надеть, причем немедленно, — продолжал настаивать адвокат, откладывая в сторону домру. — Вы должны их иметь на руках. В том же комплекте. Я так радовался, когда вы сами нашли эту комбинацию. Ваш предшественник оценил бы по достоинству такой выбор.

— Расскажите мне о нем, — попросил Сергей.

— Только если вы наденете кольца, — категорично заявил Торгрим.

— Надену, надену, — недовольно крякнул молодой человек, поднялся с кресла и пошел наверх в свою спальню.

Когда он вернулся обратно, адвокат стоял посреди холла в окружении четырех охранников и что-то им энергично втолковывал. При появлении гостя адвокат жестом приказал охранникам разойтись и шагнул навстречу Сергею.

— Я надел все колечки, часы с каменьями и взял золотой телефон. А где мандолина? — показал тот руки.

— Боюсь, что с музыкой придется повременить,— сообщил гном. — Нам предстоит очень беспокойная ночь.

— Кто-то сюда приедет? — еще не проникшись серьезностью интонаций в голосе Маннбарта, спросил его молодой человек.

— Уже приехал, — серьезно ответил тот. — Шесть человек охраны исчезли совсем, у двух исчезли головы, подземный ход завален, вертолет выведен из строя.

— Головы?! — не понял Сергей.

— Да, скорее всего он отрубил их.

— Он — это кто?

— Слаанеш.

— А Слаанеш — это кто? И чего он хочет?

— Слаанеш — это плохой, и он хочет вашего немедленного уничтожения.

— Плохие новости. Но зачем?

— Потому что вы — Магнификус — потенциальный обладатель четырнадцатого принципа.

— Не понимаю.

— Пока и не нужно, — взмахнул рукой Торгрим и протянул молодому человеку пухлое портмоне. — Здесь кредитные карточки, код для всех — четыре семерки, документы и визитная карточка одного хоро-

шего человека, на ней же ваш счет в банке и название самого банка. А теперь бегите вон в ту дверь, через кухню, потом к морю, — он указал на боковую дверь. — Переплывите заграждения и бегите дальше.

— Здесь весело, — пряча портмоне в нагрудный карман, сказал Сергей.

— С вами не соскучишься, — подтолкнул его к двери адвокат и крикнул напоследок в спину: — Не снимайте кольца. Пока кольца на руках. Слаанеш вас не видит. Вашего лица не знает. Позвоните по номеру на визитке. Быстрее.

События последних двух дней убедили молодого человека, что может случиться все что угодно. Вариант закончить жизнь именно сейчас его не прельщал. Поэтому он послушно старался выполнить все рекомендации Маннбарта, а именно — он пробежал через кухню и оказался с другой стороны дома. Там, пригибаясь, он побежал вдоль забора к морю. По дороге ему пришлось перепрыгнуть через разрубленное пополам тело собаки и еще что-то, очень напоминающее алый футбольный мяч. Это настроило его еще серьезней. С ходу он бросился в море и поплыл мимо проволочных ограждений. Когда ограждения закончились, беглец поплыл обратно к берегу. Задыхаясь, выбрался на берег и побежал дальше. Только у деревянной смотровой вышки пляжного надзора он позволил себе перевести дыхание и оглянуться назад. Вдали, во дворе дома раздавались характерные хлопки одиноких выстрелов и стрекотание автоматов. После секундного размышления полез по шаткой лестнице вверх. Там он обнаружил доверчиво сложенный набор спасателя, включая простенький бинокль. Беглец взял его, приложил к глазам и направил на дом. Первое, что он разглядел, был один из охранников дома, тот с обеих рук стрелял из массивных револьверов в сторону ворот. Сергей перевел объектив туда и увидел сползающего по стене мужчину в пятнистой униформе с базукой в руках. Он снова перевел объектив на охранника, но того уже не было, на месте, где он находился, стояла изящная девушка в облегающем костюме и с окровавленным мечом вар-

варской формы. Неожиданно у ее ног взметнулись фонтанчики песка. Девушка ловко отпрыгнула назад. Молодой человек сдвинул объектив в сторону и обнаружил источник ее неприятностей — самонаводящийся пулемет разворотило взрывом. Сергей посмотрел в сторону ворот. Там перезаряжал базуку один из нападавших в униформе. Перезарядить он ее не успел, потому что его грудь пробила автоматная очередь. Стрелял Торгрим. Гном стоял на пороге дома с автоматом в одной руке и огромным топором в другой. К нему приближалась девушка с мечом. Торгрим нехорошо улыбнулся, отбросил в сторону автомат и положил на рукоять топора вторую руку. Девушка прыжком преодолела расстояние, разделявшее их, и напала на адвоката. Тот легко взмахнул своим причудливым оружием, и мощный удар отбросил нападавшую через всю лужайку к воротам. Бездыханная, она упала к ногам высокого мужчины в холщовом плаще со свисающим сзади капюшоном. Мужчина равнодушно перешагнул через тело и неторопливо направился к адвокату. Сзади к нему подбежала еще одна девушка, точная копия первой и подала широкий двуручный меч с волнообразным лезвием. Мужчина одной рукой принял его и сделал им круговое движение над головой. Торгрим в точности повторил такое же движение топором. Когда они сблизились на расстояние удара, между ними произошла какая-то заминка. Пришелец что-то спросил адвоката, тот ему что-то ответил, и только после этого пришелец нанес первый удар. Отраженный топором Маннбарта, меч противника перерубил одну из каменных колонн крыльца. Адвокат взмахнул топором, но пришелец ловко перевел удар, и лезвие топора пробило стену дома. В то же мгновение пришелец перехватил свой меч другой рукой и нанес колющий удар в грудь адвоката. Торгрим умер не сразу. Он взялся левой рукой за лезвие меча противника, с усилием вытащил его из своей груди и только после этого рухнул назад. Дальше произошло совсем странное — тело адвоката просто растворилось в воздухе, так и не успев коснуться земли. Сергей готов был поклясться, что он видел, как душа Торгрима призрачным силуэтом взлетает над крыльцом и исчезает под сводами крыльца. Но пришельца этот факт, кажется, не удивил. Он отдал свой меч девушке и вошел в дом. Девушка на-

чала бережно оборачивать оружие тканью и отчего-то взглянула в сторону вышки, откуда молодой человек вел наблюдение за происходящим на крыльце. Сергею показалось, что их взгляды встретились. Он одновременно поразился совершенной красотой этой варварки и до смерти перепугался, что она его заметила.

— Нет, на сегодня более чем..., бинокль мог дать блик, явно не человек..., при их скоростях... — бессвязно бормоча себе под нос, он спрыгнул с вышки на песок и помчался прочь в сторону зеленеющего на откосе кустарника.

Сколько он бежал — неизвестно, но остановился только через два часа неподалеку от стройки на окраине неизвестного города. Впрочем, то, что это город, а не поселок, Сергей не мог определить доподлинно, потому что тут же залез в контейнер со строительным мусором и потерял сознание.

Сознание пришло к молодому человеку вместе со звонком его мобильного телефона. Сергея приятно порадовало, что, несмотря на импровизированное купание, дорогая игрушка по-прежнему работает, однако, и отвечать на звонок он не торопился. События последнего времени убедили его в необходимости определенного рода осторожности, поэтому он не нашел ничего лучшего, как просто отключить телефон.

— Третий раз за рубежом и такие беспокойства, проклятый мир наживы и чистогана. Нужно оглядеться, нужно подумать, крепко подумать, — сам для себя принял решение молодой человек, вылез из мусорного контейнера и взглянул на часы. Они, на счастье, тоже работали и показывали половину девятого утра.

Очевидность такова — это утро и, судя по надписям, это та же Франция. Одежда мокрая, он провалялся без сознания невесть сколько. Сознание молодой человек терял впервые в жизни, и ему не понравилось.

Сергей продолжил свои сумбурные размышления, неторопливо удаляясь от контейнера и стройки в сторону, а значит, опять к морю.

— Идти в полицию? — задал он сам себе вопрос и сам на него ответил: — Это всегда успеется. Там вариант развития простенький — меня забирают для выяснения личности, минут через сорок, а может и раньше, приедет этот недружелюбный типчик и его подружки, склонные к членовредительству, располосуют и меня, и полицию в стружку и... Нет, в полицию никогда не поздно. Можно попробовать цивилизованно. Что есть? — молодой человек достал бумажник и начал перебирать кредитные карты. Нашел визитку, выданную ему Нахтрагентом перед бегством из дома. На ней по-английски было написано что-то вроде имени Август, два телефона, название неизвестного банка по-немецки и длинный ряд цифр. Еще были паспорт и деньги — около десяти симпатичных влажных листов по пятьдесят евро.

Так, на ходу продолжая моделировать свои возможные поступки и сушить купюры, Сергей вышел на пляж. Там он тут же наткнулся на мирно спящую на расстеленном пледе парочку молодых людей. Это его немного успокоило. Молодые люди на бродяг не походили, скорее всего, что-то романтическое. Значит, уровень неуправляемой преступности здесь невысок и есть надежда на спасение. Значит..., значит...

Через двадцать минут ходьбы молодой человек подошел к пристани с пришвартованными к ней яхтами. Неподалеку впереди показались очертания трехэтажных зданий. Еще десять минут движения вплотную приблизили злосчастного к дверям ресторана. Ресторан пока не работал, но сразу за ним Сергей обнаружил открытый магазин спортивной одежды. Пришлось импровизировать. Молодой человек заглянул внутрь и тут же натолкнулся на неприветливое лицо пожилой француженки. Та ему что-то сказала скороговоркой, по общему смыслу — пока закрыты и когда откроемся тогда и откроемся. Спорить он не решился, но все-таки, пятясь назад, на ломанном английском пробормотал себе в оправдание, типа: «Сори, ай дипломат, фуршет, пати, водка, шампанское, герлс, найт, презент», — и протянул одну из высушенных полусотенных купюр.

Купюра настроила женщину на приветливый лад. Она еще что-то прожурчала на родном языке, пропуская странного визитера внутрь.

— Уелл, — оценил ассортимент тот. В этом магазине продавали одежду и снаряжение для любителей подводного плавания. Правда, ему повезло — кроме дорогущих ласт и маски, ему еще удалось купить шлепанцы, шорты и футболку с изображением большого листа конопли на спине. Общая стоимость составила солидную сумму, за которую, в лучшие времена, можно было бы позволить приобрести хорошую надувную лодку с мотором. Зато француженка милостиво разрешила беглецу переодеться в примерочной, а его еще влажную одежду сложила в огромный синий пакет. Сергей взял его, вышел из магазина и двинулся дальше. Вскоре он оказался на небольшой площади и опытным глазом тут же «вычислил» стоящее такси. Сам таксист, прислонясь к капоту автомобиля, читал газету.

— Центр, — пытаясь придать своему голосу убедительную интонацию, попросил он таксиста.

Тот лениво включил счетчик, и они поехали. Всю дорогу таксист косился на кольца, унизывающие пальцы молодого человека, и это немного смущало.

— Круазет, — наконец показал на широкую набережную водитель.

— Уелл, — не стал особо выдумывать новые определения своих чувств пассажир, рассчитался с таксистом и вышел на набережную.

— Опять вода и французы, — сказал сам себе Сергей и добавил: — Сто, чего угодно, но не менее сорока.

Означало это только одно — хотелось освежить голову. Благо небольшой ресторанчик, в котором уже сидели первые посетители, находился неподалеку. Никого из обслуживающего персонала не смутил спортивный вид посетителя, и тому удалось быстро заказать жестом две рюмки «Столичной» и салат «Цезарь». Он здраво предполагал, что это меню звучит на всех языках одинаково. «Живая вода» тут же внесла необходимую коррекцию в строй мыслей беглеца, и он взглянул на ситуацию значительно проще.

— Продавщица могла, так, для себя, позвонить в полицию и рассказать о нем, таксисту тоже скрывать особенно нечего. Плюс — кольца. Полиция — это выяснение личности, а далее как обычно... В живых

остаться маловероятно. По всему выходило — надо путать след и выиграть время хотя бы еще на две по «сто» и кусок бифштекса.

Он рассчитался и пошел по перпендикулярной набережной улице вглубь района. По дороге ему попался банкомат. Молодой человек наугад вытянул одну из кредитных карт, сунул в приемное отверстие и набрал указанный предусмотрительным адвокатом код. Машина обогащения не сопротивлялась и легко выдала ему тысячу. Сергей значительно повеселел и побрел дальше.

Город постепенно оживал, машин и людей становилось больше. Это и вовсе обнадеживало. Вскоре ему удалось набрести на работающий магазин одежды, где он немедленно сменил имидж спортсмена на менее привлекательный — молодежно-туристический. А в первой же подворотне синий пакет вместе с ластами и маской полетел в мусорный бак. Стало еще веселее. Следующие два часа он посещал небольшие ресторанчики и «обрабатывал» банкоматы. Благо в этом городе их было предостаточно. Насытившись и упрочив наличный капитал на пять тысяч евро, молодой человек еще раз взял такси, покрутился на нем по городу, рукой указывая водителю маршрут. У какого-то музея он вышел и опять пошел дворами неизвестно куда. Так ему удалось продержаться до полудня. Очень мешали кольца, но, памятуя о предупреждении мудрого Торгрима, снять он их так и не решился, приходилось все время держать руки в карманах. Наконец дорога его вывела к какой-то гостинице.

— Пора рискнуть! — сказал он себе, вошел в фойе и подошел к стойке администратора. За ней грустил субтильный юноша.

— Сори, — вкладывая в свою речь все доступное обаяние, произнес Сергей. — Ай рашн бизнесмен. Вояж, конферейшн. Надо транскрипшен.

Субтильное существо понятливо тряхнуло шевелюрой, на несколько секунд исчезло из-за стойки и вскоре появилось в сопровождении упитанной девицы в очках.

— Здравствуйте, — сказала она, и молодой человек понял, что это лучшее мгновение сегодняшнего дня.

— Вы говорите… — начал он, но девушка не дала продолжить и закончила сама: — Лучше вас, чего хотели?

— Фуагра, три мушкетера, Джо Дассен, — пронеслось в голове Сергея, но он не стал это озвучивать и, в соответствии с принятыми здесь традициями, сухо сообщил: — Мне нужен «люкс» на неделю, сейчас обед в номер, а через час экскурсовода мужчину и хорошую машину. Надо съездить проверить, что там с моей яхтой.

В соответствии с теми же вышеупомянутыми традициями девушка моментально расплылась в улыбке и ласково уточнила:

— Рассчитываться будете картой или наличными?

— Как скажете, — ответил он.

— Одну секунду, — еще приветливей улыбнулась девушка, — Ваш паспорт, пожалуйста.

Молодой человек протянул ей еще влажный документ и пояснил:

— Бухой из яхты выпал.

— Я так скучаю по родине, — трепетно призналась девушка. — Меня зовут Оля. Я сама из Саратова, учусь в Париже, а здесь летом зарабатываю на учебу.

— Мое имя в паспорте, я единственный ребенок большого человека из правительства, а экскурсоводов пусть будет три, я из них выберу сам, — звякнул кольцами молодой человек.

— Как вам Франция? — участливо поинтересовалась русскоязычная студентка, протягивая назад паспорт и ключ от номера.

— Говно, — с удовольствием позволил себе правду Сергей и пошел к лифту.

— Что хотели бы на обед? — то ли не поняла, то ли приняла сказанное за разухабистую русскую шутку девушка.

— Бутылку водки, полкило жареного мяса, соленых огурцов и хлеба, — ответил он, внутренне осознавая, что, может быть, и переборщил с характеристикой родины Бодлера.

Номер действительно оказался «люкс» — две ванные комнаты, огромный телевизор в холле, большая кровать и широкая веранда с расставленными там шезлонгами и столом.

Стол сервировали ровно через пятнадцать минут, экскурсоводы-переводчики выстроились перед столом через двадцать.

Первый ему просто не понравился — он был точной копией Петра Алексеевича.

Второй знал по-русски только «На здоровье!»

Сергей и тому и другому дал по пятьдесят евро, и они удовлетворенно удалились.

Третий оказался что надо. Его звали Саша, он раньше служил в «Иностранном легионе», был женат на бельгийке, имел двух детей и не отказался от предложенной рюмки.

— Александр, — наконец позволил себе человеческий разговор молодой человек, — мы в каком городе находимся?

Вопрос переводчика не удивил, он закусил выпитое огурцом и спокойно ответил:

— В городе Канны. Франция.

— Нет, что Франция — понятно сразу, приветливый народец, — кивнул Сергей, наливая по новой. — Машину заказали?

— А какую надо? — спросил экскурсовод, — Куда едем?

— В банк.

— Мне нельзя, у меня дети.

— Ты не понял, проблем с полицией нет, я хулиганов боюсь.

— Хулиганов не будет, — твердо заверил его переводчик, и молодой человек ему поверил.

— Тогда план такой: надо купить одежду, очень хорошую одежду, нанять двух телохранителей, кого угодно, но только не французов, и арендовать бронированную машину. Ты же хочешь меня спросить?

— Хочу, — признался экскурсовод.

— Я миллионер, но я хочу отдохнуть, еле сбежал от компаньонов. Бизнес легальный, — соврал Сергей, невольно наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Телохранители для «фасону» или как? — напоследок уточнил Саша, поднимаясь из-за стола.

— Бери и видимое, и действительное, — решил молодой человек. — Все бери!

Когда нанятый экскурсовод покинул номер, Сергей достал телефон и включил его. Что-то подсказывало беглецу, что не стоит пренебрегать инструкциями покойного адвоката.

Однако не успел он набрать номер, как телефон зазвонил сам.

— Алло! — рефлекторно ответил молодой человек.

— Молчи и слушай, — раздался на другом конце провода чей-то очень убедительный баритон. — Я не буду тебя трогать два дня. У тебя много денег. Уезжай домой. Так хорошо. Очень хорошо.

— Это кто говорит? — растерялся Сергей.

— Я Слаанеш. Два дня, — и на другом конце провода раздались гудки.

Хмель как рукой сняло. Тут же вспомнились и агрессивные девицы с саблями, и человек с базукой, и парящая водянистая субстанция над исчезающим телом Торгрима.

— Если честно, — наконец взял себя в руки молодой человек, срочно отключая телефон, — для такой страны и два дня чересчур. Надо заказать билет на утро.

Саша, как и обещал, вернулся ровно через час в сопровождении огромного негра и миниатюрного китайца.

— Это Доменик, — показал он на негра. — Это Ну. Вообще-то его зовут по-другому, но там три слова. Выговорить нереально. Лучше — Ну.

— Ну, поехали?! — предложил уже успевший принять ванну Сергей. Охранники кивнули, Ну кивнул дважды.

— Лучший магазин в квартале отсюда, — сообщил Саша.

— Вперед, — приказал молодой человек и первым покинул номер.

В холле из-за стойки им помахала вслед «многоликая» Ольга. Сергей помахал ей в ответ, все остальные на всякий случай тоже. Доменик, кажется, даже подмигнул.

Покупки сделали стремительно, продавцы заметались по магазину, предлагая костюм за костюмом. Когда, наконец, определились с костюмом, Сергей уже мало чего соображал и вместо наличных предложил карточку. Это не вызвало ни у продавцов, ни у хозяина бутика никаких возражений. Молодому человеку вскоре дали чек, он расписался и с величайшим облегчением покинул магазин.

— Как я выгляжу? — спросил он у экскурсовода, садясь в машину.

— Очень солидно. Так здесь одеваются только самые богатые люди, — ответил тот.

— Тогда это мне подходит, — улыбнулся молодой человек. — Теперь в надежный банк с многовековой историей. Желательно без обеденных перерывов.

До банка они добирались тоже недолго. Канны оказались небольшим городом.

— Мадемуазель, — обратился к служащей, естественно, через переводчика, Сергей, — признаюсь, я полный дилетант в банковском деле, но на мой счет должны были перевести некие суммы. Вот телефон моего персонального менеджера и паспорт. Если это возможно, я щедро оплачу услуги, — он выложил перед миловидным менеджером визитку и паспорт.

Девушка что-то сказала Саше, взяла документы и удалилась.

— Что?! — не понял Сергей.

— Пошла выяснять, — объяснил тот. — Сказала, что все возможно и у нас есть около часа.

— Этот город умеет тратить время и деньги, — вздохнул молодой человек.

— Да, — согласился экскурсовод, — любит, сволочь.

Менеджер не появлялась больше часа. Но когда она вернулась, то сообщенная ею информация с лихвой окупила моральный ущерб.

— Нет, другие деньги не поступили, на вашем счету по-прежнему та же сумма, — вернула она визитку.

— Какая? — деловито вскинул бровь клиент.

— Семьдесят миллионов фунтов, — бесстрастно отчиталась менеджер.

— Жаль, — еле сдерживаясь от нервного смеха, посетовал Сергей и полез в портмоне.

Девушка что-то сказала.

— Не надо, ей уже заплатил ваш персональный менеджер, — перевел Саша и добавил: — Она просит, чтобы вы включили свой мобильный телефон.

— Можно, — подумав, решил Сергей, достал телефон и нажал на нужную клавишу.

Звонок не заставил себя ждать.

— Сейчас эта девушка проведет вас в отделение персональных ячеек, идите за ней. Быстрее идите. Так мы выиграем время. Слаанеш где-то рядом, — раздался строгий мужской голос на другом конце провода.

— Постойте, у меня с ним договор, что он мне дает два дня, — попытался возразить молодой человек.

— Не смешите меня. Бегом вниз. Девушка знает, — приказал голос.

— Вот что, ребята, — обратился Сергей к своим охранникам, — подождите в машине, а я тут должен сходить к управляющему.

И он направился за уже ожидающей его девушкой. Недоуменно пожав плечами, Саша, Ну и Доменик пошли к выходу из банка.

Проведя картой-ключом перед инфракрасным датчиком, менеджер провела Сергея за тяжелую металлическую дверь, стилизованную под дуб, на ходу отдала какое-то распоряжение дежурившему в центре зала полицейскому и быстро зашагала по лестнице вниз. По дороге она еще трижды применяла свою карточку, чтобы пропустить молодого человека в следующее помещение, пока они не оказались в просторном зале, уставленном одинаковыми сейфовыми ячейками. На противоположной стене висело три монитора, с помощью которых просматривался весь банковский вестибюль. Девушка начала было о чем-то расспрашивать Сергея, но тот не мог оторвать взгляда от светящихся экранов. Он видел, как его охрана покинула банк, как к полицейскому подошел его напарник. Они начали о чем-то разговаривать, но тут же их внимание привлекла хорошенькая девица, вошедшая в зал.

— Начинается, — вздохнул молодой человек.

И действительно, в следующее мгновение две головы в фуражках уже скакали по отполированному полу вестибюля, а девушка обтирала окровавленное лезвие меча о китель мертвого блюстителя порядка.

В банк вошли еще двое — мужчина и женщина — в которых Сергей без труда опознал Слаанеша и его вторую спутницу.

Сопровождавшая молодого человека менеджер, также ставшая свидетелем резни, проявила себя человеком не подверженным панике. Она бросилась к пульту на стене под экранами, нажала на какую-то кнопку и прокричала кому-то на французском.

Для слова «полиция» перевод не потребовался, только отчего-то Сергея это не успокоило.

— Есть запасной выход? — оглядываясь по сторонам, спросил он.

Однако девушка-менеджер не слышала его, она ожесточенно щелкала клавишами на пульте, но, судя по всему, у нее ничего не получалось. Разве что из динамиков зазвучал голос посетителей, переговаривающихся на каком-то неизвестном языке.

Слаанеш словно почувствовал, что его слышат, он огляделся по сторонам, заметил камеру на стене и подошел к ней.

— Это я, мой изобретательный друг, — сказал он, глядя прямо в объектив. — Ты опять от меня убегаешь. Зачем? Ты же не знаешь, что я хочу тебе предложить.

— Но догадываюсь, — невольно вслух ответил ему молодой человек.

— Я много могу предложить. Предложить такое, о чем ты и не можешь мечтать. Наслаждение. Океан наслаждения.

Откуда-то сзади его спутница подтащила пожилого сотрудника банка в полуобморочном состоянии.

— Наслаждение — это не только слащавые игры изнеженных, лишенных всякой фантазии налогоплательщиков. Это еще и знание, значительно обостряющее все остальные чувства. Знание своего превосходства, в его самой волнующей форме — уничтожения любого, кого захочет остановить твой алчущий познаний разум. Без причин, без видимой пользы, без оглядки назад. Чувственно. И тру-ля-ля.

Слаанеш, даже не глядя на приведенного к нему мужчину, протянул к его горлу руку и легко, как нераскрывшийся бутон розы, сорвал ее с плеч. Голова несчастного покатилась вслед остальным. Спутница Слаанеша отбросила в сторону мертвое тело, а тот продолжил свой монолог.

— Вот и тру-ля-ля! А что тебе предложат твои друзья? Пустую, лишенную крови жизнь? Честолюбие, богатство, бессмертие? Да! О, бессмертие! Может быть, ты не знаешь, так вот я тебе сообщаю — бессмертие делает все остальные чувства безвкусными. Наслаждение от жизни получаешь только тогда, когда можешь умереть. И чем ближе смерть, тем больше наслаждения.

— Восхитительный монолог! — кто-то произнес за спиной злодея.

Едва раздался его голос, спутница Слаанеша безжизненно рухнула на пол.

Сергей, зачарованный предыдущей речью, и не обратил внимания, что в помещении появились еще два персонажа. Один из них — богатырского телосложения брюнет с мертвецки бледным лицом и огромным двуручным мечом. Другой пришелец — сухопарый блондин среднего роста. Голос принадлежал ему.

— У! — нехорошо улыбнулся Слаанеш, поворачиваясь к ним и обнажая клинок «близнец». — Сам Абхораш и его веселый друг Теклис. Правда, говорят, что только шутка Теклиса может заставить улыбнуться благородного монстра? Вижу в твоих руках, достопочтенный Лорд Вампир, прекрасный меч. И как ты нашел нас?

— Я позвал Теклиса, чья шутка действительно веселит меня, он умнее и умеет пользоваться компьютером, — глубоким басом ответил тот.

— Как вам Древние позволяют дружить? Вы такие разные, — продолжил Слаанеш.

— Единство противоположностей, дружище! Единство противоположностей! — за своего друга ответил тот, кого Слаанеш назвал Теклисом. — Мы прекрасно дополняем друг друга. Жалко, что у тебя нет друзей. Ты не поймешь нас.

— Что ж, я растроган! — серьезно согласился Слаанеш и задал вопрос: — Но зачем вы мне мешаете? Если четырнадцатый принцип оживет, Древние закроют для нас этот мир.

— Это приказ, — просто объяснил Абхораш.

— Кто тебе может отдавать приказы?

— Те, кто создали меня, — Древние. Мне нравится видеть мир.

— А мне никто давно не отдает приказов. Вот я убил своего создателя и стал свободен от приказов.

— Что он говорит? — брезгливо спросил у своего спутника богатырь.

— Все простенько. Говорит, что у него нет совести, — объяснил тот.

— Плохо. Очень плохо, — покачал головой Абхораш. — Без совести нельзя жить. Это пакость какая-то.

— Как иногда ты умеешь попасть в самую точку, — похвалил его Теклис.

— Все! — взял во вторую руку меч Слаанеш. — Диспут закончен. Пора тебя прикончить. Время дорого. Меня и так долго путал этот гном со своими идиотскими камнями.

— Слава смерти, ты перестал болтать непристойности, — поддержал его намерение Абхораш, берясь второй рукой за меч.

— Ты отличный боец, я потрачу на тебя много времени, — зло констатировал Слаанеш.

— Очень много, — флегматично согласился брюнет.

И они сдвинулись в самый центр зала, держа мечи на вытянутых руках перед собой.

Теклис отошел в сторону, достал мобильный телефон и набрал номер.

Телефон Сергея зазвонил.

— Это я, — сказал он в трубку, не дожидаясь вопроса.

— Передай трубку девушке, — приказал блондин.

Молодой человек передал телефон ничего не понимающему менеджеру. Та приложила его к уху, и Теклис ей начал говорить по-французски.

— Ви, ви, — только и отвечала сообразительная девушка.

Когда блондин закончил свою речь, девушка схватила Сергея за руку и потащила к выходу.

Они поднялись в зал и последовали за Теклисом. Обошли так же неподвижно стоящих друг напротив друга Абхораша со Слаанешем и оказались на улице.

У порога банка их ждал серебристый «Порш» 911 модели.

— А где эти твари? — садясь в машину, поинтересовался у своего спасителя Сергей, намекая на спутниц Слаанеша.

— Он еще несколько часов не сможет их вызвать, — ответил тот, помогая обессиленной пережитыми потрясениями француженке сесть на заднее сидение. — Когда я нахожусь рядом, дополнительное оружие не работает. Понятно?!

— Ви, ви и тру-ля-ля, — вздохнул молодой человек.

Следующий раз он решился заговорить, только когда «Порш» их давно вывез за пределы города и они «летели» по шоссе вдоль берега моря.

— Можно спросить?

— Конечно, господин Магнификус, — согласился Теклис.

— Абхораш может победить?

— Нет.

— Почему?

— Разные уровни. Абхораш — лорд, бывший некромант, глава ордена Кровавых Драконов. Слаанеш — демон Хаоса.

— Абхораш погибнет?

— Нескоро и минут на сорок.

— На сорок, — пытался сосредоточиться Сергей. — А вы кто?

— Эльф. Высший Лормастер Белой Башни Хоэта, по-вашему — добрый волшебник, — скромно проинформировал блондин и сделал попытку объяснить: — Здесь Древние нам не разрешают пользоваться такими понятиями, как «магия», «волшебник». Они считают это отрицательными категориями. Вместо магии мы говорим — возможности, вместо волшебник — мастер возможностей.

На одном из пустынных пляжей Теклис остановил машину, тем же способом, каким Торгрим усыпил в самолете Сергея, эльф усыпил девушку-менеджера, и они с молодым человеком уложили ее на одном из пустующих «лежаков» в тени пляжного тента-зонта.

— Проснется через час, все забудет, я подчистил ей память, — сказал Теклис, возвращаясь к машине. — Зато жива и не лишилась рассудка.

— Куда теперь? — спросил Сергей.

— В порт, — ответил эльф, включая в машине музыку. — Скоро откроется портал. Нам надо встретить Торгрима во всеоружии. Я имею в виду — одежду. В прошлый раз я ему взял туфли на два размера больше. Как он ругался!

— Торгрим жив?! — воскликнул радостный молодой человек.

— Естественно, — взялся за руль Теклис. — Что может случиться с этими сквалыгами гномами? Представляешь, что говорит о нас их бородатый фольклор: «На свете есть две истинные вещи — блеск золота и коварство эльфов»! На этот раз я ему куплю костюм на вырост, — он звонко засмеялся и со всей мочи нажал на педаль газа.

LOADING...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ближе к вечеру «Порш» вывез их в аэропорт. Там без особых затруднений они сели в небольшой реактивный самолет.

Через несколько часов самолет приземлился в еще одном аэропорту, где путешественники покинули комфортабельный салон и на «Порше» точно такой же марки и расцветки, как и тот, что остался в Ницце, помчались по широкой автостраде.

— Вы так любите «Порше»? — не сдержал своего любопытства Сергей.

— Каюсь — пижон, — усмехнулся эльф. — Торгрим меня за это непрестанно корит, а сам держит в гараже новенький «Ролс Ройс» «Фантом» с золотыми ручками. Бородатый ханжа. Абхораш, в свою очередь, души не чает в дизельном «Ланд Краузере» восьмидесятой модели. Пуританин. А вы чему отдаете предпочтение?

— Джип «Инфинити Эф-Икс».

— Ах да, конечно! Как я забыл? «Эф-Икс», мате «Мальтийский крест» без сахара и одеколон «Месса де менуэт».

— Точно! Вы что, за мной следили?

— Нет, мы тебя на бирже труда выписали. К слову сказать: когда будете покупать свой «Инфинити», советую его на время передать специалистам из «Джи Ти мобиле». Это наша тюнинговая компания. Мой двоюродный брат возглавляет. Он из вашей машины сделает произведение искусства. Равных на дороге не будет.

— Двоюродный брат тоже эльф?

— Разумеется, эльф. Он окончил Военно-инженерную академию и сто сорок лет перенимал опыт у Черных гномов. Скажите, что от меня, и вам сделают гигантские скидки.

— Да, как было сказанно в одном старом фильме: «С вами приятно иметь дело», — согласился молодой человек и уточнил:— Куда мы движемся?

— К океану.

— А к какому, если не секрет?

— К тихому и бездонному, как сон девственницы.

Покрутившись между гигантскими грузовыми кранами и одинаковыми ангарами, машина затормозила у корабля с поэтическим названием «Луи XIV». С первого взгляда было ясно, что корабль давно готов к отплытию, а вновь прибывших давно ждали. Во всяком случае, как только нога Теклиса коснулась причала, высокий, крепкого телосложения мужчина с неестественной для его возраста седой головой подал спутнику Сергея руку.

— Торгрим?.. — то ли спросил, то ли просто уточнил он.

— Да... — столь же неопределенно ответил ему эльф.

— Жалко, меня не было рядом, — так же бесстрастно посетовал мужчина, неожиданно припал на одно колено, приложил правую руку к груди и представился появившемуся из машины Сергею: — Индрогнир и его воины приветствуют Древнейшего.

Молодой человек от такой эскапады невольно отшатнулся назад, но Теклис успокоил его:

— Видишь ли, это такой вариант приветствия у спецподразделения охраны нашей компании. Они все южане, народ искренний, ну и поэтому...

Не усмотрев в поведении мужчины ни малейшего намека на шутку, Сергей сам приложил свою правую руку к груди и поздоровался с ним:

— Также крайне признателен за оказанное гостеприимство.

— Нас ждут, корабль готов к отплытию, — сообщил Индрогнир.

— Тогда в путь, — кивнул худощавый спаситель Древнейшего, — Дубль ждет.

Индрогнир показал на горизонт, где покоился на волнах точно такой же корабль. Мало того, когда их судно поравнялось с собственным двойником, Сергей углядел на борту оного то же название — «Луи XIV».

— Тоже «Луи XIV»! — не удержался он от восклицания.

— Абсолютная копия, — подтвердил Теклис. — Только в отличие от нашего корабля в трюмах ждут своего часа сорок великовозрастных господ с пулеметами в руках и катанами за плечами. Да, еще около пяти тонн взрывчатки.

— Думаете, Слаанеш нас догонит? — спросил молодой человек.

— Конечно, догонит, и не один, — похлопал его по плечу Теклис, — Не волнуйтесь, с того корабля уйти нельзя. А на восстановление и возвращение ему потребуется не менее суток.

— Пять тонн разнесут этот порт вдребезги, — поделился своими сомнениями Сергей.

— Двойник — ловушка, туда войти можно, выйти сложнее, взрыв отложат до выхода в открытое море, — объяснил эльф.

— Тогда и сорок великовозрастных господ, как вы говорите, с этими прекрасными за плечами?!

— Для них это честь и больше ничего, ничего, что связано с прекращением жизнедеятельности, — сказал Теклис, потом, очевидно трезво осознавая, что человеческая психика не всегда готова выдержать такой наплыв информации, предложил: — Это долгий рассказ. Лучше пройдемте на капитанский мостик и выпьем по бокалу доброго «Божоле». Чтобы не случилось морской болезни.

— Да, имеется такая, — машинально ответил Сергей, поглядывая на быстро скрывающуюся за горизонтом береговую линию.

После того как они с Теклисом «уговорили» бутылочку-другую благородного напитка, Сергей попросил, чтобы ему показали его каюту, если, конечно, таковая имеется.

Спокойный, как вода в офисном аквариуме, молодой мужчина с такими же как и у его командира пепельными волосами, проводил путешественника в его каюту. Чем-либо удивить Сергея в этот день было уже трудно, и он просто рухнул на узкую койку, где сон сковал истерзанное новыми чувствами сознание вчерашнего менеджера престижного мебельного салона, а на данный момент и непонятно, кого именно.

Разбудил его Теклис. Смешливый эльф сидел у изголовья его койки за откидным столиком, потягивал из высокого стакана минеральную воду и смотрел в иллюминатор в темное небо за ним.

— У Слаанеша есть реактивный самолет с ядерной боеголовкой? — потягиваясь, спросил молодой человек.

— Нет, мы бы знали, — ответил ему Теклис. — Я смотрю на звезды и думаю.

— О марсианах! — съязвил Сергей.

— О них тоже.

— Они вряд ли есть, лично я сомневаюсь. Если я все правильно понял, ты мне всего рассказать не сможешь?

— Я всего не знаю. Хотя ты прав, и не могу. Прости, Древнейший.

— Расскажи хотя бы о чем-нибудь. Во! Об Абхораше, которым тебя попрекал Слаанеш.

— Длинная история.

— Я не тороплюсь. Знаешь, в последнее время я как-то особенно предрасположен к простым, но душевным эльфийским рассказам.

— Абхораш был лучшим воином Лахнии. Лахния — страна-город на материке. Точнее, был такой город.

— На каком материке?

— Не важно. Не здесь. В семь раз больше Евразии.

— Ну и был...

— Да, до этого был в Лахнии правитель — Нагаш. Он не хотел умирать.

— Прекрасно понимаю этого самодержца.

— Да, но Нагаш искал, как не умереть. Искал он, искали все мудрецы Лахнии и других городов на подчиненных Нагашу территориях. Искал и нашел, но для этого было необходимо пить кровь людей.

— Понятно, куда проще. У нас это давно придумали. Вампиром стал наш Нагаш.

— Совершенно верно. Только не совсем он то нашел. Душа Нагаша продолжала жить в теле, но тело разрушалось. Кончилась эта история как-то совсем печально. Что-то, да как-то. Разрубил его на части один родственник.

— Не повезло старику. С родственниками надо быть всегда начеку.

— Но вот его внучка — красавица Неферата — продолжила исследования и добилась своего. Она назвала свое произведение «Напиток Бессмертия». Со своей свитой поделилась находкой. Бессмертному одному грустно.

— И Абхораша угостила?

— Он любил ее.

— Другими словами, Абхораш стал лазить по стенам и людей как коктейли «потягивать»?

— Умоляю — серьезней. Печальная на самом деле история. Абхораш не любил убивать безвинных, поэтому он ушел в пустыню воевать с разбойниками и другой пустынной падалью. Четыре года бесконечных сражений превратили его в непревзойденного мастера клинка. Равных не нашлось. В итоге Неферата умолила его вернуться в Лахнию и возглавить армию. Положение было очень тяжелое — аристократия словно помешалась. Кровь лилась рекой. И в Лахнии, и в соседних королевствах. Абхораш делал, что было в его силах — лично сжигал на кострах десятки обезумевших от чужой крови аристократов, выставлял дополнительные караулы, многократно просил Неферату образумить своих ненасытных сторонников. Увы — все напрасно. Короли соседних королевств собрали огромную армию и стерли Лахнию с лица земли. Неферата бежала на Север, Абхораш с боями вышел из города и двинулся на восток, в пустыню. С ним ушло сорок воинов. Короли не стали его преследовать, они знали, что воин пытался удержать безумных сторонников принцессы. Абхораш бродил по пустыне несколько лет. Однажды он подошел к высокому потухшему вулкану, логову огромного красного дракона. Тогда мой друг решил сразиться с драконом. Терять было нечего — любимая его бросила, битву он проиграл. Абхораш оставил своих воинов у подножья вулкана и с одним мечом поднялся к дракону. Бились они...

— Три дня и три ночи.

— Два дня. К концу второго дня мой друг убил дракона, вдоволь напился его крови, и случилось чудо.

— У него отросли крылья?

— Он перестал испытывать жажду. Кровь дракона нейтрализовала яд «Напитка Бессмертия». Абхораш сочетал в себе силу вампира и утратил жажду.

— Повезло горемыке!

— Заслуженно повело!

— Согласен — заслуженно. Дальше.

— Дальше он спустился к своим воинам и объявил, что если они смогут хотя бы частично добиться его уровня мастерства битвы, то он будет в награду навсегда исцелять их от Жажды. Так появился орден «Кровавых драконов».

— Почему сразу всех не угостил?

— Они не победили красного дракона. Он отправил их сражаться на север с людьми, которые помогают Хаосу. Сорок рыцарей — это серьезная сила.

— А что за Хаос?

— Древнейшие открыли доступ Хаосу. Понятно?

— Понятней некуда.

— В нашем мире больше вопросов, чем ответов. Хотя я лично уверен, что Древнейшие поступили мудро. Нет зла, нечем оплатить добро.

— Ладно, фиг с ними, и с Древнейшими, и с Хаосом. А ты-то как с Абхорашем связался?

— Семь лет назад мою племянницу похитили орки. Они ее везли мимо лагеря, где Абхораш ждал возвращения рыцарей ордена.

— У вас там и орки есть?

— И орки, и гоблины, скоро с одним познакомишься. У нас врач гоблин.

— Волнующая перспектива. Ну, продолжай!

— Похитили и увезли в горы Каро..., хотя ты все равно не знаешь, где это. Абхораш не выносит, когда обижают женщин.

— Я понял: орков он сожрал, а племянницу спас. Я тоже не люблю, когда обижают женщин, особенно орки.

— Не сожрал, я же сказал, что он уже не имел великой жажды. Просто расправился. Вот с тех пор...

— Вы стали друзьями.

— Истинно так.

— Вот история так история, — встал с койки Сергей и прошелся по каюте, в поисках минибара. — Где минибар?

— Нельзя тебе теперь. Пили мы уже. Очень было неплохое вино. Хочешь минералки? — предложил Теклис.

— Как нельзя?! — возмутился молодой человек. — Такие истории на трезвую голову не слушают.

— Не слушают, — кивнул эльф, — но нельзя. Тебе скоро через Черный Портал идти. В твоей крови не должно быть много алкоголя, иначе ты можешь преобразоваться в какого-нибудь слизняка.

— А через Белый нельзя пройти и грамм триста «вискаря» перед этим..?

— Древнейшие попадают в нашу реальность только Черным Порталом, Белым Порталом могут проходить только творения или их потомки.

— Как у вас все запутано! — искренне возмутился молодой человек. — Кто их только придумал?

— Древние, — поднялся из-за столика эльф. — Поспи лучше. Отдохни.

— Я без ста грамм не усну, — решительно заявил Сергей. — Что за Древние? Чего напридумывали?! Не усну. Я латентный алкоголик. И что за Портал? Как через него проходят?

— Уснешь и все, — успокоил его Теклис, провел своей белой ладонью перед глазами спутника, и того действительно потянуло в сон.

— И все? — уже засыпая, переспросил молодой человек.

— И все, — подтвердил его собеседник.

Сергея разбудил голос из хромированной решетки динамика, ввинченного в стену прямо у изголовья его койки.

— Бойцам второго подразделения срочно прибыть в казарменные помещения и выполнить предписание 392, время выполнения десять минут. Отменяются все ранее намеченные мероприятия.

Сергей посмотрел сквозь приоткрытый иллюминатор. Свежий морской ветер пахнул ему в лицо. На небе не было ни облачка. Вдали виднелись какие-то острова.

Он встал на ноги, ополоснул лицо прохладной водой из стального рукомойника и, мельком оглядев себя в зеркале на внутренней стороне двери, вышел в коридор. Мимо быстро двигались пепельноволосые богатыри с хмурыми лицами.

Сергей поднялся на палубу и заметил стоящего на корме Теклиса. Тот внимательно наблюдал за чем-то или за кем-то на горизонте в большой военный бинокль.

— Сколько я спал? — спросил молодой человек у эльфа. — Отлично себя чувствую.

— Пять дней.

— Пять?! — изумился Сергей.

— Честное слово, — подтвердил Теклис. — Твоему организму был необходим глобальный отдых.

— Где же мы?

— Очень далеко от неприятностей. В океане.

Внизу сквозь гигантские, распахнутые мощными механизмами створки кормы на воду спускалась белоснежная моторная яхта.

— Нефората, — послышался голос Теклиса за спиной.

— Что Нефората? — обернулся на звук Сергей.

— Яхта называется «Нефората», — объяснил эльф. — Чувства сильнее реальности. Так часто бывает — мы любим не то, что есть на самом деле, а то, каким бы оно могло быть. По нашим представлениям.

— И для кого такая роскошь? — спросил молодой человек.

— Для Лорда Вампира, конечно, — ответил Теклис. — Легендарный рыцарь спешит на помощь другу.

— Еще одному другу?

— Да, художнику-пьянице в Афинах. Было дело, тот вступился за Абхораша в ночной потасовке на улице у пивного бара.

— За Абхораша?

— Он же не был в курсе, что бывший кровосос и сам легко справится с пятью хулиганами. Просто благородный человек. Видит: бьют человека. Их много, а он один. У них нож. И вступился. Теперь увлекся крепкими напитками, жена ушла. Абхораш поедет и все уладит. Он считает, что уладит. Самообман, но это его выбор.

— Хотел бы увидеть эту идиллию! Бедный художник! — усмехнулся молодой человек, глядя на отплывающую от корабля яхту.

— Бедный, — согласился эльф и махнул вслед яхте рукой.

— У вас запонка сейчас выпадет, — рефлекторно заметил Сергей и повторил его жест.

Их корабль обогнул один из островов, раскиданных по безбрежной равнине спокойного океана, потом другой, и начал постепенно приближаться к самому крупному, с виднеющимся на пике белым зданием, издали напоминающим греческую церковь.

— Вот она, — показал рукой именно на этот остров Теклис.

— Мы решили помолиться? — не понял его спутник.

— Я бы с удовольствием, но...— и эльф печально развел руками. — Религия Древнейших недоступна для нашего понимания. Точнее — не допущена.

— Мудрено, но, собственно, куда плывем? — перебил его богословские изыски Сергей.

— Внутрь Цитадели, — коротко ответил эльф.

Только сейчас молодой человек обнаружил, что издали казавшийся цельным, остров на самом деле представляет собой ровный полукруг с естественным проходом во внутреннюю бухту. Туда-то и направлялся корабль. Навстречу ему уже двигалось несколько скоростных катеров.

— Одно хорошо, — заметил Сергей.

— Что же? — поинтересовался Теклис.

— Скоро мне, наконец, представится возможность понять хоть что-нибудь.

— Хоть что-нибудь — да, — неопределенно поиграл бровью его спутник.

— Всего уровней четыре, — на ходу объяснял Теклис, проводя Сергея просторными тоннелями внутри острова. — Это первый, здесь в основном помещения для отдыха, тренировочные и оружейные комнаты, казармы и прочие вспомогательные помещения.

— Стены из чего? — полюбопытствовал гость.

— Очень разные материалы — сталь, титан.

— Ядерный удар выдержит?

— Выдержит много ударов.

— Тогда я спокоен, — потер ладони Сергей. — Совсем не хочется с этим французом опять встречаться.

— Нет, Слаанешу сюда хода нет, — ответил ему Теклис. — Для него это самоубийство. Ему нужно было быть умнее. Кстати, посмотри...— и эльф показал на два скульптурных изваяния в виде многогранных хрустальных кристаллов на мраморных постаментах в центре зала. — Гробницы двоих твоих предшественников. Слаанешу с ними повезло больше.

— Он убил их? — ужаснулся молодой человек.

— Одного лично, у другого приключилась авиакатастрофа, — рассказал Теклис. — Просто демон нашел их раньше Торгрима. А, кстати, где наш хитроумный гном? — эльф достал рацию и что-то сказал в ее приемник на непонятном певучем языке. Через мгновение ему ответили на том же языке.

— Что? — не выдержал Сергей.

— План изменился, — честно ответил Теклис. — Торгрим будет тебя ждать у Лорентийского пролива, проводники тебя туда доведут, жалко, что мы не успеем тебя подготовить нормально.

— Это что такое?

— Это значит, мы не успеем с тобой даже позавтракать.

— Плохо. Просто скверно. На такое дело и без завтрака, — пробурчал Сергей. — А какие еще проводники?

— Наверняка полукровки или скейвены.

— Скейвены?

— Большие крысы. Гадость.

— Это мне за грехи? Я ненавижу крыс, — предположил Сергей.

Теклис остановился, как-то особенно внимательно взглянул на своего спутника и заявил:

— Да, очень похоже, что ты и есть владелец четырнадцатого принципа. Только в тебе еще много... Ладно, к делу. Сначала на медосмотр, потом к Залу Снов. Просто бегом.

И они побежали.

Медосмотр Сергею не понравился, потому что отвратительный, бородавчатый старик в белом халате с помощью своих приборов выявил у него потенциальную предрасположенность к язве желудка, циррозу печени и «гарантировал» срок жизни не более шестидесяти двух лет. За последние несколько дней обследуемый научился доверять всему сказанному, поэтому при выходе из лаборатории настроение у него не улучшилось.

— Не беспокойся, — тут же поддержал его Теклис, — когда ты доберешься до нужного места, я тебе дам кое-какие отвары и ты проживешь еще лет семьсот.

— Семьсот — это слишком, — мгновенно воспрял духом Сергей. — На спирту хоть?

— Нет, отвары не бывают на спирту, — отрезал эльф, взял своего спутника за руку и повел к лифту.

— Хорошо, но я голый! Ты не заметил?! — рассерженный невозмутимостью Теклиса, напомнил ему молодой человек.

— Все на месте,— кивнул тот и потащил бедолагу дальше.

Металлизированный цилиндр лифта в несколько секунд доставил их вниз. Они миновали семь постов охраны, какую-то невероятную дверь, похожую по принципу действия на затвор фотоаппарата, и вошли в небольшой полукруглый зал. В стены зала были встроены пять одинаковых саркофагов. Один из них был опечатан широкими металлическими полосами.

— Зал Снов Древних, — преклонился на одно колено в знак почтения Теклис, потом поднялся и показал на один пустующий саркофаг. — Здесь будешь покоиться ты.

— Мне очень не нравится это слово, и здесь холодновато, — попробовал предотвратить неизбежное Сергей. — Просто зверски холодно! Ты уверен, что это единственный путь к заказчикам?

— Температура в этом помещении минус два градуса, — так и не ответил на его вопрос эльф. — Сейчас мы на глубине сорок метров, через десять минут твоя капсула уйдет на сто метров вниз. Иначе выражаясь, у нас две минуты, чтобы я смог точно тебя подключить.

— Подключай тогда, — смирился Сергей. — По большому счету для этого мира я ничего хорошего не сделал. Может, для того получится.

Эльф подвел его к указанному саркофагу, исключительно схожему по внешнему виду с раскладным солярием для загара, усадил на небольшой выступ, кисти рук закрепил силиконовыми ремнями на поручах, выдающихся из стены, водрузил на глаза массивные очки и начал закрывать створку. В нос ударил запах чернослива.

— Что ты видишь? — деловито поинтересовался Теклис.

— Снег, облака, графика, само собой. Средней руки графика. Уж прости.

— Ничего, процесс пошел, расслабься.

— Может, попозже? — предпринял последнюю попытку уклониться от предстоящей процедуры молодой человек. — Наверху переждем, приведем себя в порядок с дороги. Настроимся психологически.

— Нельзя медлить, — устало посоветовал Теклис.

— Подожди, — не уразумел Сергей, — со мной все ясно, а с тобой как же?

— Чтобы тебе оказаться в нашем мире, ты должен уснуть, а я умереть, — улыбнулся Теклис. — Но не переживай, мне тоскливо в вашем мире.

— Я смогу? — уже зевая, спросил молодой человек.

— «Может тот, кто думает, что может» — главный девиз Лорма-стера, — успокоил эльф, захлопнул над ним полукруглую створку и шепнул на прощанье. — Удачи тебе, Второй.

— Почему же Второй? — хотел переспросить Сергей, но не смог.

Он уже спал.

LOADING...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Самое интересное, что особенных переживаний-то и не было. Будто задремал в электричке. Единственное, что сразу мобилизовало, так это явственное ощущение холода. Вне всяких сомнений, он не сошел с ума, это не «белая горячка», доктора не дождешься, он голый, и эта дикая история продолжается.

Вокруг простиралась заснеженная равнина с кое-где чернеющими каменными валунами, по белому горизонту скромно стелилась полоска рассвета.

Сергей никогда еще не оказывался в иных реальностях, и за неимением достойного опыта он просто крикнул: «Ау»!

Это тут же возымело действие — чья-то когтистая лапа крепко ухватила его за правую ногу и стремительно поволокла к одному из валунов. Это было сравнимо с ощущением, что он зацепился одной ногой за едущий снегоход. У валуна это «что-то» навалилось на него огромной вонючей тушей и стало энергично шептать на ухо:

— Лежи, лежи, надо, надо, надо тихо, нурглики идет, ты опоздать, плохо. Я спасать, а ты подводить, лежи, а то глотку кусь. Я из-за тебя умирать не хотеть.

Тут действительно в окружающей атмосфере началось что-то невообразимое. Второй не видел, что именно происходило, но воздух заполнился отвратительным визгом и грохотом, словно обрушилась лавина ржавого металла. Волнение вокруг было столь велико, что это спасло Сергея и его неизвестного вонючего благодетеля.

Длилось все не более пяти минут, но и того было достаточно. Когда же наконец все закончилось, его спаситель отвалился в сторону и, задрав к нему морду, торжественно провозгласил:

— Слава Рогатой Крысе! Шарскун — великий герой, его не ели нурглики. Спасать Древних. Голых Древних. Хотя хочет есть. Таал приказать Шарскуну и награждать.

В конце концов Сергею удалось разглядеть своего спасителя. Это была гигантская, в человеческий рост крыса, причем ходящая на мощ-

ных задних лапах, в усеянных тупыми шипами ржавых латах, и некоем подобии не менее ржавого шлема.

— Очевидно, это и есть тот самый скейвен, о котором рассказывал Теклис. Действительно гадость, — не удержался от характеристики Сергей, с трудом подавляя панику.

— Смеяться плохо, кто спасать от нургликов, — обиженно пробурчал крыс и показал молодому человеку свой меч. — Вот, раз и нет хорошего положения в сердце. Чак, и башки у Древнего нет. А Шарскун кушать. Но нет благодарности... — и воин-крыс кинул молодому человеку тюк с одеждой, чем тот немедленно воспользовался. Немного согревшись, Сергей испытал нечто вроде угрызений совести и обратился к грызуну:

— Эй, спасибо, что спас от бубликов.

— Нургликов, — поправил его крыс. — Нурглики — смерть Хаоса, страшно воину, съели и сгнил. А бублик — это хлебушка. Я читал у одной книжки. Я ее съел. Бубликов не было.

Тем временем Сергей, глядя на это чудо природы, размышлял:

— Если я еще не сошел с ума, то пока не сойду. Значит, надо что-то сделать, чтобы скорее с эльфами и гномами затусоваться. От этого мутанта меня рано или поздно стошнит. Вот я попал! Двадцать девять лет. У меня уже было три машины и если бы не Толяныч со своими проектами, я купил бы автосервис. Я боюсь, елки-палки! Хотя с другой стороны, это ведь только мне кажется, а я сплю под наблюдением квалифицированных врачей в удобной пуленепробиваемой капсуле. Но стошнить все равно может! Голова трещит.

— Головка дзин-дзин? — неожиданно поинтересовался у него крыс.

— Очень дзин-дзин, — признался человек.

— Понимать, — почесал себе под металлическим набрюшником Шарскун и предложил: — Надо идти дальше, куда сказали, потом кушать и женщину.

— Да, мне только женщину... — вздохнул Сергей и опять с большим трудом сдержал желание броситься наутек через заснеженную равнину.

— Тогда ходить, — почти весело провозгласил крыс и поднял меч, указывая им направление пути, но тут же остановил молодого человека движением лапы и спросил, тоскливо глядя в белесый небосклон: — Слышать Хаос говорить?

Сергей прислушался и действительно где-то в заоблачной дали услышал какие-то шумы.

— Иду налево... Нет, он за окном... Бей из... Все на перегруз...

Что-то очень знакомое было в этой какофонии. И он понял, что это очень похоже на гул, постоянно царящий в игровой зоне интернет-кафе, в особенности когда там собираются компании подростков.

— Уверен, я много раз слышал это, — сказал он своему уродливому спутнику.

— Древние много знать и слышать, но голоса Хаоса вредно для ума, — покачал мордой скейвен и жестом предложить следовать за собой.

Они несколько часов брели по пустому заснеженному пространству, пока не показались сначала густые заросли низкорослого кустарника, а уже за ним вековой лес.

— Пустоши кончались. Теперь Гиблый лес. Здесь рядом троллиные пещеры. Тихо надо.

— Я так понимаю — ничего хорошего?

— Отлично понимать. Тролли палкой по башке и кушают.

— Всех кушают?

— Нежить не кушают, Хаос не кушают. Мясо кушают.

— Тоже неплохо.

Спутники выбрались на узкую тропинку и побрели по ней. Мимо тянулись огромные деревья, все заросшие голубоватым мхом. Кое-где из-за массивных сучьев чьи-то внимательные взоры провожали их.

— Слушай, тебе не кажется, что за нами смотрят? — не выдержал Второй.

— Смотрят, — согласился Шарскун, даже не поворачивая головы к попутчику. — Это лесные твари. Их много, им имен не дали. Они от горгулий, падаль едят.

— Много здесь падали?

— Будешь много говорить, будет больше. А так твари жирненькие, только их ловить сложно. Моя пробовала — не поймала. Такие вот когти, — он жестом показал, какие бывают когти у безымянных лесных тварей. — Тихо!.. — Шарскун поднял кверху ладонь. — Слышишь, орут?! Это тролли. У них брачный сезон.

— Они на ком предпочитают жениться? — на всякий случай уточнил Сергей.

— Мир сделан по одним законам — тролли женятся на троллях, скейвены на скейвенах и так далее, — научно ответил скейвен.

— Велики законы природы! — постановил Второй и с надеждой в голосе спросил: — Мы же туда не пойдем?

— Рядом пройдем, незаметно. Мне надо... — и Шарскун потащил попутчика за собой в кусты.

Продравшись сквозь колючие заросли, невольные попутчики стали свидетелями ожесточенной схватки между двумя четырехметровыми человекоподобными созданиями. Создания лупасили друг по другу вырванными пнями и глухо орали. В конце концов одному из них удалось нанести сокрушительный удар в ухо противнику и тот рухнул на землю. Его победитель вырвал полуторатонный каменный валун и раз сорок с маху обрушил его на голову поверженного противника. Потом он помочился на безжизненное тело, издал торжествующий вопль и скрылся в чаще.

— Жениться ушел, — удовлетворенный зрелищем битвы, заявил скейвен, мерно покачивая в разные стороны хвостом.

— Совет да любовь! — испуганно кивнул Второй. — И нам пора. Хоть жениться, хоть еще что, но не здесь.

— Нет, — как на сумасшедшего, посмотрел на него Шарскун. — Ты совсем глупый, Древний. Там, где бьются тролли, два дня нет никого, ни Хаоса, ни лесных тварей, никого другого. Закон мира! Мы рядом огонь зажжем, а я еды принесу.

— Кто ж знал? — пожал плечами Сергей. — Как раз я не завтракал.

Вскоре они нашли небольшую поляну у основания невероятных размеров дерева и развели костер. Скейвен подобрал с земли два камня, высек ими искру и поджег кучу сухого мха.

— Здорово у тебя получается, — похвалил его Второй, помаленьку начавший привыкать к внешнему виду спутника.

Тот почувствовал этот спонтанный прилив симпатии и даже изобразил на своей морде улыбку:

— Шарскун — большой изобретатель. Он пойдет еду искать, а ты, Древний, малыш, — сиди и молчи.

— Договорились, — согласился тот, расстилая свой плащ и располагаясь на нем комфортнее. Как это ни странно, но наличие неподалеку занесенных снегом полей никак не сказывалось на температуре в самом лесу. Было довольно тепло.

Пока скейвена не было, путешественника посетили разные мысли. Самые внятные из них были таковы: «Это никому не расскажешь, это происходит наяву, меня здесь почему-то уважают и берегут, но не все... Некоторые и сожрать могут. Это плохо. Надо быть хитрее. С кем хитрее? Нет, не надо быть хитрее, надо быть внимательнее. Но лучше бы меня разбудили. Я деньги верну. Расписку дам, поклянусь образованием».

Вскоре вернулся Шарскун с крупными кусками мяса, обернутыми в широкие листья папоротника. Он ловко нанизал куски на палку, наспех обжарил их над огнем и протянул один попутчику.

Сергей осторожно обнюхал поданное блюдо. Запах ему понравился. Молодой человек откусил один кусок, тщательно прожевал его, откусил другой — и так пока не съел все.

— Птичка какая? — спросил он у скейвена, доедающего свою порцию.

— Тролль, — с набитым ртом ответил тот.

— Меня сейчас вырвет, — признался Сергей.

— Почему? Это как корова, — не понял Шарскун. — Лучше коровы. Гораздо полезнее. Смотри.

Скейвен задрал рукав на своей левой лапе, вытащил из-за пояса нож и сделал на коже глубокий надрез. Не успела появиться

кровь, как разрез невероятным образом, прямо на глазах в очередной раз изумленного Сергея, затянулся, так что и следа не осталось.

— Шарскун сюда шел, чтобы еще и тролля покушать. Очень полезно. Лакомство, — объяснил скейвен и встал: — Надо идти.

— Да, сидеть не стоит, надеюсь, меня вырвет по дороге, — поддержал его замысел Второй.

Шарскун встал над костром и проделал в воздухе какой-то пас правой лапой. Огонь немедленно потух, а прогревшаяся почва мгновенно затянулась молодой травкой.

— Круто! — восхитился Сергей.

— Ты тоже умеешь, только не знаешь, — сказал крыс.

— Это как? — заинтересовался Второй.

— Чертишь в воздухе свое имя. Пальцем. Выбираешь возможность и делаешь изменение.

— Имя светское или игровое?

— У тебя одно имя — Магнификус. Если ты назовешь себя другим, то будет больно, — терпеливо объяснил скейвен.

Сергей тщательно обтер палец о плащ и вывел в пустом пространстве перед собой слово «Магнификус». И опять произошло необычное — молодого человека окружили, как мухи, тысячи, десятки тысяч мелких светящихся голубоватым светом кружков. Они кружились вокруг него, создавая собой подобие сферы.

— Чего дальше? — вполголоса уточнил он у спутника.

— Ты их видишь?

— Еще как.

— Их десять или двадцать? У Древних возможностей много.

— Их тысячи. И они мелкие, как монетки. Светятся еще.

— О, великий Магнификус! — совершенно неожиданным образом повел себя Шарскун, падая ниц перед Сергеем. — Твоя слава, твоя мощь упирается в небеса!

— Слушай, — оборвал его напыщенный монолог напуганный парень, — ты не прыгай, а посоветуй чего делать?

— Выбери нужное намерение, — не поднимаясь с земли предложил Шарскун.

— Э! Э! — задумался на секунду Второй и решился: — Палку хочу, чтобы из нее, если что, молния била. Так, на всякий случай. Сильная молния, но меня не шарахала, а тролля завалить могла.

Прямо у него перед глазами появился кружочек с изображением какой-то палки. Сергей ткнул в кружочек пальцем и громко произнес «да».

Не успел отзвучать звук его голоса, как у него в руках оказалась длинная массивная палка, судя по цвету материала, вырезанная из какого-то экзотического дерева. Кружочки в свою очередь самопроизвольно исчезли.

— О, великий Магнификус! — опять взвыл Шарскун. — Обретший Посох Звездного дерева Высших эльфов! Да минует меня твоя ярость! Да усладят тебя мои речи! Да...

— Я тебя умоляю, заканчивай эту арабскую симфонию и объясни, чего дальше? — попросил Сергей.

Шарскун встал с земли, отряхнул с одежды листья и землю, почесал подбородок и задумчиво сообщил:

— Не надо часто пользоваться возможностями, иначе выберешь случайное намерение и там не знаем чего делать. Мог в грозу на громоотводе оказаться.

— Понятно, — ничего не понял Второй, но отметил: — Акцент у тебя почти пропал.

— Посох Звездного дерева не каждый день видишь, — резонно оправдался скейвен.

— То есть такой посох уже был? — не понял Сергей. — Это не я придумал?

— Нет, — честно сообщил Шарскун, — это точно посох Высших эльфов. В нем самом еще сто тысяч возможностей.

— Две тысячи к тем кружочкам? — уточнил Второй.

— Во-во! — кивнул скейвен.

— Хорошая палка, — взвесил в руке посох Сергей и предложил: — Ну что, двинем дальше?

— Двинем, — продолжая опасливо коситься на грозный предмет в руках спутника, согласился крыс.

И она двинулись известными одному Шарскуну тропами на восток. Ближе к полудню путники вышли к реке.

— Это Талабек — река, ведущая к мертвому городу Праг, там тоннель в Наггарот, — сообщил скейвен. — Наггарот — Царство Темных эльфов. Печально, но нам нужно в сам город. В бухте рядом с Наггаротом нас будет ждать корабль. Ты на нем поплывешь к Древним, а я получу много золота и вернусь домой к семье.

— У тебя есть семья? — удивился Второй.

— Величайший! — укоризненно ответил ему спутник. — У каждого скейвена есть семья. Например, у меня двадцать детей и очень красивая жена. Правда, иногда она ругается на меня. Но всегда за дело. У нас одна жена и когда она умирает, мы тоскуем и тоже умираем, а когда нас убивают в битве, другие семьи помогают воспитывать и кормить детей. Мы не то, что эти Дручии.

— Кто такие Дручии?

— Темные эльфы. Они сами себя так называют. Плохой народ.

— Чем же они тебе так не угодили?

— Они держат много разврата в своих сердцах. Они злые без причины. А их королева Морати принесла свое сердце Хаосу. Скейвенов тоже когда-то породили силы Хаоса, но ты же знаешь, что иногда творение становится сильнее его сотворившего. Мы не зависим от Хаоса. Мы — свободный народ.

— Все, — потер ладонью лоб Сергей. — Пока информации достаточно. Ты лучше мне расскажи, а я могу этими своими возможностями жареную курочку сделать?

— Можешь, — кивнул Шарскун, — только ты еще можешь перепутать и нас превратить в жареных курочек.

— То есть не стоит пока тыкать в кружочки?

— Не стоит, — подтвердил крыс, прислушался к чему-то, поднял кверху свой когтистый палец и многозначительно заявил: — Возрождается!

— Кто возрождается? — не понял его попутчик.

— Кто-то возрождается, — стараясь говорить тише, начал ему объяснять крыс. — Неподалеку отсюда находится алтарь Возрождения. Он старый, но работает.

— Чем нам это грозит? — поспешил выяснить Второй.

— Можно чего-нибудь найти, — пояснил Шарскун. — Кто-то возродится. Его, скорее всего, съедят зверолюди, а мы, когда они уйдут, возьмем его вещи. Что не съедят.

— Какая омерзительная практика, — скривил лицо Сергей.

— Мне тебя только до бухты надо довести, а все остальное на мое усмотрение. В прошлый поход я нашел пряжку с большим драгоценным камнем и перстень тоже с большим и драгоценным... — заупрямился скейвен.

— Ну, хорошо, — нехотя согласился Второй, видя искрящееся в темных глазах крыса непреодолимое упрямство. — Одним глазом взглянем на эту жуть — и в путь.

Шарскун благодарно поклонился Сергею и тут же потащил его сквозь заросли в сторону раздающихся неподалеку звуков. Они перескочили через широкий ручей, обошли несколько заросших сухим мхом валунов и вышли к берегу небольшого озера. На другой стороне водоема находилась арка алтаря Возрождения. Между двумя каменными горгульями, украшающими колонны алтаря, время от времени вспыхивали желтые энергетические разряды.

— Сейчас появится, — шепнул скейвен и задумчиво добавил: — Свет желтый. Странно, странно.

— Кто появится? И что странно? — спросил Второй.

— Герой, — как мог объяснил Шарскун. — Алтари перерождают только героев или чемпионов. Странно, что свет возрождения — желтый. Это свет или Псов Войны, или полукровок.

— Понятно, — вздохнул Сергей. — Созерцаем дальше.

Разряды между изваяниями все учащались и учащались, пока не произошла ослепительная вспышка и на ступени алтаря не выбросило чье-то тело. Тело тут же вскочило на ноги, выхватило из ножен, прикрепленных за спиной, два тонких лезвия и звонко воскликнуло: «Свобода!»

— Это девушка! — наконец разглядел возрожденного Второй. — Отличная фигура!

— Зверолюди жрут всех, — успокоил его крыс.

Из-за деревьев рядом с алтарем начали появляться отвратительные монстры самых разнообразных видов. У одних человеческие тела венчали песьи головы, у других, наоборот, человеческие головы крепились на туловищах животных или пауков. Объединяло эту свору только страстное желание быстрее добраться до возрожденной. Впрочем, девушка не спешила утолять их голод. Спрыгнув со ступеней алтаря, она принялась так ловко орудовать своими клинками, что вскоре пространство вокруг алтаря было усеяно порубленными телами голодных отродий. Отчего их не становилось меньше. Еще несколько десятков лесных уродов выскочило из-за деревьев и набросилось на возрожденную. Нападавшему справа удалось взмахом своей лохматой клешни выбить один клинок из руки девушки. Та отскочила в сторону, и, перехватив оставшийся клинок из одной руки в другую, перерубила очередного противника пополам.

— Помочь ей надо, — неожиданно заявил Сергей.

— Почему? — не понял Шарскун. — Это ее дела. Сожрут ее здесь, она переродится в другом портале, где-нибудь поспокойнее. Она — герой. Значит, еще переродится. А нас зверолюди точно сожрут.

— Не морочь мне голову, — серьезно ответил Второй. — Она для меня девушка, ее хотят съесть, это неправильно. Я же мужчина, в конце концов!

— Нет, нет, нет! Такого уговора не было! — запротестовал скейвен. — Помогать никому не надо. Пусть все идет, как идет.

Но было поздно. Сергей вышел на край озера в зону видимости нападавших и крикнул:

— Эй, твари чумазые! Ну-ка оставьте девчонку в покое!

Зверолюди его заметили, и часть из них побежала к нему.

— Вот и подзаработал! — раздраженно фыркнул Шарскун, вытаскивая свой меч и присоединяясь к спутнику. — Меня не предупреждали, что ты сумасшедший.

— Сам, жадюга, виноват, — с ужасом наблюдая за приближающимися чудовищами, заметил Сергей. — Пряжка с большим... Перстень... Лучше научи, как возможности эти вызвать?

— Пиши пальцем имя, — напомнил скейвен, лихо снося своим клинком песью голову монстру, первому добежавшему до них.

Второй незамедлительно выполнил его рекомендацию. Фокус с кружочками повторился, но Сергей не успел им воспользоваться, потому что из кустов неподалеку от него выскочило нечто паучьеобразное и, шипя, стало к нему приближаться. Ведомый инстинктом самосохранения, Второй вытянул вперед руку с посохом и крикнул: «Да!». Посох не подвел. Из него вырвался электрический разряд и буквально испепелил монстра. Следом за первым тут же появился второй, и его постигла та же участь.

— Неплохо, неплохо, — одобрил его действия скейвен, продолжая орудовать своим ржавым рубаком. — Может, чего и получится.

— Пошли к алтарю, — предложил Сергей. — Ты по этой стороне, а я по той.

— Нет, лучше воспользуйся «возможностями», — наотрез отказался Шарскун. — Гиблый лес — не место для самосовершенствования. Хочется наверняка, — на этих словах ему пришлось отвлечься, потому что добрый десяток уродливых тварей окружил их одновременно со всех сторон. Скейвен распахнул свой многократно залатанный плащ и с визгами закружил вокруг своего соратника, походя разнося мечом тела и головы наступающих. Дважды ему пришлось, оттолкнувшись обеими ногами от земли, перелететь через манипулирующего в воздухе пальцем Сергея и рассечь очередного монстра.

— Ты прямо ниндзя, — уважительно заметил Второй, наконец начертал в воздухе заветное «Магнификус», вызвал рой пульсирующих знаков и после недолгих размышлений выкрикнул: — Всем в лесу полчаса спать, кроме меня, крысы и девушки.

Тут же перед его глазами завис кружок с изображением макового цветка. Сергей ткнул в него пальцем и нападавшие буквально осыпались на землю.

— Очень, очень, — похвалил его Шарскун. — Только я не крыса, а благородный скейвен, моему клану пятьсот лет.

— Прости, — извинился тот, — не было времени на реверансы. Думал только о намерении.

— Друзья воины! — раздался приятный женский голос с другого берега. — С вами все нормально?!

— Могло быть лучше! — язвительно ответил ей скейвен.

— Не может быть! — крикнула девушка. — Я, наверное, первая женщина на свете, спасенная скейвеном!

— Уверен, что и последняя, — опять съязвил тот.

Девушка нашла свой второй меч, убрала оружие в ножны и, перешагивая через тела мирно спящих битсменов, начала приближаться к путешественникам.

— Будем знакомиться? — предложил Сергей, когда она подошла на расстояние нескольких шагов, и он смог наконец толком разглядеть незнакомку. Тонкие черты лица, смуглая кожа, большие карие глаза.

— Я Наола Корстейн, — первой представилась девушка, немного смущенная его пристальным взглядом.

— Я С... Магнификус, — чуть запнувшись, назвался Сергей, вовремя вспомнив о предупреждении Шарскуна по поводу имени и чувствуя, как что-то кольнуло в области сердца.

— Я Отор бер Шарскун Дуц, третий в клане Эшин, — неохотно, но с достоинством произнес скейвен и тут же спросил: — Почему у тебя свет возрождения был желтый? Ты полукровка?

— Да, — честно призналась девушка, повернулась к молодому человеку и также поинтересовалась: — Имя Магнификус — это полное имя?

— Нет, — за своего спутника ответил Шарскун. — Он Магнификус Второй. Больше у него нет имени. Где тебя убили?

— Так, ерунда! — отмахнулась Наола. — Не поделила кое-что с сотней орков из клана Кровавого Клыка.

— Кровавый Клык — уважаемый клан, — заметил скейвен. — Они не любят делиться.

— Я уже догадалась, — согласилась девушка и спросила: — Что вас завело в эти проклятые земли? Куда идете? Может, нам по пути?

— Нет, — твердо отказался Шарскун. — От тебя разит Нежитью, хотя я никогда еще не встречал полукровку Нежити и кого-то еще.

— А от тебя воняет крысятиной, — не преминула ответить грубостью на грубость Наола.

— Может, все решим на месте? — тут же предложил скейвен, вытаскивая меч.

— С превеликим удовольствием, грызун, — выхватила свои мечи девушка.

— Ребята! — встал между ними Сергей. — Ничего решать не будем. Разойдемся по-мирному. Это приказ.

— Кто ты такой, чтобы приказывать? — усмехнулась Наола.

— Он Древний, — нехотя проинформировал Шарскун, убирая оружие.

— Наола Корстейн, дочь Манфреда фон Корстейна и Оливии фон Рауковой приветствует тебя! — встала перед Сергеем на одно колено девушка и положила под ноги молодому человеку мечи: — Приказывай!

— Признаться, мне это нравится, — усмехнулся Второй. — Только я не знаю, что приказывать еще, кроме того, что я уже приказал.

— Прикажи пригласить тебя в гости ко мне, — без тени смущения предложила Наола. — Древний украсит своим присутствием мой дом. Он тут неподалеку.

— Не делай этого, — буркнул скейвен. — У меня плохие предчувствия.

— Почему же, — задумался Сергей. — Помоемся, поедим. Потом еще чего-нибудь придумаем.

— Придумаем, придумаем. Неизвестно, кто кого поест, — продолжил бурчать Шарскун. — Если она из Нежитей, то нет никаких гарантий. Потом, я слышал о ее папе. Папа любит чужую кровь.

— Любит, — согласилась девушка и добавила: — Но я тебя и не приглашала.

— Вот что я решил, — сказал Второй. — Я устал от монстров, подвигов, и вообще устал. Я и Шарскун погостим до утра, а потом пойдем дальше.

— Но!.. — хотела было возразить девушка, но махнула рукой. — Все равно моей репутации уже ничего не грозит. Соседи меня боятся и ненавидят, и вся прислуга у меня из привидений. Дом сторожат два дракона. Муж и жена. Они очень молодые. Я их сама вырастила. Папа постоянно где-то путешествует. Поговорить не с кем.

По дороге к дому Наолы Сергей предавался размышлениям, большей частью сумбурным. «Слова «странно или удивительно» явно не подходят для описания всего происходящего со мной. Есть несколько вариантов. Первый — я отравился в оперном буфете эклером и умер. Значит, сейчас я в аду, потому что рай не для таких, как я. Второе, что это реальность, но тогда все остальное пережитое мной нереально, а так — сон туманный, причем депрессивный. Я хотел быть физиком, я им стал, и все это закончилось работой в мебельном магазине. Я хотел стать публицистом, и это закончилось там же. Я хотел любить, и это закончилось два раза антибиотиками, два раза мордобоем и два раза непонятно чем. Все происходящее сейчас должно было давно свести меня с ума, но не свело. Хотя это вариант — безумие. Пить меньше нужно. Однако мое безумие строго сюжетно и имеет некую логику. Коей, кстати, не имела предыдущая жизнь года этак три-четыре. Что же мне, горемыке, делать? Да ничего. Я иду за очень симпатичной девчонкой с хвостатым мутантом, к которому я начал привыкать, и он у меня вызывает меньше отвращения, чем сосед по лестничной площадке. Плюс я недавно совершил подвиг, чего в обычной жизни никогда бы не сделал, поскольку боюсь смерти, боли и унижения. С другой стороны, хочется узнать, чем же вся эта история завершится. Думаю — плохо. Но это все-таки история, а не учетная запись шариковой ручкой в кладбищенской канцелярии. Меня воротит от этих бетонных плит с тесненной золотянкой надпи-

сью — «тот-то, тогда-то, от друзей и близких». Здесь хоть какая-то легенда полагается, а если повезет — обелиск. Нет, реальность мне нравится меньше. Нужно подольше задержаться в этом сюрном мирке».

И так далее.

Дом Наолы сразу понравился Сергею. Перейдя через перекидной мост над глубоким рвом, утыканным внизу кольями и заросшим саблевидными листьями аира, спутники оказались в ухоженном парке. По вымощенной серой плиткой дорожке они подошли к трехэтажному особняку, выстроенному в «викторианском» стиле.

— Мне это больше напоминает загородную виллу в пригороде Женевы, нежели дом красавицы-вампирицы, — заметил Второй. — А где обещанные драконы?

Наола улыбнулась, вставила в рот два пальца и оглушительно свистнула. Через мгновение над парком пронеслись две огромные крылатые тени и зависли высоко в небе над домом. Девушка еще раз свистнула, и драконы исчезли за облаком.

— Не стоит их тревожить, у них брачный период, — сообщила Наола и позвонила в колокольчик, висящий на цепочке у двери. — Сейчас баньши вас проводят в ваши комнаты. С ними говорить бесполезно, они никого кроме меня не слышат.

— Парк очень красивый, — хмуро заметил Шарскун, заправляя хвост за пояс.

— Красивый, — согласилась девушка. — У меня садовник тролль. Но он добрый. Его зовут Уул.

— Тролль?! — изумился скейвен.

— Тролль, — подтвердила Наола. — Его хотел мой отец сжечь, но я устроила дикую истерику и выпросила его у папы себе.

— Кто еще здесь есть? — опасливо озираясь, уточнил у нее крыс.

— Десятка два волков, лютых, естественно, я их тоже для охраны держу, сейчас они спят, — просто ответила она.

— Нам отсюда не уйти, — уныло констатировал Шарскун.

— Перестаньте молоть чушь, — отрезала девушка. — Идите к себе в комнаты, отдыхайте, а вечером у нас будет праздничный ужин в честь Древнейшего, — и она сделала полупоклон в сторону Сергея. — Еще я хочу позвать своего друга в гости. А вот и девочки.

Двери беззвучно приоткрылись и появились два грустных привидения.

— Девочки, проводите наших гостей в комнаты и принесите им еды. Обычной еды.

Приведения жестом показали, что нужно следовать за ними и поплыли обратно в дом.

— Двигай, поздно ломаться, — предложил Второй своему обескураженному спутнику, и тот послушно шагнул вслед приведениям.

Бесплотные проводницы довели их до массивных резных дверей в середине правой галереи на первом этаже, распахнули створки и беззвучно растаяли в воздухе.

— А что, мне здесь нравится! — оглядев большую комнату с двумя кроватями, стоящими друг напротив друга у противоположных стен, заявил Сергей.

— Уютненько, уютненько, — буркнул скейвен, разглядывая портрет грозного на вид рыцаря, висящий над одной из кроватей. — Вот и папа — фон Корстейн.

— Оливия! — сделал заключение Второй, в свою очередь вглядываясь в изображение красивой женщины, украшающее другую стену.

Тут двери опять распахнулись, и без всяких видимых усилий хрупкие на вид баньши внесли в центр комнаты большую чугунную ванну, полную теплой воды.

— Кто первый мыться будет? — уже начиная осваиваться, уточнил Шарскун.

— Я Древний, — напомнил Второй.

— Вспомнил, — обиженно насупился скейвен, скидывая свою одежду на одну из кроватей. — Будет лучше, если один спит, а другой дежурит. Могут во сне убить.

— Ты не понял что ли еще, что у нашей хорошенькой хозяйки тысяча раз была возможность это сделать, не дожидаясь пока мы уснем, — резонно возразил Сергей и попросил: — Давай пока один моется, другой в окно смотрит. Я еще не привык к существам твоей породы.

— Иногда ты говоришь правильно. Я очень стесняюсь, — поддержал его предложение Шарскун. — Потом, где гарантии, что Древние не едят голых скейвенов?

— Представить противно! — брезгливо сплюнул Второй, бросая свой посох на одну из кроватей.

Словно в ответ на их сомнения, приведения втащили в комнату трехсоставную полотняную ширму.

— Какая предусмотрительность! — восхитился Сергей, быстро скидывая одежду и с наслаждением погружаясь в воду.

Едва он произвел с помощью пористой губки, лежащей на краю, все необходимые процедуры и покинул ванну, баньши вернулись и уволокли ее, спустя несколько мгновений заменив на другую с чистой водой.

— Сервис, однако! — отметил Второй, одеваясь и садясь на край кровати.

— Нас моют перед едой, — предположил из-за ширмы Шарскун.

— Ты, брат, пессимист, я вижу!

— Я, брат, много жить, много видеть, много страдать.

— У тебя опять появился акцент.

— Забываюсь, что ты не скейвен. У скейвенов свой язык.

— Я польщен. Значит, ты мне доверяешь. А как говорят скейвены?

— Скейвены говорят по-скейвенски.

— Скажи чего-нибудь.

— Что сказать?

— Ну, предположим — хороший парень этот Магнификус.

— Нурссколу лу Магнификус пук.

— Пук — это хороший или парень?

— Пук — это хороший.

— Пук брат мой Шарскун, но очень ворчливый «пук».

— Не надо издеваться над моим языком, у вас тоже язык не эльфийский, как дрова грузят, — обиделся тот, судя по звуку, выбираясь из воды и обтираясь приготовленным покрывалом.

— Не злись, — извинился перед спутником Сергей. — Я по жизни шутник, — и спросил: — Кто первый дежурить будет?

— Мне все равно, но я тебя там под снегом долго ждал.

— Клянусь преобразованием Лапласа — понял.

— Кто такой Лаплас?

— Такой же умник, как и ты, — буркнул Второй.

Вскоре со стороны кровати скейвена раздалось мерное посапывание, а Второй, за неимением лучшего варианта, тоже прилег и как-то незаметно для себя уснул.

Ему снилось, будто он опять ребенок, что он у бабушки в деревне на огороде палкой рубит высокие лопухи, играя в рыцаря.

Его разбудил возмущенный шепот Шарскуна:

— Хороший сторож! Спит!

— Ладно, чего там, — попробовал оправдаться Сергей. — Ничего же не случилось!

— В окно тролль глядел, — сообщил скейвен. — И к дому кто-то подлетел. Дракон прилетел.

— Сколько времени? — спросил Второй, выглядывая в окно и к своему удивлению обнаруживая, что на темном небосклоне сияет сразу две луны. — Что, у вас тут две луны?

Шарскун не успел ответить, потому что в дверь постучались.

— Входите, — крикнул Сергей, поднимаясь на ноги.

В комнату вошла Наола. На этот раз она уже была облачена не в свой боевой наряд, а в элегантное платье, большей частью состоящее из прозрачных кружев, отчего ее изящная фигура просматривалась практически полностью.

— Милое платье, — не найдя сразу что сказать, похвалил ее одеяние Второй и опять почувствовал, как кольнуло сердце.

— Прошу вас отужинать со мной и моими друзьями, — не обращая внимания на похвалу, предложила она.

— Нас не будут кушать? — со свойственной ему прямотой поинтересовался Шарскун.

— Сегодня у нас скучное меню — хлеб, вино, жареная крольчатина, куропатки и фрукты, — успокоила его девушка и жестом позвала за собой.

Друзья проследовали за ней в обеденный зал.

Длинный обеденный стол действительно был уставлен традиционной снедью. Повсюду мерцали витые свечи. Баньши вокруг стола сновали с наполненными вином хрустальными графинами и корзинами с хлебом.

Навстречу вошедшим из-за стола поднялся высокий худощавый мужчина неопределенного возраста, судя по одеянию, рыцарь.

— Я его знаю, это Ракартх, он дручий, Беастмастер — укротитель черных драконов, — шепнул на ухо Сергею скейвен. — Плохие дела.

— Ничего плохого, — засмеялась Наола, видимо расслышав высказанные крысом сомнения, — он мой старинный друг. Когда-то мы сражались вместе с целой армией зверолюдей на западном склоне Черного Хребта. Мы искали Свитки Нагаша.

— Ты искала, — осторожно поправил ее мужчина. — Я искал гнезда черных драконов.

— Нашли? — вклинился в их воспоминания Шарскун.

— Естественно, достопочтимый Отор Бер, третий в Эшине, — серьезно ответил ДрагЛорд.

Пораженный деликатностью и осведомленностью нового персонажа скейвен счел необходимым тут же извиниться:

— Простите меня за глупую крысиную язвительность, мне сложно за один вечер уместить в моей упрямой голове факт, что я, скейвен, мирно ужинаю с дручием. Скейвены тысячелетиями воевали с дручиями. Я приношу свое уважение одному из самых легендарных и образованных воинов этого времени — Лорду Ракартху из Каран Кара, если не ошибаюсь?!

— Не ошибаетесь, и я польщен, — улыбнулся гость и оговорился: — Вы напрасно ссылаетесь на свою голову, все знают, что она одна из самых светлых голов нашего мира. Точнее, мира, в котором мы живем. Поскольку в большей степени наш мир создан и принадлежит Древним, а мы так — безвольные игровые элементы этого величественного проекта, — он сделал поклон в сторону Сергея и представился: — ДрагЛорд Ракартх к вашим услугам.

— Магнификус, — только и нашелся что ответить тот. — Сочту за честь сидеть за одним столом с вами.

— Я знаю, кто вы, — склонил в приветствии голову аристократ. — Мало того, мне поручено взять на себя хлопоты по вашему пребыванию в Наггароте.

— Господа, — вмешалась в разговор Наола, — перейдем к напиткам. Пора выпить за дам. Господин Шарскун, сразу предупреждаю, вино не отравлено.

— Давно пора, — вполголоса согласился Второй, окончательно запутавшийся, как себя вести.

Собравшиеся молча подняли бокалы и отпили по глотку из них.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что вам поручено взять на себя хлопоты обо мне? Кем поручено? — счел возможным начать беседу Сергей, когда все сели.

— Теми же, кто послал вас сюда, — безо всякого намека на двусмысленность ответил Ракартх. — Как только ваши соплеменники узнали, что вы гостите у Наолы, я счел разумным выбрать время и навестить мою давнюю знакомую.

— Какие соплеменники? — уточнил Второй.

— Боги или Древние, как кому больше нравится, — просто ответил Ракартх.

— Это так? — искренне удивился Второй, покосившись на девушку. Та в подтверждение слов ДрагЛорда кивнула.

— Я не знал, что у меня такие заботливые и почтенные соплеменники, — признался Сергей. — Наверняка я еще много чего не знаю.

— Уверен, когда вы доберетесь до своих собратьев, они все вам расскажут, — пообещал Ракартх.

— Получается — в этом мире всем управляют Древние? — делая еще один глоток, продолжил расспросы Второй.

— Прежде управляли, тысячи лет назад, — заявил ДрагЛорд. — Теперь наш мир живет сам, а Древние по иронии судьбы тоже в некоторой степени стали его персонажами и находятся в определенной зависимости от собственных правил. Тождественность причины и следствия.

— И что же, мы полетаем на драконе?

— Обязательно полетаем, но не сейчас. Мои передвижения могут отслеживаться вашими неприятелями. На данный момент это только визит вежливости, а до Наггарота вас сможет без труда довести достопочтенный Отор Бер, третий в Эшине, — и ДрагЛорд повернулся к скейвену. — Вы ведь выполните ваши обязательства, господин Шарскун?

Тот молча кивнул, не поднимая глаз на гостя.

— Что еще за неприятели? — заинтересовался Сергей.

— Отвратительные неуправляемые существа. Насколько я понимаю, вас и вызвали для борьбы с ними.

— Я, конечно, растроган таким вниманием со стороны своих божественных собратьев, но что-то мне не хочется ни с кем бороться. Тем более, что мне кажется, я знаю, о ком идет речь. Бороться с ним — только время терять.

— Не беспокойтесь, мы поможем вам. Простите, — Ракартх, поднялся из-за стола. — Мне пора. Иначе в Наггароте заметят мое отсутствие.

ДрагЛорд вышел из-за стола, поцеловал руку Наоле, поклонился Шарскуну и покинул дом. Во дворе раздался оглушительный рык, хлопанье перепончатых крыльев, и вскоре все затихло.

— Как вам мой друг? — невинно поинтересовалась девушка.

— Мне понравился, — ответил Сергей. — Приятный, интеллигентный субъект.

— А я напуган и ничего не понял из вашей болтовни с дручием, — в тон ему сказал Шарскун, взахлеб прямо из графина потребляя вино

и, пренебрегая столовыми приборами, прямо с блюда хватая лапой куски мяса и поглощая их.

Заметив на себе неодобрительный взгляд молодого человека, скейвен только отмахнулся:

— Ну не надо тут эти дворцовые нежности разводить! Я всегда много кушать, когда волнуюсь. У нас, скейвенов, так принято.

— Может, прогуляемся по парку? — неожиданно предложила Сергею Наола.

— Легко, — согласился Второй.

— Я не пойду, — наотрез отказался скейвен. — Я боюсь троллей. Мне и здесь неплохо. Только пусть баньши мне еще графин с вином выдадут.

Девушка щелкнула пальцами, и одно из вышеупомянутых созданий тут же выставило перед скейвеном графин. Шарксун удовлетворенно кивнул и потянул к нему лапу.

Наола и Второй вышли в прохладу ночного парка и медленно пошли по дорожке мимо тщательно ухоженных кустарников.

— Два коротких вопроса. Как Ракартх с Древними узнали, что я здесь, и что за свитки, которые ты искала в горах? — после недолгого молчания начал разговор Сергей.

— Это не короткие вопросы.

— Но все-таки?

— Узнали, потому что я отправила почтовую птицу Ракартху.

— Зачем?

— Чтобы тебе помочь. Ты же со своим другом меня спас. И еще я знала, что Ракартх поддерживает связь с Древними. Но это для всех остальных тайна.

— А свитки?

— Свитки?! Свитки — это давно потерянные инструкции по обретению бессмертия.

— Ты хочешь быть бессмертной?

— Для моей матери. Я была юная и глупая. Отец хотел помочь матери, но она отказалась пить чужую кровь и умерла человеком.

— А ты пила?

— Повторяю — я не хочу бессмертия.

— Почему?

— Я хочу остаться человеком.

— Зачем?

— Чтобы полюбить. Бессмертные не могут любить. Бессмертие — иллюзия, потому что жизнь без любви — это пустая трата времени.

— Ты что — любила?

— Это личное.

— Ладно, не буду совать нос в чужую душу.

Наола остановилась и взглянула в глаза Сергею:

— Ты думаешь, у созданий есть душа?

Второй долго молчал, разглядывая луну, украшающую ночной небосклон, наконец ответил:

— Думаю, что есть, потому что существо, желающее любви, должно иметь душу. В моем мире, когда мне тоскливо, я часто перечитываю один роман. Дело происходит в далеком будущем. Некий охотник за искусственными людьми, которые отказались служить своим создателям, долго гоняется за главарем этих бунтарей. Потом находит его и убивает. Умирая, этот главарь демонстративно выпускает из руки голубя. Дает понять охотнику, что он боролся не против своих создателей, а за свою независимую душу. Точнее, за возможность ее иметь.

— Великий жест! — мечтательно улыбнулась девушка и предложила: — Хочешь узнать, чем занимается тролль перед сном?

— Было бы интересно!

— Тогда тихо иди за мной.

Она взяла Сергея за руку и потащила сквозь заросли кустарника куда-то в темноту. Они перебрались через невысокую изгородь и оказались на краю небольшого оврага. На его дне горел костер, у костра на каменном валуне сидел огромный тролль в окружении стаи волков и хрипло вполголоса читал им какую-то книгу. Волки ему благоговейно внимали.

— Он умеет читать? — удивился Второй.

— Конечно, — ответила Наола, — я его научила.

— А что он читает?

— У нас только одна книга Древних — «Рики-Тики-Тави».

— Киплинг?

— Да. Мне эту книгу подарил Ракартх на день рождения. Она из разделенной библиотеки Азуров.

— И волки его понимают?

— Еще как! Ну, пошли, а то неудобно.

— Чем дальше, тем забавнее, — двигаясь в темноте за своей хрупкой спутницей, крякнул Сергей.

Молодые люди выбрались обратно на парковую дорожку.

— Устал? — спросила Наола у гостя.

— Да нет, я же выспался, — пожал плечами тот.

— Тогда я могу тебе еще показать «колесо судьбы», — сообщила девушка.

— Звучит интригующе, — сказал Сергей.

Наола провела его вокруг дома и показала на журчащий неподалеку ручей:

— Там.

Они пошли вдоль русла ручья, пока тот не привел их к небольшому водоему с укрепленным каменными плитами берегом. На другой стороне виднелись руины какого-то здания с большим деревянным колесом у основания. Движимое потоком воды колесо неторопливо, с глухим скрипом вращалось вокруг своей оси.

— Раньше здесь была мельница, — объяснила девушка. — Потом она сгорела, а колесо осталось. Если загадать желание и колесо остановится, то желание сбудется.

— Серьезно? — не поверил Второй.

— Есть такое мнение, — улыбнулась Наола и села на каменное ограждение водоема. — Я иногда прихожу сюда подумать.

Сергей сел рядом и полюбопытствовал:

— Почему мельницу не восстановишь?

— Бессмысленно, я давно покупаю хлеб в ближайшей деревне, — призналась девушка.

— Когда-то я тоже жил в деревне, и там была водяная мельница, — сказал Второй. — Только она стояла на реке. Мы с другими мальчишками играли там в войну, а когда выросли, назначали свидания девчонкам.

— Ты тоже назначал? — заинтересовалась Наола.

— Ну конечно назначал, — кивнул Сергей, помолчал и добавил: — Только она не пришла. Заболела, а на следующий день с родителями в город уехала. Я до утра ее ждал и простудился.

— Думаю, что она тебя обманула, — предположила девушка.

— Может быть, но самое главное, что она согласилась прийти, — вздохнул Второй. — Тем более что я не очень себе представлял тогда, что нужно делать на свидании.

— Теперь-то представляешь? — лукаво поинтересовалась Наола.

— В деталях, — столь же лукаво ответил Сергей, но добавил: — Жалко только, что это было первое и последнее свидание. В будущем я обходился уже без них.

— Что, ты имел такой успех у девушек?

— Нет, просто у девушек не было лишнего времени.

— Давай загадывать желания, — предложила Наола.

— Давай, — поддержал ее предложение Второй.

Они задумались. Неожиданно колесо громче обычного скрипнуло и остановилось. Потом раздался всплеск воды, очевидно, в деревянные лопасти попала крупная рыба, и колесо снова завертелось.

— Ты видел?! — схватила Сергея за руку девушка.

— Оно остановилось, — сказал он, чувствуя тепло ее ладони.

— Успел чего-нибудь загадать?

— Нет, мысли путаются, я все еще никак не могу привыкнуть к своей новой жизни.

— Привыкнешь, такие как ты ко всему привыкают. Можешь мне поверить, у меня папа вампир, и я людей насквозь вижу, — поднялась с камней Наола. — Ладно, пошли.

Шарскуна они обнаружили сидящим на том же месте, абсолютно пьяным и распевающим какую-то разудалую скейвенскую песню. Три баньши весело подпевали ему. Едва завидев хозяйку, они испуганно растворились в воздухе.

— Это просто чудо! — развела руками Наола.

— Что же здесь чудесного? — не понял Второй. — Нализался крыс вдрызг.

— Да нет, — объяснила девушка. — Это непрощенные духи, их удел — скорбь. В нашем мире ничего просто так не случается.

— Бросьте, нормальные девчонки! — заслышав их разговор, крикнул скейвен, рухнул боком со стула на пол и, даже не предприняв попытки встать, громко захрапел.

— Не хочу тебя пугать, но мне кажется, что твой друг — не совсем то, чем хочет нам показаться, — предупредила Наола.

— Да, он классный мужик, — согласился Сергей.

— Будь осторожен, и спокойной ночи. Завтра вам идти в Праг. Тебе потребуются силы, — сказала девушка, пожала ему руку и направилась по лестнице наверх.

— Ох, дела мои скорбные! — вздохнул Второй, поднимая сопящего во сне Шарскуна с пола и волоча его в свою комнату.

— Ужасно трещит башка, — пожаловался скейвен, когда они в сопровождении Наолы вышли из усадьбы на дорогу.

— Еще бы, столько вина в одну морду, — кивнул Сергей и спросил девушку, показывая глазами на парящих у них над головой драконов:

— Все-таки здесь на драконах летают?

— Летают, — поняла невысказанную просьбу она, но объяснила: — Вам на драконах нельзя. Вам нужно идти незаметно. Я отправлю с вами волков, они довезут вас до Праага за несколько часов и будут вас защищать.

Словно в подтверждение ее слов из густого леса, окружающего усадьбу, на дорогу вышли шесть мощных волков размером со взросло-

го пони. Коротко стриженные холки хищников были выкрашены в белый цвет.

— Это волки-герои, — охарактеризовала животных Наола. — Они служат только мне и никого не боятся.

— Дома мне не поверят, что я ездил на лютых волках, — подал голос Шарскун, забираясь на спину одного из хищников.

— Я буду скучать, — на прощание сказал Второй девушке. — У нас редко встретишь барышню с такой ясной жизненной позицией.

— А я просто буду скучать, — призналась Наола, махнула рукой и волки понесли путешественников по лесной дороге прочь.

— Ты влюбился, человечек! — хохотнул скейвен, когда усадьба скрылась из виду.

— Может быть, — честно ответил ему Сергей, поправляя привязанный к спине посох.

— Не переживай — она тоже влюбилась в тебя, — успокоил его крыс.

— Откуда ты знаешь? — улыбнулся Второй, изо всех сил стараясь сохранять равновесие.

— У меня двадцать детей, а может быть, уже двадцать один, — пояснил Шарскун.

— Будем надеяться, что ты прав, — крикнул Сергей и пятками ударил по бокам своего волка. Тот сердито рыкнул, но скорость прибавил.

LOADING...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Через несколько часов этой бешеной скачки они выехали на открытое пространство. Вдали показались очертания какого-то города.

— Прааг, — вытянул вперед лапу скейвен. — Мертвый город. Каждый камень в крови.

— Что здесь произошло? — спросил Второй, принюхиваясь.— Гарью пахнет.

— Битва. Большая битва. Хаос и люди, — рассказал Шарскун. — Много месяцев битвы. Все погибли.

— Тогда кто же победил?

— Смерть.

— И там никто не живет?

— Хаос нигде не живет, а люди боятся возвращаться сюда. Плохое место.

— Я гляжу, что в вашем мире мало хороших мест.

— Как сказал дручий, — намекнул на ночной разговор скейвен, — не мы создавали этот мир.

— Да, да, да, — вздохнул Сергей, соскакивая со спины волка на землю. — Напомни, зачем мы туда идем?

— Там вход в тоннели, которые нас выведут к Наггароту, — сообщил своему забывчивому спутнику Шарскун.

— Теперь напомни — зачем нам в Наггарот и что такое Наггарот? — попросил тот.

— Наггарот — это другой город, там живут Темные эльфы. Рядом с Наггаротом бухта, где тебя заберет корабль и отвезет в земли Высших эльфов, а я получу свое золото и вернусь к своей семье, — терпеливо выдал ему всю информацию крыс.

— Напоминай мне почаще, что происходит, потому что еще несколько дней назад я продавал поддельные итальянские спальные гарнитуры свеженазначенному начальству из Санкт-Петербурга и даже представить себе не мог, что окажусь здесь, в окружении благородных скейвенов, не менее благородных эльфов-убийц и прекрасных вампи-

риц. Не говоря уже о такой чепухе, как тролли, драконы, мутанты и ездовые волки.

— Это не ездовые волки, — уточнил скейвен. — Это волки-людоеды.

— Да? Мне они показались очень симпатичными.

— Все определяют условия игры, — философски заметил Шарскун и предложил: — Пойдем скорее, пока «ездовые» волки не забыли, что они «ездовые».

И они зашагали по дороге, со всех сторон поросшей только зацветающей нигеллой, по направлению к городу.

— Знаешь, как называют садоводы эти цветы? — кивнул на голубые цветки у обочины Второй.

— Как? — равнодушно спросил скейвен, не отрывая взгляда от приближающихся ворот города.

— «Девица в зелени», — сообщил Сергей.

— Очень полезное знание, — буркнул Шарскун.

Как только путешественники подошли к воротам, волки, доселе внимательно следящие за их передвижением, развернулись и размеренной рысью двинулись к лесу.

Город действительно оказался довольно мрачным: пустые улицы, темные проемы окон, много полуразрушенных зданий и царящая над всем этим нереальная тишина.

— Вход в тоннель там, в подвале одного из домов у городского рынка, — показал лапой скейвен и шагнул в сторону узкой улочки справа.

— Отлично, — пошел за ним Второй, на ходу продолжая увеличивать запас своих знаний о мире, куда его занесло. — Еще вопрос.

— Ну?!

— ДрагЛорд — это титул?

— Да. Титул и призвание.

— В каком смысле?

— ДрагЛорды умеют приручать драконов.

— Наола тоже умеет.

— Наола вообще странная штучка. С ней надо быть осторожнее.

— То же самое она сказала и про тебя.

— Почему?

— Потому что, когда ты пьяный орал песни, баньши тебе подпевали.

— Ничего странного — это были очень веселые песни, — тут Шарскун остановился и прислушался: — Т-с-с-с! Кто-то идет.

Спутники спрятались за угол здания и притихли. Через несколько минут мимо них проковыляла старушка с охапкой дров в руках. Они, стараясь не издавать никаких звуков, выглянули из-за угла ей вслед. Старушка добралась до перекрестка и намеревалась было зайти по ступенькам в один из домов, как зацепилась за кованый порог, пошатнулась и выпустила из рук дрова. Поленья раскатились по всему перекрестку. Старушка нагнулась и принялась на ощупь искать потерянные дрова. Судя по ее движениям, она была слепая.

— Пойдем поможем, — шепотом предложил Сергей.

— Ни за что, — ужаснулся скейвен. — В Прааге никто давно не живет. Я тебе говорил — все погибли.

— Значит, не все, — сам того не понимая, отчего-то заупрямился молодой человек, и, пока Шарскун находился в замешательстве, вышел к женщине и предложил: — Может, я вам помогу?

Старушка вздрогнула от звука его голоса, но скоро успокоилась и ответила:

— Если можно, добрый мальчик.

— «Добрый мальчик», — зло прошипел на ухо Сергею Шарскун. — Это может оказаться оборотень или еще чего похуже.

— Да пошел ты! — отмахнулся от него Второй и принялся собирать разбросанные поленья.

— Ты друг моего сына? — спросила слепая женщина и, не дождавшись ответа, сообщила: — Его пока нет.

— Нет, я мимо шел, — сказал Сергей, занося за ней в дом дрова. — А кто ваш сын?

— Симбо, — ответила старушка. — Он все время на службе. Он библиотекарь. Скоро он придет. Он обещал принести молоко. Каша без молока пресная. Не говорите, что я выходила одна за дровами. Я его берегу, у него столько работы!

— Не скажу! — пообещал Второй, оглядываясь вокруг.

Помещение внутри на удивление выглядело довольно ухоженным. Горел очаг. На столе стояла серебряная посуда, на полках покоились какие-то съестные припасы в мешках. И на всем этом красовался один и тот же символ — что-то вроде зигзага со звездой посередине.

— Вы хотите есть? — спросила женщина, присаживаясь на скамью у стола.

Сергей оглянулся, увидел перекошенную от ужаса морду скейвена и отказался:

— Нет, я недавно поел. Я пойду, иначе меня будут ругать товарищи по работе.

— Спасибо тебе, добрый мальчик, приходи вечером, я тебя угощу вкусной кашей, — поблагодарила его старушка.

— Обязательно зайду, — пообещал Сергей и вышел из дома. Как только он оказался на улице, Шарскун крепко схватил его за руку и быстро потащил прочь. Только оказавшись на приличном расстоянии от дома, он прижал обеими лапами своего спутника к стене и зашипел на него:

— Ты очень глупый, очень глупый человек! Плохой товарищ по работе!

— Чего ты так напрягся-то?! — не понял тот. — Хорошая женщина. Больная. Чем она тебе не угодила?

— У нее везде знаки Тзинча! — зловеще объяснил ему крыс. — У нее на груди медальон со знаком Тзинча, поэтому ее здесь никто и не трогает. Все боятся Тзинча!

— Какого Тзинча? — не понял Сергей. — Фамилия сына такая?

— Клянусь Рогатой Крысой — ты самый глупый человек на этом свете, — наконец отпустил его скейвен. — Тзинч — главный бог Хаоса, страшнее него нет.

— Да ладно тебе, — попробовал его успокоить Второй. — Твой Зинч и Тзич нам только спасибо скажет, что его маме помогли. Она меня вечером на кашу приглашала.

— О нет! — опять глухо простонал Шарскун, схватил своего спутника за руку, потащил куда-то в подворотню, за грудой полусгнивших ящиков повалил на землю и зажал лапой рот. Тут и сам Сергей заметил, что на улице быстро стемнело и под порывом ветра над мостовой взметнулись листья. Потом раздался раскат грома. Что-то большое двигалось по направлению к ним. Наконец он увидел самое странное существо, которое может себе представить человеческий рассудок, — дикая помесь птицы, паука и еще пары несовместимых существ шагала мимо них в сторону дома старушки. Поравнявшись с подворотней, в которой притаились напуганные спутники, существо остановилось, скрестило свои полукрылья-полуклешни и в мгновение ока превратилось в мужчину средних лет плотного телосложения в длинном оранжевом камзоле. Впрочем, камзол только секунду был оранжевым, через мгновение оранжевый окрас сменился бирюзовым, потом золотым. Существо пригладило руками темные волосы и направилось дальше.

— Сейчас он дойдет до старухи, а та ему расскажет о «добром мальчике», и нам конец, — прошептал оцепеневший скейвен.

— Тогда бежим?! — предложил Сергей.

— Очень, очень, — согласился крыс, и они со всех ног помчались к городскому рынку.

— Ищи дверь с двумя железными сапогами, — на ходу приказал Шарскун, когда они домчались до рыночной площади.

Сергей огляделся и на свое счастье тут же обнаружил дверь, над которой, позвякивая на ветру, висели два металлических листа, вырезанных в виде сапог.

— Вон она, — показал своему обезумевшему спутнику Второй.

— Быстро, быстро! — взвизгнул скейвен и бросился к двери.

Вломившись в дом, он тут же вышиб какую-то дверь и побежал по лестнице вниз. Сергей едва поспевал за ним. Лестница заканчивалась помещением, уставленным огромными бочками.

— Так, так, так! — приговаривая, перебегал от бочки к бочке Шарскун. Наконец он нашел, что искал, и повернул на бочке кран. Бочка беззвучно отъехала в сторону, открывая круглый лаз.

— Туда! — крикнул скейвен и первым нырнул в темное отверстие. Сергею не оставалось ничего другого, как последовать за ним. И они заскользили в темноте по винтообразному желобу куда-то вниз. Через несколько минут беспрерывного кружения их выбросило на кучу угля. Шарскун поднялся на ноги первым и в два прыжка очутился у механизма, отдаленно напоминающего грузовую вагонетку.

— Быстро, быстро! — не прекращая паниковать, защелкал какими-то тумблерами он. — Садись.

Сергей забрался внутрь вагонетки, скейвен прыгнул за ним и диковинное передвижное средство, быстро набирая скорость, покатилось куда-то по единственной рельсе.

Только проехав, по примерным расчетам молодого человека, не менее пяти километров от места старта, Шарскун успокоился и сделал глубокий выдох.

— Прости, я не знал, что это так опасно, — извинился Сергей и спросил: — Это действительно так опасно?

— Это в миллионы раз опасней, чем ты можешь себе представить! — завизжал скейвен, потом все-таки успокоился и ответил: — Да, это очень опасно. Это Тзинч — бог изменения. Это он уничтожил Праг и еще много других городов. Он страшный! Мы чудом ушли.

— Боюсь тебя разочаровывать, — задумчиво глядя назад, сказал молодой человек. — Но, кажется, мы еще не совсем ушли.

Шарскун взглянул туда же и обнаружил, что в нескольких десятках метров от них рельса, по которой двигалась вагонетка, искрясь, стремительно тлела словно бикфордов шнур.

— Прыгаем! — крикнул крыс и, действительно, сиганул из вагонетки вниз.

— Блин! — только и смог сказать Сергей, сжимая левой рукой свой посох и прыгая за скейвеном.

Благо оказалось невысоко, и друзья по несчастью приземлились на влажный песок. Неподалеку раздался оглушительный взрыв.

Неизвестно, сколько еще прошло времени, пока Второй нашел в себе силы спросить:

— Ты жив, дружище?

— Почти, — вздохнул, вставая с песка Шарскун: — Я меч потерял! И очень устал бояться.

— И не говори! — разделил чувства соратника Сергей, отряхиваясь от песка, и поинтересовался: — Теперь как доберемся до места?

— Здесь много перекрестных тоннелей, может быть, в них есть хладнокровные, — ответил тот.

— Хладнокровные?!

— Это как лошади, только не такие тощие. Воспользуешься своими возможностями еще разок.

— О'кей, — с помощью посоха поднимаясь на ноги, согласился путешественник.

Двигаясь вслед за Шарскуном, Второй по привычке впал в мечтательное настроение.

— Наола! — звучало у него в голове. — Наола! 90, 60, на 90. Нет, на 80. Два дракона, тролль с книжкой, волки-людоеды и папа, судя по всему, психопат — неплохое приданое для человека с неопределенным мировоззрением и склонностью к алкоголизму. Интересно, до какой степени близости они дошли с Ракартхом! Если это только идеология, тогда все в порядке. У меня есть знакомые фашисты, национал-большевики и «гринписовцы». Их частная жизнь не интересует. Будем молиться, чтобы она оказалась жертвой каких-нибудь убеждений. Даешь фанатизм — лекарство от одиночества! С другой стороны, зачем ей без-

вольный аморальный типчик вроде меня. С другой стороны, такие это и любят. С другой стороны, будет мной крутить. С другой стороны, я Древнейший. С другой стороны, как выяснилось, это большой геморрой. С другой стороны, по-моему, я действительно уже влюбился и все предыдущие соображения не имеют смысла. Тогда надо выработать тактику. Что может любить такая девушка? Все что угодно. 1:0 в мою пользу. Да, но она любит всех этих уродов. 1:1. Хотя я тоже урод в своем роде. 2:1.

От размышлений его отвлек скейвен.

— Вот я иду и думаю, — спросил он. — Ты за девушку заступился и старушке помог с дровами. Что — это так обязательно Древнейшие делают?

— Редко, — честно ответил Сергей.

— Слава Рогатой Крысе, иначе нам не выжить! — сказал Шарскун и тут же опять спросил: — Тогда почему?

— Не знаю, — снова честно ответил молодой человек. — Вариант возрождаться через пять минут после смерти очень расслабляет.

— Так не все возрождаются, — открыл ему глаза крыс. — Только герои.

— Вот что означали слова Наолы по поводу волков-героев, — понял Сергей и уточнил: — Ты-то хоть герой?

— Я еще ни разу не умирал, — грустно признался Шарскун, — но очень боюсь, что нет.

— А я? — еще больше заинтересовался Второй.

— Тоже непонятно, как у вас там, у Древнейших, — ответил скейвен. — Думаю — должен.

— Это не самое смешное, что я услышал за последнее время, — озадачился Сергей и предложил: — Будем тогда осторожнее.

— Слава Рогатой Крысе! — поддержал его порыв крыс.

— Она правда Рогатая? — ехидно спросил Второй.

— Не кощунствуй, — строго осек его Шарскун. — Это не она, это он.

— Я серьезно.

— Не знаю, я не богослов, Рогатая и Рогатая. В общем, слава ему!

Впереди показался овальный вход в перекрестный тоннель.

— Смотри, — провел по стене лапой скейвен, очищая от плесени нацарапанные на камне каракули, — моя язык. Мы под Миддейхеймом — городом Белого волка.

— Это хорошо или плохо? — не понял Сергей.

— Это никак, — ответил его спутник. — Хотя вокруг много варп-камня, а значит, есть железные вагоны для переправки камня в Скейвенблант, столицу Скейвенов, и Эшинблант — мой родной город. Там дядя Сникч. Старый уже дядя Сникч, а его сын Шроч не любит ходить, он любит изобретать. Его посылали в столицу учиться. Умный скейвен, но не сильный.

— Так ты не в столице живешь?

— Нет, там, во-первых, дорого, во-вторых, там правит другой клан.

Путешественники продолжили свое движение дальше, пока под ногами не начала скрипеть галька.

— Смотри-ка — галька, — поднял с земли круглый камень Второй. — Где-то рядом море?

— Да, — кивнул Шарскун. — Море костей. Недалеко. Три перехода, если вагоны не найдем.

— Тьфу ты! — сплюнул Сергей. — Что за названия? «Гиблый лес». «Мертвые земли». «Море костей». Кто это придумал?

— Древние, — безучастно ответил крыс, вглядываясь в тусклое зеленое мерцание, исходящее от сводов тоннеля. — Варп. Где-то рядом шахта.

Он достал из-за пазухи пузырек с какой-то жидкостью и протянул спутнику:

— Пей. Варп-камень вреден для людей. Действия хватит на два или четыре месяца.

Второй с отвращением понюхал содержимое пузырька и вернул его спутнику:

— Не буду. Рыбьим жиром пахнет.

— Надо, — настойчиво ткнул в него сосудом скейвен. — Варп вызывает быструю мутацию. Пить не будешь — рога вырасти могут.

— Тогда канонизируете?! — морщась, влил себе в рот содержимое пузырька Сергей.

— Не кощунствуй, — опять осек его Шарскун и вздохнул. — У людей так мало святого!

— Не сердись, — извинился его неразумный друг и показал на что-то блеснувшее впереди. — Я заметил огонь.

Скейвен замер и прислушался.

— Идут.

— Кто?

— Не знаю, но идут быстро.

— Спрячемся?

— Не надо, я слышу речь инжи.

— Новая порода?

— Люди. Только хорошие. Они наш клан учили выживать. Давно.

Действительно, вскоре Второй увидел шествующую по тоннелю колонну людей в длинных плащах и с посохами в руках. Их вел седовласый старец.

Когда они поравнялись с путешественниками, старец взмахом руки остановил процессию и вопросительно обратился к Шарскуну:

— Ани шарми тель уш уш лами?

— Нух лами, нима лами, датс лами, — почтительно склонившись перед стариком, ответил тот.

— Ибаро эшин курт лиссо, нетопосу хмолкс дуфо нейо, — улыбнулся тот, опять взмахнул рукой, и колонна двинулась дальше.

— О чем вы говорили? — не удержался от вопроса заинтересованный Сергей.

— Это врачи, они идут лечить людей на север, там эпидемия, — перевел свой разговор со стариком тот. — Еще он сказал, что впереди есть вагон-капсула. Он нас пронесет под морем очень быстро. Он разрешил взять капсулу.

— Под землей народ гостеприимней, — констатировал Второй.

— Инжи — великий народ, — согласился с ним Шарскун. — Врачи. Скейвены любят инжи. Все любят инжи. Кроме Хаоса. Но скоро инжи уйдут из этого мира в самый центр Земли. Мне так папа говорил.

— Зачем?

— Их поведет Тордион думать о будущем.

— Тордион? Этот старик?

— Нет. Старик — его ученик. Один из учеников. Гален зовут. А сам Тордион — сын Древних. Независимый и мудрый.

— Мощный тип, — сделал свой вывод Сергей.

— Да! — опять согласился с ним скейвен и пошел вперед.

Действительно, в скором времени они вышли к огромной пещере с хитроумной, поблескивающей белым металлом, конструкцией в центре. Громадная площадка, примыкающая к строению, делала всю конструкцию схожей с космодромом.

— Классический хайтек, — констатировал Второй.

Крыс ловко взобрался по лестнице на площадку и подошел к овальному цилиндру, стоящему на рельсе.

— Это она, — погладил лапой капсулу скейвен, сдвинул вбок крышку и полез внутрь. — Поехали, «добрый мальчик».

— Поехали, — подозрительно заглянув внутрь капсулы, буркнул тот.

Пережитый впоследствии полет внутри капсулы Сергей вспоминал с трудом, потому что его все время тошнило от перегрузок. Шарскун мужественно претерпевал все тяготы полета, вцепившись лапами в круговые поручни капсулы. Хотя и по его морде можно было судить, что путешествие в инжи-капсуле ему также в новинку.

По прибытии друзья еще долго лежали на платформе, приходя в нормальное состояние. Первым поднялся скейвен и, пошатываясь, побрел к лестнице, ведущей вниз. Второй, постанывая и на ходу потирая затекшие за время полета руки, двинулся вслед. Он уже было взялся за перила, как его внимание привлекла приоткрытая дверь ангара, примы-

кающего к площадке. Пока Шарскун спускался вниз, Сергей незаметно подобрался к двери и заглянул внутрь. Изнутри ангар напоминал театральную костюмерную — длинные ряды вешалок с плащами, такими же, как у инжи, столы с выложенными на них посохами и сумками. Среди прочего он обнаружил массивный меч из темной стали, поверх которой мерцали выгравированные символы на неизвестном языке. Второй быстро скинул свой плащ, разорванный при падении из вагонетки, набросил себе на плечи плащ инжи, схватил со стола сумку и меч. Последний раз оглянувшись на пространство ангара, он выскочил наружу и побежал по лестнице вниз.

Скейвен сидел на песке в двадцати метрах от конструкции и устало ждал своего медлительного спутника. Когда же он увидел Сергея, его морду исказил неподдельный ужас, а хвост вытянулся трубой.

— Нет! — взревел он, но было уже поздно — Второй спрыгнул с лестницы и тут же оказался в луче яркого голубого света.

Шарскун закрыл лапой глаза.

— Чего ты? — спросил его Второй, подходя ближе.

Скейвен опустил лапу, вскочил на ноги и заорал:

— Ты очень, очень глупый человечишко! Это свет инжи, он всех превращает в воду!

— Меня чего-то не превратил, — попытался оправдаться Сергей.

— Не превратил, — еще не веря своим глазам, согласился крыс.

— Мне их одежда понравилась, твоя мне шею терла, — объяснил молодой человек и протянул найденное оружие спутнику. — Потом я подумал, что тебе нужен меч. Ты же свой потерял.

— Черный меч сланнов с рунами отражения, — благоговейно принимая подарок, простонал Шарскун. — Это целое состояние! Такого нет ни у кого из скейвенов. Это мне?

— Тебе-тебе! У меня есть палка с электричеством.

— А можно?

— Почему нет, я же тоже Древний, — мотивировал свой поступок Сергей.

— О великий Магнификус! — пал перед ним ниц крыс.

— Прекрати истерику, нам пора идти, — предложил Второй.

— Да, да. Моя идти. Идти за тобой куда угодно, — ожесточенно закивал головой Шарскун, поднимаясь с коленей.

— Куда угодно не надо, пошли куда нужно, — попытался вернуть его к реальности Сергей.

— Да, да, да! Меч сланнов! Меч сланнов! — продолжая стонать от восхищения, двинулся вперед скейвен.

Ведомый врожденным чутьем, Шарскун уверенно маневрировал в паутине бесконечно переплетающихся тоннелей, пока не вывел молодого человека к тоннелю с каменным акведуком посередине и текущим по нему большим ручьем.

— Ручей приведет к Эшинбланту, — объяснил скейвен.

— Точно? — уточнил порядком уставший Сергей.

— Точно, — успокоил его спутник. — Можно сказать, что мы уже в городе, только это окраина.

Второй внутренне подверг сомнению слова неутомимого крыса, но скоро ручей действительно привел их к массивным деревянным воротам, за которыми виднелась большая пещера, застроенная невысокими домами с плоскими крышами. Шарскун решительно постучал лапой по воротам, створки распахнулись, и оттуда осторожно выглянули два вооруженных скейвена. Судя по всему, они сразу узнали своего сородича, а плащ инжи, накинутый на плечи Сергея, произвел на них самое положительное впечатление. Не говоря ни слова, привратники пропустили друзей внутрь.

— Это западная сторона города, — пояснил Шарскун, — здесь живут бедные скейвены.

— Скейвены тоже бывают бедные? — заинтересовался Второй.

— В любой расе бывают бедные и богатые, — пожал плечами его спутник. — Хотя наши бедные никогда не умирают с голода. У людей умирают, у дручий умирают, а у нас не умирают. Богатые семьи делятся с бедными. Только так мы можем выжить. Потом — лучше быть бедным и свободным, чем богатым и рабом своего богатства.

— Прямо цитата из Конфуция, — хмыкнул Сергей.

— Меня так уже обзывал один из эльфов, — гордо сообщил скейвен и спросил: — Кто такой Конфуций? Древний?

— Более чем, — ответил Второй. — Философ. Жил много веков назад. Считал, что любое государство должно строиться на морально-нравственных, а не экономических или политических принципах.

— Это же очевидно! — воскликнул Шарскун и показал на один из узких проходов между зданиями: — По этой улице мы доберемся до центра и до моего дома.

Спутники прошли по арочному мосту над ручьем и зашагали в указанном направлении. Сергей на ходу рассматривал город. Дома здесь складывали из тщательно отшлифованных известковых плит, окон и дверей ни в одном из домов не было, зато над каждым порогом висели деревянные дощечки с надписями на скейвенском языке. Чем ближе путешественники подходили к центру, тем больше становились здания, улица также значительно расширялась, и по ней в разных направлениях неторопливо двигались местные жители, вперемешку с людьми и крепкими на вид коротышками. Последние чаще шли группами, закутавшись в плащи и надвинув на глаза широкополые шляпы.

— Это же гномы? — на всякий случай уточнил Второй.

— Гномы, — кивнул крыс.

— Что гномы и люди делают в вашем городе? Ведь если я не ошибаюсь, вы и с теми и с другими постоянно воюете?

— Война не должна мешать торговле. К нам все приходят покупать варп-камни. Люди, гномы, дручии иногда. Варп-камни — основа нашей экономики и науки.

— И что — не бывает конфликтов?

— Почему не бывает?! Бывает. Но так… Если много выпьют вина или кого-то обманут.

— И что тогда?

— Тогда приходят гвардейцы и казнят всех, кто ссорился.

— Зачем же всех?

— В драке не бывает невиновных.

— Убийственная логика.

— Совершенно верно. Зато нет преступности. В этой жизни можно отыскать и другие места, где хорошо драться.

Мимо них с пронзительным визгом пронеслась орава малолетних скейвенов.

— В школе уроки закончились, — пояснил Шарскун.

— В школе?! — изумился Сергей.

— Разве у Древних нет школ? — спросил крыс. — У скейвенов есть школы, институты, академии, больницы, и даже есть театр. Правда, один. Мы не поощряем праздность. Это Шроч построил.

— Обалдеть! — вздохнул Второй и долгое время молчал, внутренне переваривая полученную информацию.

Друзья пересекли небольшую площадь с подобием фонтана посередине и остановились у одного высокого здания. От остальных построек его отличали узкие бойницы по всему периметру стены и деревянная дверь.

— Здесь храм Рогатой Крысы, — проинформировал напарника скейвен. — Я зайду туда на секунду. Мне нужно помолиться перед тем, как я приду к своим детям.

— Я так понимаю, что мне туда нельзя? — сообразил Сергей.

— Увы! — подтвердил его догадку Шарскун. — Но это займет не много времени. Подождешь меня здесь?

— Куда я денусь? — согласился Второй и присел на каменный парапет фонтана.

Скейвен благодарно хлопнул его лапой по плечу и скрылся за дверью храма.

«Вот так всегда, — подумалось Сергею. — Что-то да нельзя. Ишь ты — помолиться! Толком даже не знает, есть у нее рога или нет, а туда же. Впрочем, какое мне до этого дело? Помолиться все-таки пошел, а не жрать. Надо признать, что в укладе крысиной жизни есть определенный шарм. Крысиный, но шарм. Я вот никогда перед возвращением домой не молюсь и про бедных мало думаю. Прогрессивная раса, ел-

ки-палки. А у нас в доме их постоянно чем-то травят. Знали бы они, что крысы не поощряют праздность! Рехнуться можно!»

Томясь в ожидании набожного спутника и наблюдая за неторопливыми жителями подземного города, он вспомнил о своих манипуляциях с возможностями, начертил в воздухе перед собой свое имя, и его опять окружила сфера, состоящая из мелких символов. Однако, в отличие от прошлых попыток, символы не светились, точнее светились, но не все. Мерцали кружки с изображением копыта, дубового листа и какой-то завитушки. Путешественник не решился трогать эти изображения, точно не зная, что из этого может получиться. Проговаривать вслух пожелания тоже не стал, поскольку не мог толком определиться, чего именно хочет.

Оглядевшись вокруг, Сергей обнаружил на стене одного из домов стенд с наклеенными на нем объявлениями. Второй поднялся с парапета, подошел к стенду и начал читать.

Первое прочитанное им объявление гласило: «Ветераны БСШ (Битвы у Серебряной Шахты) обязаны в двухнедельный срок переоформить свои удостоверения для получения праздничного пищевого набора. Председатель совета ветеранов БСШ — Нусорх бер Кошр».

Второе объявление мягко увещевало: «Уважаемые родители! Внимательно следите за своим потомством — в городском парке обгрызено семь редких деревьев. Родители задержанных хулиганов оштрафованы».

И, наконец, третье деловито оповещало: «Четыре красивые девушки достигли брачного возраста. Заявки на участие в сватовстве принимаются по адресу: Кромешный тупик. Дом 2. Второбрачных женихов не предлагать».

Тут до слуха Сергея донесся мерный рокот мотора. Второй повернул голову на звук и едва не свалился от удивления в фонтан. С соседней улицы на площадь выехал мотоцикл, в котором Сергей безошибочно узнал «Харлей Дэвидсон». За рулем хромированного «чопера» восседал арлекин в характерном клетчатом трико и колпаке с колокольчиками. На полированном баке мотоцикла неизвестный живописец изобразил двух несущихся во весь опор сфинксов — белого и черного. Арлекин на мгновение притормозил свой агрегат напротив стоящего путе-

шественника, внимательно оглядел его, почесал затылок и задумчиво заявил:

— Нет, ты не инжи. Тебе интересно. Да, правильно. Значит, еще увидимся. Да, правильно.

Произнеся эту несуразицу, арлекин тронул мотоцикл с места и скрылся за поворотом. Сергей как завороженный смотрел ему вслед, пока из храма не вышел Шарскун.

— Ты не поверишь, честное слово, со мной только что говорил клоун на «Харлей Дэвидсоне», — только и смог он сказать крысу.

— «Харлей Дэвидсоне»? — не понял тот.

— Мотоцикл такой есть, — попытался объяснить Второй. — Два колеса, дуги, хром, цилиндры.

— Два колеса?! — воскликнул Шарскун. — Так это колесница Тордиона! Ты видел Тордиона?!

— Если Тордион — это панч в колпаке с бубенцами, то видел, — подтвердил Сергей. — Он сказал: «Ты не инжи. Увидимся».

— Это он за варп-камнем приезжал, для колесницы, — объяснил скейвен. — Увидеть Тордиона — большая удача. Хранит его Рогатая Крыса!

— Уверен, что хранит, но где он здесь колесницу фирмы «Харлей Дэвидсон» откопал?

— То, что ты так называешь, Тордиону гномы сделали по рисункам Древних. Хорошая колесница. Быстрая как ветер!

— Согласен, как ветер, но..., ладно, — Второй понял, что разобраться во всем сразу не удастся, а если и удастся, то не сейчас. — Где твой дом?

— Недалеко, — засуетился Шарскун, тыча лапой вперед. — Только ты не болтай моей жене, что мы в Прааге были. Скажи, что в Скейвенбланте познакомились на рынке и туда же возвращаемся. Ей волноваться нельзя, она беременна... или кормящая.

— Можешь на меня положиться, — заверил его Сергей, поднимаясь с парапета.

Друзья обошли храм Рогатой Крысы, спустились по ступенькам с площади на узкую улочку и вскоре остановились у темного дверного проема дома Шарскуна.

Скейвен звонко шлепнул по деревянной табличке над порогом и прошипел:

— Асушанно куне вошан ми! Асушан?!

В глубине дома послышались какие-то звуки, потом все стихло, но уже через мгновение с дикими визгами на Шарскуна налетела ватага крысят и повалила его на землю. Второй от неожиданности даже отступил назад. Но его проводник был явно счастлив. Он катался по земле, облепленный своим выводком, время от времени нежно покусывая особо энергичных чад.

Только пронзительный выкрик, прозвучавший с порога, остановил эту вакханалию. В дверях, уперев лапы в бока и заправив длинный серый хвост за пояс фартука, стояла упитанная представительница расы скейвенов и грозно взирала на супруга.

— Асушан мисунап шураш шу сканки ну, — виновато произнес тот, поднимаясь с земли.

— Лисуун русашуу фенусашу нак тушуса? — осуждающим тоном ответила ему спутница жизни и показала лапой на Сергея: — Тасун шу?

— Иса санекотоп Таал шу Древний хоол, — что-то ответил ей Шарскун.

Скейвенша почтительно сделала в сторону молодого человека полупоклон и перешла на обычный язык:

— Простите меня. Мой муж два дня назад ушел в лавку за маслом, а вернулся только сейчас. Я волновалась.

— Понимаю, — поспешил заверить ее в своей лояльности тот. — Я бы тоже волновался, — и нарочито строго выяснил у крыса:

— Почему жену не предупредил?

— Это была великая тайна, — развел лапами скейвен и представил: — Асушан, моя прекрасная половина. Властительница моего сердца и мать моих детей. Первая красавица в городе.

— Не ври, — с улыбкой осекла его пышную речь супруга, но кокетливо уточнила: — Двадцать лет назад, на бале Совета Тринадцати я заняла только второе место.

— Да, — быстро вставил Шарскун. — Первое заняла совсем некрасивая жена Сникча. Несправедливо заняла.

— Перестань, — еще добродушней сказала Асушан и предложила: — Может быть, войдете в дом?

— С удовольствием, — принял ее приглашение Сергей и вошел за ней вслед.

Планировка внутреннего помещения дома скейвенов мало чем отличалась от стандартной планировки блочных девятиэтажек в спальном районе, где Второй снимал квартиру, разве что комнат было побольше, а потолки были пониже. Источниками света служили овальные светильники, вмонтированные в стену и излучавшие спокойный зеленый свет. Повсюду царила безупречная чистота, что мало соответствовало представлениям Сергея об обустройстве крысиных жилищ. Три комнаты занимали детские спальни, уставленные многоярусными кроватями. Большая комната служила обеденным залом. Остальные помещения, очевидно, отводились под кухню, игровые комнаты и подсобки. Угол обеденного зала украшали красивые напольные часы. Молодого человека удивило, что на циферблате вместо привычных двенадцати делений было выгравировано четырнадцать знаков.

— Пойдем, я тебе покажу свой кабинет, — потянул за руку друга скейвен.

— Да, — поддержала его жена, — а я пока на стол накрою.

— У вас что — четырнадцать часов? — следуя за крысом, указал концом посоха на циферблат Сергей.

— Конечно, — пропуская его вперед, ответил тот, — А у вас сколько?

— Двенадцать.

— Мало чего-то.

— Тогда сколько у вас дней в неделе?

— Тоже четырнадцать. А у вас?

— Семь.

— Очень мало.

— И месяцев четырнадцать?

— Еще бы! А?..

— Двенадцать.

— До глупого мало и неудобно. Вы, кажется, не любите жить, — постановил скейвен и жестом предложил гостю сесть в глубокое кресло у массивного стола посреди кабинета. Сам же быстро устроился на резной скамье у стены, увешанной разного рода холодным оружием.

— Мне здесь нравится, — рассматривая мечи, дротики и кинжалы, сообщил Второй. — Ничего лишнего. А бар есть?

— Что такое бар? — не понял Шарскун.

— Шкаф с бутылками, в которых вино и другие полезные напитки, — удивляясь неосведомленности приятеля, объяснил Сергей.

— Скейвенам клана Эшин пить вино нельзя, — испуганно прошипел тот, оглядываясь назад.

— Ну да?! — не поверил Второй, припоминая, как весело проводил вечер крыс с баньшами в доме Наолы.

— Ни слова! — умоляющим тоном попросил проводник. — Пить — это позор! Жена узнает — уйдет с детьми к родителям, а меня переселят в плохой район и заставят четыре месяца колоть варп-камень.

— Во как! — удивился строгости местных нравов гость и успокоил приятеля: — Молчу как камень. Если хочешь, как варп-камень.

— Благослови тебя Рогатая Крыса! — поблагодарил его Шарскун и сообщил: — Ночью мы опять пойдем.

— Почему ночью?

— Так спокойней.

— А до ночи что будем делать?

— Хочешь, в театр сходим?

— В театр?!

— В театр. Но сначала поспим, чтобы силы не оставили нас в пути.

— В театр, в театр. Почему бы нет?! — задумался Сергей. — В театр, здесь, — это забавно. Какая там пьеса идет?

— Не знаю, — признался скейвен, — но уверен, что очень хорошая. Все пьесы выбирают на совете старейшин города.

— Вот у вас здесь порядки, не побалуешь, — вздохнул гость. — Впрочем, какая разница! Вот что, расскажи-ка мне про клоуна. Не дает мне покоя его колесница. У нас такие колесницы в большом почете. Мой друг Хирург на такой катается.

— Наверно, он великий герой! — понимающе покачал головой крыс.

— Великий, — подтвердил Второй.

— Тордион — тоже великий герой, — начал свой рассказ Шарскун. — Когда была большая битва с Хаосом в Прааге, Тордион лечил раненых и на него напал Аэкольд Хелбрасс — страшный герой Хаоса.

— Как этот псих Тзинч?

— Нет, Тзинч — его владыка, Аэкольд — чемпион Тзинча.

— Любимчик?

— Да. Так вот. Аэкольд Хелбрасс со своим мечом ветра спустился с неба к Тордиону и хотел его убить. Тордион поднялся и сказал:

— Не мешай мне, плохой человек, я лечу раненых, или я тебя побью своим хлыстиком. И он достал свой хлыстик с бубенчиками.

— И убил этого чемпиона хлыстиком?

— Нет, чемпион убил Тордиона. Аэкольд — безжалостный злодей.

— Не понимаю.

— Все очень просто — Тордиона нельзя убить. Он возрождается через мгновение, без всяких алтарей.

— Круто.

— Тордион — самый великий герой. Он ударил своим хлыстиком по Аэкольду.

— И превратил его...

— Нет. Аэкольд снова убил его, а Тордион снова возродился — и снова хлыстиком.

— И чего?

— И так до тех пор, пока Аэкольд не упал истекая кровью.

— Умер хоть?

— Нет. Тордион вылечил его.

— Странный парень этот клоун. Выпорол чемпиона как бешеную собаку, а потом сам и полечил. Дальше?

— Тордион ушел, а чемпион вернулся в битву. Но с тех пор у Аэкольда появился такой необычный дар — там, где он проходит, начинает все расцветать и оживать.

— Он стал хороший?

— Нет, он стал еще хуже, но Хаос перестал благоволить к нему, потому что кому нужен такой чемпион, который сначала убивает, а потом оживляет? Его хотели самого убить, но Тзинча развеселило такое наказание Тордиона, и он отослал Аэкольда назад на Северные Пустоши.

— Тзинч тоже с приколом, под стать клоуну. Слушай, вот чего я хотел тебя спросить.

— Чего?

— Пока ты молился, я попробовал от скуки воспользоваться возможностями, но светились только три кружочка, остальные были какие-то тусклые. Почему так?

— Для возможностей нужен ворпстоун.

— Чего это такое?

— Типа, сила.

— Энергия, что ли?

— Во-во! В Северных Пустошах ворпстоуна много, а здесь ворпстоун добывают из варп-камня. Поэтому варп-камень такой ценный. Понятно?

— Куда понятнее. А как добывают?

— Ну, берут и добывают. Чем больше камень, тем больше ворпстоуна, тем больше возможностей. После каждого употребления камень светится все слабее, пока не превращается в обычный булыжник.

Их беседу прервало появление Асушан. Хозяйка дома успела переодеться в другое платье, с меховой оторочкой и ромбообразной золотой брошью на груди.

— Пора кушать, — позвала она.

— Честно говоря, я не голоден, — попробовал отказаться Сергей, вспоминая о необычных вкусах скейвенов.

— Можете не беспокоиться, — улыбнулась хозяйка. — Я знаю, что Древние не все едят. Я только птиц пожарила и разные растения вкусные нарезала.

— Она смотрит в самое сердце! — засмеялся Шарскун, спрыгивая с кушетки и хлопая по плечу замешкавшегося приятеля. — Пора подкрепиться. Да! — он повернулся к жене, вытащил из ножен подаренный меч и протянул скейвенше. — Настоящий! С рунами отражения.

— Ой! — всплеснула лапами она, взяла меч и сделала им несколько ловких круговых пасов. — Такого в Эшинбланте нет.

Она вернула меч гордому мужу и повела гостя к столу.

Дети уже их ждали в обеденном зале, выстроившись по росту у стола.

— У вас прекрасная семья! — искренне заметил Второй и поинтересовался: — Как детишек зовут?

Шарскун насмешливо переглянулся с женой и ответил:

— Мальчиков — Шарскун, а девочек — Асушан. Большие имена они получат, когда мальчики первый раз побывают в настоящей битве, а девочки, когда выйдут замуж и родят.

— Что ж! — философски согласился гость. — Зато не сложно запомнить. Возьму на вооружение, когда женюсь.

— Помолимся?! — предложил Шарскун и скрестил лапы на груди. Вся семья последовала его примеру и хором продекларировала: «Слава Рогатой Крысе и будь прокляты Готрек Гурниссон и Феликс Ягер!»

— Коротко, но искренне, — буркнул себе под нос Сергей, садясь за стол.

В остальном обед прошел в традиционном для всех порядочных семей стиле — первой наполнили тарелку гостю, потом детям, начиная с самых маленьких, последними приступили к еде разомлевший от домашнего уюта Шарскун и счастливая от присутствия рядом супруга Асушан.

После обеда Сергею оказали большое доверие и уложили его спать с десятком самых младших крысят, которые тут же облепили растерянного путешественника со всех сторон и мгновенно уснули.

— Самая заурядная, можно сказать, ситуация, — лежа тоскливо думал тот. — Сплю я в крысиной норе, с крысятами под одним одеялом, и даже не испытываю дискомфорта. Если все пойдет так дальше, то я женюсь на крысе, и она отучит меня кусать ногти. Нет. Хочу жениться на Наоле. Буду пить кровь, если ей приспичит.

И он уснул. Все-таки сказались и перенесенная дорога, и пережитое потрясение от полета в капсуле инжи, и знакомство со строгой, но гармоничной культурой скейвенов.

— Вставай, лежебока! — толчком разбудил его Шарскун. — Я достал два билета в театр.

— Сколько времени? — недовольно пробурчал Второй.

— Двадцать пять без малого, — ответил скейвен. — Представление начинается ровно в двадцать пять тридцать. Надо торопиться. Если опоздаем, наши места отдадут студентам.

— Да, Конфуций и не мечтал об этом, — кряхтел Сергей, поднимаясь с кровати и натягивая сапоги. — Студентам! Какого хрена? Мы — взрослые люди... и скейвены! Нам должны места уступать, а не мы.

— Не ной, — хихикнул Шарскун. — Я узнал, что пьеса очень хорошая.

— Про что?

— Про королей и королев.

Очутившись в скейвенском театре, Второй отметил, что интерьер увеселительного заведения поразительно схож с интерьером МХАТа. Даже обшивка кресел была того же шинельного цвета, разве что роль осветительных приборов выполняли многочисленные факелы, что, в свою очередь, придавало дополнительную пикантность и торжественность обстановке. Свободных мест в самом деле не было.

Ровно в назначенное время громыхнули литавры, и массивные полотняные кулисы разъехались в разные стороны, открывая искусно построенную декорацию замка. На сцене появились два скейвена-актера в костюмах стражников и с алебардами в лапах.

— Ишонусах шук о шук хасоо, — продекламировал один из них густым баритоном и показал лапой на стену замка.

— Хишотух оосун! Ширусан мих цусахо ит, — пробасил второй.

Из ворот замка вышел худенький скейвен в бархатном камзоле и книгой в лапах.

— Перевести? — склонившись к другу, спросил Шарскун.

— Не надо, — отказался Сергей и добавил: — Я эту пьесу наизусть знаю.

— Интересная?

— У нас считается одной из лучших.

— Очень хорошо, — обрадовался проводник. — А то болтают всякое! Развратная пьеса, говорят. Глупые крысы!

— Толкни меня, когда он «быть или не быть» скажет, — попросил молодой человек, устраиваясь удобней в кресле и закрывая глаза.

К реальности его вернул взрыв бешеных аплодисментов. Сергей зевнул и посмотрел на Шарскуна. Тот утирал рукавом куртки заплаканную морду.

— Ну, как тебе? — спросил Второй.

— Клянусь Рогатой Крысой! Эту пьесу мог написать только скейвен! — воскликнул крыс. — Какая глубина! Какое благородство! Какая славная смерть!

— Автор, наверно, сейчас от твоих похвал в гробу переворачивается, — съязвил Сергей.

— Он что — нежить? — не поверил ему Шарскун.

— Лет как семьсот, — сообщил тот.

— Тебя обманули, — твердо заверил его скейвен и мотивировал: — Во-первых, нежить никогда не выбирает, убивать или нет. Во-вторых, пьесу покупал Танкуол за сто вагонов варп-камня у дручий. Танкуол настоящий ученый, а на сто вагонов варп-камня можно построить два таких города, как наш. Тебя обманули.

— Может быть, — подумав, согласился Второй, пораженный и мудростью выбора Танкуола, и огромной стоимостью пьесы. — Теперь я точно уверен, что меня обманули. Тем более, что сказал мне об этом типчик ненадежный.

— Потом скажешь, где его найти, — попросил Шарскун, — его надо прирезать, иначе он нас всех опозорит.

— Буду вспоминать, — усмехнувшись, пообещал Сергей, мысленно представляя встречу своего институтского преподавателя литературы, зануды и взяточника, с хвостатым ценителем подлинной драматургии.

Покинув театр, путешественники направились по улице в противоположную от дома скейвена сторону. Ночной Эшинблант мало чем отличался от дневного, разве что прохожих было значительно меньше и на всех перекрестках стояли вооруженные пиками солдаты в кожаной униформе.

— Это ночная стража, — на ходу объяснил крыс. — Нам нужно пройти до восточных ворот к торговым путям. Там мы сядем на тележку и через час приедем в пещеры под Наггаротом.

— Ты хоть с Асушан попрощался? — спросил Второй.

— Не напоминай мне о ней, я буду грустить, — взмолился Шарскун и поинтересовался: — Что ты думаешь о пьесе?

— Думаю, что надо было ему выбрать «быть» и не морочиться, — ответил Сергей. — Дядька так и так хотел от него избавиться.

— Ты не понял! — заявил скейвен. — Гамлет не выбирал, когда говорил «быть или не быть», он удивлялся.

— В смысле?

— В смысле, что так жизнь устроена — хочешь не хочешь, а либо ты, либо тебя. До встречи с призраком отца он видел жизнь по-другому, хотел мира и счастья.

— Надо было Офелию забрать и сделать ноги.

— Нельзя было.

— Почему?

— Потому что от этого ничего не изменилось бы. Ну взял, ну уехал. И чего? Жизнь задаст тот же вопрос там, куда придешь. И опять — либо ты, либо тебя. Несовершенство этого мира. Хорошим можно быть только вопреки здравому смыслу. Хороший — это безумный.

— Тебе, дружище, надо было стать искусствоведом.

— У меня слишком большая семья для такой профессии.

— Понимаю. Да, ты ведь так мне и не сказал, Асушан родила или нет?

— Нет пока. Вот и ворота, — и Шарскун показал на массивные бревенчатые створки ворот впереди. Перед воротами горел костер, у которого сидели три сонных охранника. Скейвен строго прикрикнул на них, они тут же поднялись, подошли к воротам и потянули за гигантский засов. Тот со скрипом отъехал в сторону.

— Прощай, город мечты Конфуция! — вздохнул Второй, напоследок оглянувшись назад. — Очень может быть, что я буду скучать по тебе. Во всяком случае, в старости точно.

— Почему в старости? — выходя наружу первым, уточнил крыс.

— Потому что в моем городе так о стариках не заботятся.

— Не завидуй, у нас мало кто до старости доживает.

— Да?

— Да. Я же говорю — несовершенство.

— Ты прав, Горацио.

— Нет, я предпочитаю быть Фортинбрасом. У него есть перспективы. Потому что он постоянно воюет, и вопрос выбора не стоит. Но принц! Какая голова! «Груз тяжких дум наверх меня тянул, а крылья плоти вниз влекли, в могилу» — я завещаю своим детям, чтобы они выбили эти слова на моем надгробии.

— Почему именно эту цитату?

— Она исключительно точно характеризует положение многодетного отца.

Так, на ходу разглагольствуя, друзья подошли к платформе торговых путей. Впереди зиял мраком овал тоннеля. Скейвен внимательно изучил все надписи на доске, прибитой к стене пещеры, и пошел к тележке.

— Вперед, — предложил он, принюхиваясь.

— Чего ты там читал? — забираясь за ним в тележку, полюбопытствовал у него Сергей.

— На всякий случай выяснил — никто не едет ли нам навстречу? — ответил крыс. — Никто не едет пока.

— Тогда помчали.

Шарскун сдвинул рычаг на боку тележки, и та, движимая непонятной для молодого человека силой, покатила вперед, быстро набирая скорость.

Неизвестно, сколько точно времени они ехали в полной темноте, но всю дорогу скейвен декламировал своему спутнику длинные цитаты из просмотренной пьесы, поражая того воистину безграничными возможностями крысиной памяти. После очередного виража на повороте тележка стала быстро сбавлять скорость, пока не уперлась в какое-то препятствие. Путешественники немедленно выбрались из вагонетки.

— Скачи за мной, — взял за руку Сергея крыс и потащил его в кромешной темноте по невидимым ступеням куда-то наверх. Впереди сверкнул луч света. Глаза молодого человека разглядели металлическую лестницу, перпендикулярно земле устремленную вверх.

— Полезли, — подтолкнул его Шарскун.

Второй взялся рукой за металлический прут и последовал указанию спутника. Тот, шумно сопя, лез за ним. Наконец лестница уперлась в круглый металлический люк.

— Толкай, — шепнул снизу крыс, но тут же дернул спутника за рукав. — Подожди.

— Что?! — спросил тот.

— Сейчас, — завозился с чем-то внизу скейвен. Он расстегнул свой кожаный жилет под плащом, снял с волосатой груди небольшой флакон на цепочке и сунул молодому человеку. — Надень на себя.

— Что это?

— Куски варп-камня, в них силы на три или четыре возможности. Мой подарок. Ты мне меч, а я тебе варп-камень. Подарок за подарок. Крысиный обычай. Надевай, говорю, и лезь дальше. Времени нет.

Сергей перекинул цепь флакона себе через голову, потом одной рукой надавил на крышку и начал ее сдвигать в сторону, пока не образовалось довольно пространства, чтобы выглянуть наружу, что Второй немедленно и сделал. Его взору предстал Наггарот во всем своем готическом величии. Люк находился у обочины широкой улицы, вымощенной белой плиткой и ярко освещенной газовыми фонарями.

— Посмотри налево, — опять раздался скрипучий голос Шарскуна. — Видишь дверь с кольцом?

— Да.

— На улице другии есть?

Сергей огляделся. Улица была пустая, правда, далеко впереди мелькали какие-то тени. Скорее всего, это были отблески из окна здания на углу.

— Пусто, — шепнул он вниз.

— Выбирайся скорее наружу, беги к двери и четыре раза стукни кольцом, — раздалось оттуда.

— А ты?

— Не бойся, я буду рядом. Беги.

Второй отодвинул крышку еще больше, подтянулся на руках, выбрался на мостовую и побежал к двери.

После четвертого удара кольца дверь распахнулась, и перед ним появился высокий мужчина точно в таких же доспехах, как и ночной гость Наолы.

— Я Магнификус, — быстро представился ему Сергей.

Мужчина пропустил его внутрь и закрыл дверь.

— Я ДрагЛорд Дирон, адъютант ДрагЛорда Ракартха и его сын, — сказал он, потом показал на сложенную груду одежды и доспехов в углу комнаты. — Срочно переодевайтесь. Скоро начнется смена караула. Мы сможем пройти во второй периметр города и переждать до утра.

Второй не заставил его повторять дважды. На переодевание ушло не более трех минут. Накинув поверх прочей одежды черный плащ с капюшоном и нацепив на бедра широкий пояс с мечом, Сергей повернулся к дручию:

— Нормально?

— Вы удивительно похожи на эльфа, — удовлетворенно констатировал тот.

— Как быть с посохом? — спросил Второй.

— Бросьте вместе с остальным туда, — показал на шкаф у стены Дирон. — Мы это передадим на корабль сами.

Сергей последовал совету. Дручий еще раз со всех сторон внимательно оглядел гостя и кивнул:

— Превосходно. Лучше, чем я ожидал. Идемте.

Они вышли на улицу. Краем глаза Второй отметил, что крышка люка опять находилась на месте. Это означало, что скейвен либо предпочел остаться внизу, либо скрылся в тени домов.

— Крысы это умеют лучше остальных, — подумал Сергей и шагнул вслед сыну Ракартха.

LOADING...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наггарот показался путешественнику похожим на центр ночной Вены — многоэтажные старинные здания, украшенные многочисленными барельефами, изображающими диковинных зверей, сцены сражений, хмурые профили неизвестных героев. По стенам домов тянулись длинные ухоженные клумбы, засаженные изумрудным макодесом. Сергей машинально на ходу сорвал большой лист растения, похожий на клочок старинного пергамента, и начал мять его в ладони. Ему раньше в своем магазине нравилось подолгу разглядывать причудливые узоры на листах макодеса, вычерченные тонкими золотыми прожилками.

Вскоре путникам начали встречаться пешеходы. В основном воины. Наверное, это были местные блюстители порядка или солдаты караула, упомянутого Дироном. Женщина им встретилась только одна — высокая черноглазая красавица в облегающем ее стройное тело плаще из тонкой кожи и высоких сапогах на столь же высоких каблуках. Второй не удержался от взгляда на нее, она ему ответила столь же заинтересованным взглядом, и кажется, даже улыбнулась.

— Это Эльф-ведьма, она голодна, — не поворачивая головы, остудил интерес гостя дручий. — Не смотрите на них. Могут быть неприятности. Лучше ускорим шаг, вот-вот откроют ворота в «Сладкий квартал».

— Сладкий?! — не понял тот.

— Слишком сладкий для многих, — хмуро усмехнулся ДрагЛорд.

Они перешли небольшой каменный мост и остановились у кованых ворот высотой в два человеческих роста. Ждать почти не пришлось — ворота открылись через минуту, и дручий провел Сергея в следующую часть города. Света здесь было гораздо больше, как и пешеходов. Судя по всему, местные жители избрали это место для ночных развлечений. То и дело из открытых дверей раздавались взрывы хохота, женский довольный визг, звон бокалов и брошенных монет.

— Местный Стренд, однако, — пробормотал Сергей.

— Мы дождемся утра в трактире у следующих ворот. Там безопаснее всего, — подал голос Дирон. — Ведите себя как можно величественнее, на вас форма ДрагЛорда. Нас здесь уважают.

Он подвел молодого человека к дверям трактира и пропустил вперед.

Зал оказался полупустой. За длинным столом в ближайшем углу, переговариваясь и потягивая из высоких хрустальных бокалов вино, устроилась компания молодых людей, парней и девиц. Чуть поодаль, также с бокалами в руках, тихо беседовали трое мужчин в военной форме, но без оружия. В глубине зала, на стуле с высокой спинкой, дремал мужчина в балахоне из грубого сукна с вышитой золотом на капюшоне стрелой, перед ним на блюде лежал большой недоеденный кусок мяса. На барной стойке сидела хрупкая девушка в весьма откровенном костюме и с лютней в руках. Она, не обращая внимания на окружающих, пела.

Дручий сел за стол, максимально отдаленный от посетителей и предложил Сергею последовать его примеру. К ним мгновенно подошел трактирщик.

— Воды, мяса, хлеба, сыра и чтобы все было свежее, — заказал Дирон.

— Табак? — спросил трактирщик.

— Да, просто табак, — кивнул ДрагЛорд.

Когда трактирщик удалился выполнять заказ, Второй тихо полюбопытствовал у своего спутника: — Что значит — просто табак?

— Без травы озарения, — ответил тот.

— Трава озарения здесь обычное дело? — еще больше заинтересовался Сергей.

— Обычнее, чем просто табак, — безучастно сообщил дручий и с интересом взглянул на гостя. — Что, у Древних трава озарения запрещена?

— Конечно, — стараясь быть столь же немногословным, ответил тот.

— Правильно, — сказал ДрагЛорд. — От нее глупеют. Гоблины любят траву. Древние мудры.

— От большинства удовольствий глупеют, — кивнул представитель мудрых.

— Кроме риска, — уточнил Дирон.

— Кроме риска, — согласился Сергей, начиная понимать жизненную позицию своего нового проводника.

Трактирщик принялся накрывать на стол. Прежде всего он выложил перед посетителями две дымящиеся трубки с длинными чубуками.

ДрагЛорд взял одну из них и глубоко затянулся. Второй поднял свою трубку, тоже с удовольствием вдохнул в себя табачный дым и прислушался к пению девушки, сидящей на стойке с лютней. Родители наградили поющую на редкость высоким, но в то же время нежным голосом. Она пела о странствии какого-то рыцаря по волшебному лесу, где плачет ребенок. Рыцаря туда посылает цыган, нагадав ему на картах, что там он изменит свою горемычную рыцарскую судьбу. Однако впоследствии оказывается, что в лесу плачет и не ребенок вовсе, а злобный демон. Рыцарь из леса с трудом уносит ноги, брошенный им демон вселяет в него другого демона, не лучше первого.

В общем, эта сентиментальная чепуха совсем не подходила мелодии. Однако Сергей больше смотрел на девушку, чем вникал в мытарства суеверного рыцаря. Огромные карие глаза, чувственный рот, миниатюрный курносый носик, ниспадающие на острые плечи пряди густых темных волос, вздымающаяся при каждом вздохе, крупная для такой худенькой фигуры грудь, длинные подвижные пальцы, перебирающие струны, и белая бархатная кожа.

— Насыщайтесь, — предложил ДрагЛорд, когда трактирщик поставил перед ними блюдо с кусками жареного мяса.

— А вы? — спросил у него Второй.

— Я пойду проверю готовность моих людей, — он поднялся из-за стола и шагнул к входной двери. — Ни в коем случае никуда не выходите из этого трактира. Я скоро вернусь.

Дирон выпустил сизое облако табачного дыма и вышел на улицу.

— Елки-моталки, — сердито подумал Сергей, оставаясь наедине с новой реальностью. — Пойду проверю!..

— Вы скучаете? — раздалось сзади.

Сергей обернулся и обнаружил, что только что сидевшая на стойке с лютней в руках девушка стоит у него за спиной.

— Да, собственно... — неопределенно протянул он, не зная толком, как следует в таких случаях вести себя почтенным ДрагЛордам.

— Это большая честь для нашего заведения, — без приглашения присаживаясь рядом, заявила девушка.

— Что именно? — не понял ее слов Второй.

— Посещение аристократа, тем более вашей касты, — пояснила она и добавила: — Мы не позволим вам скучать.

— Я думал, — признался Сергей.

— О своем драконе? — загорелись неподдельным интересом глаза девушки.

— Почему обязательно о драконе? — попытался достойно поддержать разговор мнимый аристократ. — Может быть, я думал о вас. У вас прекрасный голос.

— Какое совпадение! — звонко засмеялась певица. — А я почему-то думала о вас, с того мгновения, как вы появились здесь. Может быть, мы где-нибудь встречались раньше?

— Вряд ли, — «растаял» Второй, — если бы мы встречались, то я бы не смог этого забыть.

— Вы умеете покорять женские сердца, — еще проникновенней сказала девушка и представилась: — Меня зовут Лосми Норх, или просто Лосми.

Не уразумев толком, чем именно так поразил воображение новой знакомой, он охотно поддался ее бесхитростной лести и предложил:

— Я могу вас угостить?

Девушка опять рассмеялась, но, заметив недоумение в глазах посетителя, объяснила:

— Это местечко принадлежит моему отцу, поэтому угощать должна я.

— Ну все-таки! — смутился Сергей. — Сочтите мое предложение за жест приличия и знак восхищения вашим талантом.

— Я и не представляла, до какой степени могут быть галантны настоящие аристократы, — призналась Лосми и спросила: — Это страшно — лететь на драконе?

— Это... — замялся Второй.

— Возбуждающе? — помогла ему найти подходящий термин она.

— Очень, — согласился он.

— Как любовь? — не унималась девушка.

— Практически это одно и то же, — соврал Сергей, все больше и больше входя в роль драконьего наездника.

— Жаль, что мне никогда не удастся испытать это чувство, — вздохнула Лосми.

— Зато все остальные переживания вполне доступны вам, — попытался ее утешить Второй.

— Доступны, — согласилась она и спросила: — вы хотели бы увидеть мою комнату? Она здесь, на втором этаже.

— Естественно, — неестественно быстро ответил Сергей, сам удивляясь быстроте своей реакции.

Только когда он уже следовал по резной лестнице за Лосми в ее комнату, он внутренне «декодировал» мыслительный всплеск своего сознания, предшествующий скоропалительному ответу на неожиданное предложение новой знакомой: «Все может случиться. Наола? А где гарантии? Певичка — редкая красавица, для нее честь с аристократом, никто не узнает, другой мир, никакой заразы по возвращении. Наола. А может, это любовь?» Впрочем, последнее он мог и не подумать, но было глупо заниматься самопознанием, когда перед глазами двигалась крепкая девичья попка, обтянутая полупрозрачной кружевной материей.

Убранство девичьей комнаты одновременно шокировало и взволновало молодого человека.

Стены, обитые алым шелком, громадная кровать с множеством маленьких подушечек, разбросанных по ней, два горящих масляных светильника, столик у кровати с серебряным кувшином и двумя высокими фужерами на нем, резной секретер в одном углу и розовая фарфоровая ванна в другом. Лосми подошла к секретеру, открыла его, извлекла оттуда курительную трубку, ловко прикурила ее от светильника, глубоко затянулась сама и протянула трубку Сергею.

— Это «сытая песня гарпии», — объяснила она, выдыхая ароматное облако дыма. — Лучшая трава для любви. После этих слов она одним движением сбросила с себя платье прямо под ноги обескураженному такими скоростями молодому человеку. Оказавшись напротив обнаженной красавицы, молодой человек окончательно растерялся, принял трубку с наркотическим зельем у своей потенциальной любовницы и машинально сделал глубокую затяжку. «Сытая песня гарпии» не заставила себя долго ждать — через мгновенье окружающий мир показался Сергею значительно комфортнее, нежели прежде. Исчезли все нелепые противоречия, и мнимому аристократу представилось более чем естественным свое пребывание в спальне с абсолютно голой красавицей-эльфиной.

— Лосми нравится аристократу? — лукаво заглянула она ему в глаза.

— Лосми очень нравится аристократу, — охотно констатировал он, наблюдая, как ловкие руки спутницы расстегивают его брюки.

— Лосми хочет, чтобы аристократ чувствовал себя так же хорошо, как будто он оседлывает своего дракона, — продолжала девушка. — И приказывал так же властно и строго, как он приказывает дракону, и наказывал, так же безжалостно, как он наказывает дракона. Пусть это даже будет больно, очень больно. Лосми хочет, чтобы аристократ как следует приготовил ее к полету.

— Аристократ приготовит, можешь не сомневаться, — клятвенно пообещал Сергей. — Взметнемся бурей.

Девушка хотела ему еще что-то сказать, но внезапно ее лицо исказила гримаса боли и она кашлянула кровью.

— Тебе плохо? — забеспокоился Второй, наблюдая, как ее и без того большие глаза стали еще больше, а зрачки сузились до размеров двух чертежных точек.

Лосми так и не ответила ему и рухнула на пол. У нее за спиной стоял Дирон с окровавленным кинжалом.

— Какого хрена? — только и смог произнести Сергей.

— Вы же мне сказали, что Древнейшие не курят «траву озарения»? — ответил ДрагЛорд, обтирая лезвие о бархатную дверную портьеру.

— Да, но это еще не повод втыкать в наркоманов железки. У каждого есть право на ошибку, — сказал Второй, более чем внимательно наблюдая за тем, как Дирон убирает кинжал в ножны.

— Втыкать — нет, но мне нужно вас доставить на корабль, а не к столу в качестве блюда, — криво усмехнулся тот. — Когда я поднимался сюда, местный повар протащил мимо меня двухведерную кастрюлю и разделочную пилу. Они собирались вас для начала мариновать. Наверное, завтра у кого-то праздник.

— Это прекрасно, но причем здесь я и Лосми? — не понял Сергей.

— Ее звали Лосми?! — удивился аристократ. — Интересно! Обычно Эльф-ведьмы не любят представляться. Однако уверен, что ваше имя она не спросила.

— Не спросила, — кивнул Второй и уточнил: — Кстати, почему?

— Потому что у бифштекса не должно быть имени, — ответил ДрагЛорд и предложил: — Пойдемте?! Иначе нас заметят и поднимут шум.

— Какой кошмар! — брезгливо перешагивая через мертвое тело девушки, возмутился Сергей. — Сначала «это», а потом «приятного аппетита»! Куда смотрят власти?! Питаться аристократами! Марксизм какой-то!

— Это закон нашей страны, — на ходу объяснил Дирон. — За ночь любви с Эльф-ведьмой платят жизнью и простолюдины, и аристократы. Закон для всех один.

— Почему же вы меня сразу не предупредили? — спросил Второй.

— Мне отчего-то не пришло в голову, что вы сразу полезете в постель к незнакомой женщине, — резонно заметил аристократ. — Надо будет тщательно изучить нравы Древнейших, слишком много противоречий. Наверное, в вашем городе очень опасно жить.

— Ну, — не нашелся, что ответить Сергей, следуя за Дироном вниз по лестнице.

Спутники вышли на улицу и зашагали по брусчатой мостовой прочь от трактира.

— Я надеюсь, что этот инцидент останется между нами? — виновато попросил ловелас-неудачник.

— Можете не сомневаться, — сухо ответил ДрагЛорд, даже не поворачивая к нему головы.

Позади них раздался какой-то шум. Они обернулись.

На пороге трактира стоял пожилой дручий и что-то оглушительно кричал, указывая на них.

— Он зовет стражу периметра, — объяснил Дирон.

Из дверей близлежащих кабаков начали выскакивать на улицу вооруженные люди.

— Это плохо, — сказал аристократ. — В это время очень много солдат. Скоро меняется караул. Если нас поймают, то сразу казнят за убийство Эльф-ведьмы.

— Надо бежать, — предложил Сергей и на всякий случай переспросил: — Точно сразу?

— Точно, — уверил ДрагЛорд. — Убийство Эльф-ведьмы — страшное кощунство. Королева Морати тоже Эльф-ведьма. Туда, — он показал на ближайший переулок. — Это в другую сторону от ворот, но выбора нет.

Спутники повернули в переулок и тут же нос к носу столкнулись с пятью стражниками.

— Стоять! — крикнул один из них, выхватывая меч. — Всем запрещено покидать Сладкий квартал до звука надвратных колоколов.

Дирон не снизошел до полемики со стражником и вытащил свой меч.

— Мы идем дальше, — грозно сообщил он.

— Нет, не иде... — начал было фразу солдат, но договорить не успел, потому что меч ДрагЛорда снес ему голову, и она поскакала по булыжникам мостовой.

Остальные стражники выхватили свое оружие и бросились на Дирона. Однако тот довольно ловко фехтовал, и через минуту еще одна окровавленная голова плюхнулась в дорожный водосток. Сергей внутренне возблагодарил небеса за такие вершины мастерства хмурого дручия. Но радоваться ему пришлось недолго, потому что сзади, громыхая доспехами, приближался целый отряд стражников — мечей на двадцать, не меньше. Судя по лицам и мерцанию клинков в их руках, намерения у солдат были нешуточные.

— Вот и конец игре, надо было сохраниться на эпизоде с Наолой, — мелькнуло в голове Второго, но тут откуда-то с крыши, подобно привидению, на мостовую спрыгнул Шарскун.

— Давно не виделись! — кивнул он Сергею, повернулся к солдатам и крикнул: — Цасшурск кух ли!

— Скейвен! Скейвен! Клич смерти! — остановились они в нерешительности, но скоро оправились от неожиданности и, явно осознавая свое численное превосходство, ринулись вперед.

— Хасу русу кух! — крикнул крыс, распахнул свой плащ и закружил с мечом в лапе, сбивая с толку нападавших. На дорогу посыпались разрубленные доспехи и отрубленные части тел.

— Он великолепный воин! — удовлетворенно заметил ДрагЛорд, пронзая мечом последнему из встретившихся им стражников грудь.

— Он великий воин, — гордый своим другом, кивнул Второй.

— Но они его все равно убьют, — безучастно сообщил Дирон. — Скоро в него будут стрелять из игломета. Игломет — это конец.

— Ему надо помочь! — воскликнул Сергей, предпринимая попытку двинуться к сражающемуся скейвену.

— Тогда убьют всех, — остановил его жестом ДрагЛорд. — Твой друг выполняет свой долг, а мы должны выполнить свой. Пошли.

Он крепко ухватил молодого человека и потащил вперед по переулку. Последнее что видел Сергей, был фирменный прыжок через голову нападавших Шарскуна, которому на лету удалось поразить двух противников.

— Прощай, Шарскун, — тихо сказал Сергей, увлекаемый прочь от места схватки Дироном.

Скейвен словно услышал эти слова и крикнул ему вслед:

— Хорошо — всегда вопреки! Человечек!

Дирон великолепно знал город, иногда он попросту без стука заходил в какой-то дом, проходил его насквозь, не встречая никакого сопротивления у жильцов, и выходил в другой переулок. Один раз спутники прошли сквозь некое странное заполненное облаками пахучего дыма заведение — то ли храм, то ли наркопритон. И так, пока не вышли к узорчатой кованой изгороди, отделяющей трехэтажный особняк от переулка. На фронтоне особняка неизвестный художник искусно выложил разноцветной плиткой изображение парящего над землей дракона.

— Это дом моей бабушки, точнее, прапрапрабабушки, — объяснил Дирон. — Здесь искать не будут. Нам придется переждать день-другой. Солдаты видели на нас камзолы ДрагЛордов. Черная стража проверит дома всех ДрагЛордов.

— Но разве... — показал на дом Сергей.

— Нет, — понял его вопрос аристократ, — бабушка не ДрагЛорд, бабушка — сама по себе. Ей четыре тысячи лет, и мы с женой отдаем ей на воспитание девочек. Мальчики остаются в усадьбе моего отца за городом, где с раннего детства привыкают обращаться с драконами.

— Понятно, — вздохнул Второй, наблюдая, как Дирон огромным ключом открывает массивную дверь, обитую железом.

Они вошли в темный дом, и ДрагЛорд, не зажигая света, за руку повел своего невольного гостя в его комнату. Уже там, стараясь не шуметь, Дирон закрыл дверь и зажег свечу.

Сергей огляделся. Ему понравилось — удобная, не слишком широкая и не слишком узкая кровать, небольшой стол у зашторенного окна, зеркало на стене, два кресла — одно у стола, другое у кровати, одну стену занимали книжные полки.

— Довольно уютно, — сказал постоялец, чуть отодвигая кресло от стола.

— Мне тоже тут нравится, — кивнул хозяин и добавил: — За стеной точно такая же комната. Я лягу там. Утром я вас представлю бабушке и детям. Теперь ложитесь спать. Мало ли что может измениться, во всяком случае свежие головы нам не помешают.

Сергей согласно кивнул головой и прямо в одежде растянулся на кровати.

— Азартных снов, — пожелал ему ДрагЛорд и не удержался от вопроса: — Чем вы так расстроены?

— Шарскун не знал — герой он или нет, — грустно признался тот.

— Скейвен был воин, — по своему приободрил его Дирон. — Такая смерть — мечта воина.

— Само собой, — закрывая глаза, пробормотал Второй, — но я сомневаюсь, что его семья будет счастлива.

— Перестаньте — это только крысы, — пожал плечами Дирон.

— Да, но они не поощряют праздность, — вздохнул Сергей и погрузился в глубокий сон измученного новыми ощущениями человека.

Ему снилась Наола. Прекрасная дикарка сидела верхом на седогривом волке перед воротами своей усадьбы и укоризненно смотрела на него.

— Да, да, да, — говорил он ей. — Я действительно человек безнравственный, но мы не женаты. Потом, как я понимаю, я Древний, то бишь существо высшего порядка, а с тобой еще ничего не понятно. Может, нам и нельзя.

— Можно, милый, можно, — ласково отвечала она. — Тебе же лучше будет. О такой, как я, ты совсем недавно мог только мечтать.

— Вот что, душа моя, — продолжал терзаться сомнениями он. — Хорошо выяснить, как обстоят дела в целом. Иначе могут приключиться всякие неприятности. Я уже был однажды влюблен в дочь психопата и лет на десять разбил себе сердце. Так что уж прости — я немного покручусь еще на «вольных хлебах».

Волк под девушкой оскалился и произнес человеческим голосом:

— Не дури, бестолочь. Сам же знаешь — ты влюбился.

— Это меня и пугает, — отвечал он.

Он проснулся от чьего-то взгляда. Поднял голову и обнаружил стоящую у изголовья высокую красивую женщину лет сорока, над правой бровью у нее белел небольшой тонкий шрам.

— Хорошие сны, — сказала женщина и тут же представилась: — Я Радира — бабушка малыша Дирона.

— Но...— невольно удивился Второй.

— Сказал, что мне четыре тысячи лет? — улыбнулась женщина. — Он ошибается. Мне почти семь тысяч. Я воспитала такое количество внуков, что ими можно было бы заселить весь континент, но Моор не дал им жить больше трех столетий, а с ним невозможно спорить. Вставайте, пойдемте завтракать, мои внучки не могут дождаться, когда вы им расскажете какую-нибудь душещипательную историю.

— Боюсь, что мне и рассказывать-то нечего, — вскакивая с кровати, признался Сергей.

— Тогда соврите, — предложила Радира. — Неважно, какая история, важно — какую мораль можно из нее вынести. Мораль в вашем рассказе должна быть следующая — нужно хорошо учиться, тренировать свое тело и быть готовой пожертвовать собой ради мужа. Потому что высшая цель жизни женщины — доставить радость мужу.

— Если у вас так думают все бабушки, то я, наверно, хотел бы жениться в этой стране, — попробовал пошутить Второй.

— Не стоит, — искренне предостерегла его хозяйка дома. — Я еще не определила понятие радости.

— Оно какое-то особенное? — заинтересовался Сергей.

— Слишком особенное, — еще шире улыбнулась женщина. — Вот предположим, мой второй муж получал радость, когда я приносила ему тушу лично задушенного мною медведя. А пятый муж просто блаженствовал, когда я сдирала с живого раба кожу или целиком глотала живую змею.

— Нет, боюсь, я не смогу придумать такую историю, — развел руками Второй, внутренне решив, что семь тысяч лет семейной жизни не лучшим образом сказались на рассудке благородной Радиры.

— Отнюдь, — озвучила своим объяснением его мысли женщина, ошарашив Сергея. — Главная задача — чтобы девочки никогда не забывали, что все мужчины — неисправимые дураки. Так им легче будет смириться с менее заметными недостатками будущего избранника и прожить относительно спокойную и счастливую жизнь.

— Вы умеете читать мысли? — решился напрямик поинтересоваться Сергей, пораженный изощренной мудростью хозяйки дома.

— Нет, — еще больше удивила его та, на этот раз своей откровенностью. — Я учу своих внучек только тому, в чем уверена сама. Ладно, пойдемте кушать.

Посрамленный Второй покорно двинулся за ней. В коридоре они столкнулись с Дироном.

— Бабушка. Ты успела уже нахамить нашему дорогому гостю? — целуя ей руку, спросил он.

— Во всей полноте аргументов, — гордо сообщила она. — Он держался молодцом. Я, пожалуй, не буду его травить.

— Ты превосходишь сама себя, — похвалил ее внук.

— Это невозможно, малыш, — вскинула голову женщина и пошла дальше.

По дороге Дирон попытался поднять гостю подпорченное бабушкой настроение.

— Понимаете, — тихо шептал он ему на ухо, — бабушка не совсем эльф. Бабушка — сводная сестра нашей королевы-матери, она ехала в одном обозе с Морати, когда на них якобы напали орки, и Аэнарион освободил их и женился на Морати.

— Каком обозе? — не понял Сергей.

— Вы что, не знаете историю дручий? — на этот раз пришлось удивиться ДрагЛорду.

— Я в этом мире меньше недели, — ответил Второй. — Я ничего не знаю.

— Тогда все понятно! — сказал Дирон и пообещал: — После завтрака я немного просвещу вас на этот счет. Мы выпьем вина в библиотеке отца. Все равно нам нужно его дождаться.

Завтрак прошел на удивление спокойно — хозяйка дома практически все время молчала, правнучки оказались милыми белокурыми существами, хотя и поглядывавшими с любопытством на Сергея, но так и не решившихся задать ни одного лишнего вопроса, разве что деловито поинтересовавшихся в самом начале трапезы — знаком ли он с теорией ледяных звезд и сам не оттуда ли он родом? Так и не получив от молодого человека вразумительного ответа на свой вопрос, девочки хихикнули и больше вопросов не задавали.

Поблагодарив благородную Радиру за завтрак, Сергей с Дироном поднялись по широкой мраморной лестнице в библиотеку.

ДрагЛорд тут же улегся на резную козетку у окна, а Второй принялся расхаживать перед стеллажами с книгами, разглядывая корешки.

— Иоганнес Бехер, Рафаэль Кансинос-Ассенс, Юджин Дженд-лин, Девид Дойч, Карлейль, плюс мэтр Ассаджиоли, — бормотал он в слух имена авторов. — Прекрасная подборка! — он повернулся к Дирону. — Очень специфический выбор. У меня тоже есть «Сартор Резартус» Карлейля.

— У отца странный вкус, — согласился с ним дручий.

— Но по-своему изысканный, — констатировал Сергей. — Я даже не могу вспомнить — есть ли у кого-нибудь из моих друзей дома такой

комплект? — он взглянул на ДрагЛорда. — Так что же там с вашей бабушкой?

— О! — протянул тот. — История моей прародительницы — это история дручий. Ну, очевидно, вам все-таки известно, что эльфы делятся на две противоборствующие стороны — Высшие эльфы, или Азуры, и Темные эльфы, или Дручии?

Второй кивнул.

— Так вот, — продолжил Дирон, — когда-то, до предательства Азуров, эльфы были одним народом, и эльфами правил Король Феникс Элтарион. Однажды, объезжая свои владения, он стал свидетелем нападения сторонников Слаанеша на человеческий обоз. В этом-то обозе и ехала Морати с моей будущей бабушкой. Само собой разумеется, Элтарион, будучи незаурядным бойцом, легко перебил всех нападавших и спас двух прекрасных девушек. На одной из них он женился, другая нашла себе достойного жениха среди приближенных рыцарей короля. Это и была бабушка. Потом начался период внутреннего раскола среди эльфов, до их полного разделения на два лагеря. Многие до сих пор обвиняют в этом Морати и даже шепчут в свои длинные уши, что нападение было подстроено и спасенные девушки — посыльные Хаоса, в задачу которых входило очаровать Великого Элтариона, сделать его рабом Хаоса и уничтожить племя эльфов. Но, разумеется, — это полная чушь, поскольку за прошедшие тысячелетия его сын и наш король Малекит так и не стал ничьим вассалом. Хотя, признаюсь, иногда, в особенности когда бабушка сердится, мне и самому кажется, что в старинной легенде есть доля правды.

— Надо же, — продолжая знакомиться с книжной коллекцией, согласился Сергей. — У вас тут орки регулярно похищают девиц. Поучительная история.

— Более чем поучительная, — раздался со стороны лестницы голос Ракартха. — Сын, ты забыл упомянуть о нынешней роли бабушки в жизни дручий и, особенно, в жизни беастмастеров.

Через мгновение старший ДрагЛорд появился в библиотеке и сел в кресло, стоящее у стены.

— Приветствую тебя, отец мой! — поприветствовал его Дирон, поднимаясь с кушетки и почтительно склоняясь.

— Приветствую тебя, сын! — ответил тот и спросил у гостя: — Как вам моя библиотека?

— Я уже высказывал свое мнение вашему сыну, — вежливо ответил тот. — Очень изысканно и прогрессивно.

— Я лично составлял ее, — кивнул Ракархт, натягивая на руку лайковую перчатку. — Так вот, наша прародительница — Повелительница невест. С ее подачи все ДрагЛорды находят себе жен.

— Каким же образом? — не понял Сергей.

— Вы все сами увидите сегодня вечером, — ответил аристократ. — Ваша вчерашняя стычка с ночной стражей и, в особенности, драматическое участие в ней вашего друга скейвена, сильно взбудоражили городские власти. Еще ночью были обысканы все дома ДрагЛордов, живущих в Наггароте, и задержаны все корабли в бухте. Так что доставить вас на корабль раньше завтрашнего полудня не удастся. Хотя уже принята официальная версия о шпионах-азурах, переодевшихся в мундиры ДрагЛордов и скрывшихся в подземных лабиринтах.

— А что с Шарскуном? — осторожно спросил Второй.

— Расстрелян из игломета, а его тело вывешено к всеобщему обозрению на площади у королевского дворца вместе с телами семерых стражников, казненных за нерадивость при поимке шпионов, — сообщил Ракархт и добавил: — Вы все сами скоро увидите. Мы проедем мимо.

— Куда на этот раз? — снова не удержался от вопроса Сергей.

— Чтобы хоть как-то скрасить ваше вынужденное пребывание в Наггароте, я решил вам показать то, чего не видел ни один человек в этом мире, — женитьбу ДрагЛорда. Кстати, бабушка занимает в этой процедуре центральное место. Гордитесь — вы станете свидетелем удивительного зрелища, даже обычные дручии не могут похвастаться такой честью. Никто, кроме аристократов. Если вы не против, то карета нас уже ждет внизу. А ты, Дирон, останься в городе и уладь вопросы с уцелевшими свидетелями — вас видели какие-то

молодые выпивохи в трактире, — и аристократ опять повернулся к гостю. — Вы готовы?

— Поехали, — махнул рукой Второй, более привлеченный не возможностью увидеть секретную церемонию, а желающий взглянуть в последний раз на своего друга скейвена.

Он действительно вскоре увидел друга из окна кареты ДрагЛорда. Пронзенное множеством коротких стрел, тело скейвена медленно раскачивалось под порывами ветра на толстой веревке, перекинутой через стальную балку, торчащую из обсидиановой стены королевского дворца.

Сергей отодвинулся от окна.

— Я слышал, что он мужественно сражался? — спросил сидящий рядом ДрагЛорд.

— Без его помощи мы не смогли бы уйти. Он задержал охрану, — признался Второй.

— Ваш друг убил одиннадцать стражников, — сообщил Ракартх. — Я договорился с одним из старших офицеров Черной стражи, чтобы меч вашего друга завтра с остальными вашими вещами доставили на корабль. Хорошее оружие. Его сделали сланны, и он стоит целое состояние. Где вы его нашли?

— На станции инжи в подземелье, — машинально ответил Сергей и вспомнил, как скейвен играл у порога своего дома со своим зубастым потомством.

Парню от этих воспоминаний стало совсем тоскливо и он уткнулся в окно.

Их карета выехала за пределы города и покатила по дороге вдоль гавани. Вдали на волнах покачивались два десятка кораблей со спущенными парусами.

— Где мой корабль? — спросил Второй.

— Предпоследний справа, — показал на один из кораблей его спутник. — Это корабль рейнджеров.

— Пиратов? — удивился Сергей.

— Почти, — улыбнулся ДрагЛорд. — Но не волнуйтесь, рейнджеры-дручии еще более безнравственны, чем сухопутные.

— Вы не уважаете свой народ? — стараясь не обидеть собеседника, поинтересовался Второй.

— Я не уважаю его зависимости, — не совсем понятно ответил Ракартх и помрачнел.

— Я тоже не уважаю слабости своего, — пытаясь скрасить неловкость, признался Сергей.

— Да, — столь же мрачно кивнул аристократ. — Только слабости вашего не были навязаны со стороны.

— Что вы имеете в виду?

— Об этом позже, это слишком серьезный разговор.

Какое-то время спутники ехали молча.

Впереди, за очередным поворотом, показалась крыша какой-то огромной постройки.

— Наша загородная усадьба. Когда моя супруга уезжает к своим родителям, я живу здесь, — сообщил ДрагЛорд. — Скоро я вас представлю своим подопечным.

Через несколько минут карета остановилась у ворот усадьбы. Из ворот к карете выскочили двое вооруженных пиками солдат в длинных зеленых плащах, распахнули дверь экипажа и помогли пассажирам выбраться наружу.

— Хотите отдохнуть? — предложил Ракартх. — Перекусить, вздремнуть часок?

— Я не устал, — отказался Сергей.

— Тогда я покажу вам свою гордость, — сказал аристократ и повел гостя петляющей тропой к длинному одноэтажному зданию в стороне.

— А что там? — на ходу спросил Второй.

— Драконы, — коротко ответил хозяин усадьбы и распахнул перед Сергеем дверь.

Внутри здание напоминало обычную конюшню, разве что загоны были огромных размеров и за коваными оградами находились не лошади, а настоящие драконы. Покрытые темной чешуей, с массивными длинными хвостами, увенчанными на конце треугольными костяными пластинами, летающие рептилии мирно дремали.

— Дуонх, Пор, Дипос, Кантр, — представлял каждого из них ДрагЛорд.

— Почему они не красные? — вспоминая драконов Наолы, уточнил молодой человек.

— Потому что это черные драконы, — терпеливо объяснил хозяин.

— Чем они отличаются от красных?

— Цветом и родиной. Родина красных — вулканические горы Каледора, родина черных — западный склон Черного Хребта.

— Это единственное отличие?

— Нет, еще черных драконов не может оседлать никто, кроме дручиев, а красных — никто, кроме азуров. Хотя предок у них один — Великий Красный Дракон.

— Которого убил Абхораш?

— Да.

— Значит, черные драконы его недолюбливают?

— Тоже не любят, но не так, как красные. Великий Красный Дракон когда-то проклял черных драконов за то, что они начали охотиться за людьми, с которыми у него был мирный договор. Не правда ли, ирония судьбы — быть убитым именно человеком?

— Абхораш не совсем человек.

— Он был им.

— Зачем вам эти знания? — поинтересовался ДрагЛорд, подходя к одной из клеток.

— Просто это единственный вариант узнать о драконах побольше. В моем мире их нет, — объяснил Сергей, заглядывая в полумрак загона, у которого остановился хозяин усадьбы.

— Нормил, — назвал тот имя лежащего за решеткой чудовища.

Дракон открыл глаза и поднял с земли морду.

— Сегодня вечером мы полетим на нем, — сказал Ракартх и позвал: — Нормил. Аи Нормил! Аи!

Дракон вплотную приблизил свою голову к решетке. Своими огромными зелеными глазами посмотрел на хозяина и перевел взгляд на гостя. Открыл пасть и рявкнул столь оглушительно, что Сергея качнуло.

— Странно, — пробормотал ДрагЛорд. — Он назвал вас по имени.

— Меня, по имени?! — переспросил Второй, до сих пор оглушенный рыком рептилии.

— Да, по имени, — повторил аристократ.

— Что-то я не узнал своего имени, — пожал плечами Сергей. — Меня еще никто так громко не называл.

— Это все-таки дракон! — объяснил Ракартх и повторил: — Но назвал по имени.

— Что это значит?

— Это значит, что вы с ним знакомы.

— Нет, нас друг другу не представляли.

— Нет, Нормил явно к вам неравнодушен, — еще раз взглянул на ящера ДрагЛорд.

— Очень приятно, — только и смог сказать Второй, хотя из всего сказанного ему удалось понять только то, что ящер испытывает к нему какую-то привязанность.

Аристократ понял, что гость находится в затруднении, и засмеялся:

— Не бойтесь, — сквозь смех произнес он. — Благорасположение Нормила не означает, что он хочет вас скушать. Он просто симпатизирует вам, — аристократ перестал смеяться и добавил с оттенком некоторой ревности в голосе: — Тем более, что это дракон короля.

— Ничего не имею против, — кивнул Сергей, по-прежнему не зная, как следует себя вести дальше.

— Пойдемте, — предложил Ракартх и показал на дверь в стене между двумя загонами.

Они покинули драконью обитель и зашагали длинным полутемным тоннелем. Тот заканчивался небольшим залом, стены которого были увешаны подобием седел и разнообразным оружием. За этим залом последовал следующий, с пустым бассейном в центре. Двое слуг скребли его стены металлическими щетками. При появлении хозяина они бросили свою работу и вытянулись по струнке, преданно глядя на аристократа.

— Байи. Мы здесь приводим себя в порядок после битвы, — объяснил он. — Бассейн наполняют из теплого горного источника. Пойдемте дальше.

За залом с бассейном они миновали еще несколько помещений, в основном это были однотипные залы, приспособленные для разного рода хозяйственных нужд. Миновав все помещения, спутники оказались у причудливого механизма, вмонтированного прямо в скалу и, очевидно, выполняющего функцию лифта. Механизм приводился в движение при помощи сотни противовесов. Под ногами Сергея звякнула металлическая площадка.

— Держитесь за поручни, — посоветовал ДрагЛорд, берясь за какой-то рычаг.

Едва Второй последовал его совету и крепко ухватился за один из поручней, площадка стремительно помчалась вверх. У Сергея аж дух захватило от открывшейся картины. Перед ним простирался весь Наггарот, с бесчисленным количеством домов, остроконечных башенок, возвышающихся над ними, мрачной громадой королевского дворца, бухтой с пришвартованными кораблями и бескрайней равниной моря. У самого горизонта собирались тучи и сквозь них пробивались потоки солнечного света. Они пронзали морскую гладь и исчезали в бездонных ультрамариновых глубинах.

Площадка начала тормозить и остановилась у каменной площадки. Ракартх пересек ее и скрылся в овальном отверстии в скале. Второй пошел за ним. Когда он вошел в небольшую пещеру,

ДрагЛорд уже сидел на одном из каменных кубов, лежащих у вырубленного в другой стене окна и поигрывал снятыми с рук перчатками.

— Я здесь думаю, — без всякого предисловия объяснил он. — Здесь ничего нет, кроме камней и меня. Такое окружение очень помогает думать.

— Оригинально, — оценил место гость и сел на каменный куб напротив аристократа. — Я так понимаю, что вы хотите о чем-то со мной поговорить наедине?

— Не просто наедине, — улыбнулся тот. — А в единственном месте в Наггароте, действительно подходящем для разговора наедине.

— Так о чем же? — вопросительно взглянул на него Сергей.

— Не сочтите мой вопрос нетактичным, но мне необходимо его задать, — начал ДрагЛорд. — Давным-давно мне в руки попала часть библиотеки Древних. Это случилось во время Великого Раскола Эльфов. Я прочитал большую часть книг из этой библиотеки. Это были книги о жизни в мире Древних. И меня начал терзать один вопрос, на который я до сих пор не смог найти ответа.

— Так что за вопрос? — подбодрил его Второй. — Мне скрывать нечего.

— Вот это все, — Ракартх обвел рукой открывающийся с высоты вид. — Вот это все и мы с вами — реальны?

— В каком смысле? — не понял Сергей.

— В прямом — мы есть или это все иллюзия? — терпеливо уточнил Ракартх. — В книгах Древних ничего нет об эльфах, гномах, драконах. Точнее, есть, но они бывают только в сказках.

— Если честно, — признался Второй, — я не знаю. В моем мире на самом деле нет ничего подобного.

— Тогда получается, что Наола права, и мы — игрушки? — вздохнул аристократ. — Как это странно! Я помню, как моя жена родила моего первого ребенка, как умер мой дед. От старости умер. И это все игрушки?!

— Затрудняюсь точно ответить, — сказал Сергей. — Для меня ваш мир действительно сказка. Только спать, есть и пить я хочу по-настоящему. Может, я сплю?

— А может, я сплю, и вы мне кажетесь? — предположил Драг-Лорд.

— Давайте избежим примеров с бабочкой и обойдем стороной вопросы дзен-буддизма, — предостерег его гость. — У себя в мире я слишком часто себе задавал вопрос о реальности мира вокруг, и ни к чему, кроме запоя, это не приводило.

— Не нашли ответ?

— Не нашел.

— Плохо, — повернул голову так, что хрустнули шейные позвонки Ракартх. — Глупо жить на ощупь.

— Глупо, — согласился Второй и спросил: — Почему эльфы разделились?

— У нас есть одна процедура, — поведал ему аристократ. — Каждый новый Король Феникс обязан пройти Священный огонь бога Азурана. Малекит не прошел его, но он был законный наследник. Часть эльфов ушла с ним сюда, в Старый Свет.

— Почему не прошел?

— Поговаривали, что его мать, королева Морати, поклоняется Слаанешу.

— Ведь так и есть.

— Поздно заниматься просвещением, нужно думать о будущем. Я полагаю, что вас вызвали для больших перемен. Я поэтому и сотрудничаю с вами. Думаю о своих детях, даже если они нереальны. Не забудьте о нас, когда приметесь изменять мир.

— Каким образом? — растерянно пробормотал Сергей. — Мне совсем не по душе эти божественные полномочия.

— А у вас тоже нет выбора, — напомнил аристократ. — Древние не отпустят вас, пока вы не сделаете всего, что они хотят.

— Тогда надо выяснить, чего же хотят ваши Древние, — решил молодой человек.

— Ваши, — поправил его Ракартх и выругался: — Проклятье!

— Что случилось?! — испугался Сергей.

— Я забыл свои перчатки, — ответил аристократ и добавил: — Извините — пунктик.

Металлическая площадка подъемника с лязгом коснулась земли, и ДрагЛорд повел гостя обратной дорогой к зданию драконьих загонов.

Внутри царила суета: шесть слуг в длинных кожаных плащах провели мимо них на цепях дракона к распахнутым створкам высоких дверей.

— Молодой дракон, — пояснил хозяин. — Сейчас мой беастмастер попробует его впервые поднять в воздух с наездником.

— Это опасно? — спросил Сергей.

— Довольно опасно, — кивнул Ракартх, — но за наездника можно не беспокоиться: они все оборотни.

Второй внимательнее пригляделся к существам, тащившим дракона, и действительно обнаружил, что из-под широких капюшонов выглядывают узкие морды каких-то существ.

— Где вы нанимаете их? — заинтересовался он.

— Беастмастеров? — пожал плечами аристократ. — Это рабы. Я их выменял у фон Корстейна на несколько легкомысленных книжонок.

— Так вы знаете папу Наолы? — удивился Сергей. — Из разговора с ней я понял, что Корстейн скрывается от властей.

— Скрывается, — согласился ДрагЛорд. — Бывает, его ловят, казнят, чаще сжигают, потом он опять скрывается, потом его опять ловят, и так бесконечно, по кругу.

Второй, до сих пор еще не привыкший к возможности круговорота перерождений местных жителей, помолчал, обдумывая сказанное, и наконец предложил:

— Может, ему и скрываться не стоит? Сожгут разок-другой, потом надоест, все равно ведь перерождается, и отстанут. Будет себе спокойно, на легальных основаниях, сидеть дома, читать книжки.

— Манфред не хочет сидеть дома, — объяснил хозяин дома. — После смерти Оливии он помешался на потерянных свитках Нагаша. Ищет и не может найти. К тому же нельзя забывать, что он вампир.

Пока они разговаривали, оборотни вывели дракона наружу и освободили от цепей. Один из беастмастеров ловко вспрыгнул на спину крылатой рептилии, ударил ее каблуками по чешуйчатым бокам, и дракон расправил перепончатые крылья. Наездник еще раз пришпорил чудовище. Дракон издал недовольный рык и взмыл в воздух. Поначалу он поднимался неторопливо, но едва достиг определенной высоты, принялся выделывать в воздухе разнообразные пируэты, пытаясь сбросить оборотня со своей спины. Однако наездник оказался на редкость цепким существом. Прижавшись плотнее к телу рептилии, он сильно заколотил ей каблуками по бокам. И так продолжалось до тех пор, пока дракон не начал повиноваться его приказам.

— Быстро, — удовлетворенно кивнул Ракартх. — Спокойный экземпляр. Его легко будет продать. Для войны этой особи недостает самолюбия.

— Я очень хотел бы так же, — признался Второй, невольно залюбовавшись величественным парением дракона над землей.

— Вам представится такая возможность сегодня ночью, — пообещал ему аристократ. — На свадебную церемонию мы полетим на драконе. Я должен присутствовать. Noblesse oblide.

— На Нормиле полетим? — уточнил Сергей.

— На Нормиле?! — задумался было ДрагЛорд, но тут же согласился: — Почему бы и нет? Нормил назвал ваше имя, а королю вряд ли потребуется дракон этой ночью. Он обычно не посещает такого рода мероприятия. Это будет забавно. К слову: полное имя Нормила — Аи Нормилготоссо. На языке эльфов это означает «Невидимая звезда Аи».

Остаток дня они провели в домике для отдыха, стоящего у самого края моря: обедали, обсуждали прочитанные книги, аристократ хвалился своей коллекцией трофейного оружия, несколько часов спали в деревянных лежаках на веранде с видом на море.

С закатом солнца ДрагЛорд переодел Сергея в костюм плотной ткани для полета и подарил роскошные, расшитые рунами сапоги из кожи боевой гидры.

— Я сам сшил их, — признался аристократ, чем искренне удивил молодого человека.

— Вы сами? — недоверчиво переспросил он, разглядывая переливающуюся зеленым цветом кожу высокого голенища.

— Слабость, маленькая слабость, — горделиво подтвердил Ракартх и приказал рабам вывести Нормила из загона.

Дракон оказался значительно крупнее своего молодого собрата. Он без всякого сопровождения сам выбрался из здания во двор, дал оборотням накинуть на себя седло и сладко потянулся. Завидев идущих к нему ДрагЛорда с молодым человеком, дракон лег на землю. Они уселись в седло. Сергей крепко ухватился за широкий кожаный ремень Ракартха.

— Вы готовы? — спросил его тот.

— Как никогда, — поторопился ответить Второй, чувствуя, как бьется его сердце.

И они поднялись в небо. Нормил явно берег своих наездников — его огромные крылья плавно подминали под себя теплый вечерний воздух, поднимая ДрагЛорда и Сергея все выше и выше, пока земля внизу не утонула во мгле. Стало значительно холоднее, но теплый костюм, выданный хозяином дома, надежно защищал молодого человека. Мерзли разве что только нос и уши.

— Как это все-таки необычно! — думал Сергей, глядя на крупные звезды, сияющие у него над головой. — Многие из моих друзей, не за-

думываясь, отдали бы все, что имеют, за один такой вояж. Интересно — что это за звезды? Если верить Ракартху — это только иллюзия, хотя в таком случае и он иллюзия, а я держу эту иллюзию за пояс. Наверняка, не стоит глубоко задумываться над подобными парадоксами — свихнуться недолго. Пусть будет все как есть. Это же так просто — принять происходящее в том виде, в котором оно представлено на данный момент. Хотя у нас так живут миллионы, но как-то безрадостно живут. Видно, им просто необходимо покататься на драконе. Очень глубокая, а главное — практичная мысль. По возвращении в мебельный салон я обязательно поделюсь ею с директором. Уверен, его благодарности не будет предела.

— Караг-Азгал! — сообщил, обернувшись, ДрагЛорд и показал на заснеженный горный пик, промелькнувший в ночи у них под ногами.

Потом опять обернулся и крикнул, показывая еще на одну вершину, проплывающую мимо:

— Караг-Хараз. Дальше будет Пустошь Нагаша.

Нормил издал рык и начал снижаться. Откуда-то снизу послышался ответный рев. Вскоре показались огни.

Дракон приземлился на большом горном плато, со всех сторон окруженном горными вершинами.

— Это место называется Плато Ущербного Пика, — проинформировал Ракартх, первым спрыгивая на землю. — Вокруг земли гномов. Но сюда они не заходят.

Второй огляделся. Площадка впереди была окружена сотней каменных столбов, вкопанных в землю, с привязанными к ним факелами. В центре лежал сколоченный из толстых грубо обструганных досок круглый помост. Двое слуг устанавливали за ним высокое седалище наподобие трона, также сколоченное из дерева и покрытое сверху шкурами. В тени, за границами освещенной площадки, двигались тени. Судя

по звукам, доносящимся оттуда, там находились не менее трех-четырех драконов и люди.

— Пойду посмотрю, кто уже прибыл, — сказал ДрагЛорд и направился туда. Сергей не дерзнул последовать за ним, решив, что его местонахождение рядом с Нормилом — наиболее безопасный вариант в данных обстоятельствах.

Постепенно его глаза начали привыкать к темноте, и он обнаружил проглядывающие сквозь ночной сумрак очертания руин древней крепости.

— Прибыли четыре семьи, — сообщил Ракартх, возвращаясь. — Жениха еще нет, но девушки уже здесь. Радиры тоже нет, хотя думаю, она будет здесь через несколько минут, она никогда не опаздывает.

— Девушки? — удивился Второй. — Что, он сразу на нескольких женится?

— Нет,— коротко покачал головой аристократ. — Женится на одной. Не торопись, ты сам все скоро увидишь.

— А что за руины там? — ткнул в темноту рукой Сергей.

— Остатки города Аорутана, — ответил Ракартх. — Здесь когда-то жили эльфы. Давно, до Великого Раскола. Теперь об этом месте все забыли, кроме нас.

Сверху раздался драконий рык.

ДрагЛорд поднял голову:

— Еще кто-то. Голос дракона Варонов — семьи жениха.

Действительно, через мгновение над площадкой промелькнула огромная тень. Пламя факелов качнулось в сторону.

Опять из поднебесья послышался рев.

— Вот и жених, — оповестил ДрагЛорд. — Ждем бабушку.

Радира появилась внезапно. Прошумел ветер, от факелов плеснуло зеленым отблеском, и в центр помоста опустился диковинный зверь, каких молодой человек не видел раньше: некая помесь дракона и коня. С его спины, звонко цокнув каблуками о доски помоста, грациозно спрыгнула Радира.

Ранее скрытые сумраком, участники церемонии вступили на свет. Все поклонились прибывшей.

— Приветствую вас, благородные Лорды, — торжественно провозгласила Повелительница невест, проходя к трону и устраиваясь на нем. — Посмотрим девушек.

С разных сторон на помост вышли две худенькие девушки в боевых доспехах и с кинжалами в руках. Волнообразные клинки мерцали в свете факелов.

— Ты, — ткнула пальцем в одну из них Радира.

Та поклонилась ей и начала «свадебную речь»:

— Я — Сино из рода Гарта Хладнокровного. Я готова стать женой, я готова забыть о своей прежней семье и ее законах. Я одна.

— Ты, — показала на другую девушку Радира.

— Я — Ткатль из рода Болиглава Черностражника, — сказала та. — Я готова стать женой, я готова забыть о своей прежней семье и ее законах. Я одна.

— Умирайте, — махнула рукой Повелительница и девушки бросились друг на друга.

Их клинки рассекали воздух и, скрещиваясь, высекали снопы искр. Сделав очередной выпад, Ткатль ударом ноги в грудь противницы отбросила ее в другой конец помоста. Однако Сино быстро вскочила на ноги и приняла боевую стойку. Ткатль прыгнула к ней и попыталась снова ударить ногой, но Сино ловко увернулась от удара и, в свою очередь, сделала подсечку. Ткатль упала, но тут же откатилась в сторону и поднялась. Девушки закружили друг вокруг друга. Сино первой нанесла удар кинжалом. Ткатль отбила лезвие металлическим щитком на запястье левой руки, присела на одно колено и ударила своим клинком в незащищенную грудь противницы. Лезвие легко пропороло кожаный жилет и по самую рукоять погрузилось в тело Сино. Та застыла на месте, выронила свой кинжал и с глухим стоном упала на помост. Ткатль воткнула окровавленный кинжал в помост, подошла к мертвой сопернице, перевернула ее на спину, аккуратно сложила ей руки на груди, встала, повернулась к наблюдавшей за поединком Радире и произнесла:

— Я победила. Жених мой. Я хочу на него посмотреть.

Повелительница невест царственным взмахом ладони вызвала на помост жениха.

К девушке вышел высокий, крепкосложенный юноша в камзоле ДрагЛорда.

Ткатль внимательно осмотрела его с ног до головы и спросила:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала для тебя?

— Мне не нужна рабыня, я мечтал о соратнице, так что ты задала вопрос сама себе, — уважительно склонив голову, ответил тот.

— Он не глуп, — констатировала Ткатль, обернулась к Радире и провозгласила: — Я согласна.

Повелительница невест поднялась и приказала:

— Принесите Кубок Клятвы!

Тут же слуга вынес молодым людям высокий золотой кубок, наполненный каким-то напитком.

Жених принял его, сделал глоток и протянул невесте. Та повторила то же самое.

Радира обратилась к молодым людям с вопросом:

— Вы будете менять друг другу имена? И какой клятвой свяжете друг друга?

— Я горжусь его именем, — отказалась девушка и добавила: — И выбираю клятву Продолжения. Если я умру, он должен жениться еще раз. Пусть род Варонов не зависит от моего времени.

— Я изменю ее имя, ей больше подходит имя Шагора-Неукротимая, и выбираю клятву Завершения, — сказал юноша, — Если я умру, она не должна больше иметь мужа. Ее клятву я не принимаю, у меня не будет жены, кроме нее, даже если мой род закончится.

— Некар из рода Варонов и Шагора из рода Варонов, мы гордимся вашим выбором, — объявила Повелительница. — Мы объявляем ваш союз свершившимся.

Плато огласилось радостными выкриками людей и ревом драконов.

— Хороший парень, — шепнул на ухо Сергею Ракартх. — Я воевал с его отцом. Пойду поздравлю его, а заодно поговорю с бабушкой. Стой здесь, рядом с Нормилом.

Он исчез в темноте, а Второй издали наблюдал, как к телу лежащей на помосте Сино вышел пожилой воин, судя по всему ее отец, и трое слуг. Воин снял с головы шлем, украшенный острыми золотыми пластинами, встал перед мертвой девушкой на одно колено, взял ее руку и прижал к своей груди.

У Сергея сжалось сердце от сострадания к его потере. Было очевидно, что несмотря на внешнее спокойствие воина, он глубоко переживал потерю. Однако слуги быстро переложили тело на носилки, и сопровождаемый ими отец Сино растворился в темноте.

Вернулся ДрагЛорд и сообщил:

— Я вынужден отправиться в замок Варонов на праздничный пир, тебе там появляться опасно. Бабушка заберет тебя с собой в городской дом. Так будет лучше, дом ближе к бухте. Утром отплываешь. Дирон проводит тебя до корабля.

— Старик, который забрал тело, — отец Сино? — спросил Второй. — Мне его жалко.

— Нет, это дед Сино, — изменившись в лице, ответил Ракартх. — Ее отец погиб. Их род относится к касте Хладнокровных Рыцарей. Мы женим своих детей только на отпрысках родов из других аристократических каст Наггарота. Мне тоже неприятно, что Сино погибла. У ее рода больше нет потомства. Но таков обычай.

— Мудрый обычай, — раздался женский голос рядом.

Ракартх и Сергей обернулись. Рядом, держа под уздцы своего летающего монстра, стояла Радира.

— Женщины сражаются за мужчину, чтобы потом стать его рабыней.

— Странная мудрость, — не сдержался от реплики Второй.

— Ничего странного, — авторитетно заявила женщина. — Разве ученый добровольно не посвящает всю жизнь изучению науки, чтобы потом умереть от переутомления над своими формулами, разве солдат не отказывается от удобств и покоя, чтобы потом пасть на поле сражения от случайной залетевшей стрелы? Мы всегда насмерть сражаемся за свое рабство. Иди, Ракартх, тебя уже ждут.

ДрагЛорд поклонился своей прародительнице и удалился.

— Садитесь на моего Пегаса, — приказала Повелительница Сергею. — Дома побеседуем.

Он не решился перечить и вслед за ней забрался на спину животного. Пегас взмахнул крыльями и неожиданно быстро взмыл к небу.

Пегас летел быстро, очень быстро, то резко набирая высоту, то так же быстро снижаясь. Впрочем эти перепады не особенно чувствовались, словно летающую тварь окружало какое-то энергетическое поле. Не прошло и десяти минут, как он уже опустился во дворе дома.

Радира помогла Сергею сойти на землю, хлопнула Пегаса по боку ладонью, и он быстро исчез в вышине.

— Перекусим с дороги? — предложила женщина.

Второй кивнул. Радира подхватила его под локоть и повела к дому.

Накрытый стол уже ждал их. Женщина усадила гостя в центре стола, сама села напротив.

— Так вы, мой вдумчивый юноша, из Древних? — наливая ему в глубокую тарелку суп, спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Давно мне не случалось беседовать с Древними. Вы не очень-то на них и похожи. Вам не хватает самоуверенности во взгляде. Хотя я уверена, что вы скоро всему научитесь.

— Вам Дирон сказал? — принимаясь за еду, предположил Сергей.

— Да что вы! — улыбнулась Радира. — Из наших вояк каленым железом не добьешься признания. Мне сказала королева.

— Она знает, что я здесь? — оторопел гость.

— Ни в коем случае, — успокоила его женщина. — Она знает только то, что один из Древних проходит через наши земли. Или прошел. Еще ее повелитель дал задание срочно найти вас и убить.

— Зачем? — испуганно спросил Второй.

— Кто знает?! — вздохнула Радира. — Приказы богов не обсуждаются. Но это приказ ее бога.

— Разве?

— Нет, — опередила его вопрос женщина. — У нас разные боги. Мой мне давно не отдает никаких приказов. Он слишком занят собой.

— Тогда все хорошо? — успокаиваясь, вернулся к тарелке с супом Сергей.

— Не совсем, — сообщила хозяйка. — Насколько я понимаю, по вашему следу пустили одного из лучших убийц Кхорна. Объясню, чтобы больше к этому не возвращаться. Тем более что скрывать особенно нечего. Кхорн — это бог крови, один из четырех богов Хаоса. Кроме него есть еще три: Тзинч — это мой бог, Нургл — бог разложения, мерзкое существо, и Слаанеш, но его давно никто не видел.

— С вашим богом и Слаанешем я уже встречался, — признался молодой человек.

— И остались невредимы! — довольно констатировала Радира. — Тогда можно особенно не бояться других. Кхорн — тупица, Нургл — лентяй.

— Можно вопрос? — спросил Сергей.

— Тысячу вопросов, — кивнула женщина.

— Как я понял, вы тоже из Хаоса. Тогда почему вы здесь?

— Хаос многолик. Кхорн и Нургл — уникальны в своей злодейской простоте, Слаанеш — сложнее, но тоже ничего интересного. Тзинч — уникален и не подпадает под обычное представление о зле. Он зло в той мере, в какой злом является перемена погоды. А я здесь, потому что была когда-то замужем за эльфом. Теперь они моя семья. Что-нибудь еще?

— Булочку, — попросил Второй, показывая на корзину с хлебом.

Женщина протянула ему всю корзину, чтобы он мог выбрать.

— Есть способ на сто процентов овладеть сердцем женщины? — отклонился от основной темы беседы гость.

— Не говорите глупостей, — укоризненно взглянула на него Радира. — На сто процентов можно овладеть только этой булочкой, и то,

если вы ее проглотите и тут же покончите с собой. Гарантированно овладеть нельзя, но попытаться можно.

— Как?

— Спросите у нее сами.

— В смысле?

— В смысле — подойдите к ней и спросите, как сделать так, чтобы она вас полюбила. Потом четко следуйте ее рекомендациям.

— Но я же буду выглядеть в ее глазах полным идиотом! — воскликнул Второй.

Радира поманила его пальцем, и когда он, склонившись над столом, приблизился к ней, она прошептала:

— Именно это мы и ценим больше всего.

— Идиотизм?

— Его признание.

Сергей рассмеялся. Ему определенно нравилась эта женщина.

— Одного не пойму, — сквозь смех проговорил он. — Как человек... — и он осекся, вспомнив, что Повелительница не совсем и человек.

Радира, со свойственной всем женщинам интуицией, заметила эту заминку и успокоила:

— Человек, человек. Хаос, в большинстве случаев, набирает своих соратников из числа людей. Я, например, родилась в семье вождя одного северного племени и жила там до своего первого брака.

— А потом?

— Потом мой отец решил породниться с семьей вождя соседнего племени. Но у меня был любимый — молодой охотник, добрый, веселый юноша.

Женщина вытащила из-за пазухи кулон, сделанный из зуба какого-то животного, и протянула Сергею.

— Это его первая охота. Большой белый волк. Я любила его, но это чувство совсем не в ходу у северных племен. Отец заманил моего друга на край ледника к западу от деревни и скинул его вниз. Ночью сгорела его хижина вместе со спящими там родителями.

— Кошмар! — не сдержал восклицания Второй.

— Это еще не кошмар, кошмар начался позже — на свадьбе, — хозяйка скинула с ног сапоги, уселась по-турецки и взяла в руки чашку с теплым молоком. — В первую брачную ночь я перерезала горло своему мужу и наутро, по традиции северных племен, меня изнасиловали все главы семейств нашего племени, а потом скинули в яму с голодным медведем. Неизвестно, повезло или нет, но это уже не имеет значения — следом за мной в яму скинули случайно забредшего в нашу деревню менестреля. Когда яму накрыли решеткой, странник засунул в глотку медведя руку и вырвал у того череп. Вырвал легко, как луковицу из земли. Потом он повернулся ко мне и спросил: «Да?»

И я согласилась.

— На что?

— На что угодно. Мне было все равно. Еще никто, кроме моего убитого возлюбленного, не спрашивал моего согласия.

— И потом?

— О! Потом менестрель пел на языке Хаоса. Я ничего не понимала, но с каждым звуком его песни меня наполняла сила. Дикая, свободная, жаждущая вырваться наружу. Так оно и случилось — утром я выбралась из ямы и стала убивать всех, кто попадался мне на пути. Мужчин я рвала руками на части, женщинам и старикам разбивала кулаками головы. Пока я уничтожала деревню, поэт сидел на пороге одного из домов и смеялся. Мой отец пытался убежать, но я поймала его, сломала ему руки, ноги, позвоночник и сбросила в тот же ледник, куда он сбросил мою любовь. Он визжал, как недорезанная свинья.

— Свою мать вы тоже убили?

— Нет, она прыгнула вслед за отцом сама, но перед этим поцеловала меня и шепнула: «Правильно, все правильно».

— Она не осудила вас?

— За что? Отец сорок лет издевался над ней.

— Так зачем она прыгнула за ним?

— Ее жизнь, пусть плохая, уже не имела смысла. Потом, она понимала, что я должна ее убить тоже. Она меня пожалела.

— Убили бы?

Радира задумчиво отхлебнула из чашки глоток молока и призналась:

— Не знаю.

— Что было потом?

— Потом я уничтожила деревню своего мужа. Менестрель запретил убивать только младшую дочь вождя — Морати. Что-то он в ней увидел.

— Королева знает эту историю?

— Эту историю знают только два существа на свете — вы и мой спаситель.

— Тзинч?

— Да.

— Почему вы мне все рассказали?

— Вы же Магнификус.

— Ну и что?

— Больше никто не мог ее услышать, а мне очень хотелось ее рассказать.

— Я вас понимаю, — Второй вернул хозяйке ее кулон, и она бережно спрятала его на груди.

— Испугала? — спросила она.

— Нет, хотя должны были, — честно ответил Сергей и попросил: — Расскажите, что было потом?

Радира поставила чашку на стол и продолжила:

— Потом Тзинч оживил моего возлюбленного. Я видела, как со дна ледника поднимается его истлевшее тело и принимает форму огромного белого волка.

— Волка? Такого же, как он убил на охоте?

— Совершенно верно.

— Но почему волка?

— Тзинч сказал, что это все, что он может для него сделать. Хотя теперь я понимаю, что он просто не хотел меня ни с кем делить.

— Разве Тзинч интересуется женщинами?

— Нет, он не имеет пола. Тзинча интересуют только изменения. Я была его шедевром на тот момент, потом ему требовалась моя помощь. Я должна была вырастить Морати и сделать ее королевой эльфов.

— Тогда почему у Морати — бог Кхорн, тупица и живодер, по вашим словам.

— Это моя ошибка. До ее совершеннолетия я таскала Морати за собой, она познала только вкус крови и физического удовольствия, но не познала чувства преданности и любви.

— Тзинч не рассердился?

— Его это даже рассмешило. Это тоже было изменение, пусть не запланированное, но изменение.

— А что стало с Белым волком?

— Надеюсь, он ждет меня где-то в Северных Пустошах, — сказала женщина. — Но мы встретимся только после смерти Тзинча, а он бессмертен.

— Грустная история, — вздохнул Второй и пристально взглянул в темные глаза Радиры. — И все-таки, причем тут я? Вы надеетесь, что я убью Тзинча?

— Кто знает?! — поднялась со своего ложа женщина. — Ведь что-то заставило Магнификуса вернуться!

— Да я не тот Магнификус! — воскликнул Сергей. — Тот, насколько я понимаю, уже никогда не вернется. Я только по имени Магнификус! Слово, не больше!

— Слово Древних определяет реальность! — весомо изрекла хозяйка. — Ваше имя — это надежда для очень многих существ этого бедного мира.

— Я вас честно предупредил, — повторил Второй. — Это только имя.

Радира подошла к окну, сквозь створки которого уже пробивались слабые лучи восходящего солнца:

— Пора, Магнификус. Вас ждет корабль, когда-то я его капитану выпросила у королевы жизнь. Пора Дейдвуду вернуть должок. Слышу, Дирон уже идет за вами.

В дверь постучали, и на пороге возникла фигура младшего ДрагЛорда.

— Корабль готов, все прибрежные караулы возглавили мои люди.

— Подождите, — сказала Повелительница. Она подошла к столу у дальней стены, открыла стоящую там шкатулку и достала из нее медальон из желтого золота в виде фигурки дракона.

— Наденьте это себе на шею, — протянула медальон Сергею. — Эта милая вещица поможет вам.

— Знак прадракона! — благоговейно произнес Дирон. — Он же принадлежит королеве!

— Он принадлежит мне, — сурово отрезала Радира. — Я его дала Морати на время. Теперь я его отдаю этому симпатичному человеку. Потом, Морати все равно не может использовать знак. Только Древние.

Сергей послушно повесил медальон себе на грудь, рядом с флаконом Шарскуна, и хотел поблагодарить хозяйку, но она уже покинула зал.

— Что это значит? — имея в виду подаренный медальон, спросил у ДрагЛорда Второй.

— Это значит, что вы можете повелевать любым драконом. Получается, что вы первый из ДрагЛордов, — ответил тот и встал перед ним на одно колено.

— Здравствуйте! — укоризненно покачал головой тот. — Этих реверансов еще не хватает. Побежали лучше к берегу.

— Как прикажешь, Первейший! — поднялся с колена тот и распахнул перед Магнификусом дверь.

— Да! — огорченно крякнул Второй, внутренне сетуя на пристрастие местных жителей к чрезмерно возвышенным эпитетам.

— Отец просил предупредить вас, что ни капитан, ни кто другой на корабле не должны знать, кто вы, — на ходу инструктировал Дирон. — Официально вы — инжи. Врач. Капитан думает, что вы направляетесь на Тилею лечить местных аборигенов. Он должен пересадить вас на другой корабль, рядом с морской границей азуров. Не забудьте переодеться. Ваши вещи уже в ящике.

Они вышли во двор и оказались у запряженной двумя воронымиконями повозки. В повозке стоял большой раскрытый ящик. Рядом прохаживался сухопарый воин в плаще с плетью за поясом.

— Капитан Дейдвуд, — представил его Дирон. — Его корабль заберет вас. К сожалению, до выхода из бухты вам придется спрятаться в этот ящик.

— Ящик так ящик, — согласился Сергей и спросил: — Сколько нам плыть, капитан?

— Два восхода, — нехотя ответил тот и поторопил: — Надо скорее на корабль.

Второй с пониманием отнесся к его пожеланию и полез в ящик. Перед тем как над ним захлопнулась крышка, внутрь заглянул Драг-Лорд и шепнул:

— Никому ни слова! Вы врач. Инжи. По имени Кварк. Отец сказал, что это позабавит вас.

— Очень позабавило, однако хотелось бы более подробных инструкций, — признался «врач», но крышка над его головой уже захлопнулась.

Потом ящик качнулся, и деревянные колеса повозки загромыхали по брусчатке. От мерных покачиваний и монотонного звука вымотавшийся за эту ночь Сергей уснул.

Неизвестно сколько времени он спал, но когда открыл глаза, его по-прежнему окружала тьма.

Справа доносились голоса — один скрипучий, как старая лодочная уключина, второй — глухой. Потом кто-то кашлянул, и Второй явственно услышал: «Проклятые эльфы! Я уверен, что нас давно уже можно было выпустить из этого гроба».

— Успокойся, будем сидеть сколько надо, — послышалось в ответ, и раздался звук губной гармошки.

— Сигмар накажет нас за то, что мы воспользовались услугами дручий, — не унимался первый голос. — Всем известно, что они еретики! И перестань ты пилить на своей дудке!

— Перестань, Вилли, — отозвался второй. — Это не дудка, а губная гармоника «Меско Таббо», с очень чистым звуком, а дручии не могут быть еретиками, потому что они никогда не поклонялись Сигмару. Они язычники. Ты для них тоже язычник.

— Я?! — еще громче взвизгнул первый голос. — Это мне говоришь ты — безыдейный гробокопатель?

— Не могу с этим согласиться, — миролюбиво возразил второй голос. — Просто я делаю свое дело и не лезу в чужие.

— Это не чужие! Это вопрос истины!

— Вилли, успокойся, будущее за монотеизмом. Это очевидно.

— Совершенно очевидно! Культ Сигмара, подобно солнечным лучам, заполнит мировую тьму!

— Тебя надо лечить, Вилли.

— А тебя Йохан — сжечь на костре!

Тут сверху что-то грохнуло, и сквозь щели закрытого ящика начали пробиваться лучи света. Голоса тут же стихли. Заскрипели доски, крышка отвалилась, и в ящик заглянул капитан.

— Можно выходить, — сообщил Дейндвуд. — Корабль далеко за пределами акватории Наггарота.

Сергей не замедлил последовать его совету. Выбираясь из своего тесного укрытия, он случайно попал правой ногой в открытый бочонок со смолой, отчего его роскошный сапог, подарок Ракартха, был безнадежно испорчен. Второй, сердито крякнув, вытащил из бочонка ногу и потянулся, разминая затекшие суставы.

Рядом с его ящиком стоял еще один, чуть больше. Из него карабкался наружу невысокого роста бородатый человек с ротанговой палкой в руке и широкополой шляпой на голове. Стряхнув с себя стружку, он сунул в ящик руку и помог вылезти крупному мужчине атлетического телосложения с толстой книгой в кожаном переплете под мышкой.

— А где мой кол и мои таблетки от изжоги? — озабочено спросил он и полез обратно в ящик.

Тут Второй вспомнил о своем посохе, мече Шарскуна и плаще инжи. Пошарив в ящике, он нащупал сверток и извлек его наружу.

— Посох Звездного дерева и меч сланнов с рунами отражения! — раздался скрипучий голос у него над ухом. — Посох Звездного дерева и меч сланнов у «черного ездока». Ты, видать, братец, чужое берешь!

Сергей обернулся и обнаружил, что мужчина в шляпе подозрительно заглядывает ему через плечо.

— Отстань от него, Вилли, — сказал его спутник, и Второй узнал этот голос. — Он инжи. Мне капитан сказал, что мы берем еще одного врача с собой.

— А! — понял обладатель шляпы, но все-таки спросил: — Надеюсь, братец, ты веришь в могущество верховного бога Сигмара? Ты вообще верующий?

— Христианин, — честно признался Сергей, предпочитавший незамедлительно оговаривать вопрос вероисповедования, во избежание последующей путаницы.

— Христианин? — озадачился вопрошавший и повернулся к своему спутнику. — Йохан, что такое христианин?

— Наверно, это культ инжи, — пожал плечами тот. — Какая разница! Ты неправильно задаешь вопросы. Спроси лучше, живой ли он, пьет ли он кровь, служит ли он Хаосу?

Второй поспешил ответить сам:

— Живой, не пью, не служу и меч не мой, моего друга. У меня нет меча. У меня только посох.

— Тогда нам по пути, брат! — громогласно провозгласил «шляпа» и хлопнул Сергея по плечу с такой силой, что у того чуть ноги не подвернулись.

— Я Йохан ван Хал, Охотник за ведьмами, — представился здоровяк и показал на своего прилипчивого друга. — Со мной мой любимый сумасшедший друг Вильгельм Харсбург, священник Сигмара.

— Цыц! Неизвестно, кто еще из нас безумнее, — сердито цыкнул на него священник и протянул молодому человеку руку для пожатия. — Вильгельм. Очень приятно.

— И мне очень... — пожал его маленькую, но крепкую ладонь тот. — Кварк. Врач.

— Больше походит на собачью кличку, но все равно звучит воинственно! — рявкнул Охотник и топнул ногой по прессованному из деревянной стужки полу. — Немедленно на палубу. Там воздух и солнце! Сжечь их всех!

Новые знакомые поднялись по скрипучим ступенькам трюма на борт корабля. Солнце стояло в зените. Перед глазами со всех сторон простирался бирюзовый горизонт. Трехмачтовая каравелла быстро скользила по зеркальной морской глади, подгоняемая легким ветерком с запада.

— Мы плывем! — радостно заявил Йохан, хотя это и так было очевидно.

LOADING...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шел второй день морского путешествия. Молчаливые матросы дручии сновали по палубе, то поднимая, то спуская косые кожаные паруса бурого цвета, в зависимости от силы и направления капризного ветра. Капитан тоже не особенно баловал путешественников своим вниманием, львиную долю времени он проводил, стоя рядом с рулевым у штурвала, то и дело разглядывая горизонт в подзорную трубу. Йохан предпочитал со своей губной гармошкой валяться в прохладном трюме на тюках с провизией, зато Вилли с лихвой компенсировал недостаток общения беспрерывной болтовней. В короткий срок Сергей узнал от него о многочисленных и, само собой разумеется, великих подвигах Сигмара, об устройстве его храмов и бесконечных интригах в рядах священнослужителей. В частности, он поведал о том, что десять лет назад, во время последней схватки с ордами Хаоса его храм сожгли, но в новый так и не назначили, потому что целью его служения была отнюдь не подать с местного населения, а самоотверженное служение Сигмару. Тут же он осыпал упреками местоблюстителя со смешным именем Люлю, который при выборе священника для служения в храмах Сигмара на подчиненных ему территориях руководствовался не благочестием отцов, а банальными взятками. Вилли даже решился высказать предположение, что Люлю вполне может быть тайным «обновленцем» из конкурирующего культу Сигмара культа Ульриха. Различий в основах культов Сигмара и Ульриха молодому человеку уяснить не удалось, тем более что, по словам заштатного священнослужителя, вышеупомянутые божества между собой ладили куда лучше, чем их почитатели. На «десерт» сигмариот похвалился их общими с ван Халом научными достижениями в области практической демонологии, кои должны были скоро выразиться в издании трехтомного фолианта под игривым названием «Либер Демоника, или триста тридцать три загробные проблемы и методы их решения».

К полудню Сергей знал около сорока вариантов «проблем» и мог бы узнать гораздо больше, но его внимание привлекло заметное ожив-

ление в рядах рейдеров. Капитан громче, чем обычно, отдавал им приказы. На палубу выкатили четыре катапульты.

Собеседники взглянули в ту сторону, куда то и дело тыкал рукой капитан, и заметили на горизонте впереди одинокое судно.

— Так, — сообразил священник. — Дручии хотят напасть на вон тот корабль. Кровавая работа. Скорее всего, это торговый корабль Империи. Нам лучше спрятаться в трюме. Я совсем не хочу, чтобы кто-то узнал, что мы с Йоханом пользуемся услугами дручий.

Благоразумно оценив ситуацию, Второй с ним согласился и тоже спустился в трюм, едва не зацепившись за торчащий из палубного настила нагель.

Йохан лежал на том же месте, где они его оставили утром, и наигрывал какую-то мелодию. Грохот захлопнувшегося люка отвлек его.

— Что происходит? — спросил он, бережно убирая губную гармошку в нагрудный карман.

— Ничего особенного, — ответил ему Вилли. — Дручии плывут за чьим-то кораблем. Парусов на нем нет, значит это торговая галера. Сейчас они ее догонят, ограбят, утопят и всех убьют. Нет, сначала всех убьют, потом утопят и ограбят. Нет, ограбят, убьют и утопят.

— Немедленно прекрати балаболить. У меня от твоей трескотни голова кружится, — мирно попросил Охотник за ведьмами, чем вызвал целый поток упреков в свой адрес.

— Ты бесчувственное животное! Судьбы людей, плывущих на этой мирной галере, тебя совсем не тревожат! А их жизни, их несчастные семьи, которые скоро лишатся своих кормильцев! Сигмар не простит нам нашего бездействия! — заклокотал сигмариот.

— Твои предложения? — по-прежнему мирно поинтересовался ван Хал и потянулся за флягой с водой.

Священник, к радости Сергея, тут же замолк и на какое-то время погрузился в размышления. Итогом оных стало его новое прозрение.

— Мы будем за них молиться и самоистязаться во искупление наших грехов, — воскликнул он, вытащил из своей наплечной сумы три куска толстой веревки с завязанными на концах узлами и раздал своим спутникам.

— Я не буду самоистязаться, — сразу отказался Йохан и вернул орудие грехоискупления обратно владельцу.

— И я не могу, — последовал его примеру Второй и добавил: — Мы, инжи, последователи другого культа.

— Грешники, великие грешники! — вздохнул священник, но веревки, включая свою, сунул обратно в сумку.

— И ничего мы не грешники, — успокоил расстроенного друга Охотник за ведьмами.

— Почему? — поднял на него глаза, с уже выступившими на них слезами, сигмариот.

— Потому что на торговых галерах нет никого, кроме рабов, которые будут только счастливы, если их освободят, и надсмотрщиков — редких сволочей. Помнишь, как нас чуть не уморили голодом в городской тюрьме Нульна за то, что ты обозвал жену начальника тюрьмы еретичной сукой? — объяснил Йохан. — Что же касаемо товаров на галере — это поборы с бедных людей. Какая разница, кто ими воспользуется — корсары дручии или жирные имперские чиновники?

— Слава мудрости Сигмара! — взвыл Вилли и, назидательно вытянув кверху указательный палец, обратился к Сергею: — Видишь, сколь милосерден единственно верховный бог — послать навстречу корсарам не корабль с невинными людьми, а никчемную галеру. Надеюсь, что ты уже решил для себя, какая религия истинная?

— Ну, конечно, — кивнул тот, однако при этом не уточнив, какая именно.

— Я готов сегодня же ночью произвести ритуал твоего посвящения, братец, в сторонника бога Сигмара, — благодушно сообщил священник.

Сергей было намеревался отказаться от столь высокой чести, но их беседу прервало появление в трюме капитана.

— Почему Вы еще не догнали галеру? — спросил у него Охотник. — Ветра нет, разбойник?

— Во-первых, я не разбойник, а капер. Наверное, вам известно, что каперство — это законный способ добычи в период ведения боевых действий? Во-вторых, ветер очень хороший, — серьезно ответил моряк. — Только это не мы преследуем галеру, а она нас. И кажется, это по вашей части, господа.

— Какая быстроходная галера! — удивился Вилли.

— Это галера Зандри, — тихо произнес капитан.

— Зандри?! — не понял Второй.

— Мертвяки, — объяснил ему Йохан и поднялся на ноги, крутанув в руке свой кол. — Идем посмотрим на этих выскочек.

— Наконец-то! — потер руки сигмариот.

Вслед за капитаном путешественники выбрались наружу и тут же обнаружили, что доселе далекая галера находилась в полумиле от них. На палубе, под ногами Сергея, валялось окровавленное тело мертвого матроса.

— Они уже атаковали нас каррионами, — объяснил Нил. — Только тремя. Разведка. Но на пять рейдеров в экипаже стало меньше. Мертвых стервятников не берут стрелы.

— Дайте вашу трубу, — протянул к нему руку ван Хал.

Капер послушно протянул ему свою подзорную трубу, и Охотник приник левым глазом к окуляру.

— Так, — забормотал он. — На веслах ушабти, с полсотни скелетов. Ух ты! Какой любопытный экземпляр! Такого у нас еще не было! Сжечь их всех! Взгляни, Вилли.

И он протянул трубу священнику.

— Великий Сигмар! — воскликнул тот. — Жрец Личи. Видать, из Отступников. Может оказаться сам Генрих Кеймлер. Только не видно его любимого Крелла.

— Ваше мнение? — осторожно поинтересовался у священнослужителя капитан.

— Какое тут может быть мнение! — хохотнул тот. — Крышка твоей посудине, братец!

— Абсолютно согласен, — поддержал мнение своего друга ван Хал. — Скоро они догонят нас и ушабти разнесут корабль в щепки, а скелеты прикончат экипаж. Мертвые не торгуются. Это тебе не толстозадые имперские менялы.

— Что ж! — мрачно внял сказанному рейдер и погладил рукоять своего меча, торчащего без ножен за поясом. — Торговаться не будем, продадим себя по самой дорогой цене.

— Можно мне посмотреть? — попросил Второй.

Священник неохотно отдал ему трубу, и Сергей взглянул на галеру.

Совсем недавно ему казалось, что, с учетом уже пережитого за эти дни, его ничего не может удивить. Но он заблуждался. Увиденное сквозь мутноватые увеличительные стекла трубы его все-таки удивило: длинными веслами галеры легко орудовали трехметровые мускулистые титаны с песьими головами, в широком проходе между гребных балок неподвижно, в несколько рядов, стояли вооруженные до зубов скелеты, у рулевого весла находился пестро разодетый персонаж, его лицо скрывала сверкающая медная маска.

— Кошмарный бред в египетском стиле, — опуская трубу, констатировал Второй.

— Каррионы! — раздался сверху крик дозорного.

И действительно над галерой возникло темное пятно и начало стремительно приближаться к судну. По мере приближения стали различимы костлявые тела огромных стервятников.

— Так, братец, — буркнул священник и подтолкнул Сергея к трюму. — Посиди там. Лечить пока некого и не уверен, что твое искусство вообще пригодится.

Второй спустился в трюм на несколько ступенек ниже, прикрыл за собой крышку, но небольшую щель для наблюдения за происходящим на палубе оставил.

Каррионы тучей налетели на корабль, и в первое же мгновение схватки экипаж уменьшился еще на двух матросов. Капитан мечом ожесточенно отражал нападение одного из мертвых стервятников. Капер был явно неплохим бойцом, и схватка шла на равных. Стервятнику

ни разу не удалось зацепить своими длинными и острыми, как бритва, когтями капитана, тот всякий раз умудрялся либо увернуться, либо парировать смертельный взмах лезвием меча. Зато Йохан и Вилли лихо расправлялись с нежитью. Поначалу Охотник выхватил из-за пазухи два пистолета и без промаха всаживал по пуле в головы приближающихся каррионов, отчего те разрывались, как гнилые яблоки, брошенные в стену. Когда расстояние между противниками сократилось, ван Хал убрал пистолеты, подхватил свой кол и принялся сшибать стервятников с легкостью игрока в бадминтон. С каждым ударом каррионов становилось меньше. То ли кол был особенный, то ли удар приходился всегда по назначению. Священник не уступал своему спутнику и столь же методично уменьшал поголовье летающей мертвечины своим посохом.

— Вам бы, ребята, в теннис командой устроиться. Все медали ваши, — невольно восхитился боевыми навыками попутчиков Сергей и тут же отшатнулся от крышки, потому что прямо перед его лицом просвистел в воздухе сорванный каррионами ваерный блок.

Последним пал стервятник, нападавший на капитана. Йохан сбил его походя, легко взмахнув колом, зажатым в одной руке. Каррион отлетел, как отброшенная мокрая тряпка, далеко за борт.

— Благодарю вас, — поклонился измученный схваткой капер. — Я еще никогда не встречал воинов, так легко сражающих нежить! — и крикнул рейдеру, уцепившемуся обеими руками за люверс в парусе грот-мачты: — Слезай оттуда, бездельник!

— Это ерунда, братец! — хлопнув капитана по плечу, хихикнул Вилли. — Летающая труха — не самое главное блюдо на этом празднике. Гораздо интереснее будет поиграть вон с теми каменными болванами, — и он показал на гребцов галеры: — Вот это уж точно — конец представления!

— Ушабти из камня? — озадачился моряк, продолжая вытирать льющий с него пот рукавом камзола.

— Еще из какого! — подтвердил ван Хал. — Отборный гранит. Сжечь их всех!

И тут Сергея осенило.

Он оглянулся назад на открытый бочонок со смолой, выскочил на палубу и заявил:

— Господа экзорцисты! Я знаю, как отделаться от них!

— Что же ты, братец, предлагаешь? — ехидно прищурился священник.

— Предлагаю сжечь их всех, — ответил Второй и показал на бесполезные доселе катапульты.

— Что-то в этом есть, — почесал бороду сигмариот.

Через несколько минут глубокие черпаки катапульт были уже наполнены стружкой из ящиков, кусками ломаного нагеля и облиты смолой. У края кормы замерли трое лучников с зажженными стрелами.

— Великий Сигмар, умножь наши силы! — провозгласил Вилли и потянул на себя спусковой рычаг. То же самое проделали Йохан и капитан, стоящие у двух соседних катапульт. Тяжелые машины вздрогнули, и в сторону преследовавшей корабль галеры полетел вонючий смоляной шквал. Следом за ним в небо взметнулись стрелы. Они настигли пропитанную стружку раньше, чем та коснулась палубы галеры. Огненная вспышка ослепила даже стоящих на корабле.

— Просто великолепно! — захохотал ван Хал, разглядывая в подзорную трубу пылающую галеру. — Гори, дохлятина!

Собственно, и без подзорной трубы было видно, что происходит на галере, поскольку та приблизилась к кораблю уже довольно близко: скелеты, так и продолжавшие стоять строем, горели, будто сухой хворост, то и дело на палубу галеры с грохотом валились металлические щиты и копья, выскользнувшие из прогоревших рук скелетов. Ушабти бросали весла и пытались соскрести с себя облепившую их тела, пылающую стружку. Однако их усилия ни к чему не приводили, и камен-

ные титаны поначалу покрывались мелкими трещинами и, в конце концов, осыпались на палубу грудой мелких серых осколков.

— Нет, это все-таки не гранит! — удовлетворенно наблюдая за все больше разгорающейся галерой, сделал вывод Вилли. — Больше похоже на желтый песчаник. Запиши это, Йохан, в нашу книгу.

Тот еще раз рванул спусковой рычаг катапульты, отправляя в воздух очередную порцию смоляной стружки, и согласился:

— Да, скорее всего это желтый песчаник.

— Жрец уходит! — сообщил им капитан и показал на выплывающую из облака дыма, окружившего галеру, фигуру жреца. Казалось, что командир нежити с увесистым мешком за спиной идет по воде, но, приглядевшись внимательнее, Сергей понял, что тот стоит на щите, покрывающем спины двух плывущих скелетов. Скелеты активно молотили воду ногами, быстро унося своего хозяина от тонущей галеры.

— Его нельзя упустить! — закричал сигмариот. — Жрец Личи — коллекционный экземпляр. Из Отступников! Наука нам не простит!

— Поворачивай корабль, — не терпящим возражений тоном приказал Дейдвуду ван Хал.

— Но... — озадачился тот.

— Никаких но! — взвизгнул Вилли. — Если мы его не добьем, братец, к вечеру за нами будут гоняться уже три галеры или пять.

— Пять?! — озадаченно повторил капер и крикнул рулевому: — Разворачиваемся! Живее, олухи!

Несмотря на всю корабельную мощь и мастерство капитана, погоня длилась уже не менее часа. Скелеты под щитом, на котором стоял жрец, так энергично шлепали ногами, что их диковинный «катамаран» мчался со скоростью моторной лодки. Камни из катапульты, то и дело летящие им вслед с борта каравеллы, плюхались в воду на безопасном для нежити расстоянии.

— Йохан, сними его из пистолета, — предложил другу сигмариот.

Охотник достал из-за пазухи пистолет, тщательно прицелился и выстрелил. Жрец, словно почувствовав новую опасность, не оборачи-

ваясь, вскинул руку с раскрытой ладонью, и что-то просвистело над ухом Сергея. От бизань-мачты брызнули щепки. Вилли подошел к поврежденному дереву и констатировал:

— У экземпляра есть талисман Отражения. Стрелять в него, пожалуй, не стоит, как и камешки кидать.

— Отражения, — повторил Второй и поинтересовался: — Руны Отражения — одно и то же?

— Не совсем, — авторитетно ответил священник. — На мече сланнов они действуют как защитный слой, уберегающий лезвие от повреждений в момент соприкосновения с другим лезвием. Поэтому на клинке с рунами Отражения не бывает зазубрин. У нашего экземпляра талисман Отражения, меняющий траекторию полета стрелы, камня или пули на противоположную. Снаряд облетает первую цель и возвращается обратно. Хорошо, что Йохан отошел в сторону, иначе у него сейчас вместо глаза была бы собственная серебряная пуля.

— Не смешно, — буркнул его друг, огорченный подобной перспективой.

— Как же мы его добьем? — заинтересовался Сергей.

— Проще простого, братец! — показал ему деревянный колышек Вилли. — Мы его догоним, побьем своими палочками и воткнем в грудку этот замечательный осиновый колышек. Теоретически он будет просто обязан рассыпаться в прах. Поворчит, конечно, перед бесславной кончиной.

— Откуда он? — спросил Второй, воодушевленный ироничной манерой сигмариота излагать свои мысли.

— Неужели инжи не знают истории? — хитро прищурился священнослужитель.

— Я студент первого курса, — мгновенно соврал Второй, — а история у нас со второго.

— Тогда тебе повезло, братец! — заявил Вилли, усаживаясь на деревянный лафет катапульты. — Тебе страшно повезло. Для всех высших учебных заведений Империи вводный курс истории Нехекхары, страны мертвых, писал я! Правда, в соавторстве с покойным Генрихом Джоханом. Да упокоят его душу небесные купели Сигмара. Хотя я предупреждал этого упрям-

ца не шататься в одиночку по гробницам Некрополиса. С ним я пойти не мог, приближались весенние торжества по поводу восшествия Сигмара на престол и надо было готовить храм к празднику. Ну, это неважно. Итак, история! Это история великих побед и столь же великих поражений, история могущества и измен, история красоты и безобразия. Мой вводный курс начинается с эпиграфа — «Смех и смерть, мужество и ужас».

— Нельзя ли прозаичнее? — попросил Второй, начиная путаться в оборотах речи ученого клирика.

— Короче говоря, дело было так, — назидательно начал тот. — По устоявшемуся мнению большинства историков, Нехекхара является первым государством, образованным людьми, естественно, не без участия богов или, что будет точнее, небожителей. Расцвет этого удивительного культурно-этнического образования пришелся на 2500 лет до нашей эры по имперскому календарю. С восшествием на престол семнадцатого царя — Великого Сеттры, сына Хакеша, процветание Нехекхары достигло своего пика — город Кхемри, отстроенный еще в правление Закаша, был утвержден столицей, окрестные племена были подчинены власти царя, уровень образования и благосостояния граждан неуклонно возрастал. На фоне всеобщего почитания Великого Сеттру посетило нехитрое убеждение, что при определенных усилиях можно достичь бессмертия, чем он немедленно и озадачил своих жрецов.

— Зачем? — вмешался в повествование Сергей. — Есть же алтари возрождения! Или Сеттра не был героем?

— Вот тут-то, дружок, мнения ученых и расходятся, — продолжил священник. — Одни считают, что алтари появились именно после падения Нехекхары, дабы упредить ретивых гениев в поисках бессмертия, поскольку это чаще всего приводило их народы к губительным катаклизмам и уничтожению, другие считают, что Сеттра был «не в курсе» — герой он или нет, а рисковать не хотелось. Лично я сторонник второго мнения. Но продолжим. Сорокалетний монарх снарядил сотни поисковых групп во главе со жрецами и отправил их на поиски бессмертного эликсира. Шли годы, отправленные группы возвращались, обогащенные множеством тайных знаний, но самого нужного у них не

было. А Сеттра быстро старел и начинал сердиться. Тогда испуганные жрецы предложили царю компромиссный вариант — посмертного бальзамирования. Как утверждали жрецы, это даст возможность выиграть время. Ведь рано или поздно секрет бессмертия будет открыт, и Сеттра вновь взойдет на свой трон. В этот раз — навеки. Царь, за неимением лучшего предложения, согласился, и сразу после смерти его тело было забальзамировано вместе с телами нескольких сотен самых верных воинов и упокоено в отстроенной для этого пирамиде Личи. Преданные жрецы столетиями продолжали свои поиски, но... безуспешно. За это время менялись цари, и каждый из них считал целесообразным последовать примеру великого предка. Количество пирамид росло. Позже и наиболее знатные вельможи присоединились к этому «загробному марафону». Еще больше пирамид украсило долины, окружающие Кхемри. Ожидающие воскрешения брали с собой в «дорогу» любимых слуг, лошадей, боевых птиц, с которыми, кстати, нам сегодня «посчастливилось» встретиться. Так Кхемри превратился в город Некрополис.

— Йохан?! — отвлекся от рассказа сигмариот. — Мы догоняем эту пакость?

— Нет пока, — раздалось в ответ.

— Так вот, — вернулся к повествованию Вилли, — в период правления молодого царя Тутепа откуда ни возьмись появляется его двоюродный брат Нагаш.

— Тот самый Нагаш? — не сдержал восклицания Второй.

— Именно, — кивнул священник. — Нагаш, будучи сам царских кровей, когда-то избрал путь жреца Личи. Сам, по собственной воле, ведомый страстью познаний. Он возглавил экспедицию далеко на Юг. И когда он вернулся, жрецы Личи тут же признали его первым среди них. Все почему? А потому что он нашел то, что искали столетиями — эликсир! Плюс, конечно, царская кровь и так далее... Люди, они везде люди. Обрадованный находкой образованного родственника, молодой Тутеп взошел с ним на пирамиду своего покойного отца, где Нагаш и замуровал его заживо.

— Мама родная! — вздохнул Сергей.

— Сам же Нагаш, — не обращая внимания на реплику слушателя, продолжил рассказчик, — увенчав свое чело царским венцом, взошел на трон и объявил себя царем, владеющим тайной бессмертия, которую он записал в десяти книгах. Треть жрецов Личи присягнула ему на верность, один из них в данный момент скользит на костях перед нами. Их-то историки и удостоили нелестной приставки — Отступники.

— А другие? — спросил Второй, вглядываясь в одинокую фигуру Жреца-Отступника, скользящую в развевающихся одеждах по морской глади.

— Другие скрылись в бесконечных лабиринтах города Некрополиса и оставались там, пока один из царей, тоже дальний родственник, не возглавил армию семи государств против Нагаша. Царя звали Алкадизар. Он был молод и талантлив. И даже когда Нагаш поднял против него полчища Нехекхары, Алкадизар разбил армию Некроманта и его правнучки Нефераты, королевы Лахмии. Все было бы ничего, но бежавший в горы Нагаш на основе найденных им знаний основал искусство некромантии — воскрешения мертвых посредством вампиризма, основам которого ранее обучил и правнучку.

Для начала он отравил воды реки Мортис, отчего умерло больше половины жителей Нехекхары плюс любимая жена Алкадизара, потом Нагаш оживил мертвецов. Армада покойников прошла волной по всей стране, убивая все живое, что встречалось ей на пути. И с каждой смертью увеличивалась сила братоубийцы. Алкадизара поймали, заковали в цепи и отвезли в Нагашизар — главную крепость Некроманта в горах северо-запада. Бросили в подземелье. Праздновавший победу в обществе Нефераты и бежавших вместе с ней из Лахмии придворных, Нагаш оставил его для экспериментов с царственной плотью. Но случилось неожиданное — Алкадизара кто-то освободил от цепей и вручил ему меч. Точно такой же, как у тебя.

— Это были инжи? — очнулся от полудремы убаюканный долгим рассказом Сергей.

— Не факт, — покачал головой Вилли. — Но меч такой же. И когда Нагаш вошел в подземелье, Алкадизар разрубил его на куски, а сам исчез навсегда вместе со своими неизвестными спасителями. В это время ветер некромантии добрался до пирамиды Сеттры. Когда Великий Царь очнулся от сна смерти и обнаружил, что он отнюдь не в обещанном ему раю, а в истлевшем теле мертвеца, ярости его не было предела. Вместе с ним восстали его верные воины, его потомки и верные воины потомков, его царедворцы и верные воины царедворцев. Короче говоря, за несколько дней подданные Сеттры в пух и прах разметали армию предателей. Уцелевшие Жрецы-Отступники разбежались по свету, а Сеттра ушел в глубь города Некрополиса, ожидая появления какого-то нового бога со странным именем. Ушел в надежде, что новый бог вернет ему украденную жизнь. Так предсказал его Верховный жрец.

— Как имя нового бога? — спросил Второй, заведомо зная ответ.

— Магнификус, — подумав, равнодушно ответил сигмариот.

— Пути мои скорбные! — тоскливо подумал Сергей. — С покойниками тоже придется разбираться! Боюсь, что для одного человека, даже с таким житейским опытом, как у меня, Какеши, Хетеши с их проблемами — это слишком.

И чтобы отвлечься от тревожных дум, задал вслух еще один вопрос:

— Что Моор, тоже с этими в Кехрми? Он ведь бог смерти.

— Кхемри, — поправил его ученый клирик. — Нет. Языческий бог Моор не имеет отношения к сказочной культуре Нехекхары. Скорее, это больше абстрактное понятие. Я так думаю.

— Земля! — послышался крик дозорного с марса. — Земля!

— Нам пора, братец, — поднялся с лафета Вилли и взял в руки посох. — Скоро в наших руках окажутся бесценные предметы древней истории — золотая маска Кхарнута и еще куча артефактов. Маску передадим музею Магнуса, артефакты загоним на черном рынке Нульна. Тамошние студенты обожают эти безделушки. Я на свою долю построю личный храм Сигмару и положу себе приличный оклад. Йохан, неугомонный тип, по его словам, собирается создать новый Орден

охотников на нежить, даже название ему придумал — «Инквизиция Ордо Маллеус», а ты уж сам решай.

К ним подошел капитан.

— Дальше корабль идти не может, мели, — сообщил он, протягивая руку к приближающемуся берегу. — Я приказал спустить лодку.

— Какая разница! — сказал подошедший Ван Хал. — Главное, чтобы Жрец не ушел далеко и не успел сотворить заклинание. Иначе будут новые гости.

— Все готово, — успокоил его Дейдвуд.

— Тогда вперед! — провозгласил сигмариот, поднимая к небу свой посох. — Веди нас, всемогущий Сигмар!

Шлюпка, движимая шестью гребцами, ловко обходила острые рифы, в изобилии торчащие из воды у берега. Еще полсотни весельных взмахов, и ноги преследователей коснулись земли.

— Капитан, ты тоже с нами? — удивился Охотник, когда Дейдвуд спрыгнул на незнакомый берег вслед за ними.

— Это мой долг, — буркнул капер и посмотрел на Сергея.

Тот вспомнил слова Радиры о должке капитана и предложил Дейдвуду:

— Не лучше ли вам следить за штурвалом? Мне бы очень хотелось, когда все закончится, двинуться дальше.

— Как прикажете, — с видимым облегчением согласился тот и быстро вернулся в шлюпку. Каперу явно не хотелось опять связываться с нежитью.

— А ты, братец, влияешь на этого разбойника, — хмыкнул Вилли, когда они отошли от шлюпки на приличное расстояние.

— Дручии уважают инжи, — вывернулся Второй и спросил у ван Хала, разглядывающего землю: — Есть след?

— Есть, — ответил тот. — Жреца несут скелетоны. Но несут не быстро. У одного из мертвяков нет ступни. Ямка вместо полноценного отпечатка. Мы их скоро догоним.

Преследователи быстро двинулись по отчетливому следу. Обогнув невысокую каменную гряду из круглых валунов, они ступили на песчаную полосу.

— Хэ! — воскликнул Йохан и показал на какие-то знаки, начертанные на песке. — Жрец пытался сотворить заклинание, но не успел. Значит, он услышал наши голоса, что в свою очередь значит — он совсем близко. Не удивлюсь, если из вон той рощи на нас нападут его кости, — он показал на деревья в ста метрах от них.

Не успели отзвучать его последние слова, как из рощи с палками в руках выскочили два скелета. Выскочили и тут же разлетелись на части от метких выстрелов Охотника.

— Подвижные дохлые мишени — мой конек! — похвалился ван Хал, убирая пистолеты.

— Потом, Йохан, потом дифирамбы! — поторопил друга священник. — Наше сокровище ковыляет где-то впереди.

— Не уйдет! — усмехнулся тот, но шагу прибавил.

Жреца они застали в конце тропы, петлявшей среди деревьев и заканчивающейся тупиковой площадкой среди скал и небольшим прудом посреди, затянутым цветущей урутью. Жрец стоял на коленях у самой воды, что-то ожесточенно чертил пальцем на песке и в полный голос завывал:

— Голохуус шуноуус!..

Его мешок валялся рядом.

— Заклятие Призывания! — почти умилительно заметил Вилли. — Он произнес только вступительную фразу. Ума не приложу, как он намеревался довести ритуал до конца — в заклятии больше двухсот фраз. Позволь, Йохан, я сам, а то ты что-нибудь ценное расколотишь?

— Валяй, — согласно кивнул Охотник.

Священник достал из сумки заостренный колышек, снял с груди железный амулет в форме молота и не торопясь подошел к жрецу.

— Бухоомут геохуус! — продолжал завывать тот.

— Прекрасная у тебя память, братишка, — сказал сигмариот, приставил левой рукой колышек к спине жреца, в районе сердца, а правой сильно вдавил его в плоть.

Тело Жреца свела судорога, он привстал с коленей, обернулся к священнику, протянул было руку, но тут заметил стоящего чуть поодаль Сергея и взревел:

— Маг...

Закончить он не успел, потому что Вилли тут же впихнул ему в рот сквозь маску железный амулет. Жрец поперхнулся и осыпался грудой пепла под ноги своего палача.

— Мало ли что, — мотивировал тот свой второй удар. — Вдруг он проклясть хотел?! Такие мстительные твари эти Жрецы Личи. Был такой случай... — бородач не договорил и поднял с земли маску жреца. — Какая красота! Точно — это Отступник, маска Кхарнута с ромбовидной клеммой. Нам чудовищно повезло, друзья! Уничтоженный нами экземпляр был редким скупердяем. Но, конечно, это не Генрих Кеймлер. Во-первых, нет его посоха наговорщика, во-вторых, нет Крелла. Зато много чего другого.

— Ты там про меня не забудь, — подал голос Охотник, крайне заинтересованно наблюдая за тем, как его ученый соратник ворошит оставшееся от Жреца Личи тряпье.

— Итак, — произнес священник, выложив перед собой в ряд пожитки жертвы. — Что мы имеем? «Голубой скарабей» — около 5 тысяч лет, сапфиры, голубые бриллианты, сила Отражения. На этом можно и остановиться. Стоимость «Скарабея» намного превышает наши скромные запросы. Но продолжу. «Маска Смерти Кхарнута» — также около 5 тысяч лет, золото; по идее, носитель маски должен излучать ужас. Лично я не заметил. «Маска» дороже «Скарабея». Дальше. «Плащ Дюн» — 7 тысяч лет, приличное состояние, пригоден для охоты в пустыне. Носишься подобно вихрю над песками. Теоретически, само собой. Стоим...

— Чур это мне! — попросил ван Хал. — Я запланировал в следующем году несколько операций в пустыне.

Вилли укоризненно взглянул на него, но плащ отдал и продолжил перечисление.

— «Хиератический Сосуд» — около двух тысяч лет, бронза, внутри останки другого Жреца Личи, по каталогу музея Магнуса — одно-

разовый предмет, мощный источник варпстоуна. Недорогая вещь, но редкая. Ее тоже пожертвуем музею. «Поручи Солнца» — 4 тысячи лет, бронза, по легенде — включают в состав эссенцию самого Солнца, в бою слепят врага. Стоимость приличная, ввиду ограниченной партии. Ковались только для Стражей Гробницы Сеттры. В музее одни такие есть, так что мы еще богаче. Ну надо же! «Ошейник Шапеша» — точно 6 тысяч лет, золото, бриллианты, создан Высшим Жрецом Касабара, защищает носителя от смерти, но чтобы Моор не сердился, отдает богу смерти душу соседа. Предательская штука, хоть и бесценная, — сигмариот взвесил артефакт в руке, потом размахнулся и бросил ошейник в центр пруда, где тот и канул навеки. — Прощай, единственный экземпляр! И хорошо, что единственный. Не будем жадничать. Йохан, запиши мой мудрый и благородный поступок в нашу книгу. Я по памяти потом зарисую, как выглядел «Ошейник». И наконец, — он извлек крест на цепочке. — «Анкх Сетепа, или Русельный крест» на цепи — тоже около 6 тысяч лет, белое золото, принадлежал царю Сетепу из 5-й династии, по каталогу обладает способностью привлекать на свою сторону единомышленников. Кстати, хроники подтверждают, что Сетеп отличался особого рода обаянием. Необходимая в путешествии вещь.

Вилли повернулся к Сергею и спросил:

— Хочешь? Это тебе за смоляную стружку.

Второй конфузливо помялся, но потом согласился и «Анкх Сетепа» лег в его ладонь.

— Вот и все пожитки Отступника! — поднялся на ноги священнослужитель и носком сапога отшвырнул оставшиеся тряпки от себя. — Это был наш лучший улов, Йохан. Мы богаты.

— Ты ничего не взял себе, Вилли, — напомнил ему Охотник.

— Мне из этих побрякушек ничего не надо, — отказался сигмариот. — Лучше мы продадим «Скарабея», «Поручи» и «Сосуд». На свою долю я смогу построить самый большой храм Сигмару в Империи и положить себе тройной оклад плюс отпускные.

— Нет, — покачал головой ван Хал и бросил под ноги другу «Плащ Дюн». — Или тоже что-то возьми, или продадим плащ.

— Мне на самом деле ничего не нужно, — попробовал переубедить его клирик.

Но Йохан настоял на своем, и Вилли пришлось взять «Поручи».

— Упрямый гробокопатель! — ворчал он, натягивая себе на руки навязанный трофей, но тут его озарило: — Слушай, Йохан, а зачем музею маска? Давай ее тоже продадим? Сосуда достаточно.

— Всем сердцем соглашаюсь, — поддержал его Охотник. — Помнишь, мы им передали шлем этого кошмарного головореза из «Кровавых Драконов», которого нам чудом удалось заманить в дом и сжечь, в деревне под Мидденхаймом? А они выложили шлем на смотровой стенд и даже не упомянули на табличке дарителей.

— Еще как помню, дружок, — вздохнул священнослужитель. — Они завидуют нашему успеху. А помнишь, как мы у них попросили денег для экспедиции к устью Нижнего Талабека, и они отказали нам?

— Помню, — грустно ответил ван Хал. — Смотритель обозвал нас ненормальными авантюристами.

— Бесконечна мудрость Сигмара, обращающая горечь унижения в блеск сокровищ! — заключил Вилли и предложил: — Вернемся к кораблю, что ли?

Йохан и Сергей с ним согласились, и они зашагали вниз по тропе к берегу.

Когда они подошли к каменной гряде, ван Хал знаком приказал остановиться и прислушался.

— На берегу что-то происходит, — сказал он. — Будем осторожнее.

Спутники тихо добрались до края гряды и выглянули из-за камней. На берегу творилось нечто невообразимое — по песку в разные стороны с испуганными воплями разбегались матросы, над кораблем зависли семь крылатых тварей размером со взрослого слона и очень похожих на драконов, разве что их лапы украшали кожаные перепонки, а спины костяные гребни.

— Похожи на драконов, — произнес Второй.

— Братец, это и есть драконы, — заверил его священник, — только водяные драконы. Удивительно крупные особи.

Одна из вышеупомянутых особей лапами вцепилась в мачту и тянула ее на себя, пытаясь перевернуть корабль.

— Теперь нам отсюда не выбраться, — вздохнул Йохан. — Драконы слишком крупные. Пули они даже не почувствуют. Придется несколько лет прожить на этом острове, пока нас не подберет какой-нибудь корабль.

— Можешь не надеяться — не подберет, — успокоил его Вилли и показал на незамеченные ими в пылу погони остовы по крайней мере десяти судов у скал с противоположной стороны бухты. — Драконы никого не выпускают отсюда. Теперь я знаю название этого острова, или, точнее, островов. Их два — Ящерные топи. Я читал о них в имперской морской энциклопедии.

— И молчал? — укорил его ван Хал.

— Откуда мне было знать, куда мы плывем? Я не разбираюсь в навигации, — огрызнулся сигмариот и взглянул на Сергея. — Может, ты еще чего-нибудь предложишь? Напряги орган, которым ешь.

— Ладно! — неожиданно для самого себя решился Второй, достал из-за пазухи знак прадракона, подаренный ему Радирой, и вышел на открытое место.

— Что я делаю?! — мелькнуло у него в «органе, которым он ел». — Но, в конце концов, пора проверить и на себе действие алтарей возрождения. В Робинзоны очень не хочется. Потом, я так и не выяснил до конца — сплю я или нет? Тело мое далеко, в титановой капсуле, но просыпаюсь и ем я здесь. Непонятно. Эх, пропади все пропадом!

Он вытянул руку со знаком вперед, зажмурился и крикнул:

— Эй! Эй! Эй!

И так раз двадцать, пока над его ухом не пахнуло теплом и глубокий, уникально глубокий бас не произнес:

— Мы не понимаем тебя, хозяин. Что — эй?

Сергей открыл глаза и обнаружил сидящего прямо перед ним дракона. Остальные шесть тоже сидели рядом на песке, полукругом.

— Так что — эй? — повторил свой вопрос дракон.

— Ты по-человечески умеешь говорить? — изумился Второй, еще не решаясь взглянуть чудовищу в глаза.

— Все драконы умеют, — ответило оно.

— Но почему не говорят?

— Не хотят.

— Почему не хотят?

— Характер.

— И все?

— Этого достаточно. Чего болтать?! Друг друга мы понимаем без слов.

Сергей усилием воли заставил себя посмотреть дракону в глаза:

— Зачем вы топите корабли?

— Из нас одежду делают, — обоснованно ответил ящер. — Мы против.

— Понимаю, — согласился с его аргументами Второй. — Вы можете этот корабль не топить? Мне нужно дальше двигаться.

— Все что прикажешь, — утвердительно качнуло зубастой мордой чудовище и добавило: — Только все люди с корабля убежали в лес. Да, мы троих уже съели. А один, в плаще из нашей шкуры, внутри корабля спрятался и оттуда нас обзывает всякими плохими словами.

— Это капитан, — вздохнул Сергей и спросил: — Тех, кого не успели съесть, можно поймать и обратно на корабль притащить?

— Проще простого, — сообщил дракон. — Честно говоря, мы им сами дали в лес убежать. Хотели их завтра скушать. Но если они тебе нужны, то мы их сейчас принесем.

— Да уж, пожалуйста, — попросил Второй. — Только не жуйте их по дороге, мне одному с кораблем не управиться.

— Не будем жевать, — подчинился ящер и поднялся в воздух. За ним последовали остальные.

Совсем скоро они начали стаскивать по-прежнему орущих и извивающихся рейдеров на корабль. Когда последний матрос оказался на палубе, дракон опять спустился к Сергею и доложил:

— Всех собрали. Почти всех. Один успел со скалы сорваться, и еще двое за камешками прячутся. Но они с тобой пришли. Мы не стали их насильно...

— Правильно. Спасибо, — поблагодарил Сергей.

— Не за что, хозяин, — прищурился ящер и поинтересовался: — Сокровища будешь брать? Золото там, камни...

— Не буду, — отказался Второй.

— Я так и думал, — уважительно пробасил дракон. — Ну, мы полетели?

— Летите, — согласился Сергей.

— Удачи тебе, хозяин! Будь осторожнее с двуногими, они не драконы, — попрощалось чудовище, взмыло в воздух и скрылось за скалами вместе со своими сородичами.

Второй проводил их взглядом, убрал подарок Повелительницы невест и вернулся к Йохану с Вилли.

Друзья находились в состоянии сомнамбулического транса, и молодой человек уже начал беспокоиться за их рассудок, когда сигмариот протер мокрое лицо ладонью и спросил севшим от волнения голосом:

— Инжи давно с драконами дружат?

— Отстань от него, Вилли, — попросил Охотник. — Думаю, что ему запрещают о таких вещах рассказывать. Видишь, он сам весь дрожит?!

— Да, — поспешил согласиться с ним Сергей, только сейчас обратив внимание, что у него действительно от перевозбуждения трясутся руки. — Нельзя рассказывать. Могут стипендии лишить.

— Что ж, — тряхнул бородой священнослужитель, — со стипендией шутить нельзя, но все-таки дружба с болотными драконами — это крайне полезная штука.

— Морскими, — пытаясь унять нервную дрожь в руках, поправил его «студент».

— Я запомню, — уважительно пообещал Вилли и предложил:

— На корабль?

— На корабль, — согласились с ним спутники.

И они пошли к воде.

После долгих перекрикиваний с напуганным экипажем за ними выслали шлюпку.

Капитан встретил прибывших глубоким поклоном. На молодого человека он вообще, как впрочем и остальной экипаж, смотрел с благоговейным ужасом.

— Я наблюдал с корабля в трубу, как вы заклинали эту кровожадную тварь с помощью своего талисмана, — сказал он. — Я приказал накрыть в моей каюте праздничный стол и отметить бокалом хорошего вина наше спасение.

— Мудро, очень мудро с вашей стороны, капитан, — обрадовался сигмариот. — Такие вот заклятия не проходят даром для организма.

— Я тоже проголодался, — присоединился к его мнению ван Хал, разумно проглатывая перед едой пилюлю от изжоги.

— Тогда прошу вас, — пригласил их капер. — Высочайшая честь для меня и моего экипажа иметь на корабле таких великих людей.

— Это уж слишком, не такие уж мы великие, так — скромные проводники силы Сигмара, — сказал Вилли, приосанившись и следуя в указанном моряком направлении.

Дейдвуд действительно выложил на стол все лучшие съестные припасы. Жаренные на углях кальмары, фаршированный икрой летучей рыбы тунец, плавники акулы, вымоченные в гранатовом соусе, запеченный в кляре морской карась, тигровые креветки, отваренные в пиве, и дюжина других высокопитательных блюд, составляющих праздничный рацион любого уважающего себя капитана. Плюс, конечно, вино, великолепное вино — темное и вязкое, как мысли новобрачных. Капер разводил его один к одному пресной водой и разливал по глубоким серебряным кубкам гостей.

— Я покупаю этот необычный напиток в одной портовой таверне Тилеи, у своего старого друга, как это ни покажется вам удивительным, — гнома, — сообщил он. — Раньше этот гном тоже был капитаном, но потерял обе ноги в потасовке с Руглудом Костожуем. Тот ему из арбалета коленные чашечки раздробил. У Черных Гномов и Руглуда старые счеты.

— Тилея — растение? — шепотом переспросил у Йохана Второй, допивая бокал.

— Тилея совсем не растение. Тилея — родина пиратов. Жуткое место, — так же шепотом ответил тот.

— Мы все распрощались с жизнью и кораблем, — продолжал свою застольную речь Дейдвуд. — Драконы напали неожиданно. И отнюдь не с воздуха. Они вынырнули из воды. Страшные существа! Мы ничего не успели предпринять.

— Очень характерный способ атаки морских драконов, — сообщил служитель культа. — Я тоже читал об этом в энциклопедии. Пять лет назад в этих местах исчез целый флот азуров. Двенадцать кораблей, оснащенных по последнему слову техники.

— Азурам, конечно, так и надо, но повторяю — страшные существа! — заявил капитан, наполняя бокалы гостей.

Вино из подвалов гнома-калеки ударило Сергею в голову. События, произошедшие с ним совсем недавно, теперь показались даже в некоторой степени забавными.

— Дракон сказал, что вы на них ругались плохими словами, — сказал он капитану.

— Да, я их называл смрадными червями, болотными испражнениями, — подтвердил тот и заинтересованно уточнил: — Вы с ним на драконьем языке общались?

— Нет, на обычном, — хихикнул быстро хмелеющий Второй. — Я тоже удивился, что он на обычном языке говорит. А он мне сказал, что все драконы говорят на обычном языке, но редко, потому что у них сложный характер.

— Как интересно! — воскликнул капитан и спросил: — А что за могущественный талисман вы показывали этим чудовищам?

— Это мне Радира дала в дорогу, — вытащил на всеобщее обозрение из-за пазухи медальон Сергей.

— Знак прадракона, — проинформировал всех начитанный Вилли. — Минимум — 6 тысяч лет, золото, единственный экземпляр, по каталогу музея Магнуса — отлит Древними и дает обладателю власть повелевать драконами. Продать крайне сложно ввиду баснословной стоимости.

— Зачем же сразу продавать? — усовестил его капитан. — Подарки продавать нельзя, тем более такие.

Он выставил на стол еще одну бутылку, бережно откупорил ее и разлил по бокалам.

— За наше спасение! — провозгласил он тост. — За мудрую Радиру!

— Обожаю пить за прекрасный пол, — поднял вслед за ним свой бокал священнослужитель и мотивировал: — У хорошего вина и красивой женщины одно и то же достоинство и один и тот же недостаток — они лишают разума!

Все присутствующие выпили вслед за ним и тут же на себе ощутили всю глубину высказанной им мысли. Последнее, что запомнил Второй, были удивленные глаза ван Хала и его же рука, протянутая к горлу Дейдвуда.

Очнувшись, Сергей, Вилли и Йохан обнаружили себя на палубе привязанными к мачте. Капитан сидел перед ними в кресле-качалке и вертел на пальце медальон прадракона.

— Как вам пойло безногого Трима? — ехидно поинтересовался он, когда пленники открыли глаза. — Наверно, голова болит? Что поделаешь?! Трим обязательно добавляет в одну из бутылок снотворное. Говорит, что однажды это может пригодиться. Признаться, я уже не надеялся, что когда-нибудь воспользуюсь. Пассажиры все попадались никудышные. Голодранцы.

— Как же ваш долг? — морщась от приступов головной боли, спросил Второй. — Радира спасла вам жизнь.

— Долг?! — словно вспоминая, пробормотал капер. — Ах да, конечно, долг. Потом отдам. Мы с ней сроков не оговаривали.

— Это нечестно! — укорил его пленник.

— Братец, о какой чести ты говоришь — он разбойник, — подал голос священник.

— Капер, — поправил его Дейдвуд, но согласился. — Но в чем-то ты прав, бородач. Бывают случаи, когда просто необходимо наступить на горло идеалам. До сегодняшнего дня такого случая мне не подворачивалось.

— Идиот! — рявкнул на него Йохан. — Когда мы освободимся, я раздавлю твою тупую башку!

— Не надо эмоций, — усмехнулся капитан. — Давай рассуждать логично. Во-первых, я не идиот, потому что идиоты не повелевают драконами. Во-вторых, вы никогда не освободитесь, потому что я решил вас скормить моим драконам. Я доступно излагаю свои мысли или у тебя от выпитого голова еще не работает?

К Дейдвуду подошел матрос и доложил: шлюпка готова.

— Все, — сказал тот. — Мне пора сходить в зоопарк, за своими цыплятами. Не скучайте тут без меня. Если к полуночи меня не будет, вам перережут глотки.

Он было пошел к трапу, но потом вернулся и сильно ударил кулаком Охотника в живот.

— Это тебе, человеческая мразь, за идиота. Никогда больше не обзывай дручий этим словом.

Дейдвуд развернулся на каблуках и удалился.

— Надеюсь, к медальону прилагалось какое-нибудь заклятие? — спросил Вилли, свирепо глядя каперу вслед.

— Нет, — разочаровал его Второй. — К медальону ничего не прилагалось.

— Скверно, — тяжело вздохнул священник и повернул голову к ван Халу. — Йохан, я сто раз тебе говорил — не спорь с палачами, они лучше знают свое дело.

— Молчи, умник, — огрызнулся тот и передразнил: — Баснословная стоимость! 6 тысяч лет! Рассказал нужному человеку.

— Братец, — предпринял попытку оправдаться сигмариот, — если я перестану надеяться на благородство собеседника, то я потеряю вкус

к жизни. Поэтому до смерти не перестану верить в то, что меня окружают прекрасные, честные и добрые существа! Да узрит Сигмар мои порывы!

— Не волнуйся — скоро узрит, — согласился с ним Охотник и взглянул на Сергея: — Ты-то как?

— Руки затекли и голова болит, — признался Второй.

— Пройдет, — пообещал ему Йохан. — Я знаю это зелье. Его варят из сильванской полыни. Моя бабушка разводила себе по капле в стакане воды перед сном. Однажды я ребенком утащил ее бутылочку и выпил. Спал неделю. Голова болела ужасно. Но потом все прошло.

— Ты мне не говорил, что жил в Сильвании, — подал голос Вилли. — Может, правда то, что о тебе болтают в городских кабаках? И ты потомок оборотня Ванхала, сожженного в своей берлоге солдатами рейсхгвардии триста лет назад? Имена похожи, жил в Сильвании и так далее.

— Какое это имеет значение, Вилли? — добродушно ответил Охотник.

— Ты прав, уже никакого, — смирился священник и поднял к небу глаза. — Гроза будет. И то хорошо — не так скучно.

Клирик ошибся — гроза прошла мимо, только дул сильный ветер. Однако скучать им тоже не пришлось — каждый проходящий мимо матрос считал своим долгом пнуть кого-нибудь из пленников сапогом или ударить по лицу. Так что к вечеру лица у них были все в крови и синяках.

— За что они нас бьют? — спросил Сергей у сигмариота после очередной порции тумаков, полученной от вахтенного матроса.

— Самоутверждаются, шавки остроухие, — высказал предположение тот. — Комплекс неполноценности плюс сказывается отсутствие женского общества.

Остаток вечера друзья посвятили образовательным беседам. Главенствовал начитанный Вилли, но бывало, что и Йохан вставлял словечко. Образование молодого человека началось с его же интере-

са к личности Руглуда Костожуя и его взаимоотношений с Черными Гномами.

— Прежде всего, — обстоятельно заявил священнослужитель. — Прежде всего, справка о происхождении расы Черных Гномов. Лично я с ними никогда дела не имел...

— Я имел, — перебил друга ван Хал. — Жулье базарное, но мастеровые. Я у них пистолеты заказывал. Три сотни империалов и два фамильных изумруда отдал.

— Да-с, с моралью у Черных Гномов не ахти, — продолжил Вилли. — По мнению историков нульского университета, их раса является разросшимся племенем, когда-то подпавшим под влияние Хаоса и отколовшимся от расы обычных гномов. Но Йохан прав — своих технических дарований они при этой автономии не утратили. Пистолеты отменные.

— Патроны тоже у них покупаете? — уточнил у Охотника Сергей.

— Я же сказал — три сотни империалов и два фамильных изумруда! — напомнил тот. — Так что патроны в них не кончаются.

— Теперь о Руглуде и банде его бронированных головорезов, — вернулся к рассказу сигмариот. — Сей малоприятный представитель зеленокожих, то бишь орков, является одним из самых знаменитых наемников в Старом мире. В период военных действий Руглуд — желанный гость в любой армии. Идет к тем, кто платит больше. Может быстро перейти на сторону противника, если тот предложит еще больше. Типичная орчья психология.

Некогда возглавлял армию племени Кривого Глаза. Практически не знал поражений, пока не попал в ловушку Гномов Хаоса — они же Черные Гномы. Те заманили его войско в тупиковое ущелье и обстреляли сверху из арбалетов. Конечно, лучники Костожуя тоже стреляли, но их стрелы только ломались о бронированные доспехи Гномов. Пришлось ретироваться. Домой ему возвращаться не улыбалось, потому что Кривой Глаз не прощал поражений, и Руглуд со

своим дружком гоблином по кличке Червяк и еще десятком других преданных зеленокожих пошел, как говорится, куда глаза глядят. Как-то весной он наткнулся на брошенную крепость. Его орки внутрь идти отказались, злых духов боялись, но Костожуй, не ведая страха, силой затолкал туда своего закадычного дружка — Червяка — через окно. Червяк вернулся обратно в полной растерянности и рассказал о грудах истлевших тел гномов. Злых духов гоблин не заметил, и тогда Руглуд сам отправился на разведку. Внутри орк действительно обнаружил множество мертвых гномов, приглядевшись внимательнее, он понял, что здесь была схватка между обычными гномами и Черными. Костожуй очень порадовался виду тлеющих тел недавнего противника. Свою радость он выразил дикими криками, отчего со сводов оторвался большой камень и треснул орка по башке, спровоцировав таким образом умственное озарение. Из крепости Руглуд вышел облаченный в бронированные доспехи Черных Гномов и с арбалетом в лапе. Его воинам понравилась мысль вождя, и они тоже сменили свои доспехи на гномьи, памятуя, как стрелы отскакивают от них. Так в Старом мире появился еще один отряд наемников. Существа они неприятные, но с нами не связываются. Боятся гнева Сигмара.

— Они боятся, что ты их сглазишь, и моих пистолетов, — фыркнул Йохан. — Помнишь, как они шарахнулись на рынке от нас, когда ты их обещал проклясть?

— Согласен — фантастически суеверные особи, — подтвердил заштатный клирик.

— На каком рынке? — поинтересовался их слушатель.

— На Тилее, — ответил ван Хал.

— На родине пиратов? — удивился Сергей. — Как же вы там очутились?

— Видишь ли, братец, — осторожно проинформировал его Вилли. — Мы ведь тоже в некотором роде наемники, или, если угодно, Псы Войны. Однако оговорюсь, чтобы между нами не возникло недопонимания, — мы всегда сражались только на стороне тех армий,

которые выступали против Хаоса и Нежити. На Тилее собираются наемники всего мира, потому что именно туда едут наборщики. Нам с Йоханом нужны были деньги. Зачем — я тебе без утайки исповедался раньше.

В полночь к ним вышел высокий матрос с тесаком в руке.

— Капитан приказал вас прирезать, если он не вернется к этому часу, — сообщил он и шагнул к Йохану.

Тот понял намерение корсара и кивнул друзьям:

— Держитесь, друзья! Вилли, я надеюсь, что ты не ошибался, когда рассказывал про небесные обители Сигмара. Иначе будет обидно.

— Очень обидно, — согласился бородач и добавил: — Я буду скучать без тебя, Йохан. Правда, одну минуту, но все-таки!..

— Хватит трепать язы... — начал матрос, прикладывая лезвие к горлу ван Хала, но фразы не закончил и уставился на три огромных когтя, с хрустом прорвавшихся сквозь кожаный жилет на его груди. Над его головой показалась огромная драконья морда.

— Добрый вечер! — пробасил ящер. — Простите, но я подслушивал.

Окровавленное тело так ничего и не понявшего корсара полетело за борт.

— Очень добрый! — ответил за всех Вилли.

Дракон оперся лапами о борт и принялся внимательно разглядывать пленников.

— Я был не прав, когда сказал, что нельзя доверять всем двуногим, — наконец сказал он Сергею и мотнул мордой в сторону его друзей. — Некоторым все-таки можно. Так получается. Я не знал.

— Каким образом?.. — воскликнул Второй. — Капитан забрал у меня талисман!

— Этот? — хмыкнул дракон и выплюнул ему под ноги украденный знак прадракона.

— Этот, — покосился на подарок Радиры Сергей.

— Игрушка, только символ, — объяснило чудовище. — Символ можно украсть, сущность символа — нет.

— Выходит?.. — догадался Второй.

— Съел, — договорил за него ящер. — Отвратительный вкус. Больной весь. Печень плохая.

Дракон перебрался на палубу, одним взмахом лапы разрубил связывающие друзей веревки и обнюхал священника и ван Хала.

— Ты вот — вкусный и рассказываешь интересно, — сообщил он поднимающемуся с палубы Вилли. — Хоть мелкий.

— Это большое доверие, — растерялся тот. — Признателен глубоко, точнее — глубоко признателен.

— А тебя, — ящер обратил морду к Йохану, — я бы есть не стал. Опасно. Сам знаешь...

Охотник стыдливо промолчал.

— Что будем с остальными делать, хозяин? — отвлекся от оценки гастрономической ценности друзей Сергея его крылатый спаситель.

— Не знаю, — задумался тот, поднимая с палубы обслюнявленный талисман и вытирая его о край плаща. — Без экипажа нам далеко не уплыть.

— Далеко не надо, — вдруг заявил дракон. — Если вы поплывете в лодке на запад, то найдете к утру Железный корабль. Он стоит на месте и кого-то ждет. Я даже знаю кого. Тебя, хозяин.

— Вдруг мы не найдем? — засомневался хозяин.

— Найдете, — заверил его чешуйчатый. — Мой младший брат поплывет впереди и потянет лодку.

— Если так, — на мгновение Второй задумался, но в конце концов махнул рукой. — Хрен с ними. Жрите их всех.

— Жрите-жрите, — эмоционально поддержал его Вилли. — Сигмар вас простит.

— Прекрасно, — взревел ящер, поднял морду к звездному небу и проревел: — Ооун!

— Ооун! — отозвалось небо, и над обреченным кораблем нависли крылатые тени.

— Также не забудь упомянуть о характерном бретонском акценте дракона, — сидя в отплывающей от корабля лодке, инструктировал Охотника священник.

Тот согласно кивнул и спросил:

— Ты все взял? Мою губную гармошку не забыл?

— Не забыл и еще «не забыл» маленький, но тяжелый сундучок из капитанской каюты, — сообщил сигмариот, протягивая другу его любимый музыкальный инструмент. — Зачем капитану теперь сундучки?

— Ты неисправим, Вилли, — усовестил его ван Хал.

— Я экономен, Йохан, — поправил его священник.

Сергей не встревал в их обычную словесную перепалку, а только смотрел на начинающую светлеть полосу горизонта и думал: «Какое странное дело — когда-то я двенадцатилетним мальчишкой вот так же сидел на берегу Черного моря и смотрел на горизонт, представляя загадочные чужие края. Иногда волны выносили на берег обрывки каких-то красочных упаковок. Оттуда! — сжималось мое сердце. «Там» — неопределенное и прекрасное. «Туда» можно было добраться, но... Было это «но».

В пионерском лагере шла «пересменка», самый конец июля. Большинство детей «укатило» домой, а следующую смену ожидали через два дня. Дежурный пионервожатый взял с меня слово не выходить за пределы лагеря и уехал к своей невесте в Краснодар. В лагере остались я, повариха и сторож. Ни того, ни другого не беспокоило, где я нахожусь. Два дня независимости, два дня счастья. Море днем, море ночью. Почему я был так счастлив? И что за «но»? Я боялся. Не смерти, не боли, не одиночества. Может быть, разочарования? Что «там» все не «так»? Интересно, Древние счастливы? Должны быть. Ведь именно они, если верить Ракартху,

решают, как должно быть. Должны быть, потому что все — как должно быть.

Солидная цитата, однако с элементом благородной деструкции. Можно перевести на руны и гравировать на алтарях возрождения.

Лодка двигалась необычайно быстро, влекомая привязанным к металлическому кольцу на носу лодки канатом, край которого уходил в темную воду.

Алый диск восходящего солнца, окруженный белесой дымкой, уже до половины показался над горизонтом, край веревки поначалу ослабел, а потом и вовсе безвольно обвис. Через мгновение из воды высунулась голова ящера.

— Белый корабль впереди, — пробасила голова. — Мне дальше нельзя, иначе меня могут наказать. Но корабль рядом.

— Спасибо, — поблагодарил его Второй и спросил: — Я даже не знаю, как вас всех зовут.

— Я Пятый, — сообщил дракон, помолчал, о чем-то раздумывая, и добавил: — Всего нас семь. Первый, Вторая, Третий, Четвертая, я, Шестой и Седьмой.

— Так по номерам и зовут? — улыбнулся Сергей.

— Так удобнее, — кивнул мордой ящер. — Хотя при рождении нам дали имена, мы решили, что пока не будем ими пользоваться. Пока я, Шестой и Седьмой не женимся.

— Но на ком? Я насчитал только две женские особи.

— Четвертая беременна, — гордо ответил Пятый. — Она должна следующей весной родить тройню. Если нам повезет и все окажутся девочками, то через сто, сто десять лет можно будет жениться.

— Будем надеяться, — поддержал надежды крылатого друга Второй, но не сдержал интереса: — Так всегда у драконов — имена берут и женятся?

— Только у водяных, — сообщил дракон. — Нас мало.

— Вот оно в чем дело! — понял Сергей.

— Да, в этом, — подтвердил Пятый. — Нас и было мало. Всего семьдесят семь. Прости, но мне пора. Я слышу, как вертится мельница Железного корабля. Он плывет сюда.

— До встречи, — попрощался с ящером Второй, и морда дракона исчезла под водой.

Однако тут же появилась над водой вновь:

— Меня зовут Партио — Болтун. Я самый слабый, но самый быстрый из всех драконов. Если что, шепни своему знаку. Ты только никому про наш разговор не рассказывай и попроси, чтобы вон тот в шляпе никому не проболтался. Он тоже не спит, — и Пятый опять исчез под водой.

Едва над его мордой сомкнулась вода, Вилли приподнял шляпу и тихо подал голос:

— Точно — я не спал! Как это все познавательно!

— Не говори никому, — попросил Сергей. — Пятый просил.

— Конечно, не скажу, хотя это совершенно бесценная информация для науки, — пообещал священник. — Разве что я напишу в «Либер Демонике», что охота на водяных драконов глубоко безнравственна, потому что это исчезающая популяция. И они совершенно безопасны при порядочном поведении.

— Это пиши, — пожал плечами Второй. — Это правда.

— О Великий Сигмар! — вытянул руку к горизонту сигмариот и толкнул ван Хала. — Просыпайся немедленно! Впереди корабль Королей Фениксов!

Йохан раскрыл глаза и посмотрел в указанном направлении:

— Да, это Он! Мне нужно его зарисовать.

Охотник мгновенно раскрыл свою книгу, вытащил из-за манжета огрызок карандаша и принялся лихо набрасывать силуэт показавшегося впереди судна, в котором Сергей без труда узнал «Луи XIV».

Прежде всего Второй услышал доносящуюся с борта корабля знакомую мелодию, и даже когда к нему по трапу спустился гном с длинющей седой бородой, заплетенной в толстую косу, Сергей сразу опознал в нем своего старого друга Торгрима.

— Я узнал мелодию, — засмеялся он и бросился навстречу гному.

— Это была запись, — захохотал тот и так крепко сжал в своих объятиях молодого человека, что едва ребра тому не сломал.

— Я скучал, — продолжая обнимать друга, сказал Сергей.

— А я-то как! — рассматривая его с ног до головы, признался Торгрим. — Я еще и волновался. Ты был такой бестолковый! Ну, тебе нравится у нас?

— Если бы у меня было воображение, то я бы умер от разрыва сердца, — не стал скрывать Второй. — Мог бы меня заранее предупредить.

— Сомневаюсь, что ты мне поверил бы, — тряхнул бородой гном. — С другой стороны, я даже горжусь тобой. За такой короткий срок ты умудрился породниться со всей нечистью в Старом Свете. Драконы тебя обожают, скейвены боготворят, дручии служат, корсары делятся награбленным. Большой успех, мой малыш! Большой успех!

— Скейвены, — нахмурившись, вспомнил Второй, — Шарскун погиб из-за моей глупости.

— О грустном потом, — попросил его Торгрим и повернулся к спутникам Сергея: — Пока представь меня своим друзьям.

— Это... — начал Второй, но Вилли опередил его и, выскочив вперед, снял перед гномом шляпу:

— Великий Торгрим Злопамятный, Верховный король гномов, автор гениального эссе «Происхождение рейкландской баллады», скромный служитель Сигмара и благородный ван Хал, Охотник за ведьмами приветствуют тебя!

— Как ты узнал, бродяга, что это мое эссе? Я же издал его под псевдонимом! — растроганно погладил свою бороду Торгрим.

— Ни один псевдоним не может скрыть настоящий талант! — склонился в полупоклоне священник. — Когда я недолго вел курс древней литературы в университете, мои студенты учили это эссе наизусть.

— Жалко, что недолго, — еще больше расцвел довольной улыбкой гном, но добавил: — Не стоило тебе так отделывать своего коллегу по факультету. Преподавал бы и сейчас.

— Он позволил себе еретический выпад против второй доктрины Сигмара, — попытался оправдаться Вилли. — Мое сердце вознегодовало, а руки сами взяли эту проклятую вазу с подоконника.

— Ну ладно, — махнул широкой ладонью Торгрим и повернулся к Йохану: — Тебе же, братец, просили передать свои благодарности мои подданные из Инженерной школы в Альтдорфе, которых ты выручил в таверне «Веселый флагеллант». Они и вправду перебрали немного.

Охотник молча склонил голову, принимая его благодарности.

— Правда, если не путаю, — вскинул бровь гном, — тебя повесили.

— Как повесили? — изумился сигмариот, вытаращившись на своего подельщика. — И ты ничего мне не сказал! И рисковал моей шкурой, когда сам знал, что тебя ждет только алтарь возрождения, а меня верная гибель?! Скотина!

— Не горячись, Вильгельм, — успокоил его Торгрим. — Верная гибель тебя тоже не ждала с момента, как ты спас деревню в окрестностях Вуртбада от набега мародеров.

— Слава Сигмару! — взвизгнул священник. — Он услышал мои молитвы! Мы бессмертны с тобой, Йохан!

— Он давно знал, — не преминул прервать его восторженную тираду гном.

— Как знал?! — опять закипел Вилли. — Знал, что я герой?

— Знал, — виновато кивнул Йохан и попытался оправдаться: — Но я восхищался тобой и не хотел, чтобы ты лишний раз лез на рожон.

— Одно слово — скотина и все тут, — надулся священник, хотя по его глазам было заметно, что признание друга очень польстило ему.

— Он еще хочет тебе кое-что сказать Вилли, — тихо добавил Торгрим, пристально глядя на Охотника.

— Да, — грустно потупил взор ван Хал. — Я внук того самого Ванхала, я оборотень. И таблетки я пью не от изжоги. Я хотел загладить... Это просто семейное проклятие.

— Ты поражаешь меня, Йохан, — смирился с неизбежным сигмариот и нежно обнял своего двуличного друга. — Но я люблю тебя. Обещай только, что не закусишь мной в полнолуние?!

— Клянусь! — приложил руку к сердцу Охотник.

— Вернемся, однако, к главной теме, — предложил гном и взял за руку Сергея. — Снова мы вместе, Магнификус, и наш путь лежит к Белой Башне Хоэта!

— Магнификус!!! — в один голос воскликнули изумленные Вилли и ван Хал.

LOADING...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Луи XIV» был точной копией корабля, который когда-то привез молодого человека в Цитадель. Правда, вместо рослых парней Индрогнира по кораблю расхаживали коренастые, необычайно широкие в плечах сородичи Торгрима. Сам Торгрим, поручив своему первому помощнику отвести священника и Охотника в отдельную каюту, забрал у того же помощника увесистый фолиант, окованный серебром, и потащил Сергея в капитанскую рубку.

— Бортовой журнал? — на ходу поинтересовался тот, кивнув на книгу.

— Что ты?! Это Книга Памяти, — объяснил гном. — Сюда десятки поколений гномов вписывали своих врагов. Одна из моих обязанностей — хранить эту книгу. Поэтому и называют меня Злопамятный. Традиция, Магнификус, традиция! В этом мире традиция — это все и еще чуть-чуть. Как ты, кстати, добрался до Теклиса с Абхорашем?

Второй вкратце рассказал ему о своих злоключениях. Слушая его повествование, гном довольно кивал, разве что на эпизоде с вич-Эльфом, певицей Лосми, нахмурился.

— Надо, мой чувственный друг, уметь держать себя в руках. По сути — это трагедия, — буркнул он. — Будем надеяться, что скейвен успел за свою жизнь набрать нужное количество очков для перерождения.

— Кто-нибудь это может знать точно? — спросил Сергей.

— Сомневаюсь, — честно ответил Торгрим. — Героев не так уж и много. Сто, двести — максимум. Не знаю. Лучше посмотри, какая красота! Если бы ваш Людвиг Безумный увидел это, то от зависти выбросился бы из окна своего «Лебединого замка», — он показал Сергею на открывшийся впереди берег с городом на нем. — Лотерн — город-порт, город-чудо. И, конечно, его Сверкающая Башня! Смотри — такое стоит запомнить на всю жизнь!

Второй и без рекомендации спутника во все глаза смотрел на высоко возвышающуюся над узким проливом ослепительно белую баш-

ню. Словно цветок волшебного растения, она покоилась на широком основании, сужалась к середине и опять расходилась в самом верху. Что-то источающее невыносимый для человеческого глаза свет венчало ее вершину. У подножия находилось еще множество строений из того же белого материала, что и башня.

— Непостижимо! — восхитился Сергей. — Кто это все построил?

— Эльфы, — продолжая любоваться видом Лотерна, тихо ответил Торгрим. — Никто на свете, даже мой народ, не смог бы создать подобный шедевр. Иногда мне ужасно хочется, чтобы кто-нибудь уничтожил весь материк эльфов, и это совершенство сохранилось бы только в моей памяти.

— У них все города такие красивые? — спросил Второй.

— Все, — кивнул гном. — Теклис утверждает, что Белая Башня Хоэта гораздо красивее Сверкающей Башни. Хотя я ему не верю, у него откровенно извращенный вкус. Впрочем, я надеюсь, что ты мне обо всем расскажешь, когда вернешься. Если, конечно, вернешься.

— Разве ты не пойдешь со мной? — удивился Сергей.

— Не могу, — сообщил Торгрим. — Лоцман проведет наш корабль в Лотернский Пролив, потом нас пропустят через Эмеральдские Врата, потом через Сапфировые Врата, и уже там, в лагуне, тебя заберет эльфийская баржа. Только эльфы имеют право пройти через Третьи Врата во Внутреннее море. Честно говоря, меня устраивает такое положение дел. Если при взгляде на Лотерн меня посещают подобные мысли, можешь себе представить, что меня ожидает, окажись Теклис прав?

— А со мной? — задумчиво сказал Второй. — Мне спятить тоже не хочется.

— Не бойся, за время нашего знакомства мне удалось убедиться в наличии у тебя устойчивого иммунитета к прекрасному, — успокоил его гном.

— Ну, спасибо, — обиделся Сергей.

— Не обижайся, — похлопал друга по плечу Торгрим. — Все дело в том, что ты Древний. Высшее, можно сказать, существо.

Совершенно неожиданно корабль окутал невесть откуда появившийся туман и скрыл вид города. Небо так же стремительно потемнело.

— Все нормально, — заверил спутника гном. — Это своего рода защитный эффект. Сафери. Скоро мы будем у Эмеральдских Врат.

Корабль заметно сбавил скорость. То и дело за бортом проплывали острые концы подводных скал, способных распороть корпус любого корабля. Но лотеранский лоцман за штурвалом «Луи» умело маневрировал между скалами. Впереди, в пелене плотного тумана, блеснул свет. Корабль сбросил скорость до минимума и наконец замер на месте.

— Врата, — показал рукой наверх Торгрим.

Второй поднял голову и действительно разглядел поверхность гигантских вратных створок, обитых металлом и украшенных зелеными камнями размером с человеческую голову.

Внизу раздался шум воды, створки начали расходиться, пропуская лучи яркого дневного света. Только сейчас Сергей обнаружил, что со всех сторон на него смотрят сотни пар глаз. Их корабль стоял перед раскрывающимися Вратами, окруженный со всех сторон оборонительными конструкциями, из которых на корабль было нацелено несколько десятков угрожающего вида орудий, заряженных огромными стрелами с медными наконечниками. Рядом с ними неподвижно, как каменные изваяния, стояло несколько сотен лучников, вооруженных арбалетами. Именно их-то глаза, ничего не выражающие, кроме холодной решимости нажать на спусковые крючки, и наблюдали за кораблем.

— Серьезная охрана, — поежился от их внимательных взоров молодой человек.

— Пока лучше молчать, — посоветовал гном и глазами показал наверх.

Сергей взглянул туда же и понял, что оборонительные сооружения состоят из семи-восьми ярусов, каждый из которых представлял серьезную угрозу для любого корабля, осмелившегося подплыть к воротам.

Пространства между створками стало достаточно, чтобы корабль мог проплыть дальше. Впереди тянулся широкий канал с нависающими над ним утесами. К каждому из утесов еще крепилось несколько многоярусных оборонительных сооружений. Канал был хорошо освещен солнечным светом, и Сергей с огромным интересом разглядывал окованные серебром Сапфировые Врата, распахивающиеся заранее перед кораблем. За Вратами показалась лагуна, окруженная башнями и прибрежными городскими строениями из уже знакомого белого камня. У пологого берега пришвартовались сотни разнообразных судов — рыболовецких шхун, торговых галер, боевых кораблей и просто длинных прогулочных лодок. С противоположной стороны лагуны кораблей не было, разве что две лодки под треугольными парусами выплывали из-под арочных мостов над городскими каналами.

— Эльфийская Венеция, — охарактеризовал представшую их взорам панораму Второй.

— Воистину, — согласился с ним Торгрим.

Сзади к ним подошли Йохан и Вилли. С раскрытыми от восхищения ртами они долго озирались вокруг, пока священник не совладал с чувствами и не спросил у гнома:

— Нас на берег выпустят?

— Чуть позднее, без оружия и под моим присмотром, — сказал тот. — Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы вы устроили какой-нибудь бардак.

— Мы обещаем молчать как рыбы, — клятвенно заверил его сигмариот. — Но посмотреть очень хочется.

— Посмотрите, — заверил его гном.

— Что, и покушаем? — вступил в разговор ван Хал.

— Еще как! — улыбнулся Торгрим. — Я отведу вас в мое любимое местечко. Кстати, может, по музеям побродим?

— И музеи есть? — едва не задохнулся от радости Вилли.

— Еще какие! — обнадежил любознательного клерикала гном. — «Лотернский музей общей истории», «Музей искусств», «Королевская галерея чудес», «Ультуанская кунсткамера», Зоопарк, в конце концов!

— А помолиться? — не сдержался священник.

— Это в каюте, — строго остановил его Торгрим. — Эльфы не признают чужих богов. Они со своими до конца не разобрались. Сигмар тебя и так услышит.

— Можно хотя бы нашу книгу с собой взять? — попросил сигмариот. — Йохан обязан записать все увиденные нами языческие чудеса.

— Не уверен, — задумался гном. — Советую об этом попросить Фунибара. Тем более что я уже вижу его баржу, — и он показал на приближающееся к «Луи» белое судно без парусов.

— Короля?! — опять в один голос воскликнули Охотник и Вилли.

— Короля, — подтвердил Торгрим.

— Так, я обязан привести себя в порядок, — заявил ван Хал, большими шагами направляясь к своей каюте.

— И я! — последовал за ним священник.

— Какие воспитанные у тебя спутники! — с улыбкой заметил гном, поворачиваясь к Сергею. — Теперь в двух словах о ситуации в государстве Азуров. Иначе можно попасть в конфуз.

— Полон внимания, — заверил его Второй.

— Главное божество — бог Азуран. Король и Королева живут порознь, они не женаты и не очень ладят между собой. Короля выбирают из Принцев Ультуана, Королева — несмещаемая фигура, и всегда королева земли Авелорна. На данный момент Королем избран Принц Итейна — Фунибар-Мореход. Любит путешествия и небылицы. Тщеславен, но смешлив и щедр. Уши у эльфов не острые. Точнее, не у всех. У тебя, предположим, уши гораздо острее, чем у Фунибара. Пока до-

статочно, все остальное ты узнаешь потом. Больше молчи, если не сможешь молчать, то восхищайся.

— Чем? — уточнил Сергей.

— Всем, — коротко ответил Торгрим и склонился в полупоклоне, поскольку на палубу ступил худощавый высокий мужчина с длинной копной абсолютно рыжих волос на голове.

— Наконец-то! — произнес он и также произвел движение, которое, очевидно, обозначало нечто вроде поклона. — Народ Ультуана подтверждает свое уважение Королю Торгриму и его народу.

— Мой народ заверяет народ Ультуана в своем уважении к нему! — не менее витиевато поприветствовал Короля Феникса гном и представил своего спутника: — Наш гость Магнификус!

— Добрый день, Ваше Величество! — смиренно поздоровался Второй, твердо осознавая, что уже не сумеет сплести подобающие словесные кружева.

— Как он прост! — улыбнулся Фунибар. — Даже не верится, что это тот, кого так ждут Древние!

Тут с грохотом распахнулась дверь ближайшей каюты и на палубу выскочили ван Хал и Вилли.

Встревоженные шумом, фигуру Короля Феникса тут же перекрыли два рыцаря-азура с обнаженными клинками в руках.

— Прошу прощения, Повелитель, — закрыл их своим телом Торгрим, предотвращая наметившуюся резню. — Это известные путешественники Йохан ван Хал и Вильгельм Харсбург. Они мечтали лично засвидетельствовать Вам свою преданность и уважение.

— Путешественники?! — заинтересовался Фунибар, раздвигая руками своих телохранителей и выходя навстречу друзьям.

— Так точно, Ваше Королевское Величество! — как-то уж совсем по-солдатски отрапортовал Охотник, но его тут же перебил неугомонный сигмариот и затараторил, чуть-чуть подвывая на последних слогах: — О Великий Король Феникс, покоритель морей и сердце Ультуана! Слава о Вашей мудрости достигла самых отдаленных уголков Старого Света, и мы, скромные труженики науки, дерзнули отправиться в

это опаснейшее путешествие, дабы преподнести Вам в знак глубокого восхищения и нашей преданности этот скромный дар, — Вилли протянул Фунибару «Поручи Солнца» и добавил: — Среди ученых нульского университета бытует благочестивое поверие, будто бы в крови Вашего Величества наличествует эссенция самого Солнца, так же, как в этих коллекционных предметах, именуемых «Поручи Солнца» и принадлежащих древней культуре Нехекхары. Мы искренне надеемся, что сей дар займет подобающее ему место в Вашей бесценной коллекции древностей, известной всему просвещенному миру.

Фунибар внимательно выслушал Вилли, дал знак одному из телохранителей, чтобы они забрали «Поручи» и довольно заметил:

— Вот что значит настоящий ученый! Каждое его слово на вес золота. Он сказал 89 правдивых слов и получит 89 золотых монет за каждое из них. Кроме этого, я повелеваю наградить этих людей пребыванием на праздничном ужине сегодня вечером в моей Лотеранской резиденции. Я хочу послушать их рассказ о путешествиях.

— Этот священник мог бы сделать неплохую карьеру при дворе, — шепнул на ухо другу гном. — Хорошо, что он не политик. На одного подлеца меньше.

— Вилли не подлец, он немного жуликоват, но... — возразил ему Сергей.

— Я и не утверждаю, что подлец, — оговорился Торгрим. — Я предположил, что мог бы.

— О чем вы там шепчетесь? — обратился к друзьям Король Феникс.

— Наш гость, господин Магнификус, переживает, что не догадался взять с собой ни одного подарка, — тут же среагировал гном.

— Пусть не переживает, у него будет время исправиться, — довольно заявил Фунибар. — Я обещал провести господина Магнификуса через Золотые Врата. К сожалению, дальше его повезет другая баржа. У меня неотложные государственные заботы. Пойдемте, господин Магнификус, — и царственная особа показала на трап.

Как молодому человеку ни хотелось остаться со своим бородатым другом, возражать королю эльфов он не решился.

— Мы будем тебя ждать, — пожал ему на прощанье руку Торгрим. — Молчи, гляди и запоминай.

— Запомню, — пообещал ему Сергей, спускаясь по трапу на королевскую баржу.

Когда баржа отплыла на достаточное расстояние от корабля, Фунибар насмешливо взглянул на своего гостя и совершенно другим тоном спросил:

— Что, я по-прежнему слыву среди гномов и людей чванливым болваном?

Второй едва не поперхнулся от неожиданности.

Но Король Феникс, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Уверен, что по-прежнему. Это хорошо! Это всем нравится. Знаешь, почему на самом деле я не провожаю вас к месту назначения, господин Магнификус?

— Почему? — озадачился откровенностью Фунибара Второй.

— Мне запретили боги, — признался тот. — Запретили — и все тут. Вас проводит Вечная Королева. Ее баржа уже ждет за Вратами. Передайте ей, что я не сержусь. Я помню свое место.

— Ваше Величество! — сказал Сергей. — Теперь я действительно жалею, что не привез Вам подарка.

— Ничего, — махнул рыжей гривой тот. — Тем более что у меня нет, — и он имитировал восторженное завывание Вилли, — «Коллекции древностей, известной на весь просвещенный мир»!

Второй засмеялся и сквозь смех проговорил:

— Он старался.

— Я знаю, — заверил Фунибар. — Вильгельм отличный малый. Была бы моя воля, я бы присоединился к этой парочке и дописал пару глав к их «Либер Демонике». Идеальный образ жизни: ученые — искатели приключений и мужественные борцы со злом! Но увы! Сегодня и будущие лет триста меня ожидают отнюдь не приключения, а светские рауты и дворцовые интриги. В основном.

— Во! — Сергея озарила неожиданная мысль, он залез за пазуху, вытянул оттуда «Золотой Анкх» и протянул Королю Фениксу: — Мой подарок! Только не отказывайтесь. Считайте это волей богов. Вилли утверждал, что эта игрушка обладает способностью привлекать на сторону ее обладателя единомышленников.

Фунибар немного смутился, но «Анкх» взял, бережно повесил себе на грудь и снял с указательного пальца левой руки перстень из белого золота с изображенным на нем мифическим существом, похожим на дракона, но без крыльев.

— Тогда и вы смиритесь, — он взял левую руку молодого человека и надел кольцо на указательный палец. — «Перстень Корина». Я его нашел во время моего путешествия, еще в качестве посла, в Старый Свет. Точнее, мне его передал лесной эльф-отшельник. Он нашел его на дороге у Карак-Орруда и считал, что этот перстень принадлежал Четвертому Королю Фениксу — Каледору Воину, а тот его унаследовал от своего прадеда, знаменитого Каледора Пророка. Отшельник также предполагал, что эту вещь Каледор получил от Лизардов, и она наделяет владельца даром предвидения.

Второй совершенно растерялся от подобной щедрости коронованной особы.

— И Вам не жалко такую ценную вещь отдать малознакомому человеку? — спросил он, разглядывая подарок. — Тем более что я не знаю ни одного из упомянутых господ и не помню, кто такие Лизарды. Кто-то что-то мне о них рассказывал, но за последние дни я узнал больше, чем могу запомнить.

— Лизарды — это первые обитатели мира, созданные Древними, — могущественные волшебники. Они давно исчезли, а их помощники — Сланны, Скинки и Заурусы одичали. Теперь они водятся только в экваториальных джунглях. Просто хищники. Хладнокровные. Впрочем, ваш друг священник должен знать эту легенду.

— Удобно этот перстень Королеве показывать? — посоветовался Сергей.

— Да, спрячьте-ка пока перстень в карман, чтобы не смущать красавицу Алариэль, — посоветовал Король Феникс: — Наденете, когда с ней расстанетесь. Вот и Врата.

Их баржа действительно подплыла вплотную к таким же огромным, как предыдущие, Золотым Вратам. Солдаты на сторожевых башнях, вытянувшись по струнке, с обожанием взирали на своего повелителя. Створки Врат плавно расходились в стороны.

— Идите к лодке, — показал на спущенный трап Фунибар. — И ни о чем не думайте. Я развлеку ваших друзей, пока вы не вернетесь.

— До встречи, Ваше Величество! — простился с ним Сергей.

— До встречи, друг Магнификус! — кивнул на прощанье Король Феникс.

Эльфийская длинная лодка за несколько минут перенесла молодого человека с одной баржи на другую. Гребцы помогли ему ступить на трап. Воины с длинными копьями встали у него за спиной. Поначалу Сергей не обратил на хрупкие фигуры солдат должного внимания, и только когда один из встречавших его воинов повернулся к нему в полоборота, по характерным окружностям на серебристых кольчугах в области груди он понял, что это женщины.

— Королева ждет вас у себя, — сказала одна из них и показала на приоткрытую дверь впереди. Второй переступил через порог и оказался в роскошно убранной каюте. В забросанном маленькими расшитыми подушечками кресле с огромным цветком офриса хищной расцветки в руке, подобрав ноги под себя, сидела красивая барышня лет двадцати и насмешливо исподлобья смотрела на вошедшего.

— Вот, собственно, и я, — нахально заявил Сергей, скрывая таким образом смущение.

— Я вижу, — ответила девушка, понюхала цветок и добавила: — Только вы не представились.

— Магнификус к Вашим услугам, — приободрился гость.

— Алариэль, — в свою очередь сообщила она, — ваш новый друг. Если вы, конечно, не против.

— Очень приятно, — пробормотал Второй, начиная опять смущаться.

— Присаживайтесь, — предложила Алариэль и показала на пустое кресло рядом. — Поговорим. Баржа двигается очень быстро, а мне бы так хотелось познакомиться с вами поближе.

— С удовольствием, — быстро принял ее предложение он и сел в кресло.

— Вам понравился Лорейн? — спросила девушка, отбросила цветок в сторону и взяла гостя за руку. — Какая у вас красивая рука! Так понравился?

— Очень красивый город, — ответил Сергей, с удовольствием чувствуя, как тонкие пальцы Королевы гладят его ладонь.

— Говорят, что вам пришлось многое испытать? Схватки с чудовищами, путешествие через море на корабле корсаров? — продолжила она.

— Было такое, — довольно неуверенно согласился он, с удивлением наблюдая, как две служанки наполняют теплой водой внесенную ими же в каюту ванну.

— Расскажите что-нибудь, — попросила Алариэль, продолжая ласкать пальцами руку гостя.

— Это длинная история, — сказал Второй, обуреваемый тысячей противоречивых предчувствий и абсолютно не представляя, как должен выглядеть его рассказ.

— Ну тогда раздевайтесь, — согласно кивнула девушка.

— В каком смысле? — не понял Сергей, обратив внимание, как на створку приоткрытого окна опустилась крупная оранжевая бабочка.

— В том, что вы должны принять ванну. Не могу же я вас представить Древним в таком виде?!

— Но...

— Здесь никого не будет.

— Понятно.

— Кроме меня. Я приму ванну с вами. Это обычай. Вы же не хотите нарушить древний обычай и обидеть меня? — встала с кресла Королева. — Снимайте с себя эти тряпки. Я вам после ванны дам другую одежду.

— Я не могу, — признался Второй.

— Почему? — хитро наклонила головку девушка.

— Потому что я стесняюсь, — честно ответил Сергей.

— Не стесняйтесь, — приободрила его Алариэль. — Я же не стесняюсь. А я королева!

И она начала раздеваться.

В своей предшествующей жизни молодому человеку часто приходилось раздеваться перед девушками. Мало того — как правило, инициатором в таких ситуациях выступал он. Но самим ситуациям предшествовали продолжительные ухаживания, ну, по крайней мере, не меньше двух часов. В данном случае предложение незнакомой красивой женщины снять перед ней штаны после трехминутной беседы обескуражило путешественника. Хотя, с другой стороны, — это действительно могло оказаться не более чем невинным обычаем ее народа. Нарушать невинные обычаи он не хотел, поэтому все-таки раздеваться начал. К моменту, когда дело дошло до нижнего белья, сама Алариэль уже успела раздеться и принялась пристально разглядывать его тело, иногда ласково проводя ладонью по особо понравившимся ей местам, из чего Сергей сделал вывод, что местные обычаи, может быть, и древние, но к невинности не имеют никакого отношения. Во всяком случае, с человеческой точки зрения.

Когда последний предмет туалета наконец был сброшен на пол, девушка взяла его за руку и повела к ванне.

Только погрузившись в теплую воду, Второй немного успокоился и привел мысли в порядок.

— Интересные у вас обычаи, — пробормотал он, потому что нужно было что-то сказать.

— И очень приятные, — согласилась с ним Королева, продолжая уже под водой поглаживать его тело.

— И древние, — вздрогнул от очередного прикосновения Сергей.

— Очень, — подтвердила девушка и поинтересовалась: — Хотите я кое-что для вас сделаю? Вам понравится. Я это делаю лучше всех. У меня трехсотлетний опыт.

Это откровение моментально отрезвило молодого человека, и его прежде одурманенный сложившейся ситуацией мозг тут же подсказал достойный выход из положения.

— Очень хочу, — серьезно заявил он, но добавил: — Только должен предупредить Вас, что это навлечет на нас проклятие.

— Какое проклятие? — тут же отпрянула от него Королева.

— Когда Древние следуют таким вот древним обычаям с другими — не Древними, другие в течение пяти дней умирают мучительной смертью, а Древние на тысячелетие заключаются на дно Вселенной, где нет снов. Хотя ради Вас я без промедления готов пожертвовать собой, — заговорщическим тоном сообщил Сергей.

— Но я не готова, — сухо заявила Алариэль и в ее прекрасных голубых глазах блеснула ярость, но скоро она сумела совладать с собой и, улыбнувшись, добавила: — Ах! Если бы я была обычной женщиной и на моих плечах не лежала ответственность за судьбы моего народа, вы смогли бы испытать такое удовольствие! Но чтобы не разочаровывать вас окончательно, я сейчас прикажу самой красивой девушке из моей свиты удовлетворить ваши мужские желания. Любые, самые диковинные желания.

— Вы обижаете меня, — придал своему лицу грустное выражение молодой человек, косясь в сторону бабочки на окне.

— Почему? — спросила его Королева.

— После того как я был рядом с самой красивой женщиной мира и она ласкала меня, предлагать мне другую женщину столь же унизительно, как предлагать мне для любовных утех лошадь, — как можно убедительней оскорбился Сергей.

Алариэль звонко расхохоталась. Ей явно польстила подобная логика.

— Вы просто чудо! — успокоившись, сказала она и невинно поинтересовалась: — И что же, у вас никогда не было любовной связи с обычными существами?

Для пущей убедительности он рискнул соврать еще:

— Была. Полтора миллиона лет назад. В другом, очень далеком отсюда мире.

— Полтора миллиона! — ахнула Королева. — Кто же была эта несчастная и что с ней случилось?

— Одна принцесса, выгорела изнутри, — печально произнес молодой человек. — Я ничего не мог поделать. Но она сама виновата — опоила меня сонным зельем. Контакт произошел во сне, я даже не смог предупредить бедняжку!

— Не корите себя, — стала успокаивать его Алариэль. — Вы не виноваты. Как же у вас, Древних, все сложно. Нам значительно проще живется. Я могу насладиться любовью с любым мужчиной моей страны. Хотя... — и она нахмурилась. — Вы же познакомились с Фунибаром?

— Да, — сказал Сергей. — Он просил передать Вам, что помнит свое место и не сердится.

— Не сердится! — воскликнула Королева, выбираясь из ванны и накидывая себе на плечи полупрозрачную накидку. — Не сердится! Подумать только! Еще неизвестно, кто из нас бесплоден — он или я.

«Можешь не сомневаться, старая нимфоманка!» — подумал про себя молодой человек, но вслух говорить ничего не стал и полюбопытствовал:

— Мне сказали, что Король Феникс и Вечная Королева не живут вместе. Это так?

— Так, — буркнула Алариэль. — Только год живут, после коронации Феникса, и зачинают следующую Королеву. Но у нас не получилось. У меня нет детей. Теперь развлекаюсь как могу.

Сергею на мгновение стало ее жалко. Он понял, что венценосная развратница надеялась, что сможет зачать хотя бы от него. Этим объяснялась ее поспешность. Он взглянул на окно, бабочка исчезла.

После этого приступа откровенности Алариэль пригласила двух хорошеньких невозмутимых служанок. Второй был тщательно отмыт

мягкими мыльными губками, переодет в элегантное мужское платье эльфийского дворянина, причесан, побрит и опрыскан с ног до головы духами.

— Неплохо, — констатировала Королева, осмотрев гостя со всех сторон. — Вы похожи на азура.

— Мне говорили, что я похож еще и на дручия, — попробовал пошутить Сергей.

Но королеве его шутка не понравилась.

— Для дручия у вас слишком осознанный взгляд, — строго сказала она. — Пойдемте на воздух.

Берега еще не было видно, но уже над горизонтом впереди показался белый шпиль Башни Хоэта.

— Что это? — показал на промчавшееся над поверхностью моря перед баржей разноцветное облако Второй.

— Не обращайте внимания, — объяснила ему Алариэль. — Иллюзии. Сафери. Чем ближе мы подплываем к Башне, тем их становится больше. Но сегодня спокойный день. Иногда бывает просто страшно здесь находиться.

Словно в подтверждение ее слов из морских глубин появилась ладонь размером в пять этажей жилого дома, звонко щелкнула пальцами и скрылась под водой. За ладонью над баржей пролетела ветряная мельница, потом им навстречу по морской глади степенно прошагал носорог. Потом под баржей вода просто исчезла, и казалось, что они двигались в воздухе над обнаженным дном. Еще через минуту они встретили самих себя, плывущих себе навстречу. Сразу за этим видением Сергей обнаружил, что по небу справа от баржи тянется галактических размеров шов, стянутый суровой ниткой, тех же пропорций. Общая картина дополнялась разлитым повсюду запахом жареного мускатного ореха и какофонией звуков. Иногда иллюзии исчезали, но вскоре опять возвращались. Так продолжалось, пока баржа не подошла к берегу на расстояние ста метров и не оста-

новилась, повернувшись боком. От берега к барже беззвучно протянулась узкая металлическая полоса и легла краем на борт.

— Идите, — кивнула на полосу Королева. — Это уже не иллюзия, это дорога к башне.

Второй осторожно ступил на металл и, почувствовав под ногами твердую поверхность, зашагал вперед.

— Магнификус! — окликнула его Алариэль.

Он обернулся и увидел, что Вечная Королева приложила к своим устам указательный палец.

— Не в моих правилах... — заверил он ее, понимая, что она имеет в виду, и направился дальше.

Чем ближе Сергей приближался к Башне Хоэта, тем больше он осознавал величественность строения. Башня словно игла впивалась в ультрамариновый небосклон. Ее округлые стены отражали, как зеркало, солнечные лучи. Где-то совсем в вышине виднелись темные проемы овальных окон. Площадку огромного основания Башни устилали треугольные плиты из розового кварца или похожего на него материала. Перед круглым входом в величественное строение выстроились несколько рядов рыцарей в мерцающих белым металлом латах и с длинными обнаженными клинками в руках. Их возглавлял командир с шелковой повязкой на глазах.

Когда Второй ступил на розовые плиты, командир шагнул ему навстречу и произнес:

— Мастера-меченосцы Белой Башни Хоэта служат тебе, повелитель!

— Очень признателен, — сказал Сергей и спросил: — Куда идти?

Рыцари расступились в стороны, образуя узкий проход. Сопровождаемый командиром, гость проследовал ко входу. Круглые створки двери бесшумно раскатились в разные стороны.

— Вперед, — показал на открывшийся проем командир.

Второй шагнул в проем и обнаружил, что Башня Хоэта полая внутри. Все ее пространство освещали мерцающие желтым цветом хрустальные шары, безо всяких подставок висящие в воздухе.

— На диск, — услужливо подсказал ему командир.

И Сергей заметил круглую металлическую плиту, лежащую на полу в центре. Он вместе с рыцарем ступил на нее, и диск начал подниматься вверх. Мимо них то и дело пролетали хрустальные шары разных диаметров.

Наконец наверху гость заметил темный свод и отверстие под несущий их подъемник. Плита уверенно вошла в него и остановилась. Это пространство освещалось парящими зелеными кристаллами.

— Теперь туда, — показал на другую плиту, но уже квадратной формы, командир.

Указанная плита также была подъемным устройством и доставила их на третий ярус.

Кубические светильники, излучающие ровный голубой свет, указывали на приверженность архитектора Башни к правильным геометрическим формам.

Квадратная плита заняла подобающее ей место в ряду таких же устилающих пол большого зала с множеством дверей из того же металла, что и доспехи меченосцев. Из одной вышел древний седовласый старец с повязкой на глазах, как у проводника, и приказал командиру:

— Ты можешь возвращаться, сын мой. Древние благодарят тебя.

Рыцарь послушно развернулся и отправился назад. Когда квадратная плита унесла его вниз, старец жестом пригласил Сергея в одну из дверей.

За дверью оказалась длинная галерея, полностью состоящая из состыкованных стеклянных блоков разной формы и размеров.

— Вам туда, — сообщил молодому человеку старец и захлопнул за ним дверь.

Сергей побрел по галерее вперед, пока не уткнулся в обычную деревянную дверь. Внутренне собравшись, он толкнул дверь и вошел в

следующее помещение. В лицо сразу пахнуло запахом старой бумаги. Это была библиотека. Обычная библиотека — большой прямоугольный зал, уставленный несколькими рядами книжных шкафов. У одного из шкафов на ступеньке невысокой деревянной лестницы, прислоненной к стене, сидела молодая женщина в кожаном охотничьем костюме. Она читала книгу.

Услышав стук двери, женщина поставила книгу обратно на полку, поднялась и приблизилась к гостю.

— Привет, — просто сказала она и протянула для пожатия руку, — я Валайа, или Иши. Как больше нравится.

Второй с готовностью пожал протянутую руку:

— Магнификус.

— Знаю, — кивнула женщина. — Есть хочешь?

— Перекусил бы немного, — признался он.

— Тогда нам туда, — показала на другой конец зала Иши.

Сергей последовал за ней.

На ходу женщина сообщила:

— Я богиня Иши, я же богиня Валайа. Кстати — Валайа мне больше нравится. У меня еще пять имен, но это неважно. Важно, что я Древняя. В нормальной жизни у меня было другое имя, обычное, человеческое, но я не могу им называться, иначе у меня голова от боли лопнет. Одна из причуд Первого Магнификуса.

Они подошли к небольшому столу, на котором лежали нарезанные куски сыра, буженины и хлеба. Там же стояли две початые бутылки с вином.

— Бери что пожелаешь, — предложила Валайа и отправила себе в рот кусок сыра.

Второй сложил вместе кусок буженины, сыр и хлеб. Откусил. Ему понравилось, он быстро съел бутерброд и сделал еще один.

— У тебя отличный аппетит, — довольно заметила богиня и протянула ему бутылку. — Полусладкое. Компот почти.

— Много тут Древних-то? — продолжая жевать, поинтересовался Сергей.

— Трое, — ответила хозяйка. — Я, Таал, сейчас он весь в молниях прилетит, любит он эффекты, и Моор. Моора не будет, он нас игнорирует. А ты как добрался?

— Да ничего, — пожал плечами и с надеждой спросил: — Вы же мне расскажете, где я нахожусь?

— Ты еще не понял? — удивилась она и ответила: — Ты в компьютерной игре. И давай на «ты»?! Сколько тебе лет?

— Двадцать семь, — ответил перегруженный новой информацией молодой человек.

— А мне тридцать пять, — делая глоток из бутылки, сообщила женщина. — Мы почти ровесники. Чего ты так на меня уставился. Да, это компьютерная игра. Что тут непонятного?! Стратегия.

Тут одно из мозаичных окон с грохотом распахнулось, повеяло холодом, и в библиотеку влетела шаровая молния.

— Вот и Таал, он же Азуран, он же еще штук семь божеств, — даже не оборачиваясь к огненному шару, объяснила Валайа. — Дурацкая любовь к эффектам. Ты его прости, за девять тысяч лет с мозгами всякое может случиться.

Шар завис над полом в нескольких шагах от них, потом растянулся в огненный диск, из которого появился среднего роста мужчина примерно того же возраста, что и они.

— Почему вы не пошли в Зал Решений? — с ходу спросил он.

— Чего там делать? — отмахнулась бутылкой женщина. — Пока я ждала вас, я хоть книжку дочитала.

— Ты что-нибудь ему рассказывала? — кивнул в сторону гостя Таал.

— Он, оказывается, так и не понял, что находится в игре, — ответила Валайа.

— Нет, что в компьютерной игре, не понял, — признался Второй и дополнил: — Вообще-то первое время я был уверен, что у меня шизофрения.

— Так, здесь надо по порядку все рассказывать, — предложил мужчина. — Может, все-таки пройдем в Зал Решений? Рассказ долгий.

— Вот что, — сказала многоименная богиня, — ты, Таал, ему все расскажи, а я пока к своим гномам слетаю. У них там проблемы между двумя семьями. Один другому уже голову молотом пробил. Обойдетесь пока без меня?!

— Лети уж, — милостиво согласился тот. — Только скорее возвращайся. У меня не больше часа.

— Буду вовремя, — уверила Валайа, последний раз отпила от своей бутылки, поставила ее на стол и, обернувшись сойкой, вылетела в окно.

— Веселая, да? — влюбленно глядя вслед женщине, сказал Таал. — Знаю Иши много тысяч лет, но не перестаю удивляться ее энергии. Хорошо. Перейдем в другое место. Ты должен услышать все с самого начала.

— О чем разговор, для этого и встретились, — принял его приглашение Сергей и прихватил с собой еще один бутерброд.

LOADING...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Зал Решений невольно внушал уважение своими размерами. Помещение с огромным круглым столом посредине и массивными резными креслами, расставленными вокруг него. Стены зала украшали свисающие с горизонтальных флагштоков парчовые знамена с различными геральдическими символами, вышитыми на них золотом.

— Прежде всего, — усаживаясь в одно из кресел, начал Таал, — ты должен осознать масштабы всего происходящего.

— Попытаюсь, — пообещал Второй, располагаясь в кресле напротив.

— Несмотря на то что это, как уже тебе сказала Иши, компьютерная игра, в нее никто не играет. Нет, само собой, поначалу играли, но вот уже семь тысяч лет по местному времени игра живет самостоятельной жизнью. Как это получилось, непонятно. Может быть, наш покойный друг Магнификус — твой предтеча — и предполагал такое развитие событий, но остальные игроки нет. Теперь мы существуем в условиях тех правил, которые определил Магнификус. А он был необычный человек. Очень необычный.

— Необычный в чем? — уточнил Сергей.

— Иногда создавалось впечатление, что в своей увлеченности созданием этого мира он забывал, что он просто человек, а не бог. Знаешь, сколько вариантов дополнения способностей игрока, или возможностей, или так называемого сафери он запрограммировал? Ты же сам игрок. Сколько может быть дополнений, максимум?

Второй подумал и ответил:

— Около сотни, чуть меньше.

— На сегодняшний день мы насчитали около 7 миллионов, но их значительно больше! Значительно! — торжественно сообщил Древнейший и продолжил: — Размеры игральной карты в десятки раз превышают размеры Земли. Но и это пустяки...

— Подождите, — прервал его Сергей. — Нельзя ли все по порядку?

— Пусть будет так, — согласился Таал и начал повествование: — В один прекрасный день меня вышвырнули из аспирантуры, Корина, ну,

Магнификуса Первого, или, так будет удобно, — просто Первого — из конструкторского бюро. Я, Иши и он познакомились по сети. Мы играли в ту же стратегию «в реальном времени», что и ты.

— Фэнтези? — спросил Второй.

— Именно, — подтвердил Древнейший. — Играли ночами полгода, потом начали переписываться, потом встретились. Хорошие ребята оказались. Потерянное поколение — романтика советской юности, сексуальный идеализм, высшее образование и зарождающийся капитализм вокруг. Гремучая смесь. Игрушки спасали от депрессивных запоев. Так вот, началось, как я уже говорил, с того, что мы с Кориным оказались на нуле. Иши иногда подкидывала нам на хлеб, она работала в какой-то риелторской фирме. Единственное, что у нас с Кориным, с Первым, было, — это два компьютера и четыре старых зубоврачебных кресла, которые мне оставил сосед-дантист перед своей эмиграцией в Израиль. Меня посетила идея — сделать игровой кабинет и поставить его в одном из крупных торговых центров. Что может быть проще — родители отовариваются, а их детишки, сидя в креслах с джойстиками в руках плюс с «виртуальными очками» на голове, сражаются в компьютерную игрушку. О, эти «виртуальные очки»! Помнишь, как их три года назад рекламировали?!

— Помню, — подтвердил Второй. — Но они не прижились. От них очень глаза уставали и голова гудела. Только не пойму, в какую игру должны были играть дети буржуинов?

— Это тоже должно было стать своего рода «ноу хау», — хитро сощурился Таал. — К тому времени у Магнификуса окончательно кончились деньги, он не смог оплачивать съемную квартиру, а своей у него не было, и он переехал ко мне. Парень он был спокойный, помешанный на электронике и коллекционировании оловянных миниатюр, не так давно развелся с женой, которой, собственно, и оставил свою жилплощадь. Отличный парень — золотая голова. Короче говоря, я поставил перед ним задание переделать нашу любимую компьютерную игрушку. Вернее, доделать ее. Она сохраняла привычную форму стратегии, но играющие в нее получали возможность играть не только как сторонние

наблюдатели, но и как действующие персонажи в режиме «первого лица». То есть и планируешь, и сам в облике избранного героя принимаешь непосредственное участие. Ходишь, машешь мечом, насылаешь бурю. И все от первого лица. Игра богов! Согласись — гениально?

— Интересно, — согласился Сергей, припоминая про себя, что ему приходилось уже сталкиваться с прототипами таких игрушек.

— Сказано — сделано. Я занял у Иши денег на дополнительное оборудование, Корин засел за клавиатуру. Через полтора месяца он написал необходимую программу. В один прекрасный день, когда все было сделано, мы в паре с ним сыграли несколько раундов, и он уехал на три дня к своей сестре в Подмосковье. Признаться, я был не совсем доволен: графика простовата, гул в ушах раздражал. Но в целом — сойдет для начала. Корин дополнил количество персонажей, использовал образы из своей оловянной коллекции. Так я просидел до вечера, с бутылкой пива в руках, любуясь нашим детищем. Вечером мне позвонила Иши и предложила встретиться. Она плакала. Естественно, я тут же помчался к ней на встречу. У Иши тот день был один из самых плохих в жизни — в клинике ей поставили окончательный диагноз — бесплодие, а за неделю до этого от нее сбежал ухажер. Бедная девушка наглоталась успокоительных таблеток и разбавила это все полбутылкой водки. Я понимал, что в таком состоянии ее оставлять нельзя, и предложил заехать ко мне, чтобы оценить нашу с Первым работу. Она согласилась, мы купили по дороге еще пару бутылок водки и поехали. Дома я похвалился собранным аппаратом. Иши захотела немедленно его опробовать. Почему бы и нет? Сели в кресла, выбрали карту и персонажей, запустили игру. Через десять минут я понял, что игры не получится — противница уснула. Что поделаешь?! Я решил ее не будить, постелил ей кровать, сам лег в другой комнате. Утром обнаружил, что Иши еще спит. Будить не стал. Написал записку, оставил ключи и поехал встречаться с потенциальным клиентом. Был у меня один знакомый, у которого еще один знакомый служил директором крупного торгового центра. Директор оказался отличным парнем, и мы всей компанией уехали к нему на два

дня за город. Когда я вернулся домой, меня постиг шок — Иши лежала там же, в той же позе, в которой я ее оставил. «Отравилась насмерть, сердце не выдержало», — испугался я. Потрогал руку — пульс есть. Прислушался — дышит. Но рисковать не хотелось, и я позвонил одному знакомому врачу. Сейчас этого врача здешний мир знает как Моора, тогда он работал онкологом. Так, на вторых ролях. Моор приехал через два часа. Осмотрел девушку, спросил, чего пила, чего глотала, и хотел уже вызывать реанимацию, как я отключил электропитание на своем агрегате, и спящая тут же проснулась сама. Ты не представляешь, как она возмущалась. Она несла какой-то бред, что ее оставили на несколько месяцев в игрушке, что ее сотню раз убили монстры, что это все свинство — так экспериментировать на своих. Не перескажешь. Моор еще раз осмотрел ее, потом все-таки сделал укол, правда, на этот раз успокаивающий, и девушка пришла в себя. Иши дала Моору деньжат за хлопоты и отказалась ехать обследоваться. Врач пожурил девушку и уехал. А мы решили пойти перекусить. По дороге мы много разговаривали. Она рассказывала о своих приключениях во сне, о битвах, которые выиграла, о том, как, кто и где ее убивал, о заработанных ста девяти тысячах золотых и еще много всякого. У кафе мы поняли, что ни у нее, ни у меня нет наличных. Иши пошла к банкомату и сунула туда свою карточку. На счете девушки оставались от зарплаты долларов двести с копейками. Я, не дожидаясь ее, двинулся в кафе делать заказ. Когда Иши вернулась, то у нее было такое выражение лица, словно она только что увидела ядерный взрыв. Не успел я и рта открыть, как она мне сунула под нос выданную банкоматом выписку с остатком на счете. Сначала я ничего не понял, но она молча ткнула мне пальцем в цифру.

— Что за цифра? — не сдержал вопроса слушатель.

Таал сделал многозначительную паузу и ответил:

— Сто девять тысяч долларов.

— Откуда? — изумился Сергей.

— Само собой разумеется, мы тоже заинтересовались этим вопросом, — продолжил Древний. — У Иши в этом банке работала подруж-

ка. Окольными путями она навела справки и установила, что деньги собрались, как дождевые капли в реку, по несколько центов, за два дня, с сотни тысяч частных счетов. Больше подружка ничего узнать не смогла.

— А вы? — спросил Второй, так ни разу за весь рассказ и не надкусив прихваченный бутерброд.

— Мы, — улыбнулся Таал. — Мы неплохо соображали. Конечно, понять механику этого процесса мы не могли, но выводы сделали немедленно. Я тут же занял у Иши пятьсот долларов и открыл себе персональный банковский счет. Потом побежали домой. Я съел две таблетки снотворного и запил пивом. Моя спутница села рядом, чтобы следить со стороны за мной. На всякий случай. От перевозбуждения я еле уснул. Но когда под этот отвратительный гул я погрузился в сновидения, то понял, о чем говорила Иши, — вокруг была отнюдь не игра, вокруг был абсолютно реальный мир. Я мог потрогать листья на деревьях, я чувствовал запах цветов, я случайно споткнулся о камень, упал и почувствовал боль. Это было чудо! Конечно, я не стал искать особых приключений, встреч с чудовищами и компьютерными противниками. Меня интересовали только брошенные у дороги бочки, которые, если их разбиваешь, рассыпались грудами золотых монет. Только золотые рудники, только ящики на перекрестках. Я собирал ресурсы. И я весьма преуспел.

— Подождите, — решился уточнить Сергей. — Куда же вы все это складывали?

— Вспомни игру, — вздохнул рассказчик. — При соприкосновении с найденными сокровищами они со звоном растворяются в воздухе и появляются на шкале добытых тобой ресурсов.

— Что, и шкала была? Где? — пытался понять Второй.

— Нет, — вздохнул Таал.— Шкалы в привычном игровом понимании не было. Но добыв очередную россыпь золотых монет, я каким-то образом знал, сколько добыл точно и сколько у меня есть всего. Я же предупреждал — мы до сих пор многого не понимаем.

— А дальше? — попросил Сергей.

— Дальше Иши разбудила меня. Я спал двенадцать часов и набрал семьдесят тысяч золотых. Мы быстро попили кофе и побежали в банк. Все было верно — за эти двенадцать часов на мой счет поступило ровно семьдесят тысяч. О, какой пир мы устроили с Иши в тот день! Сколько сделали бессмысленных, но приятных покупок! — Древнейший встал с кресла и начал расхаживать по залу. — Когда наши страсти улеглись, мы поняли, что не стоит торопиться рассказывать о нашем открытии всему миру. Как раз от сестры из пригорода вернулся Корин. Ничего не объясняя, я тут же попросил его нарисовать новую примитивнейшую карту с гигантским количеством ресурсов в одном месте и чтобы никаких монстров, противников и ловушек. Теперь при ударе по ящику или бочке оттуда высыпались не сотни, а тысячи монет. Самих ящиков и бочек стало неограниченно много. Объяснил все это прихотью чудака-заказчика и выдал Первому для настроения тысячу долларов. Когда он все сделал, я дал ему еще три тысячи и попросил на месяц переехать к Иши. Наврал, что влюбился. Соответственно, она на это время переехала ко мне. Мы купили у того же Моора целый чемодан снотворных средств и открыли счета во всех банках столицы. Через месяц и она, и я были мультимиллионерами, а вернее, миллиардерами.

Поскольку на стабильность в родном отечестве мы особо не рассчитывали, то раскидали громадные суммы по самым респектабельным банкам мира, благо что Иши в этом неплохо разбиралась. Тратить тоже мы не торопились, чтобы не привлекать внимания. Нас не оставляло ощущение, что все происходящее с нами — фантастическая афера, и вот-вот появится реальный владелец заработанных в игре средств. Но деньги есть деньги. Деньги нужно было вкладывать. Поначалу мы купили крупный особняк на Кипре, потом в Праге, потом Иши уговорила купить через доверенных лиц усадьбу в Южной Америке. А потом нам все надоело. Опять сказался «пионерский синдром». Ко всему привыкаешь. Помню, сели мы как-то в маленьком ресторанчике на Корфу и стали придумывать, что делать дальше.

— Может, сыграем? — предложила мне Иши. И мы, два великовозрастных переростка, нашли интернет-клуб, до утра бились в люби-

мую игрушку и пили водку. На рассвете в моей голове возникло искомое слово. Одно слово. Но оно определило всю нашу последующую жизнь. Бессмертие! Да, бессмертие! Минуты реальности в игре растягивались на месяца. Иши это понравилось. Оставалось только создать такую игровую карту, в которой мы смогли бы чувствовать себя комфортно и найти способ, как без риска для жизни и здравого рассудка спать годами. Для реализации первого мы выписали скучающего Корина, для воплощения второго — Моора. Мы не стали их посвящать в нюансы нашего стремительного обогащения. По легенде, Иши взяла под квартиру крупный кредит. Впрочем, наших друзей это особо и не интересовало — они были шокированы возможностями игровой реальности. Они попробовали сами, и с удовольствием присоединились к нам. Моор провел ряд экспериментов с продолжительностью сна, и мы столкнулись с новым парадоксом — игрок, находящийся в «гейм-сне», впадал в специфическую форму анабиоза, то есть практически не нуждался ни в кислороде, ни в питании. Моор не мог в это поверить. Первый набросал для его опытов простую карту, без монстров, со среднестатистической флорой и фауной. Моор нанял где-то в Азии полуграмотного пастуха, ввел его в «гейм-сон» на пять месяцев. После пробуждения пастух был уверен, что просто долго спал. У него не атрофировались органы, он не повредился в уме, он вообще никак не изменился. Никак! А ведь пастух прожил несколько тысячелетий!

— Пока Моор бился над физиологической стороной нашего проекта, Магнификус поселился в усадьбе на экваторе, заказал себе десяток грузовиков с самым последним электронным оборудованием и переманил из своего бюро нескольких художников, работающих с компьютерной графикой. Он создавал новую, невероятную по размерам и количеству объектов игровую карту. Мало того, он заказывал для будущей карты программное обеспечение у трех ведущих в этой области компаний мира. На поддержание рабочего настроения у сотрудников и на аппаратуру уходили громадные деньги.

Через год над нашим проектом у него трудилось двести человек. К упомянутой усадьбе пришлось достраивать целый городок. Правда, все

сотрудники были уверены, что работают над созданием какой-то высокобюджетной компьютерной игрушки. Хотя это была правда. В определенном смысле.

В десятках тысячах километрах от него Моор строил модифицированные камеры для «гейм-сна». Иши купила остров в одном из самых диких уголков Тихого океана. Да, вы же там были. Цитадель. Я тоже приложил к этому руку. Короче говоря, занятие нашлось для всех. По мере продвижения к цели с фантастической скоростью росли расходы, и мы с Иши то и дело возвращались на старую московскую квартиру и делали вылазки на нашу первую золотоносную карту. На московскую — потому что не хотели, чтобы наши друзья знали, откуда у нас такие огромные деньги. Правда, позже, уже здесь, Первый признался, что давно это понял. Ну так или иначе: по нашим планам, по завершении всех работ мы намеревались вчетвером уйти на свою карту и запрограммировать автоматическое отключение питания через полгода.

— Так и сделали. Ровно через полгода, минута в минуту, питание отключилось, и мы проснулись. Моор проверил наше физическое состояние и пришел к убеждению, что мы в абсолютной норме. Разве что незначительно похудели. Моор предложил запрограммировать компьютер еще на полтора года. Нам эта идея очень понравилась. Была только одна проблема — кто будет следить за нами все это время? Доверять наемным сотрудникам с материка свои жизни как-то не хотелось. Где гарантии, что им не захочется войти в игровую реальность вместо нас? За полтора года многое могло произойти. Нужны были фанатически верные хранители наших жизней. Тогда Магнификус предложил использовать персонажей.

— Как это возможно? — не понял Второй.

— О! — потер ладони рассказчик. — В этой игре все возможно. Первый еще на стадии разработки игровой карты нарисовал портал, в Цитадели поставил каменную арку, через которую персонажи игры могли бы выходить в реальный мир за свежими новостями. Теоретически, конечно, выходить. Он сам это всерьез не воспринимал. Но портал заработал. Ты встречал Торгрима, Теклиса, Абхораша?

— Да.

— Видишь.

— Невозможно.

— Вся эта история невозможна, но она случилась. Так оно и бывает. Невозможно, чтобы земля была круглая, невозможно, чтобы частица и волна были одним и тем же. Невозможное — самая возможная вещь на свете. Вернемся к истории: Первый ввел нас в состояние «геймсна», а мы ему послали нескольких персонажей. Я послал умницу Теклиса. Иши — Торгрима, Корин — Слаанеша.

— Зачем же его?

— Кто знал? Мы были уверены, что персонажи нам верны, но Первый просчитался: как только персонажи оказались на другой стороне, Слаанеш убил Магнификуса, а сам сбежал из Цитадели. Он хотел убить нас всех, но Теклис и несколько охранников помешали ему. Мы тут же отправили вслед за Теклисом и Торгримом еще несколько персонажей, но уже ничего нельзя было поделать. Слаанеш надолго скрылся во внешнем мире. А мы остались наедине сами с собой.

— И все-таки, — напомнил Второй. — Я вам зачем?

— Магнификус был своего рода координатором, в силу того, что этот мир — творение его рук, и он задавал основные параметры игры, — продолжил Таал. — Так, предположим, изменить рельеф местности, создать новую расу, ну и другие глобальные перемены возможны лишь при наличии в руках хозяина Четырнадцатого принципа и всех остальных многогранников. Корин раздал нам по четыре, а себе оставил два. Первый и Четырнадцатый. Иначе никак.

— А что за привязанность к цифре четырнадцать? У вас тут все по четырнадцать — часов, дней в неделе и так далее. Какой-то особый смысл?

— Причуда Корина. Началось с того, что он разработал семнадцать принципиально разных вариантов программного обеспечения для нашей с ним первой игры. Помнишь, я рассказывал, для магазинов. Первый думал, какой «движок» использовать. На дворе стояло четыр-

надцатое сентября. Он выбрал четырнадцатый вариант. Вот его и зациклило.

— Вот еще — зачем вам собирать все эти принципы? — не понял Сергей. — Вы живете тысячелетия, вас тут почитают за богов. Сказка, а не жизнь!

— Так оно и есть, но после гибели нашего друга силы Хаоса вышли из-под контроля Моора. Они оказались свободнее, чем мы предполагали. С каждым годом их нападения становятся все ожесточеннее.

— Может, это сам Моор мудрит?

— Нет, Моор жертва своего идиотского изобретения. Хаос рвется к Белому порталу. Он хочет уничтожить нас и мир, откуда мы пришли.

— Короче говоря, вы меня вызвали, чтобы я спас мир от компьютерных паразитов?

— Да.

— Отличный план. Но вы точно уверены, что я и есть тот, кто нужен?

— Абсолютно. Мы долго следили за всеми игроками в Небытии. Нашли тебя. Сетевое имя — Магнификус, четырнадцатая игральная кость откликнулась. Сам посмотри, — Таал достал из кармана горсть разноцветных кубиков, бросил их на стол и ткнул пальцем в сверкающий алый многогранник. — По-моему, очевидно.

Второй взял указанную кость в руку и поднес к глазам. Долго любовался, как она переливается всеми оттенками красного — от блекло-молочного до темного, практически черного пурпура.

— Вы сказали, Небытия?

— Я так называю тот мир. Тридцать шесть лет в одной жизни и девять тысяч лет в другой. Что из них больше подходит под определение — Небытие?

— Логично.

— Догосу тер шуд, — неожиданно чужим голосом произнес Древнейший, при этом он добела сжал кулаки, а его карие доселе глаза сверкнули зеленым огнем.

Странный приступ длился всего несколько секунд. Вскоре Таал глубоко вздохнул, разжал пальцы и взглянул на большие настенные часы с такой же странной разметкой, что и на часах в доме Шарскуна.

— Вам плохо? — встревожился Сергей.

— У меня кончается время, — ответил собеседник и объяснил: — Древние могут возвращаться в сознание, обычное для существ Небытия, на четырнадцать часов. Каждое прожитое тысячелетие здесь — это минус час от времени Небытия. Я прожил девять тысяч лет, соответственно, тот я, что был прежде, может существовать только оставшиеся пять часов.

— Кто это придумал?

— Тот, кто придумал условия игры, — Магнификус.

— Что же случится, когда пройдут эти пять часов, или когда вы проживете назначенные четырнадцать тысяч лет?

— Останутся только Древние — Таал, Азуран и так далее. Боги.

— Азуран! — повторил вслух Сергей. — Огонь Азурана. Вспомнил, что хотел спросить. Почему король Темных эльфов не прошел ваш огонь? Я имею в виду Малекита.

— У Малекита мать — шпион Хаоса. Моор пытался меня обвести вокруг пальца во время одной из игр. Но это не важно. Важно, что вы прибыли к нам.

— Тогда конкретнее, — попросил Второй. — Что нужно сделать?

— Точно не знаю. Прежде всего, необходимо собрать все четырнадцать принципов. У нас их десять. Потом уничтожить Черный Портал, чтобы ослабить силы Хаоса.

— Где остальные кубики? То есть, я имел в виду — принципы.

— У Моора, — сообщил Древний.

— А вдруг он не захочет с ними расставаться? — засомневался Магнификус.

— Куда он денется?! — спокойно уверил его Таал и встал. — Свою часть я рассказал, остальное расскажет Иши. Она здесь будет с минуты на минуту. А мне пора, — он взмахнул рукой и перед ним возник пульсирующий огнем круг высотой с человеческий рост. Древний под-

нялся с кресла и шагнул прямо в огонь. Перед тем как окончательно исчезнуть, он попросил:

— Брось свой посох в лесу рядом с Башней. Посох опять станет деревом.

Круг сжался до размеров и футбольного мяча и с характерным треском вылетел в окно.

Иши действительно появилась быстро. Сойкой она впорхнула в то же самое приоткрытое окно, обернулась женщиной и подошла к столу.

— Как там гномы? — участливо поинтересовался Второй.

— Все отлично, — деловито оправляя одежду, ответила она. — Я натравила на их семьи банду орков, без дела слонявшихся неподалеку. Теперь на ссоры у них не останется времени.

— Конструктивно, — оценил стратегическое решение женщины Сергей.

— Мой друг тебе много поведал? — в свою очередь осведомилась она.

— Не так чтобы, — сообщил Второй. — Рассказал, как вы с ним капитал во сне сколотили, как добились временного бессмертия, как демоны убили моего гениального тезку, про отличные правила игры и про то, что я должен мир спасать. Короче говоря, плевое дело.

— Ты очень сообразительный! — хмыкнула Древнейшая. — И морально устойчивый. Значит, у нас есть надежда.

— Морально устойчивый?! — Сергей не сразу понял, о чем говорит богиня-охотница.

— Алариэль, — подсказала она.

— А! — смутился Сергей. — Бабочка. Я сердцем чувствовал, что с ней что-то не так.

— Извини, — улыбнулась Иши. — Мы, женщины, такие любопытные существа.

— Очень любопытные.

— Иногда безнравственные.

— Очень безнравственные.

— Это я об Алариэль.

— Я тоже.

Охотница нарочито укоризненно покачала головой и предложила: — Глазастый, а полетели в Лорейн? Я тебе покажу, как азуры живут, в кабачке посидим, попробуем нормальной кухни? Здесь волшебно готовят. У меня еще три часа есть. Заодно и поговорим.

— Полетим? — озадачился Второй. — Я не знал, что летаю.

— Летаешь, летаешь, — поторопила его женщина. — Знаешь, как «сферу Сафери» вызывать?

— Имя надо пальцем в воздухе писать, — вспомнил уроки скейвена Сергей.

— Точно! — подтвердила Иши. — Вызовешь сферу, ищи на ней символ сокола. Ласточку не выбирай, они здесь не водятся. Полетишь за мной, сядем на окраине, обернемся пожилой эльфийской четой с юга. Будем туристами. Вызывай сферу. Чтобы вернуть свой обычный облик, мысленно произнеси свое имя наоборот. Знаешь, наверно.

Второй в точности выполнил предписания женщины и вправду тут же обернулся соколом. Сойка на окне хитро подмигнула ему и выпорхнула наружу. Сергей последовал за ней.

Такого города он действительно еще не видел. Если Эшинблант и Наггарот можно было сравнить с какими-то земными городами, то у Лорейна точно аналогов не было. Они с Иши спустились на открытую веранду дома рядом с каналом, обернулись пожилой парой эльфов и, не торопясь, по узенькой каменной лестнице вышли на улицу. Собственно говоря, Лорейн и не был городом в привычном понимании этого слова. За чередой внушительных оборонительных строений находился бесконечный многоуровневый лабиринт узеньких улиц, пересекающихся друг с другом, украшенный тысячами искусно вырезанными из белого камня барельефами. Точнее, даже так: в Лорейне не было ни одной стены без какого-либо узора. Сквозь распахнутые двери домов шагающий мимо Сергей видел, как эльфийские мамы рассказывают детям перед

сном сказки, а строгие отцы семейств играют на верандах в какую-то карточную игру, со стороны очень напоминающую юкер, или, тихо переговариваясь друг с другом, потягивают из высоких узких чашек ароматный горячий напиток. Освещался город гирляндами разноцветных фонарей, натянутыми прямо над тротуарами. И повсюду журчали оплетенные плющом чаши миниатюрных фонтанчиков.

Женщина провела своего восхищенного красотой вечернего Лорейна спутника по спиралевидной лестнице на уровень ниже. Улочки здесь были просторнее и прохожих немного больше, в основном молодые пары, гуляющие по тротуарам рядом с каналом.

— Интересующий нас кабачок там, — показала Иши на раскрытые двери впереди.

Они вошли внутрь. Помещение походило больше на выставочный зал, нежели на ресторан. Вдоль выложенных разноцветной плиткой стен на значительном удалении друг от друга стояли деревянные столики, над ними висели картины, убранные в тонкие рамки. С потолка свисали каплевидные белые лампы.

— Торион, — показала на одну из картин, изображавших рыбу с тремя глазами, женщина, и пояснила: — Художник Торион Огненное сердце, жил в эпоху короля Аэтиса. Может, здесь сядем?

Столик под картиной действительно пустовал, и Второй кивком согласился.

— У рыбы три глаза? — устраиваясь удобнее, удивился он. — Художественный вымысел?

— Почти, — ответила Иши, жестом подзывая официантку, и когда та подошла к их столику, попросила по-эльфийски: — Лавено гос ауми чаэль. Колионули ви ту моли.

Миловидная девушка понятливо склонила головку и с достоинством удалилась.

— Что ты заказала? — спросил Сергей.

— Художественный вымысел, — сообщила женщина. — Блюдо из трехглазой рыбы гос и местный вариант кофе. Отлично утоляет жажду, бодрит, но не содержит кофеина.

— Обнадеживает, — поблагодарил за полезную информацию Второй и попросил: — Нельзя ли вернуться к нашей беседе? Я так долго добирался к вам.

— Почему нельзя? Можно, — согласилась Иши.

— Тогда вопрос: ваш Теклис не догадался сразу меня обучить азам сафери? Он, как я понял, большой мастер в этих вопросах. Я бы обернулся быстрокрылой пичугой, и мы с тобой пили бы местные напитки без кофеина на несколько дней раньше.

— Обернуться можно было только за пределами Северных Пустошей, быстроглазая пичуга скоро потратила бы необходимую для поддержания формы энергию и рухнула в своем естественном от рождения теле с высоты соколиного полета на землю.

— Пресловутый ворпстоун?

— Именно.

— Хорошо, а на драконе нельзя было встретить нужного человека?

— Тоже нельзя. На одном драконе — глупо, а высылать целую эскадрилью — значит, объявить начало военных действий. Хотелось тихо. И чем тише, тем лучше. Сейчас смутные времена.

— А если бы меня убили?

— Именно на это мы больше всего и рассчитывали.

— Не понял?!

— Если бы тебя убили, то через несколько минут ты бы и пил тот самый напиток без кофеина. Алтарь возрождения. Понимаешь? Один из них в Башне Хоэта.

— Понимаю.

— Но ты оказался на редкость шустрым парнем, и мы потеряли из-за тебя уйму времени.

— Надо было послать убийцу.

— Мы и послали.

— Не может быть?! Скейвена?

— Его.

— Тогда почему он меня не того..?

— Не знаю. Может быть, где-то рядом был Тзинч, и тот попал под его влияние.

— Тзинч.

— Да — демон Изменения. Он постоянно все путает. А в последнее время с ним происходит что-то совсем странное.

— Теперь я понял, что имел в виду Ракартх в доме Наолы, когда спрашивал Шарскуна — исполнит ли тот свои обязанности? Убьет или нет?

— Ракартх наш давний компаньон. Он тогда заверил нас, что все идет по плану. Наола — миленькая, но немного сумасшедшая. Носится с безумной идеей переустройства мира. Обычная болезнь молодости.

— А Шарскун — герой?

— В каком смысле?

— В смысле перерождения.

— Этого никто не может знать, пока он не умрет.

— Он умер.

— Вот и хорошо, скоро все само собой выяснится.

— Суровая у тебя логика.

— Здесь суровый мир.

— Скажите спасибо вашему шизоидному, Царство ему Небесное, Магнификусу.

— Магнификус Первый был моим мужем.

— Извини, — смутился Сергей, но, на его счастье, вернулась официантка с двумя большими блюдами, на которых еще дымились куски жареной рыбы. Следом за блюдами она выставила перед посетителями две чашки с горячим напитком.

Второй сделал маленький глоток и похвалил:

— Действительно, есть что-то от кофе!

— Я же говорила! — тоже пригубив напиток, поддержала Иши.

Сергей понял, что воспоминание о погибшем супруге опечалило ее, но он не сдержался и сказал: — Таал не сказал, что ты была замужем за Первым.

— Мы поженились здесь, когда я забеременела.

— Забеременела?!

— Что, Таал и о моем бесплодии проболтался?

— Проболтался.

— Трепач. Это было необязательно рассказывать. Хотя... Чего уже терять, — женщина откинулась на стуле и продолжила: — Когда мы оказались здесь, я полюбила Первого. В нем было что-то необыкновенное. Его не интересовали ни деньги, ни власть, ни особые развлечения. Он был настоящий творец. Он любил Нибиру. Он умел любить. Неистово любить. Помнишь часовню на острове, где Цитадель?

— Помню.

— Ирония судьбы — отпевание человека, погибшего в компьютерной игрушке, им же созданной, заказывал эльф. А я ничего не знала. Таал признался мне, что Первый погиб, только через год после того, как я родила Тордиона. Говорил, что Первый что-то там переделывает в системе.

— Того самого Тордиона?

— Того самого.

— Что потом?

— Потом тысячелетия. Тордион вырос. Чтобы ему не было одиноко, я создала людей и поручила своим помощникам помочь им создать пригодную для игры расу.

— Для игры?

— А для чего еще? Не забывай — ты в компьютерной игре, хотя я давно уже ни во что не играю.

— Это я помню, но больно странная эта игра — персонажи выходят в реальный мир, сами собой появляются новые расы.

— Мой муж был гений, он создал игру, которая сама себя совершенствует. Мировой искусственный интеллект, разбитый на сегменты расовых колоний. Еще немного, и он нас проглотит, как мы сейчас эту рыбу. Ешь, пока не остыло, — Иши придвинула к Сергею блюдо с рыбой.

Второй покорно принялся за еду. Женщина тоже съела несколько кусочков, но потом отложила в сторону приборы и задумчиво уставилась на картину.

— Что-то не так? — как можно деликатней отвлек ее от размышлений Сергей, здраво полагая, что плохие воспоминания не всегда полезны.

— Напрасно мы тебя втащили в эту авантюру, — не отводя глаз от картины, сказала она. — Я не верю в эту затею. Но теперь уже поздно. Единственное, чем я могу тебе помочь, так это подготовить тебя к назначенной роли электронного божка героя на несколько следующих тысячелетий.

— Каким образом? — уточнил Второй.

— Тебя нужно научить выживать, побеждать и создавать, — ответила она и хлопнула в ладоши.

В помещение с улицы тут же вошел могучий блондин с наброшенной на плечи шкурой белого волка и подошел к их столу.

— Ульрик, раздели трапезу с Древнейшим, расплатись да и расскажи ему все, что он захочет, — приказала она блондину, а Сергею добавила: — Мне нужно побыть одной. Прости.

— Я понимаю, — кивнул ей тот и тут вспомнил о подарке Фунибара: — Иши, подожди! — окликнул он уходящую спутницу.

Та остановилась и молча вопросительно взглянула на него.

Сергей достал кольцо и протянул его женщине. Она взяла кольцо и спросила:

— Где ты его взял?

— Фунибар подарил, а ему какой-то эльф. Возьми. Я так понимаю, что оно принадлежало твоему мужу, — сказал Второй.

— Да, это перстень Корина, — Иши вернула кольцо Сергею. — Оставь его себе. В мире, который создал мой муж, ничего не бывает случайно, если ты получил это кольцо, значит, Корин этого хотел. Пригодится. И еще — зови меня Валайа, мне так больше нравится.

Женщина повернулась и вышла.

— Мы с ней еще увидимся? — спросил у блондина Второй.

— Завтра у тебя, Древнейший, аудиенция в Башне Хоэта, — ответил тот.

— Действительно — чего тянуть? — вздохнул Древнейший и предложил: — Может, выпьем?

— Я закажу, — сказал блондин, сам подошел к стоящей в глубине зала официантке, что-то вложил ей в руку и перекинулся с девушкой несколькими фразами.

— Сейчас они принесут тебе бокал лучшего вина, — сообщил он, присаживаясь.

— Ты что, не пьешь? — поинтересовался Сергей.

— Почему не пью?! Пью, — замялся Ульрик.— Только я пью свои настойки, они крепче. И обычно у себя дома пью. Не хочется потом ходить.

— А где твой дом, если не секрет?

— Ну, это не совсем дом, скорее, это такое уютное и безопасное место.

— Где?

— В лесу.

— В лесу?

— В лесу.

— Как любопытно! — заинтересовался Второй, принимая из рук подошедшей к столу официантки стеклянный конус, наполненный оранжевым напитком.

Он сделал глоток и поморщился:

— Фу! Приторное. На сливовое похоже.

— Да, сливовое, — подтвердил помощник Валайи. — На Ультуане мало виноградников.

— Слушай, — нахально предложил Сергей. — Может, мы твоей настойки попьем? В лесу?! Я, признаться, не люблю десертные вина.

— Твоя воля, Древнейший, — согласно кивнул Ульрик, но предупредил: — Только мой дом в получасе бега.

— Что значит — бега?

— Бега волком. Я для удобства оборачиваюсь волком. Потом, так гораздо безопаснее. В местном лесу водятся свои звери.

— Ты не против, если я напрошусь к тебе в гости? Готов тоже обернуться волком, — спросил Второй.

— Наоборот, это высокая честь для меня, — признался блондин. — Я всегда считал, что Древнейшие предпочитают дворцы.

— Я начинающий Древнейший, — объяснил ему Сергей. — И потом, вечерняя пробежка волком поможет прочистить мне мозги. Я слишком уж много узнал за сегодняшний день. К слову, — он ткнул пальцем в картину над столом, — очень похоже на технику Джованни Баттиста. Фантастический шалун был, сожительствовал с муравьедом.

— Наш Торион тоже ого-го, с кем только не сожительствовал, помилуй его Азуран, — заверил его Ульрик.

LOADING...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Помощник Валайи вывел молодого человека самой короткой дорогой из города на широкий тракт, ведущий в сторону леса, темной стеной виднеющегося впереди.

— Перед трансформацией хорошо бы сложить голоса, — предложил он, останавливаясь у двух больших придорожных валунов, исчерченных указательными стрелками.

— То есть как — сложить голоса? — не понял Сергей.

— В сфере Сафери есть такой знак — две волнистые полоски. Если мы выберем их и потом коснемся друг друга ладонями левых рук, то сможем обмениваться мыслями. Это удобно, когда обернешься в животное. Животные не умеют говорить, — объяснил Ульрик.

— Поехали, — согласился начинающий Древнейший.

Они одновременно начертали пальцами в воздухе свои имена, вызвали сложение голосов и соприкоснулись ладонями.

— Кажется, получилось, — услышал в своей голове голос Сергей.

— Получилось, — мысленно отозвался Второй и спросил: — Мы так все мысли друг друга слышать будем?

— Нет, только те, которые хотим, чтобы услышали, — успокоил его спутник и добавил: — Теперь можно трансформироваться.

Сергей вызвал сферу и начал отыскивать на ней значок с изображением волка. К его удивлению, значков оказалось несколько. Не решившись выглядеть в глазах блондина полным профаном, он ткнул в первый попавшийся. Его бросило в дрожь, голова закружилась, да так сильно, что он был вынужден опуститься на четвереньки. Когда через секунду он взглянул на свои руки, то вместо них обнаружил перед глазами мощные лапы с длинными острыми когтями.

— Зачем ты обернулся псом-волкодавом? — услышал он голос Ульрика.

Второй повернул голову и увидел стоящего рядом крупного белого волка.

— Еще не освоил искусство ликантропии, — покаялся он.

— Северные волки выносливей, — подумал белый волк. — Хотя волкодавы, пожалуй, посильней. Но у них плохая репутация в лесу. Ладно, если мы встретим какого-нибудь серьезного зверя, я ему сам все объясню. Побежали.

Сергей послушался и двинулся вслед спутнику по залитой бледным светом молодого месяца дороге. Ульрик скоро соскочил с тракта и помчался прямо сквозь заросли в лес. Второй подивился физическим возможностям своего нового тела — его мощные лапы ритмично молотили землю, увлекая поджарое мускулистое туловище вперед со скоростью рейсового автобуса, его глаза ясно различали в полумраке каждую кочку впереди, а слышал он все звуки леса на несколько километров вокруг. Где-то слева хрустнула ветка под чьей-то маленькой лапой, где-то в километре справа по тракту, переговариваясь друг с другом, шли двое мужчин, кто-то крупный далеко позади шагал по насту из прошлогодних опавших листьев. И запахи! Какими только запахами не был наполнен лес! Запахи вились вокруг, выдавая каждого своего обладателя, даже если он притаился на ветке в кроне самого высокого дерева. Кстати, запахи растительного происхождения и запахи животных значительно отличались друг от друга. Было совершенно невозможно спутать запах молодого ельника с запахом спящего в нем раненого оленя. Раненого! Почему раненого? Потому что пахло кровью.

— Ты чувствуешь? — услышал он мысль бегущего впереди Ульрика.

— Я чувствую кровь раненого оленя, он спит в ельнике, — ответил ему Второй.

— Да, ты напрасно выбрал волкодава, — посетовал белый волк. — Волкодавы всегда на первое место ставят охоту. Это отвлекает от всего остального.

— Я постараюсь это контролировать, — обещал ему Сергей.

— Да уж постарайся, — посоветовал Ульрик. — Если ты трижды в образе попробуешь чью-нибудь кровь, то навсегда останешься волкодавом.

— Приложу все усилия, чтобы не остаться, — заверил Второй, к своему ужасу понимая, что воспоминание о раненом олене не оставляет его.

— Мы скоро будем на месте. Я специально сократил путь, обычно я обхожу эти места. Старайся двигаться тише, рядом Склеп Казириона Безумного, — проинформировал его спутник.

— Кто такой Казирион? — спросил Сергей.

— Казирион — это я, детки, — послышался в его голове вкрадчивый ехидный голос.

— В сторону! — крикнул Ульрик и ломанулся направо.

Ничего не успевший сообразить Второй повторил его маневр, и они выскочили сквозь заросли багульника на освещенную луной поляну. В центре поляны стоял единорог и смотрел на них.

— Детки, — опять послышался тот же голос. — Вы правильно свернули. Мой склеп в другой стороне, но я не в склепе. Я гуляю.

— Мастер Казирион, мы просто шли домой, — сказал Ульрик. — Я решил сократить путь, потому что со мной совсем неопытный спутник.

— Что ж, идите, детки, домой, — мотнул головой единорог. — Я сейчас сочиняю стихи и не буду вас наказывать, иначе меня покинет вдохновение. Только больше не шатайтесь по чужим территориям. А ты, неопытный, — и единорог явственно взглянул на Сергея, — ты не увлекайся случайными певичками. Тебя любит такая хорошая девушка. А тебя пока любить не за что. Идите.

— Благодарим вас, мастер Казирион! — сказал Ульрик и побежал обратно в чащу.

Когда они отбежали от места встречи с единорогом на порядочное расстояние, Ульрик спросил:

— О какой певичке он говорил?

— Меня чуть не совратила одна в Наггароте, — честно ответил молодой человек и полюбопытствовал сам: — Кто такой этот Казирион?

— Один из лучших мастеров Сафери.

— Почему — Безумный?

— Потому что его никто толком понять не может. Говорят, что он когда-то предложил свою любовь одной из Вечных Королев, она роди-

ла ему сына, а потом изгнала из дворца и стала жить со своим конюхом. Сын Вечной Королевы и Казириона во время Великого Раскола эльфов ушел с Малекитом. А сам Казирион навсегда скрылся в лесу.

— Вечная Королева — конюха?!

— Чему ты удивляешься? Да. Вечная Королева — конюха. Что, разве королева не может полюбить простого конюха?

— Нет, я как раз удивляюсь закономерности выбора королев. Они почему-то всегда поэту предпочитают конюха.

— Ты не догадываешься, почему?

— Я не хочу даже думать об этом.

— Вот и Казирион, видно, не хотел, но каждая мысль приводила к этой, тогда он перестал думать вообще и стал Безумным. Кстати, мы на месте.

Сергей замедлил бег и огляделся. Впереди стоял огромный дуб, верхушки его корней, словно паучьи лапы, расползлись во все стороны, кое-где переплетясь друг с другом. Белый волк привычно перепрыгнул через один из этих корневых узлов и скрылся под деревом.

— Заходи, мое логово здесь, — услышал Второй.

Перепрыгнув через корни, он обнаружил неприметный со стороны узкий лаз и пополз внутрь.

Лаз привел его в просторную пещеру, устеленную шкурами. Пещеру заливал уютный желтоватый свет, исходящий от шара под потолком.

— Такие же шары я уже видел в Башне Хоэта, — подумал Сергей.

— Именно оттуда я его и принес, мне Валайа разрешила, — поведал ему Ульрик, успевший стать человеком.

— Сукифингам, — с трудом перекрутил свое имя Второй и вернул себе привычный облик.

— Теперь вернем голоса, долго пользоваться возможностью перевоплощения опасно, отвыкаешь от нормальной речи, — предложил ему хозяин логова. — Техника возвращения такая же — значок с линиями, потом хлопаем в ладоши, только уже правыми.

Сказано — сделано. Скоро новые знакомые уже лежали на шкурах, а Ульрик разливал по двум медным стопкам из большой берестяной фляги обещаную им настойку.

— Как тебе, Древнейший, мое самодельное питье? — спросил он, когда Сергей опорожнил стопку.

— На кедровых орешках настаивал, — уверенно констатировал гость.

— На них, на скорлупках от орехов, — подтвердил блондин. — Такого здесь не сыщешь! Еще?

— Онегаишимас! — протянул стопку Второй и тут же перевел: — Это значит — с большим удовольствием. По-японски. Сосед-айкидока научил.

— Хай! — хитро сощурившись, чокнулся с ним Ульрик.

После четвертой стопки захотелось и побеседовать, тем более что это и являлось основной целью их знакомства.

— Что же, Древнейший, ты хочешь знать? — подперев голову рукой, спросил Ульрик, сидящий на оскаленной медвежьей морде, венчающей огромную бурую шкуру.

— А что ты знаешь? — вопросом на вопрос ответил Сергей.

— Почти все, что знает Валайа.

— Ладно. Перейдем к истории. Как все началось, и что происходит сейчас?

— Началось просто — сначала Древнейшие создали идеальный мир для отдыха и познания, который под руководством Магнификуса Первого обслуживали Лизарды. Большие, неповоротливые, но очень хозяйственные создания. Похожи были на лягушек.

— Тьфу ты! — брезгливо поморщился Второй.

— Но зато очень хозяйственные, — повторил хозяин логова. — Лизардам прислуживали Сланны. Тоже очень умные. Все звезды пересчитали, все горы обмерили. Все записали в книги. Сланнам прислуживали Скинки. Эти только охраняли территории Древнейших. После ухода

Магнификуса Первого Лизарды со Сланнами исчезли, а Скинки одичали. Ужасные чудовища! Я однажды пытался изучить район на Юге, где они обитают, так еле лапы, то есть ноги, унес. За мной полдня гнался ящер с пастью размером с эту пещеру. Есть версия, что драконы как вид ведут происхождение от одной летающей разновидности Скинков.

Ну, пойдем дальше: потом Древнейшие устали отдыхать в своих волшебных дворцах на юге и решили поиграть. Они создали эльфов и гномов. Поиграли с ними. То эльфы побеждали, то гномы. Через пятьсот-шестьсот лет Древнейшие привыкли и к тем, и к другим. Древнейшие начали скучать. Решили создать что-то неприятное, к чему нельзя привыкнуть. Создали орков и гоблинов. Но эльфы и гномы сами легко справлялись с ними. Само собой, были грандиозные сражения, и в них иногда побеждали орки или гоблины, но эльфы с гномами быстро отыгрывались.

И тогда Моор придумал Хаос. По его просьбе Первый создал четыре существа направляющие силы Хаоса: существо изменения — Тзинч, существо насилия — Кхорн, существ разложения — Нургл и существо порока — Слаанеш. Все они составляли единое понятие — Хаос Неделимый — и все они частично обладали способностями друг друга. Тзинч изменял сознание людей, и они превращались в сумасшедших живодеров, Слаанеш развращал невинные души.

В определенное время, чаще весной, через Черный Портал на Севере в мир поступает поток энергии, который питает искусство сафери и заодно наделяет силами Хаос. Напоенные силой демоны Хаоса выходят из своих укрытий и отправляются на охоту. Они набирают себе огромные армии из попавших под их влияние существ, раса не имеет значения. Набрав армию, Хаос начинает поход против всех сразу. На момент поступления потока энергии у Хаоса ее всегда больше, потому что Хаос ближе к источнику.

Со временем выяснилось, что существ, не способных противостоять темной стороне своей души, очень много, больше, чем предполагалось в начале. И на данный момент Хаос — самая перспективная боевая единица. Оно и понятно: что может быть лучше безумия, тще-

славия, саморазрушения и порока для войны?! Плюс, конечно, — энергия!

Однажды Хаос чуть не уничтожил всех. Это было бы неинтересно, и Древние дали задание Лизардам создать воронку, которая забирала бы лишнюю энергию и держала относительное равновесие. Воронка находится здесь — в центре Ультуана. Потом родился Тордион, и Древние взялись за образование империи людей, чтобы Тордион не оказался в обществе дикарей. Раньше людьми никто не занимался. Эльфы и гномы куда интереснее. За короткий срок люди построили себе города, овладели ремеслами, развили науку.

Но дальше все пошло наперекосяк: Первый исчез, Лизарды исчезли вместе с ним, воронка разрушилась, и Хаос начал наступление. Люди создали свои империи, эльфы раскололись, гномы тоже. Древние встревожились и приказали эльфам восстановить воронку. Эльфы ее восстановили. Все пошло по-старому. Вот и вся история. Я понятно рассказал?

— В общих чертах, — откинулся на шкуры Второй и спросил: — Твоя роль в этой истории какая?

— Я был первым, с кого Древние начали образование полноценной расы людей. Я — Верховный бог этой игровой единицы, — не без гордости сообщил Ульрик.

— Ты знаешь об «Игре»? — удивился Сергей.

— Конечно! — ответил «верховный». — Древние прилетели с далеких звезд на серебряных кораблях, чтобы поиграть для своего удовольствия.

— Да ты все знаешь, — разочарованно вздохнул гость, привыкший за это время к общей осведомленности в происходящем. — Но как же тебя угораздило попасть на такую высокую должность?

— Чистая случайность. Когда-то люди моего племени на Севере чуть не убили меня, Хаос зачем-то превратил в белого волка, а Валайа вернула мне человеческий облик и поручила руководить людьми.

— Кто тогда Сигмар?

— Тоже человеческое божество, я взял его себе в помощники еще ребенком из одного племени, тоже на Севере, и теперь он следит за порядком у людей.

— Ты знаешь, что есть люди, которые считают Сигмара, а не тебя Верховным богом?

— Что ж, это справедливо. Последние несколько тысяч лет я гораздо меньше занимался судьбами людей, чем Сигмар. Я постоянно с Валайей. Только когда назревает очередная война, Древнейшая отпускает меня к людям.

— Суровая оценка своего положения.

— Волчья.

— Валайа всегда на Ультуане?

— Нет, иногда у гномов, чаще всего в Империи.

— У гномов веселее?

— Гораздо. Хотя тоже есть свои, гномьи-бородатые особенности. Но пиво отличное, и мастера они на все руки.

— Вспомнил! Кто такие Гортрек Гурниссон и Феликс Ягер? Гномы?

— Нет. Гортрек — гном, а Феликс — человек. Они всегда вместе ходят. Наемники.

— Почему их так скейвены ненавидят?

— Эта парочка задала крысам жару в одной битве. Много перебила. Очень много.

— Разве бывает, что гном и человек всегда вместе?

— Редко. Но эти всегда вместе. Гортрек ищет смерти, а Феликс пишет книжонки про их приключения и продает их в имперских книжных магазинах. Плохонькие книжонки. Я читал одну. Мягко говоря, не Беовулф.

— Чего же этот гном так ищет смерти?!

— Гортрек был когда-то послом гномов у эльфов. Ему отрезали бороду. Теперь как любой уважающий себя гном он ищет смерти. Серьезная война из-за этой бороды произошла.

— Кто победил?

— Никто. Гномы отобрали у эльфов корону Королей Фениксов, а эльфы разорили несколько городов гномов.

Второй зевнул и растянулся на меховом ложе. Он почувствовал, как необоримо смыкаются его веки, а голос хозяина логова звучит все глуше и глуше. Так и уснул.

— Магнификус! — сквозь сон проник в его сознание голос Ульрика. — Рассвет. Надо бежать.

Сергей раскрыл глаза и увидел, что помощник Валайи сидит перед небольшим костром и что-то варит в котелке. Пахло вкусно.

— Суп, — сообщил Ульрик и протянул гостю деревянную ложку.

Второй зачерпнул из котелка. Суп оказался отменным.

— Наваристый, — похвалил гость.

— Из оленины, — сказал блондин и, не дожидаясь вопроса, добавил: — Зачем было добыче пропадать? У бедного животного три стрелы торчало в брюхе. Не жилец. Я и так ему до рассвета времени дал.

Сергей огорченно крякнул, но ложки не отложил.

— Как же мы до Башни Хоэта доберемся, ведь это очень далеко от Лорейна?!

— Нам и не нужно в Башню, — ответил Ульрик, тоже с удовольствием черпая своей ложкой из котелка суп. — Валайа приказала доставить тебя на баржу Фунибара. Ты плывешь на Остров Мертвых. В самый центр Воронки.

— Ты и к Валайе успел смотаться, пока я спал? — удивился молодой человек.

— Нет, — покачал головой блондин, — все вчера решили.

— Почему мне не сказали? Что я, собственно, должен на острове с этим неприятным названием делать?

— Искать ответы на вопросы, — невозмутимо ответил Ульрик.

— Что же за остров такой?

— Я тебе вчера рассказывал. В центре этого острова находится Великая Воронка, куда уходит вся лишняя энергия. Ее сначала сделали Лизарды, потом разрушили при гражданской войне на Ультиане, потом

опять восстановили. Каледор Пророк восстановил и его помощники. По мнению Валайи, они до сих пор где-то там.

— Как там?

— Вот так — там. Не могут выйти.

— Таал и Валайа там были?

— Нет. Они не могут. Никто не может, кроме хозяина Четырнадцатого принципа.

— Но почему?

— Все потому же — условия игры.

— Я начинаю крепко недолюбливать своего предшественника. Он явно перестарался с этими условиями. Мне самому нравится это число — четырнадцать; четырнадцать регенсбургских святых угодников, четырнадцать планет системы Икзистар и еще с десяток вариантов, но чтобы все по четырнадцать... Перебор, честное слово.

— Не хочу иметь своего мнения по этому вопросу, — нахмурился помощник Валайи, отложил в сторону ложку и поднялся на ноги. — Время, Древний, время.

Пробежка в собачьем обличьи по утреннему лесу очень взбодрила Сергея. Мысли начинали приходить в порядок.

— Так, — размышлял он, проламываясь сквозь влажные от росы кустарники. — Пресловутые Древние не могут изменить условий игры и сами уничтожить этот портал. На меня возложена большая ответственность, причем без моего предварительного согласия. Молодцы! Хотя, с другой стороны, там я уже миллионер, здесь есть вариант пожить на несколько тысяч лет больше. Наконец появится время на изучение иностранного языка и правил игры в го. Тупик, товарищи! И я в нем по самое некуда.

— За оврагом по ручью побежим, — услышал он мысли Ульрика.

— Боишься на Казириона наткнуться? — спросил он.

— Очень боюсь, — подтвердил его догадку белый волк.

И тут, словно судьба насмехалась над ними, Второй опять услышал вкрадчивый, как шелест листвы, голос мастера-отшельника:

— И это правильно, детки, очень правильно!

— Как же так, уважаемый Казирион? — воскликнул Ульрик. — Мы даже лапой не коснулись вашей земли?!

— А я опять гулял, — ответил голос Казириона. — Меня посетило вдохновение, и я решил погулять еще.

— Но!.. — отчаянно взвыл белый волк, резко останавливаясь.

— Да, — продолжал отшельник. — Именно но... Меня посетило вдохновение, но еще меня посетил очень неприятный гость. Глупец и грубиян. Очевидно, этот нахал шел по вашим следам. Он там, в конце оврага. То, что от него осталось, там. В конце оврага. А вы бегите, лапа на самом деле не коснулась. Уважаю щепетильность в вопросах личной независимости. Бегите, детки. Бегите скорее.

Белый волк рванул дальше, и Сергей помчался за ним.

Казирион не обманывал: лужайка в конце оврага походила на мясную лавку в момент ревизии. Даже на островках мха, свисающих с глиняных откосов, запеклась густая кровь. В центре лужайки валялось огромное тело в шипованных доспехах. Отделенную от тела голову покойника кто-то аккуратно водрузил на верхушку большого муравейника, а двуручным «спадоном» в человеческий рост тот же «шутник» проткнул насквозь ствол дерева рядом.

— Кром Завоеватель, Предвестник Архаона, — подойдя ближе к голове, определил Ульрик. — Как он сюда попал?

— Предвестник? — не понял Второй.

— Один из лучших бойцов демона Архаона, правой руки Кхорна, — терпеливо объяснил спутник. — Тот всегда его посылал для выполнения особо важных поручений. Так, понимаю, он хотел тебя убить. Не стоило ему хамить Казириону.

— Ой, не стоило, — согласился Сергей, внутренне содрогаясь от увиденного. — Радира предупреждала меня, что ваш кровожадный демон кого-то послал за мной. Только я не понимаю смысла — ну убил, ну я возродился через минуту опять?!

— Зачем сразу убивать? — резонно заметил Ульрик. — Можно отрубить ноги и утащить к своему повелителю.

— Ноги, утащить?! — ужаснулся Второй и предложил: — Побежали скорее!

— Побежали, — поддержал его белый волк.

Примерно через километр от места побоища они выскочили на берег моря, обернулись людьми и зашагали в сторону белеющей вдали на волнах королевской баржи.

— Дальше иди сам, — остановился Ульрик и перед тем как удалиться, нарочито равнодушно поинтересовался: — Ты назвал одно имя — Радира. У нее есть шрам над правой бровью?

— Есть, — подтвердил Сергей.

— Где ты ее видел?

— В Наггароте.

— В Наггароте, — задумчиво прошептал блондин и попрощался: — Удачи тебе, Древний.

— Тебе тоже, — кивнул ему Второй и они, повернувшись друг к другу спинами, зашагали каждый своей дорогой.

LOADING...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лодка ждала его. На веслах сидел сам Фунибар.

— Думал, что ошибся местом, — поприветствовал он Сергея. — Решил вот руки размять.

— Рад вас видеть, Ваше Величество! — забираясь в лодку, ответил молодой человек. — Как мои спутники, Кастор и Поллукс? Не наделали глупостей?

— Вилли и Йохан? Нет, что Вы! — успокоил его Король Феникс. — Давно не получал такого удовольствия от общения. Мы с ними обошли все городские музеи и выставки, были в зоопарке и пересмотрели треть королевской библиотеки. Совершенно удивительные люди. Сейчас они спят на гномьем корабле. Жалко было расставаться, однако взять их с собой не представлялось возможным — во внутренние моря могут попасть только эльфы. Вилли прочел мне несколько глав из своей «Либер Демоники». Попомните мое слово — придет время, и эта книга станет украшением любой библиотеки. Я приказал выдать им немного денег на издание первого тома.

— Да, Вилли времени зря не теряет, — усмехнулся Сергей и осторожно спросил: — Мне сказали, что я должен плыть на Остров Мертвых.

— Мне тоже сообщили, — погрузил весла в воду Король Феникс. — Большая честь для меня. На Остров Мертвых много веков не ступала ничья нога.

— Это опасно?

— Пока еще оттуда никто не вернулся, так что у меня ответа нет.

— Простите за глупое любопытство, но как вы общаетесь с Древними?

— Обычно, как с богами.

— То есть как?

— Через жрецов. Приходит жрец Азурана и сообщает их волю.

— Откуда вы знаете, что это точно их воля?

— Жрецы не лгут.

— Выходит, я первый и единственный Древний, с которым вам приходилось встречаться?

— Выходит, так.

— А другие Короли Фениксы и Вечные Королевы общались?

— Я не слышал. Хотя, по-моему, Лормастер Теклис имеет непосредственную связь.

— Давайте я помогу вам грести, Ваше Величество, — предложил молодой человек.

— Не надо, мне нравится, — отказался венценосный эльф. — Вы еще успеете поработать веслами.

Лодка подплыла к барже, и Сергей с Фунибаром поднялись на борт. Строгие телохранители правителя Ультуана рассредоточились по бортам. Король пригласил гостя присесть за стол на носу баржи.

— Трапезничать будете? — спросил он.

— Пожалуй, позже. Сыт, — рассказал Второй. — Мой провожатый на берегу нашел раненого оленя и приготовил из его мяса суп.

— Как странно, — удивился Фунибар. — В окрестных лесах Лорейна запрещена охота. Тем более на оленей. Из чего его ранили?

— Три стрелы в животе.

— Жалко, что вы не прихватили их с собой. По оперению стрел можно было бы определить, кто нарушает приказы короля.

— Неужели и эльфы могут нарушать приказы?

— Могут, но для природы эльфов это крайне губительно. Эльфы — существа, склонные к радикальным решениям. Если они нарушили один приказ, значит, они автоматически не подчиняются всем остальным.

— Люди тоже такие.

— Для людей на такое изменение нужно время, для эльфов — нет. Послать стрелу в оленя или в короля — одно и то же.

— Может быть, вы драматизируете, Ваше Величество?

— Я слишком хорошо знаю свой народ.

— Но это могли быть и не эльфы.

— Это невозможно. В наши леса нет доступа чужим.

— Почему невозможно?! Меня этой ночью хотел убить посланник Хаоса.

— Посланник Хаоса?!

— Кхорна.

— Еще хуже.

— Почему?

— Во внутреннее пространство нашего материка официально ведет только один путь — Лорентийский пролив. Там птица не пролетит.

— Официально. А что, есть и неофициальные лазейки?

— Да, но о них знают только несколько представителей высшей знати. Получается, опять предательство. И не подумайте, что это моя больная фантазия.

— Я и не думаю.

— Думаете. Однако уверяю вас, что в своих домыслах руководствуюсь только принципами Королей Фениксов — разумом, способностью понимания, способностью суждения и рассуждения. Хотя, конечно, это ничего не гарантирует, — печально вздохнул Король Феникс и вытянул руку вперед: — Наше место назначения.

Сергей посмотрел в указанном направлении. Вдали, над морской гладью, появился туман. Очень странный туман — не расстилающийся как обычно сплошным фронтом, а состоящий из тысяч полупрозрачных колонн, в промежутках которых виднелась темная прибрежная полоса.

— Туман Острова Мертвых, — тихо сказал Фунибар, не отводя от приближающегося берега взгляд. — Еще немного, и вы поплывете на лодке один. Нас не пустят.

— Мы быстро добрались, — заметил Второй.

— В этой части моря свое время и свое пространство, — загадочно заявил Король Феникс. — По моему ощущению, наша короткая бесе-

да заняла не больше пяти минут, но внутренний берег материка от берега Острова Мертвых отделяют сутки плавания. При попутном ветре — сутки. Убежден — вас ждут там.

— Тогда я пойду, — согласился Сергей, понимая, что особого выбора у него нет.

— Моя личная просьба, — попросил Фунибар, — вернитесь.

— Я постараюсь, — пообещал Второй.

— Вот еще, — остановил его Король Феникс и достал из кармана золотую монету. Он подкинул монету в воздух, и она зависла над столом, медленно вращаясь вокруг своей оси.

— Понимаете? — спросил Фунибар.

— Нет, — честно признался Сергей, наблюдая за монетой.

— Здесь все так, — сказал Король Феникс и взял монету. — Очевидно, многое и не нужно стараться понять, нужно принять все как есть.

— Постараюсь, — снова пообещал Второй и спустился в лодку.

Проведя лодку сквозь туманную колоннаду, он вышел на песчаный берег и огляделся. Пышной растительностью Остров Мертвых не отличался. Отовсюду из земли торчали невысокие кустарники омелы. Под ногами хрустел крупный желтоватый песок. Второй попытался запомнить расположение кустарников в качестве ориентиров для возвращения обратно и медленно пошел вперед. Перед ним лежала равнина, бескрайняя, поросшая все той же омелой. Сергей шел и шел, но ничего не происходило. Неожиданно под ногами что-то хрустнуло. Он опустил глаза. Кости. Непонятно, кому они принадлежали — людям или эльфам, но костей становилось все больше и больше. Вскоре на земле не оставалось свободного от них места. И если прежде Второй пытался переступать через истлевшие останки, то теперь у него просто не было выхода, и он шел прямо по костям. Они с треском рассыпались в прах под подошвами сапог путника. Стало быстро темнеть. В считан-

ные минуты наступила ночь. В небо, будто брошенная рукой великана, взлетела большая полная луна. Взлетела и застыла на одном месте. В ее свете Сергей различил очертания какого-то строения впереди. Подойдя ближе, он понял, что это трехметровые каменные стелы, вкопанные в землю кругом и сплошь исчерченные рунами. Руны светились в темноте мягким голубоватым светом.

— Не ищи и не потеряешь, потому что твои поиски только уводят от истинной цели, твои победы станут твоими поражениями, твои надежды приведут к разочарованиям, — прочел он на одной из каменных глыб, прочел и лишь потом осознал, что читает на языке, которого никогда не знал.

Второй отвлекся от надписи и заметил впереди фигуру. Некто стоял в центре окруженного стелами пространства. Сергей шагнул к неподвижно стоящей фигуре.

По мере его приближения фигура начала поворачиваться к нему лицом. Путник уже различал вытянутый бледный овал лица, прямую линию носа, темные глаза, пристально смотрящие на него.

За несколько метров до незнакомца Сергей остановился.

— Ты Каледор Пророк? — спросил он, точнее, даже не он, а какой-то «второй» Сергей, вынужденный вступить в лишенный смысла разговор, чтобы Второй не остался один.

Незнакомец едва заметно кивнул.

— Я знаю, что хотел спросить? — продолжил тот, кто спрашивал для Сергея, и даже не он, а уже «третий» Сергей, помогающий «второму» сформулировать вопрос.

В ответ последовал еще один кивок.

— Я знаю ответ? — поддержал «третьего» «четвертый», просто сочувствующий «третьему», находящемуся в нелепом положении из-за «второго».

Опять кивок.

— Все-таки одного ответа у меня нет. Что такое «Четырнадцатый принцип»? — наконец перехватил у самого себя инициативу Сергей.

Фигура подняла руку и показала на стоящие вокруг камни.

Руны на плитах сверкнули, и многотонные стелы бесшумно приподнялись над землей. Они закружились вокруг, пока одна из них не оказалась за спиной молодого человека. Он обернулся и прочел на ней одно слово: «Ничто».

Сознание Сергея наполнило ошеломляющее чувство простора, бесконечно опасного, но столь же бесконечно желанного и предопределенного. Озарение длилось всего долю секунды, но когда он взглянул на место, где только что находился Каледор, его уже там не было. Впереди, освещенная лунным светом, петляла узкая тропа. Второй интуитивно пошел по ней к возвышающейся впереди черной пирамиде. Он был готов поклясться, что раньше ее не было.

Добравшись до верхней площадки, Второй остановился у кубической формы камня, из которого торчал темный клинок. На нем переливались алым огнем четко выгравированные руны.

— «Я — твоя победа и гибель», — прочел вслух Магнификус и так же вслух добавил: — Надеюсь, что это так. Победа и гибель, в итоге — Ничто.

Он взялся за рукоять, легко вытащил меч из камня и зашагал обратно.

Едва его нога коснулась тропы, земля дрогнула, по темной стене пирамиды с хрустом поползла паутина трещин, над головой с оглушительными криками пронеслась стая птиц. Из образовавшихся в стенах ритуального сооружения трещин начала сочиться вода.

Второй повернулся и побрел к берегу.

По пути он старался не думать, потому что боялся утратить единственное знание, приобретенное на Острове Мертвых. Это знание не могло быть облечено в словесную форму. Это было странно, но абсолютно понятно. Ничто не могло быть ничем, в том числе и знанием. Ничто можно было выразить только с помощью тишины, абсолютной тишины.

— Ну что ж, — уже выходя на прибрежную гальку, решил путешественник. — Так тому и быть.

Фунибар не стал досаждать Сергея распросами, но тот первый завел разговор.

— Ваше Величество, — обратился он к Королю Фениксу, — Вы хорошо знаете этот мир?

Повелитель Ультуана понял, что его собеседника коснулось какое-то значительное изменение. Это уже не был тот человек, кого он привез на Остров Мертвых.

— Немного знаю, — признался Король Феникс.

— Я тут поговорил сам с собой, на четыре голоса, и, можно сказать, что в определенном плане достиг стадии имаго, то бишь «зрелой» бабочки, — пояснил Второй. — И некто бесплотный, но удивительно конкретный любезно доверил мне этот превосходный клинок для военных забав. Что это за игрушка?

— Это не игрушка. Это потерянный во время первой войны с Хаосом меч Кхеине, — с опаской разглядывая оружие, ответил Фунибар. — Только он не для забав. Меч Кхеине погубил много жизней.

— Чем же он так опасен?

— В нем огромная сила, владеть такой силой и не лишиться рассудка — почти невозможно.

— Невозможно для тех, у кого этот рассудок есть, а я свой оставил на острове с еще одним мерзким названием, — возразил его собеседник, рассекая мечом воздух перед собой. — Это то, что надо! И форма мне нравится — классический фламберг! Смотрите, как грациозно извивается его лезвие!

Фунибар укоризненно покачал головой, осуждая такое легкомысленное отношение к легендарному и не менее зловещему оружию.

— Будьте почтительнее, — из самых лучших побуждений опять попросил он молодого человека. — Все-таки это меч бога Войны.

— Поймите, Ваше Величество, — объяснил ему Магнификус. — Насколько я понимаю, Каледор Пророк сделал мне предложение. Весь фокус заключается в том, что каждый обладающий этим мечом и есть бог Войны. На нем же написано: «Я — твоя победа и гибель».

— Это вас не пугает? — поинтересовался Король Феникс.

— Наоборот — это меня вдохновляет, — ответил Второй и добавил: — Разве вы ожидали чего-то иного? Победа и гибель — сама суть войны.

— Конечно, я согласен, — вздохнул Фунибар. — Но меня всегда больше интересовала первая часть.

— Без второй она не имеет смысла, — резонно заметил Магнификус.

Король Феникс в свою очередь задал вопрос:

— Так с кем же вы собираетесь воевать?

— Со всеми, — по-прежнему весело подкидывая меч в руке, сообщил молодой человек и добавил: — Со всеми, кому это нравится.

— Тогда я дважды с вами, — серьезно заявил Фунибар. — Потому что мне лично это не нравится.

Течение быстро несло баржу на север. Путешественники сидели за резным столиком на корме и потягивали из высоких чашек эльфийский кофе.

— Остров Мертвых, — повторял вслух Второй. — Какие же скверные названия придумали предки! Ваше Величество, давайте переименуем это место в Остров Надежды?

— Придется переделывать все морские карты, — засомневался Фунибар.

— Прекрасно! — улыбнулся Магнификус. — Этот титанический труд мы поручим Вилли. Он наймет в своем университете необходимое количество опытных картографов, и они все сделают. Представляете, морские карты до эпохи Короля Феникса Фунибара Морехода и после?!

— Умоляю, Древнейший! Не играйте лишний раз на слабостях друга, — засмеялся Король Феникс. — Вы же знаете, что все эльфы патологически тщеславны.

— Не буду, Ваше Величество, хотя страшно хочется, — засмеялся в ответ Магнификус. — Названия просто отвратительные. А представ-

ляете, как обрадуется Вилли?! Восторжествует, можно сказать, бродяга! На добрую половину выделенного бюджета он издаст свою «Либер Демонику». Уверен.

Где-то ближе к полуночи Король Феникс указал ему на свечение в ночном небе.

— Сияние Детских Снов, — объяснил Фунибар. — Не знаю, почему так называется, но очень красиво!

Второй взглянул наверх и невольно тоже залюбовался переливами света в небе. На неимоверной высоте, чередуясь друг с другом, появлялись призрачные очертания фигур разных цветов. Изумрудные парусники сменялись алыми слонами, тех, в свою очередь, вытесняли оранжевые мячи, а сразу за ними из пустоты появлялись бирюзовые птицы, и так до бесконечности.

— Ваше Величество, а у вас есть дети? — спросил Магнификус, очарованный небесной фантасмагорией.

— Есть, — ответил Король Феникс. — Девочка. Но я не могу с ней видеться.

— Почему?

— Сразу после моей коронации жена забрала ребенка и уехала к своей сестре на другую часть материка.

— Вы поссорились?

— Нет. Но вместе с короной мы получаем обязательства — зачатие с Вечной Королевой будущей наследницы и забота о благе народа.

— Ну и что?

— Моя жена — верная дочь Ультуана.

— Как я понимаю — она вас отпустила для выполнения королевских обязанностей?

— Совершенно верно.

— Так в чем проблема? С Вечной Королевой у вас не получается, вернитесь в семью.

— Я бы вернулся...

— Понял — жена не хочет.

— Да, она уверена, что у меня была связь с Вечной Королевой.

— А что, связи не было?

— Конечно, не было! — вспылил Король Феникс. — Что я им, конь-производитель? Я не люблю Вечную Королеву!

— Так вот почему вас недолюбливает красавица Алариэль! — хохотнул Второй.

— Что вас так развеселило?! — раздраженно спросил Фунибар. — Да. Я не хочу вашу красавицу Алариэль! Я предупреждал об этом всех, кто участвовал в моем избрании! Но они посчитали, что трон вытеснит из моей головы мою семью. Переубедить их не представлялось возможным.

— Не хочу, конечно, критиковать благородные обычаи вашего народа, но эта история с зачатием наследницы от малознакомой гражданки — дикость какая-то!

— Объясните это Древним, — устало опустился в соседнее кресло Король Феникс.

— Попытаюсь, — пообещал Магнификус, но добавил: — Хотя это бесполезно.

— Отчего же? — спросил Фунибар. — Устанавливать законы расы — привилегия Древних.

— Нет, — отрицательно покачал головой Второй. — Это только моя привилегия.

Царственный собеседник недоуменно посмотрел на Магнификуса.

— Моя, — повторил тот. — Но для этого мне нужно достать еще четыре такие штуки, — и он вытащил из кармана «принципы».

— Где достать? — крайне заинтересовался Король Феникс.

— Они у Хаоса, — сообщил Древний.

— У Хаоса?! — оторопел Фунибар.

— У него, негодника, — кивнул Второй, убрал «принципы» обратно в карман и наугад полюбопытствовал: — Вы курите?

Король Феникс озадаченно крякнул, потом воровато покосился на стоящих по обоим бортам строгих телохранителей и шепнул:

— Пойдемте в каюту.

Освещенная со всех сторон невидимыми источниками, Белая Башня Хоэта показалась на горизонте задолго до рассвета. Магнификус и Фунибар вышли из каюты на палубу, когда металлическая дорожка уже примкнула к правому борту баржи.

— Вы не знаете, я здесь останусь или вы меня дождетесь? — спросил Второй и протянул Королю Фениксу руку.

— По-моему, мне надо дождаться, — пожал ее Фунибар.

— Тогда не прощаюсь, — кивнул Магнификус, вступил на дорожку и зашагал к Башне.

— Как прогулялся? — поинтересовалась у него Валайа, распахивая перед ним резную дверь Зала Решений.

— Отменно, — ответил Второй, проходя внутрь.

За столом его уже ждал Таал.

— Узнали что-нибудь новое? — даже не здороваясь с вошедшим, спросил он.

— Неприятное место, — усаживаясь напротив Древнего, пожаловался Магнификус.

— Это мы и сами знаем. Есть идеи? — нетерпеливо заерзал в кресле Таал.

— Мне сказали, что они есть у вас, — сообщил Второй и выложил на стол добытый меч.

Древний радостно хлопнул ладонью по столу и повернулся к женщине:

— Меч Кхеине! Отличная добыча!

Валайа задумчиво погладила ладонью холодное лезвие и подняла глаза на Магнификуса.

— Ты уверен, что у тебя с ним получится? — спросила она его.

— Я не знаю, — честно признался он и спросил: — Но если получится, какие дальнейшие планы?

— Отобрать остальные принципы и уничтожить Черный Портал. Потом ты можешь остаться с нами или вернуться домой. Ты же очень

богат, — проинформировал его Таал, не отводя любопытного взора от зловещего клинка на столе.

— Это как — остаться с вами? — уточнил Магнификус.

— Капсулы с нашими телами опустят на дно океана, а шахту зальют бетоном. Отличным бетоном вперемешку с титановой сеткой. Жизнеобеспечения капсул хватит на двести лет с лишним, хотя, я думаю, мы проживем не больше ста. Но сто лет там — полмиллиона лет здесь, — ответил Древний.

— Большая цифра, — согласился Второй и добавил: — Не наскучит нам столько жить?

— Мне — нет, — усмехнулся Таал. — Я люблю жить. И здесь время по-другому ощущаешь.

— Мы скоро очень изменимся, — добавила Валайа, но Магнификус успел заметить в ее взгляде что-то похожее на растерянность или испуг.

— А я еще не уверен, — вздохнул Второй и встал. — Но делать нечего. Будем спасать миры изо всех сил. Какие наши действия?

— Не наши — твои, — поправил его Древний.

— Что значит — твои?! — не понял Магнификус. — Вы не собираетесь присоединиться к компании?

— Нам нельзя, — грустно ответила женщина. — Мы не имеем права.

— В смысле? — растерялся Второй.

— Игра рассчитана на двоих. Если к одному из игроков присоединяется третий, игра автоматически удваивает силы одиночки за счет свободного игрока, — сообщила Валайа. — То есть тогда либо я, а со мной гномы и люди, либо Таал и азуры станут вассалами Хаоса.

— Но как прикажете действовать? — раздраженно поинтересовался Магнификус. — Одному с мечом бегать за демонами?

— Почему одному?! — пожал плечами Древний. — Есть наемники. Золотом мы тебя обеспечим. Много золота дадим. Не сердись — это условия игры. Соберешь все принципы — изменишь.

— Можете не сомневаться, — серьезно пообещал Второй и спросил: — Где мне отдохнуть?

— Баржа ждет, — сказала Валайа. — Плыви на корабль Торгрима. Он знает, что нужно сделать. Пойдем, я тебя провожу, — и она взяла Магнификуса под руку.

Во время путешествия вниз на диске женщина склонилась к молодому человеку и шепнула:

— Найди Тордиона. Посоветуйся с ним и попроси научить сафери. Тордиона можно найти в Империи, в городе Нульне. Он преподает в тамошнем университете этику. Я тайком его иногда навещаю. Кстати, и эта взбалмошная революционерка, у которой ты с Ракартхом встречался, часто посещает его семинары. Очевидно, это Тордион ей и набивает голову всякой чепухой.

— Наола?!

— Да. Вижу, она тебе нравится. Хороший выбор. Я когда-то была такая же. Но об этом потом. Сначала война. По правилам игры ее нужно официально объявить.

— Еще и войну надо объявлять? — удивился Магнификус. — Кому?! Демонам?

— Моору. Формально Хаос — все еще его сила, — ответила Валайа. — Только не пугай его.

— А где Моора искать, тоже в Империи?

— Нет. Моор давно не покидает свое королевство.

— Какое?

— Естественно — Смерти. Королевство Смерти. Он же бог Смерти.

— Но как я до него доберусь? — не сообразил Второй.

— Все очень просто, — улыбнулась ему женщина. — Третья смерть — и направо.

— Мне это совсем не кажется простым. Что это значит?

— Сам поймешь. Программа в программе: третья смерть — и направо.

— Кошмар! — тяжело вздохнул Магнификус. — Лишь бы мне до полной победы не свихнуться окончательно. Очень много вы тут напридумывали.

— Что поделаешь! — согласилась с ним женщина, выводя из Башни к берегу. — У нас огромный мир. Миллионы жизней. Многотысячелетняя история. И это еще не все.

— Что может быть еще? — уже вступая на металлическую полосу трапа, полюбопытствовал Второй.

— Посмотри наверх, — попросила Валайа.

Магнификус поднял глаза к ночному небосклону, усыпанному звездами:

— И что?

Женщина хитро сощурилась и сообщила ему:

— Это реальные звезды.

— Как реальные? — не поверил он.

— Вот так — реальные, — подтвердила Валайа и показала наверх: — Видишь, вон там созвездие — четырнадцать звезд крестом и одна в верхнем правом углу? Это созвездие Сафери. Три с половиной тысячи лет назад мне стало грустно, я обернулась искрой и стала со скоростью света подниматься к звездам. Через десять часов полета я добралась только вон до той планеты, — и она ткнула пальцем на одну из мерцающих сверху точек. — Планета оказалась чуть меньше нашей и без признаков атмосферы. Но реальной. У нее три спутника. Отсюда их не видно. Потом я испугалась, что не найду дорогу обратно, и повернула назад. По возвращении я отправила в небо два «умных» луча и приказала им вернуться, когда они доберутся до какого-либо предела. Они не вернулись до сих пор.

— Вы хотите сказать, что Корин создал вторую Вселенную? — удивился Второй.

— Так получается, — подтвердила женщина и на прощанье погладила его по плечу. — Иди. Да, не забудь — найди Тордиона. По-моему, он разбирается в происходящем лучше, чем мы.

Фунибар ждал его. Как только Магнификус вступил на борт баржи, он тут же бросился к нему с расспросами:

— Что они сказали? Мы можем действовать?

— Я могу, а вам, Ваше Величество, запретили, — разочаровал Короля Феникса Магнификус. — Они сослались на эти проклятые условия игры.

— У меня есть свое мнение на этот счет! — зло покосился на Башню Фунибар.

— Нельзя, — покачал головой Второй. — Если вы нарушите условия, Хаос станет сильнее.

— Что же делать?! — расстроился Король Феникс.

— Нагрузить корабль Торгрима до краев золотом. Мне нужно будет нанять целую армию наемников.

— Наемники всегда могут предать, — предупредил Фунибар.

— Ничего. Они мне нужны только для декорации. Как отвлекающий маневр, — приободрил его Магнификус. — И не забывайте, Ваше Величество, что меч Кхеине в моей руке! — и он поднял клинок к «реальным» звездам.

К полудню баржа Короля Феникса встала борт к борту «Луи XIV».

— Дружище! — закричал со своего корабля гном. — Ты видел ее?

— Видел, — крикнул ему в ответ Второй.

— Ну и?.. — нетерпеливо поторопил с ответом Торгрим.

— Ты был прав — «Сверкающая» изысканней! — признался Магнификус.

— О чем вы говорите? — не понял Фунибар.

— О Сверкающей Башне и Башне Хоэта, — пояснил Второй. — Торгрим просил меня сравнить.

— Я не согласен, — высказал свое мнение Король Феникс, скрываясь от глаз гнома за раскрытой дверью каюты. — Белая Башня Хоэта имеет гораздо более изысканные формы.

— Не разочаровывайте его, — шепотом попросил Магнификус. — Он же никогда не сможет увидеть Башню Хоэта.

— Только ради вас, — смирился Фунибар. — Но и врать я не буду, я промолчу.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — поблагодарил его Второй и крикнул Торгриму. — А где Вилли с Йоханом? У меня к ним есть несколько заманчивых предложений.

— Спят, — махнул рукой тот. — Всю ночь по местным кабакам шатались. Будить?

— Да нет, — решил Магнификус и обратился к Королю Фениксу: — Когда мы сможем подготовить корабль к отплытию?

— На доставку и погрузку золота потребуется не менее часа, — проинформировал он и вышел из каюты.

— Я приветствую вас, Король Феникс, Повелитель азуров! — поклонился ему гном.

— Я рад вас видеть, Верховный король гномов, Торгрим! — в ответ поклонился ему тот.

— Может, скоро вы перейдете с ним от официальных отношений к дружеским? — предположил Второй.

— Пусть сначала гномы нам корону вернут, — сказал вполголоса Фунибар, продолжая вежливо улыбаться Торгриму.

— Какую корону? — спросил Магнификус.

— Пусть эту историю вам на обратном пути Вилли расскажет, — ответил Король Феникс.

— Все, я вспомнил о короне. Мне Ульрик рассказывал. Жалко, что вас не будет рядом, — грустно заметил Второй. — Но я обязательно еще вернусь к вам.

— Будьте осторожны с мечом, — посоветовал Фунибар и начал раздавать распоряжения своим телохранителям.

«Луи XIV» давно плыл в открытом море, а Магнификус и Торгрим все еще продолжали, стоя на корме, смотреть в сторону, где раньше виднелся Лорейн.

Первым нарушил молчание гном.

— Как тебе земли эльфов? — поинтересовался он у друга.

— Слишком красиво для меня, — честно ответил тот.

— Для меня тоже, — разделил его мнение Торгрим и повернулся к горизонту спиной. — Хватит страдать от своих слабостей, пора начинать жизнь заново. Забыл тебе сказать — Абхораш тебя уже ждет.

— Он здесь? — удивился Второй.

— Здесь, — повторил гном. — Попал бедняга под поезд. Пытался спасти друга-алкоголика от самоубийства.

— А зачем ждет?

— Командирован учить тебя драться. Древние перебрали все кандидатуры и пришли к заключению, что Абхораш лучше всех владеет мечом. Если, конечно, не считать четырех демонов Хаоса. Так что...

Закончить фразу он не успел, потому что на палубу с шумом выскочили священник и Йохан.

— Это правда, что мы давно отплыли? — крикнул Вилли, но сам взглянул на пустующий горизонт и простонал: — Нет! Я ведь еще не успел посмотреть кунсткамеру! Почему нас не разбудили?

— Успокойся, — мягко остановил его гном. — Фунибар нам приказал вас не трогать.

— Но почему?! — не унимался Вилли. — Мы же так ладили!

— Наверное, именно поэтому, — ответил Торгрим. — Король Феникс не хотел, чтобы его подданные заметили, как он расстроен разлукой с вами. Эльфы — невероятно горделивый народ.

— Понимаю его, — вставил Охотник. — Я и сам предпочитаю удаляться по-английски.

— Молчи, млекопитающее! — театрально обхватив голову обеими руками, простонал сигмариот. — Разве ты можешь понять чувства настоящего человека?

— Если ты сейчас же не заткнешь свою поганую пасть, я тебя пристрелю, — предупредил ван Хал и вытащил для наглядности один пистолет.

— Господа! — вмешался Второй. — На правах божества запрещаю вам ссориться. Лучше посмотрите по сторонам. Видите эти ящики?

Священник и Йохан повернулись назад и уставились на палубу, заваленную ящиками с гербом Итерна.

— На палубе пятьдесят ящиков, в багажном отделении еще триста, — продолжил Магнификус. — Двести пятьдесят из них наполнены эльфийским золотом, остальные — драгоценными камнями. Мало того, через несколько дней ровно столько же нам пришлют гномы. Но и это еще не все, — и он показал им меч Кхеине.

— Не может быть! Меч Кхеине! — безошибочно, на глаз, идентифицировал предмет Вилли. — Около восьми тысяч лет, гарантирует обладателю победу над любым существом, продать невозможно и в руки лучше не брать. Подчиняет себе обладателя.

— Предельно точно, — похвалил его Второй.

— Зачем нам столько золота? — озадаченно спросил Охотник. — Нам его самим не потратить.

— Мы позовем кого-нибудь на помощь, — усмехнулся Магнификус.

— Так, — наконец преодолел приступ клерикальной алчности Вилли. — Можно, я догадаюсь? Мы будем воевать, и эти деньги для наемников?

— Правильно, — кивнул Второй.

— На такие деньги можно нанять очень большую армию, — сказал Йохан и добавил: — Выходит, и противник серьезный?

— Хаос. Весь Хаос, — сообщил Магнификус и вопросительно взглянул на друзей: — Итак? Вы готовы стать полководцами?

— Ну, если весь Хаос... — переглянувшись с ван Халом, ответил священник. — Если весь, только если точно весь, тогда мы готовы. Правильно, Йохан?

— Сжечь их всех! — взревел тот и взмахнул над головой своим посохом.

Вечером в каюте Торгрима они начали разработку операции. Для этого услужливые подданные гнома накрыли стол полотняной скатертью и заставили его десятком пузатых бутылок с вином, четырьмя огромными блюдами с жареным мясом, двумя корзинами со свежеис-

печенными булочками и пятью порезанными головками сыра разных сортов. Поскольку места для карты на столе не осталось, Торгрим пришпилил ее двумя кинжалами к стене.

— Выступать лучше отсюда, — ткнул пальцем в обозначенную на карте границу Сильвании ван Хал. — Отсюда, через Остерланд, до Северных Пустошей два дня ходу. Только надо договориться с имперскими властями, чтобы те пропустили через свои территории наши отряды. Незаметно нам не пройти.

— Сильвания! — ехидно отметил сигмариот, подтягивая к себе корзинку с булочками. — Твои родные места.

— Вилли! — укорил его Второй. — Нельзя ли сразу по делу?

— Если по делу, — согласился бородач, — то к тому времени, как мы соберемся на границе, даже если имперцы нас пропустят, с другой стороны нас уже будет ждать противник. При таких размерах армии слухов не избежать. У Хаоса на каждом углу шпионы.

— Твои предложения? — спросил Торгрим.

— Надо дезинформировать противника, — предложил Вилли и показал на изображенные на карте горы. — Здесь проход. По ту сторону земли орков. Вот если бы орки первыми напали на Сильванию, похитили бы что-то крайне важное и ушли с этим крайне важным обратно к себе, а графы Сильвании, охваченные праведным гневом, объявили крестовый поход и начали собирать армию...

— С орками я договорюсь, — заявил Йохан, дважды не сумев зацепить вилкой жирный кусок мяса. — Можно нанять того же Руглуда Костожуя. Ему все равно, с кем воевать, лишь бы платили. А что это «крайне важное» будет?

— «Свитки Нагаша», — после недолгого раздумья произнес Магнификус. — Все бредят этими свитками. Их может кто-то найти, в конце концов!

— «Свитки Нагаша» — хорошая причина, — согласился ван Хал, но добавил: — Боюсь только, что кроме наших наемников в Сильванию сбегутся еще несколько тысяч неприятных существ. От Сильвании мало что останется.

— Прекрасно понимаю твое беспокойство, мой многоликий друг, — произнес священник. — Только нам все равно придется чем-то жертвовать. Потом, даже если мы придумаем еще какую-то солидную причину, эти несколько тысяч неприятных существ все равно сбегутся.

— Что правда, то правда, — грустно вздохнул Охотник. — Жалко Сильванию, красивые там места.

— Йохан, — спросил его Второй. — Вилли мне говорил, что ты мечтаешь создать особое подразделение для борьбы со всякой нечистью?

— Мечтаю, — подтвердил тот, отказавшись от попытки поймать мясо вилкой и хватая неуловимый кусок рукой.

— А по какому принципу ты хотел набирать свою инквизицию?

— У меня есть несколько десятков единомышленников в Империи, из числа тех, чьи семьи пострадали от этой заразы. Только этого мало, — ответил Охотник, засовывая мясо в рот.

— Так пусть они станут офицерами, а солдат для них наберем из первой партии наемников и создадим своего рода полицию. Пусть она займется случайными неприятными существами. Закупим для них особую форму, нужное для истребления неприятных существ оружие и пусть регулируют ситуацию, — предложил Магнификус. — После войны из них же можно будет создать костяк твоего ордена.

— Мне нравится, — воодушевился ван Хал. — Война отберет лучших.

— Самых лучших! — также заразился идеей сигмариот. — Они все присягнут на «Либер Демонике». Надо немедленно составить соответствующий текст присяги. Пожалуй, Йохан, я это сделаю лично. При составлении подобных документов необходима соответствующая практика.

— Секундочку, — вмешался в обсуждение Торгрим. — Как лицо ответственное за судьбу своего народа, я обязан своевременно реагировать на любое важное изменение в судьбах мира. Что-то подсказывает моей гномьей душе, что может и получиться. Давайте заключим вневрeменной договор о дружбе и сотрудничестве между народом гномов и... Как это у вас будет называться?

— «Инквизиция Ордо Маллеус», — важно проинформировал вопрошавшего Вилли.

— ...народом гномов и досточтимой «Инквизицией Ордо Маллеус»! — закончил свою тираду Торгрим.

— Да будет так! — протянул ему руку ван Хал.

— До скончания мира! — добавил священник и тоже протянул гному руку.

Гном торжественно пожал протянутые руки.

— Друзья! — воззвал к собравшимся Магнификус. — Я очень рад вашим договоренностям, но хорошо бы вернуться к основной задаче.

— Конечно, — согласились с ним все.

— Мы остановились на том, как дезинформировать противника, упредить бардак в Сильвании, теперь оговорим сроки. Йохан, сколько времени потребуется на всю работу до первого шага в Северные Пустоши?

Охотник наморщил лоб, беззвучно зашевелил губами, очевидно что-то рассчитывая в уме, пока не озвучил свои расчеты:

— Не меньше четырех месяцев. Месяц нужно будет набирать людей. Не все для этого подойдут. Месяц с половиной собирать их в Сильвании и формировать орден. Плюс — эта шумиха со «Свитками Нагаша». Остальное время уйдет на сбор армии.

— Сколько уйдет на мое обучение у Абхораша? — повернулся к Торгриму Второй.

— От трех дней до бесконечности, — ответил тот и, заметив недоумение в глазах друга, объяснил: — Абхораш будет учить, пока не научит, либо пока ты ему не скажешь, что время вышло.

— Это подойдет, — сказал Магнификус и перевел взгляд на сигмариота: — Теперь с тобой. Помнишь, ты рассказывал о Нехекхаре? Еще сетовал на коллегу по музейной работе, который там и сгинул?

— Еще бы! — закивал священник.

— Иди туда, Вилли, найди этого Сеттру и предложи ему со мной встретиться. Торгрим будет всегда знать, где я нахожусь. Он будет нашим координатором, пока я официально не объявлю войну.

— В Город Мертвых! К Сеттре?! — испугался сигмариот.

— К нему, родному, — подтвердил Второй. — Играть так играть! Несколько тысяч загробных головорезов нам не помешают. Ты же сам говорил, что Сеттра ждет меня?

— Ждет, — согласился бледный священник. — Но идти в Город Мертвых — что пинту яду болотной гадюки выпить!

— Чего тебе бояться? Ты же герой! Если они тебя там прикончат, максимум через полчаса ты опять будешь как новый, — напомнил ему гном.

— Это точно? — успокаиваясь, переспросил Вилли.

— Короли не врут, — усовестил его Торгрим и вслед за ван Халом прихватил с блюда кусок мяса.

— Йохан, — постановил сигмариот. — Эту главу в нашей книге мы назовем «Мертвый сезон». Нет. Попахивает курортной суетой. Назовем — «Загробный сезон». Гораздо величественней.

— Давай так назовем, — не стал с ним спорить Охотник, а только протянул главному действующему лицу будущей главы початую бутылку и теплую булочку.

— Главное мы решили, — поднял свою бутылку Магнификус. — Остались детали, но мы их решим по ходу дела.

И они звонко чокнулись.

В последующие два дня плавания заговорщики в деталях обсудили предстоящую операцию, тщательно распланировали каждый из этапов оной и наметили сроки исполнения.

LOADING...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лодка с «Луи XIV» высадила молодого человека на пологом берегу и быстро вернулась обратно. Путешественника уже ждали. Неподалеку раздались конское ржание, топот копыт, и из соснового бора справа выехала группа всадников в сверкающих на солнце доспехах. В первом всаднике Магнификус безошибочно узнал Абхораша.

— С прибытием! — подъезжая, поздоровался Лорд Вампир и спросил: — Ты умеешь ездить на лошади?

— Немного, — ответил Второй. — Я на ипподроме брал уроки у одного жокея. Два урока.

Один из спутников воина подвел под уздцы к Магнификусу оседланного белого коня. Тот вставил ногу в стремя, ухватился руками за седло и неловко взобрался на животное.

— Мы медленно поскачем, — успокоил Абхораш. — Тут недалеко.

— Не беспокойтесь, я выдержу, — оценил его заботу Магнификус.

Абхораш махнул рукой, и всадники поскакали вперед.

Изо всех сил стараясь удержаться в седле и не осрамиться перед всадниками, Магнификус одной рукой сжимал поводья, другой крепко ухватился за луку седла. Группа действительно двигалась не спеша, и молодому человеку иногда удавалось посматривать на подчиненных Абхораша. Из-под начищенных шлемов виднелись только бледные шеи всадников с проступающими на них крупными голубыми венами.

— Именно так и должны, наверное, выглядеть рыцари-кровопийцы, — подумал Магнификус. — Лишь бы у них дисциплина была на высоте. А то ненароком сожрут.

— Теклис велел тебе кланяться, — на ходу сообщил Абхораш.

— Как он там? — спросил Второй. — Тот маньяк не добрался еще до острова?

— Невозможно, — ответил рыцарь. — Он не знает координат, и остров хорошо охраняют. Он только присылает на электронную почту открытки. Издевается. Это его стиль.

— Открытки? — удивился Магнификус.

Лорд Вампир молча нагнулся, вытащил из-за высокого голенища сапога листок бумаги и протянул вновь прибывшему.

Второй подхватил листок и посмотрел на изображение.

На фотографии красовался Слаанеш в пижонском костюме, с бокалом в руке, окруженный четырьмя незнакомыми хохочущими красотками. У них за спинами искрился огнями зал какого-то ночного клуба. Под изображением была надпись: «Мода от кутюр!»

— Девушки целы? — возвращая листок, поинтересовался Магнификус.

— Не уверен, что все, — сказал рыцарь. — Смотря что он хотел сшить — пиджак или плащ. В газетах на прошлой неделе писали, что в Темзе выловили тела двух манекенщиц с ободранной кожей.

— Опасное дело — шоу-бизнес, — констатировал Второй.

— Более чем, — разделил его мнение Абхораш, — Слаанеш не надевает один пиджак дважды. Предпочитает свежие наряды.

На обочинах дороги начали появляться крупные замшелые валуны. Их становилось все больше и больше, пока дорогу окончательно не окружили каменные кручи. Чем дальше ехали всадники, тем выше росли стены ущелья. В конце концов небо превратилось в узкую голубую полоску у них на головой. Впереди показались руины огромного замка, будто сросшегося со скалами вокруг. Всадники поскакали к нему.

— Тут когда-то жил один большой красный дракон, потом жил я, позже замок трижды разрушали, — проинформировал рыцарь. — Теперь остались только подвалы. Но очень просторные подвалы. Тебе я приготовил самый сухой зал.

— Да, подвалы действительно просторные, — констатировал Магнификус, когда после длинного спуска по темному туннелю вниз они въехали в главный зал. Помещение размером в два футбольных поля освещалось небольшим низким кратером, наполненным до краев раска-

ленной магмой. То и дело над кратером поднимались фонтаны пламени, озаряя алыми вспышками стены зала.

Всадники остановили лошадей и спешились. Из темных проемов к рыцарям беззвучно подбежали слуги и, перехватив у хозяев поводья, начали разводить лошадей в стороны. Сами рыцари, поклонившись своему предводителю, побрели вслед своим слугам. Со стороны кратера появился седой старик. Приблизившись на расстояние двух шагов, он остановился и молча взглянул на рыцаря. Тот ответил ему долгим взглядом. Так и не произнеся ни единого слова, старик, словно соглашаясь с чем-то, принял у Абхораша поводья и повел его коня прочь.

— Это мой слуга. Он сейчас вернется за тобой и покажет твой зал, — сказал Лорд Вампир.

— Вы сложили голоса? — сообразил Второй.

— Да, мы очень ценим тишину, — ответил рыцарь. — Для нас тишина — сокровище.

— Гном сказал, что ты попал под поезд, — спросил Магнификус. — Это была случайность или тебя вызвали?

— Случайность, — ответил Абхораш.

— Художник? — предположил Второй.

Лорд Вампир кивнул:

— Я не успел, а ему действительно не везло.

— Может, и мы сложим голоса? — предложил Магнификус. — Чтобы не выделяться?

— Не нужно, — отказался рыцарь. — У нас плохие разговоры. Тоскливые. И мне нравится слышать твой голос.

— Нет так нет, — смирился гость.

Со стороны кратера опять появился старик.

— Он будет ухаживать за тобой — носить хлеб, воду, будить по утрам, менять постель и грязную одежду, — сообщил Абхораш. — Вот еще что — здесь опасное место. Много голодных. Если на тебя кто-нибудь попытается напасть, говори ему: Адис.

— Адис, — повторил Магнификус и спросил: — Как зовут твоего слугу?

— У него нет имени, — ответил Лорд Вампир. — Здесь ни у кого нет имени. Зови его просто — эй.

— Как — нет имени? У тебя же есть? — удивился Второй.

— И у меня нет, — разочаровал его рыцарь. — Абхораш — это условность. Для удобства чужих. Мы давно отказались от имен.

— Зачем?

— Вечная ремиссия. Жажда ушла, тоска осталась. Зачем ей имя?

Абхораш развернулся и пошел к пылающему кратеру. Тем временем старик тронул Магнификуса за руку и показал направление, куда тому следовало идти.

Второй покорно направился за ним.

Слуга провел его к массивной, в два человеческих роста, двери. Распахнул ее и пропустил гостя вперед. Магнификус вошел внутрь и огляделся. Да, это действительно был зал, а не комната. Вырубленное в скале круглое пространство в сорок шагов по диагонали. Огромная кровать стояла прямо посередине. Два горящих факела торчали из кованых подставок по обе стороны ложа. Каменный пол был расчерчен глубокими линиями, составляющими геометрические фигуры, исписанные по краям рунами. Прочесть эти руны Второй не смог. Старик молча закрыл за ним дверь.

Оставшись один, Магнификус немного постоял в нерешительности, потом вытащил из подставки факел и пошел с ним вдоль стены. Стена оказалась также испещрена надписями и рисунками. Молодого человека неожиданно посетило ощущение, что он знает что-то об этих надписях. Знает, но не может перевести это знание в понятную человеку форму. Несомненно, это было то же самое — бесформенное, но реальное, необъяснимое, но понятное. То же самое, что и на Острове Мертвых. Требовалось только дать этому знанию временную плоть.

Магнификус поставил факел на место, а сам лег на кровать и принялся думать. Он лежал неподвижно несколько часов, пока его сознание не стало настолько свободным, что смогло допустить искомое ре-

шение загадки. Тогда Второй вытащил из принесенного с собой свертка меч и уколол его кончиком палец. Капля крови медленно упала на пол и стекла в одну из высеченных полос, отчего та, да и все остальные, мгновенно наполнились кровью. Зал озарился алым свечением. Магнификус теперь смог прочесть прежде незнакомые руны. Это было наставление, как добиться вечной жизни. Как заставить дух обойти силки смерти и остаться в теле. Это было руководство к действию, действию, полному зла, потому что только зло могло быть полным, ибо ограничивалось рамками одной личности. В то время как добро разрушало эти рамки, порабощая личность и принося ее в жертву ради других. Второй невольно внутренне восхитился воистину ювелирной завершенности логики писавшего эти наставления.

— Как волнительно прекрасно! — подумал Магнификус. — Как мужественно искренно!

— Не спится?! — раздался с порога голос Лорда Вампира.

— Ты видишь это? — показывая на алые знаки, спросил Второй, отчего-то даже не удивившись внезапному появлению рыцаря.

— Да, — безучастно ответил тот. — Это первый свиток Нагаша.

— Значит, они все-таки существуют! — воскликнул Магнификус.

— К сожалению, — сокрушенно покачал головой Абхораш. — Удивительно, что тебе удалось оживить руны. Откуда ты знаешь, как читать свитки?

— Я был на Острове Мертвых, — объяснил Второй. — В центре Воронки. Я понял, как понимать.

— Жалко тратить такой дар на этот бред, — сказал рыцарь.

— Почему же бред? — не согласился Магнификус. — Эти мысли совершенны и законченны.

— Совершенство беспредельно, — возразил Лорд Вампир и предложил: — Ты прочитал первую главу. Пойдем, я покажу тебе последнюю.

Магнификус поднялся с кровати и проследовал за Абхорашем в противоположный конец главного зала.

Они вошли в точно такую же дверь, как в покоях, выделенных гостю, и оказались в зале примерно таких же размеров.

В центре зала стояла большая клетка. В ней лежали останки какого-то человека — только иссохший торс и голова. При появлении в зале посетителей останки подали признаки жизни и повернули голову в сторону вошедших. На лишенном губ лице белели глаза, наполненные такой яростью, что Второй невольно отшатнулся. Голова зашевелила челюстью.

— Он что-то хочет сказать, — шепнул Магнификус.

— Нет, он хочет тебя сожрать, как сожрал перед этим свой язык, губы и все остальное, — спокойно сообщил рыцарь.

— Какой ужас! — поежился Второй.

— Это еще не ужас, — сказал Лорд Вампир. — Он был один из нас, и мы жалеем его. У него еще осталась Великая Жажда и он понимает это. Настоящий ужас вот, — и он показал на стоящие у стены медные кувшины, наполненные каким-то белым порошком.

— Что это? — спросил Магнификус.

— Дотронься до праха, — посоветовал Абхораш.

Второй нагнулся и сунул руку в порошок. Жуть, всепоглощающая жуть передалась Магнификусу. Он тут же отдернул от кувшина руку и вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Что это? — повторил свой вопрос Второй.

— Не что, а кто, — ответил рыцарь. — Те, кто дочитали свитки до конца. Их бессмертные тела и души, соединенные в одно. Одно самое сильное чувство. Ты ведь понял его?

— Это страх, ужас бесконечный, осознанный ужас, — произнес пересохшим ртом Магнификус и спросил: — Им можно помочь?

— Нет, — сказал Абхораш. — Они добились своего. Они бессмертны.

— А если растворить прах в лаве? Сжечь? — предложил Второй.

— Тогда останется только ужас, — пожал плечами Лорд Вампир и добавил: — Бессмертный, как ты точно выразился — осознанный ужас. До него нельзя будет даже дотронуться. Я же говорю — мы жалеем их.

— Не понимаю, — произнес Магнификус. — Разве после смерти душа не отделяется от тела и не уходит в Царство Мертвых?

— Это после смерти, а они бессмертны, — повторил рыцарь и покинул зал. Шокированный увиденным, Магнификус вышел за ним.

Проходя мимо пылающего кратера, он решился все-таки спросить у своего спутника:

— А ты бессмертен?

— Да, — не глядя на вопрошавшего, ответил тот. — Но от меня останется печаль. Потому что я лишен Великой Жажды, и потому что я когда-то имел ее. Такова доля любого вампира, даже бывшего. Бессмертие, друг, самая скверная штука на свете. Иди спать. Завтра у тебя будет тяжелый день.

Следуя его совету, Второй вернулся в свой зал. Свечение на полу и стенах уже померкло. Магнификус не раздеваясь рухнул на кровать и закрыл глаза.

Абхораш не обманул насчет тяжелого дня. После того как гость съел кусок получерствого хлеба и запил его кружкой ледяной воды, старик-слуга вывел молодого человека к уже ожидавшему его рыцарю. Тот стоял в центре зала, окруженный тремя другими слугами, гораздо моложе его, с метровыми палками в руках.

Магнификус подошел к ним, на ходу вытаскивая свой меч.

— Нет, — отобрал у него клинок Лорд Вампир. — Эта штука тебе пока не понадобится. Ты ею опять порезаться можешь. Сначала возьми-ка деревяшку, — и он протянул гостю точно такую же, как в руках у слуг, палку.

— Они, — Абхораш показал на слуг, — будут по очереди бить тебя своими палками, а ты старайся отражать их удары.

Магнификус не стал возражать, поскольку прекрасно понимал, что рыцарь знает свое дело.

По знаку хозяина слуги принялись по очереди молотить своими палками по молодому человеку. Делали они это неторопясь, и Магнификусу без труда удавалось парировать их удары. Так они «забавлялись» до полудня. Абхораш все время находился рядом и внимательно наблюдал за их упражнениями.

После скудной закуски все тем же куском хлеба и кружкой воды молодой человек опять «подвергся нападению» со стороны слуг. Толь-

ко на этот раз они значительно ускорили темп нанесения ударов, и уже через час тело Магнификуса ныло от многочисленных синяков, но он старался не подавать виду, что устал, и только когда его крепко огрели палкой по затылку, молодой человек со стоном повалился на землю.

— Передохните, — приказал стоящий рядом хозяин, и слуги отступили.

Лорд Вампир помог Магнификусу подняться на ноги и поинтересовался: — Будем сегодня продолжать или отложим до завтра?

— Сегодня, — потирая ушибленную голову, заупрямился Второй.

— Тогда посмотри вон туда, — и Абхораш показал на три ступеньки, ведущие к краю кратера. — Это выход из нашего алтаря возрождения. Видишь?

— Вижу. А зачем мне алтарь? — хорохорясь и по-молодецки перекидывая палку из руки в руку, не понял Магнификус.

— Затем, что тебя сейчас забьют насмерть, — объяснил рыцарь и посоветовал: — Умри достойно и постарайся получить удовольствие.

— В каком смысле — насмерть? — покосился на него Второй.

— В прямом, — сообщил Абхораш и сделал знак слугам.

Магнификус хотел еще о чем-то спросить воина, но лавина палочных ударов, обрушившихся на него, не позволила ему это сделать. Десять минут он остервенело отбивал удары, потом ему это все надоело, и он попытался сам ударить по одному из нападавших. В результате этого отчаянного порыва Второй ослабил оборону, и сразу два мощных удара в грудь и шею свалили его с ног. Он пытался встать, но град новых ударов просто распластал его по земле. Уже теряя сознание от боли, Магнификус извернулся и врезал своей палкой по ноге одного слуги. Тот взревел от боли, а Второй дернулся в последний раз и затих. Несмотря на это, слуги еще минуты три лупасили его окровавленное тело.

Впрочем, он этого уже не чувствовал. Он быстро шел по длинному коридору в сторону чего-то ослепительно сияющего в конце. Где-то

посередине коридора Магнификус обнаружил в стене справа дверь и точно такую же в стене слева. Но остановиться ему не удалось. Свет непостижимым образом притягивал к себе тело молодого человека. Он сделал еще несколько шагов и неожиданно обнаружил себя стоящим на верхней ступеньке лестницы у края кратера. Внизу стоял Абхораш со слугами и с любопытством смотрел на него. Магнификус пощупал свою голову, потом зачем-то топнул ногой и расхохотался.

— Я жив! — во весь голос крикнул он. — Я жив, ребята! Чтоб мне сдохнуть! Я жив.

— Поздравляю, — подал голос Лорд Вампир. — У тебя неплохие данные для бойца.

Слуги поприветствовали воскресшего, вскинув над головами обагренные его же кровью палки.

— Что ж, — спускаясь к рыцарю, самонадеянно заявил Второй. — Теперь ничего не страшно.

— Боюсь тебя разочаровывать, но я бы так не сказал, — произнес Лорд Вампир и позвал: — Сходим посмотреть одну местную достопримечательность?

— Сходим, — заранее предчувствовая неладное, кивнул Магнификус.

Они обошли кратер, пересекли зал по диагонали и начали взбираться по прислоненной к стене лестнице наверх. Лестница заканчивался на краю небольшой каменной площадки. В глубине площадки находилась дверь. Абхораш открыл ее и прошел внутрь, Второй шагнул за ним. Узким коридором они вышли к еще одной площадке. Под ней глубоко внизу светилась раскаленная магма.

— Посмотри на потолок. Видишь веревку? — показал рыцарь на свисающий с крюка в потолке плетеный шнур.

— Веревка, — подтвердил Магнификус. — Простая веревка, без петли.

— Не простая веревка, — сказал Лорд Вампир. — Это личный алтарь Голгфага.

— Кто такой Голгфаг? — поинтересовался Второй.

— Редкая скотина. Орк. Наемник. Убийца и живодер, — объяснил Абхораш. — Вырезал целые деревни. Особенное удовольствие получал, поджаривая младенцев на глазах их родителей.

— Ну и?.. — хотел было спросить Магнификус, но не успел, потому что в это мгновение под потолком материализовалось грузное тело орка и с диким воплем полетело вниз. На лету дважды ударившись о стены колодца, тело погрузилось в магму.

— И так сто семьдесят лет, каждые десять минут, с того дня, как я подобрал эту веревку неподалеку от того места, где Голгфаг разорял очередное мирное селение, — удовлетворенно рассказал рыцарь.

— Сто семьдесят лет! — ахнул Второй. — Так может, он за это время раскаялся?

— Этого уже нам не узнать, — развел руками Абхораш. — Двадцать лет назад я его пожалел, хотел перевести в карцер и подставил под веревку несколько крепких досок. Он возродился, но оказался абсолютно безумен. Свихнулся от постоянного ныряния в огонь. Пришлось доски убрать. Теперь он у нас вместо часов. Удивительно точен, мерзавец.

— Жестоко, — заметил Магнификус. — Тем более что он безумный.

— Я часто размышляю об этом, но все руки не доходят веревку снять, — признался Лорд Вампир. — Пусть еще поныряет, закрепит результат. Потом, веревка скоро сама свалится. Гнилая совсем. А ты прими к сведению, что эти фокусы с алтарями не всегда хорошо заканчиваются. Пойдем перекусим, а потом продолжим обучение.

Рыцарь своеобразно подошел к вопросу обучения, но Второй решил довериться опыту бывалого «рубаки», тем более что другого выбора у него не было.

На второй день пребывания Магнификуса в замке Абхораш вывел его в центр главного зала и оставил там наедине со слугой, экипированным палкой, предварительно снабдив напутствием.

— Мой слуга время от времени будет тебя бить палкой, а ты закрой глаза и попробуй расслабиться, — сказал он. — Слуга будет бить не сильно, но больно.

— Трудно расслабиться, когда ждешь удара, — резонно заметил молодой человек.

— Очень трудно, — согласился с ним Лорд Вампир. — Но нужно, иначе ты потом не сможешь отдыхать и собирать свои силы для хорошего удара. Сидя, лучше высыпаешься, правильно?

— Правильно, — поежился при мысли о предстоящей экзекуции Магнификус и уточнил: — Когда можно будет считать, что я достиг вершин этой изуверской практики?

— Нет предела совершенству, — мрачно пошутил Абхораш.

— И все-таки?

— Когда ты перестанешь ждать следующего удара и сможешь глубоко задуматься о чем-нибудь более важном.

Первой более или менее не связанной со следующим ударом мыслью стала мысль о Наоле. Это произошло на третий день учебного избиения.

— Отчего все вокруг так уверены, что я в нее влюбился? Может быть, это какой-то естественный элемент сюжета игры? Что-то типа само собой разумеющегося при первой встрече нового персонажа с красивой и храброй девушкой в экстремальной ситуации? Персонаж спасает красавицу, та его приглашает домой. Романтический вечер в ее обществе и есть повод для баллады.

В этот момент слуга, весьма старательно выполняющий свои обязанности, как всегда неожиданно хлестнул палкой Магнификуса по левому предплечью.

— Тупой маньяк! — раздосадованный скорее тем, что боль отвлекла его от размышлений, чем самой болью, подумал Второй и понял, что поставленная рыцарем цель им достигнута.

Непостижимым образом это понял и слуга. Он почтительно поклонился Магнификусу и удалился. Вскоре подошел Абхораш.

— Быстро, удивительно быстро, — констатировал он.

— За три дня ко всему можно привыкнуть, — буркнул Второй.

— Ну, не ко всему, — уважительно возразил Лорд Вампир. — Но ко многому. И три дня — хороший срок. Большинству требуется не меньше месяца.

— Что теперь? — поинтересовался Магнификус. — Кушать нечистоты или многократный суицид?

— Теперь танцы, друг мой, танцы, — ошарашил его рыцарь. — Тебе дадут палку, и ты будешь танцевать с ней до тех пор, пока на это будет не стыдно смотреть. Ритм тебе зададут музыканты. Я их завтра пришлю.

— Я не умею танцевать, — предупредил наставника Второй.

— Напрасно, — пожал плечами Лорд Вампир. — Танец — искусство. Тяжело тебе придется.

Обещанная палка оказалась полутораметровым железным прутом, килограмм этак в десять. О музыке Абхораш тоже позаботился — на следующее утро Магнификус обнаружил расположившихся у подножия кратера трех слуг с барабанами разных размеров. Как только Второй вышел с прутом, они тут же принялись ритмично колотить ладонями по кожаным мембранам инструментов.

— Елки-палки! — стыдливо оглядываясь вокруг, подумал Магнификус. — Придется плясать. Тут явно скрыт какой-то особый смысл. Безумие да и только. Когда это закончится, я повыбрасываю из дома все источники звука.

Он перехватил прут в левую руку и начал им крутить в воздухе, при этом сам вращаясь вокруг своей оси. Скоро это ему надоело, и он попробовал приседать. Нет, русские народные танцы ему явно не давались. Мало-помалу он опробовал все возможные телодвижения и решил скомбинировать из них некое подобие танца. Получилось нелепо. Молодой человек в раздражении метнул прут в стену, вернулся к себе в зал и плюхнулся на кровать. Уснуть он не смог, поскольку барабаны за стеной гудели не умолкая. Через час бесплодных и мучительных попыток забыться

сном Магнификуса посетило чувство вины перед подневольными музыкантами, очевидно, не решавшимися нарушить приказ своего строгого господина, и вернулся в зал. Тяжело вздохнул, поднял с пола палку и опять рискнул имитировать органичные движения в соответствии с отбиваемым ритмом. В этих опытах он провел пять дней, периодически запуская палкой в стену и скрываясь в своем зале, но потом снова возвращаясь и снова пытаясь что-нибудь изобразить. Музыканты время от времени меняли ритм, отчего более или менее выверенные молодым человеком перемещения в пространстве теряли едва обретенную согласованность. Это приводило его в бешенство, но он, громко ругаясь, опять пытался подстроиться под ритм. Иногда их навещал Абхораш. Рыцарь, не произнося ни единого слова, наблюдал со стороны за хореографическими опытами своего ученика, потом так же молча удалялся к себе.

К вечеру пятого дня Лорд Вампир удостоил Магнификуса нескольких хлопков в ладоши. Это послужило знаком для уставших музыкантов, и они, собрав свои барабаны, растворились в сумраке стен.

— Ну и зачем мне эти бисексуальные фокусы? — задыхаясь, присел на корточки «божественный ученик».

— Пригодятся, — сказал рыцарь. — Один мудрец сказал: «Наилучшим способом реализует себя тот, кто, познавая мужественное, сохраняет в себе женственное».

— Очень прогрессивно, — огрызнулся взмокший ученик и предложил: — Может, все-таки покажешь парочку-другую эффектных ударов?

— Почему ты не бросаешь палку? — невпопад спросил его Абхораш.

Тут Магнификус обратил внимание, что он действительно все еще держит прут в руках.

— Привык. Уже не замечаю, — признался он и откинул палку в сторону.

— Напрасно бросил, — заметил рыцарь. — Хотя пусть так. Завтра тебе принесут другую, красивую и тяжелую.

— Мой меч легче, — напомнил Второй.

— Причем здесь меч? — объяснил Лорд Вампир. — Дело не в мече, дело в его идее. А идея у любого меча тяжелая. Их же для убийства делают.

— Слишком это все абстрактно, — сказал Магнификус.

— Пока до дела не дошло, — не стал разъяснять смысл своих доводов Абхораш и сообщил: — Теперь в тебя палками будут кидать. Ты очень неуклюжий.

— Валяйте, — смирился Второй. — Лишь бы это все скорее окончилось. Кстати, где все остальные всадники? Я их с того дня, как мы сюда приехали, ни разу не видел?

— Где и должны находиться все порядочные вампиры, — заложил руки за спину Лорд Вампир. — В гробах.

— Что, и у тебя есть свой гроб?

— Естественно. Трудно расставаться с дурными привычками.

— Можно посмотреть? — попросил Магнификус. — Никогда не видел обиталище вампира.

Рыцарь задумчиво взглянул на любопытного гостя и милостиво махнул рукой, предлагая пройти за собой.

Они пересекли зал, прошли коротким коридором, вырубленным в скале, и очутились в зале, ненамного большем зала молодого человека.

Вместо кровати в центре зала на гранитном постаменте действительно стоял гроб. Роскошный лакированный саркофаг с двухстворчатой откидной крышкой, обитый внутри белым атласом. Вокруг постамента с рыцарским ложем стояли четыре кованые подставки с горящими факелами и журнальный столик из дерева. На столике находился маленький круглый аквариум, в котором степенно плавала золотая рыбка.

— Знакомьтесь, — показал на рыбку Лорд Вампир. — Это Немо.

— Немо, — и он кивнул на пришельца. — Это Магнификус.

— Очень приятно! — только и смог сказать тот.

— Почему — Немо? — спросил он, когда они вышли из покоев Абхораша.

— Я сам не разбираюсь в рыбьих именах. Мне так Теклис посоветовал назвать, — признался рыцарь.

— Популярное сейчас у рыбок имя, — сказал Магнификус и не удержался от вопроса: — Где достали рыбку?

— В Альдорфе, в зоомагазине купили, — ответил Абхораш. — Что-то не так?

— Нет, все нормально, — успокоил его Второй. — Не могу привыкнуть, что здесь все, как дома.

— Не все, — положил ему на плечо тяжелую руку рыцарь. — Дома ты мир не спасаешь, и в тебя палками не кидаются.

— Ах да! Палки! — вспомнил Магнификус.

И в него действительно два дня кидали палками, а он метался, судорожно уворачиваясь от них, по залу с выданным слугой рыцаря тяжеленным посохом в руке. Второй потерял счет синякам на своем теле. Очень спасала приобретенная еще в путешествии с Шарскуном быстрая регенерация. Когда-то съеденный бифштекс из троллиного мяса быстро избавлял от повреждений организм ученика Абхораша. Хотя от таких тренировок тело все равно ломало. Магнификус даже решился обратиться к старику слуге, когда тот принес хлеб и воду, с просьбой принести ему бутылку вина. Но старик посмотрел на него как на сумасшедшего и, ничего не ответив, удалился. Правда, в полночь в дверь молодого человека кто-то постучался. Он вышел и никого за дверью не обнаружил, но зато у порога стояла покрытая пылью бутылка. Магнификус открыл ее, понюхал содержимое и с удовольствием обнаружил, что в бутылке портвейн. Кто-то в логове вампиров сопереживал молодому человеку. Это его чрезвычайно растрогало. Он лежал в своей огромной кровати, потягивая прямо из горлышка портвейн, смотрел на исчерченные предательскими символами потолок и размышлял о превратностях жизни вурдалаков.

Сразу вслед за палками Лорд Вампир предложил еще одно упражнение. Он выбрал среди слуг самого сильного и приказал толкать Маг-

нификуса, стараясь сбить того с ног, а уже порядком измученному физическими забавами ученику дал задание всеми правдами и неправдами устоять на ногах. Слуга старательно четыре дня пихал молодого человека, а тот еле успевал сохранять равновесие. Но сбить Магнификуса с ног, несмотря на все старания, удалось только четыре раза.

— Ты крепко стоишь на ногах, — похвалил его Абхораш. — Пока это твой единственный талант.

— Все так скверно? — огорчился тот.

— Когда я учился, у меня дела шли еще хуже, — признался рыцарь.

— И как ты поступил? — не очень поверил ему Второй.

— Разумеется, начал тренироваться, — сказал Лорд Вампир. — Нет ничего лучше, чем практические занятия.

— Что же мы медлим? — воскликнул Магнификус и продекламировал. — Чем балетом заниматься, лучше на мечах сражаться.

— Не согласен, — покачал головой Абхораш. — Не согласен, но через день мы так и поступим.

— А почему так долго? — спросил Второй. — Я готов хоть сейчас.

— Нельзя, — ответил рыцарь. — Завтра возвращаются несколько моих людей. Я должен произвести с ними кое-какой ритуал.

— Кровь дракона? — вспомнив рассказ Теклиса, догадался Магнификус.

— Да, — коротко подтвердил его догадку Лорд Вампир. — Великий Ритуал Насыщения.

Приготовления к ритуалу начались с самого утра. Расхаживая по залу со своим посохом, Второй наблюдал за снующими повсюду слугами. Часть из них втаскивала в зал деревянные секции настила, похожие на огромные пазлы, и собирала из них прямоугольную платформу рядом с кратером. Другая часть обтирала тряпками занесенные еще ночью в зал кресла и выставляла их рядами на собранной части платформы. За кратером неторопливо расхаживали люди в кожаных фартуках и что-то высматривали наверху. Ближе к обеду в зал

въехал целый караван груженых повозок и даже одна карета. Слуги тут же начали разгружать повозки, а из кареты вышли приятная молодая женщина и тучный пожилой мужчина. Его появление активизировало деятельность людей в фартуках. Один из них подбежал к прибывшему и молча ткнул рукой куда-то под темные своды. Мужчина понимающе кивнул и направился к дальней стене зала, оставив свою спутницу стоять у кареты одну. Скучающий Магнификус решился подойти к ней и попробовать завязать разговор в надежде скоротать время.

— Добрый день, — поприветствовал он гостью, приблизившись.

— День не бывает добрый, — совсем неприветливо откликнулась она и, оглядев молодого человека с ног до головы, сделала вывод: — Ты не из нас.

— Если вы имеете в виду вампиров, то — совершенно верно. Не из вас, — откровенно признался Магнификус и дабы избежать последующих недоразумений, тут же добавил: — Я гость Лорда. Он просил меня при встрече с незнакомыми на своей территории говорить слово Адис.

То ли упоминание хозяина замка, то ли произнесенное заветное слово произвело на женщину особое впечатление, но тон ее голоса стал значительно дружелюбнее.

— Гость Лорда?! — уважительно повторила она, поклонилась молодому человеку и представилась: — Анна Жолиго. Я певица. Лорд удостоил меня высокой чести петь на церемонии.

— Магнификус. Друг Лорда. На данный момент — бог Войны. Можно сказать, что в командировке, — в свою очередь поклонился женщине тот.

— Разве бог Войны кому-нибудь кланяется? — удивилась Анна.

— Разве богу Войны это возбраняется?

— Богам все можно, только как-то непривычно.

— Что, вам другие боги никогда не кланялись в ответ на ваш поклон?

— Я еще не встречалась с богами.

— Вот видите.

— Теперь я буду знать, что боги, кроме всего прочего, галантны, — улыбнулась женщина и смущенно поинтересовалась: — Трудно быть богом?

— Звучит как название романа, — заметил Магнификус и ответил: — Я еще не знаю. Я здесь недавно и пока мне все нравится. А трудно быть вампиром? Вы ведь вампир?

— Увы, — сказала Анна. — Неприятно.

— Зато вы живете дольше, чем обычные люди.

— Мы не живем, мы существуем. А дольше... Что проку? Десятилетиями лежать под землей — не лучшее времяпрепровождение.

— Под землей?

— Конечно, под землей. На старом кладбище Мариенбурга, на окраине, и даже не в своей могиле, а в склепе жены бакалейщика.

— Почему не в своей?

— Чтобы не нашли. При жизни у меня была плохая репутация. Могли раскопать и вбить осиновый кол. Вот мы с женой бакалейщика и поменялись. Ей осиновый кол не повредит, а мне спокойнее.

— Так все-таки вбили?

— И не один. Еще и голову отрубили.

— Злые люди, наверно?!

— Их можно понять. Я раньше много зла им причинила. Вы же знаете, что такое Жажда?

— Я видел одного молодца, который сам себя съел.

— Может быть и такое, но мне повезло — у меня стальной гроб. Крепкий. Очень крепкий. И тесный. Я не могу шевельнуться, только кричу, когда приходит Жажда.

— Если не секрет, кем вы были раньше?

— Разве от богов можно что-то скрывать? — резонно заметила Анна и ответила: — Я была камеристкой принцессы Нефераты.

— Это она вас заразила? — догадался Второй, снова припоминая рассказ Теклиса.

— Один из ее фаворитов, — кивнула женщина, — мне однажды приказали петь на закрытой дворцовой вечеринке. Я ему понрави-

лась, и он мне предложил с ним переспать. Мне он не понравился, я отказалась, а он меня укусил и я заразилась. Теплый был вечер. Каштан цвел.

— Где сейчас этот фаворит?

— Его убил мой жених. И сжег.

— Вы все рассказали жениху?

— Да.

— Бедный парень. Где он сейчас?

— Вечером будет здесь. Он один из претендентов на Кубок Насыщения.

— Будем надеяться, что ему повезет, — ободрил Анну Магнификус и полюбопытствовал: — А кто приехал вместе с вами?

— Фориус — органист.

— Тоже вампир?

— Не жаждущий.

— Он что, какие-то подвиги совершил?

— Он написал много хорошей музыки, и Лорд наградил его Кубком. Все «не жаждущие» попросили Лорда за Фориуса.

— Благородно. Но где здесь орган? Я обошел весь зал и органа не заметил.

— Орган в той стене, он спрятан в камне. Под потолком есть проход к нему. Фориуса туда поднимут на веревке.

— К чему такие сложности? Зачем орган прятать?

— Золото, — вздохнула женщина. — Орган из золота. Если люди захватят замок, то они перельют орган на монеты и будут ими в кабаках расплачиваться. А этот орган лучший из всех существующих. Ему почти три тысячи лет. Его нельзя потерять.

К Анне подошел слуга и что-то ей шепнул.

— Простите, — обратилась она к Магнификусу. — Фориус просит меня ему помочь.

— Идите, — отпустил ее Второй и вернулся к себе в покои.

Там он несколько минут побродил по кругу вокруг кровати и в конце концов лег на нее. Стал смотреть на пламя.

— Почему они никогда не прогорают? — пришло ему в голову. — Может, их незаметно меняют или они бесконечные, как патроны в пистолетах ван Хала? Интересно, как он там? Может, посмотреть?

Магнификус начертил рукой в воздухе перед собой свое имя и вызвал сферу сафери.

— Хочу какое-нибудь приспособление для того, чтобы посмотреть на Йохана, — скомандовал он.

Из сферы выделился тусклый кружок с изображением глаза. Молодой человек ткнул в него пальцем, но ничего не произошло.

— Не хватает этого, как его, ворпстоуна, — понял Магнификус и тут вспомнил о подарке Шарскуна.

Он вытащил из-за шиворота флакон с осколками варп-камня, отвинтил крышку, поставил раскрытый флакон рядом с собой и снова вызвал сферу. На этот раз большая часть символов светилась.

— Хочу некое приспособление для того, чтобы посмотреть на Йохана, — повторил Второй и нажал на появившийся символ.

Тут же над его головой повис возникший ниоткуда хрустальный куб. Внутри куба явственно зазвучал голос Охотника, и на хрустальной поверхности появилось его изображение.

— Уточним еще раз, почтенный Лоренцо, — говорил Йохан, восседая за столом перед каким-то хорошо одетым господином. — Две сотни пикинеров, сотня лучников, сотня всадников, сотня пеших мечников и десять катапульт. Никаких грабежей по дороге к месту сбора. Прибытие в срок. На время битвы полное подчинение воле моего господина. Верно?

— Оно все верно, любезный, — манерно переминая пальцы, унизанные перстнями, ответил Лоренцо. — Однако мой рассудок печалит мысль о недоплате.

— О какой недоплате? — прозаично возмутился Охотник и тряхнул мешком с монетами. — Вы мне, почтенный, сами эту цифру назвали.

— А корабли? — вкрадчиво заметил его собеседник. — Мои соратники, да оградит их небо от беды, должны добраться до границы неза-

метно. Сей замысел от вас же исходил, любезный Йохан. Но незаметно — означает море, а море означает корабли, что значит — дополнительные деньги.

— Тогда иди пешком. Я больше не дам, — упорствовал ван Хал. — Деньги чужие и большие. Так тебе еще никто не платил.

— Согласен — не платил, — продолжил поэтично торговаться Лоренцо. — Согласен, что большие. Но вы, любезный Йохан, меня не на пикник зовете, а на битву. Причем смертельную, откуда я и треть своих людей не выведу. О чем скорбит душа, трепещет сердце.

— Тогда — до свиданья, — убирая мешок со стола, решил стойкий к поэзии ван Хал.

— Ладно, давай, — протянул руку тут же присмиревший наемник. — С тобой торговаться, как дерьмо жрать. Без удовольствия.

— Перестань собачиться, Лоренцо, — протягивая ему деньги, сказал Охотник. — Ты меня знаешь — я в долгу не остаюсь. Во всех смыслах. Нормально поработаешь, условия выполнишь — отдам остальные. Уйдешь с задатком — найду и порву всех твоих любезных соратников, о которых твое сердце трепещет. Будешь заново людей набирать.

— Ты меня не пугай, бесполезно, — пряча мешок, ответил Лоренцо. — Мое слово крепче слоеной стали Черных Гномов. Не забывай — я принц, и у меня не просто люди, у меня дворяне. Они не за деньги сражаются, а по долгу чести. Деньги — это для меня. В карты играть.

— Прости, Лоренцо, я устал, — извинился Йохан, и тут он взглянул прямо на Магнификуса. Точнее, на то приспособление, через которое молодой человек наблюдал за ним.

— Что это за дрянь там?! — показал Охотник принцу на приспособление.

— Чей-то глаз, — подсказал принц. — Это сафери. Тебя пасут, Йохан!

— Подавятся, — мрачно буркнул ван Хал, достал пистолет и саданул прямо в приспособление.

Изображение на кубе в покоях Магнификуса исчезло, а сам куб тут же растаял в воздухе.

Второй закрыл крышку флакона с варп-камнем и убрал его обратно за пазуху.

Раздался стук. Магнификус встал с кровати, подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял старик-слуга с книгой в руках. По-прежнему молча он протянул книгу гостю, поклонился и пошел прочь.

— «Мигель де Сервантес Сааведра. Флорентийские очерки», — прочел Магнификус на обложке.

— Чтобы не скучал до вечера и в зале не ошивался попусту, — подумал Второй, возвращаясь к своему ложу. — Где же они такие книжки берут?

Устроившись поудобнее, он раскрыл книгу и начал читать.

То, что церемония начинается, Магнификус понял по звукам органа, гулко прокатившимся под сводами зала. Отложив книгу в сторону, он быстро привел свою одежду в порядок и выскочил в зал. У дверей его ждал все тот же старик-слуга. Пройдя вслед за ним, Второй сел в одно из свободных кресел у самого кратера. Осторожно огляделся по сторонам. Большинство кресел было уже занято. Строгие бледные лица присутствующих не оставляли никаких сомнений, что мероприятие ожидается более чем серьезное. У ступенек, ведущих к вершине кратера, стояла большая металлическая клетка, рядом с ней замерли двое слуг с рогатинами в руках. Перед клеткой лежал полутораметровый квадратный камень, высеченный из бледно-серого гранита. На камне стоял пустой кубок.

Опять взревел орган. Все присутствующие обернулись на вошедшего в зал Абхораша. За ним двое слуг несли большую стеклянную бутыль, наполненную черной жидкостью.

Лорд Вампир подошел к камню и поднял руку. Орган смолк.

— Братья! — сказал он, не прибегнув на этот раз к сложению голосов. — Сегодня наступил четырнадцатый месяц с того дня, как мы собирались, чтобы дать возможность утолить Великую Жажду брату Денебу и брату Альфарду. Тогда они доказали свое право на утоление.

Сегодня пришел черед еще трем братьям — Регулу, Нату и Беллактриксу испытать свою судьбу. Они знают цену самомнения, но твердо решили избавиться от Великой Жажды. Наши души черные, как кровь Прадракона, но наш дух сильнее, чем наши души. Эта разница познается в наших поступках. Мы зло, которое не желает им быть. Первым будет Беллактрикс. Иди, брат, и слушай песню изменения.

К камню вышел невысокий, но необычайно широкий в плечах мужчина.

— Великий Лорд, — обратился он к Абхорашу. — Я не уверен, что достоин. Но я устал. Если этот кубок не примет меня, и я изменюсь навсегда, я не хочу выходить обратно в мир. Помогите мне.

— Иди, — приказал Лорд Вампир. — И слава Смерти!

Беллактрикс обошел клетку, решительно поднялся по ступенькам и прыгнул в клокочущую магму.

К камню подошла Анна и запела. В ее песне не было слов, только мелодичные переливы высокого, чистого, полного печали звука. Даже Магнификус понял, о чем говорится в этой песне. Женщина звала смерть, умоляла ее забрать тело и успокоить душу, проклинала вечность и славила пустоту. Когда стих последний звук ее голоса, на ступеньках появился Беллактрикс.

По залу пронесся облегченный вздох.

Испытуемый спустился к Абхорашу. Тот взял с камня кубок, и слуги наполнили его кровью дракона.

— Ты заслужил утолить Жажду, — сказал Лорд Вампир и передал кубок Беллактриксу. Мужчина, бережно приняв вожделенный сосуд, в один глоток опустошил его. Вернул Лорду, а сам пошел на свое место в зале.

— Регул, — позвал Абхораш.

К камню вышел другой претендент. Высокий, стройный, на вид не старше тридцати.

— Великий Лорд, — произнес он. — Я знаю, что не достоин, но хочу испытать себя и перемениться. Если кубок не примет меня, я хочу вернуться в мир.

— Ты уверен? — сурово спросил его Абхораш.

Регул утвердительно кивнул.

— Тогда иди, — уступил ему дорогу Лорд Вампир.

Испытуемый быстро взобрался по ступеням и бросился в огонь.

Анна вновь запела. Это была та же песня, но в ней появилось что-то новое. Словно к уже известному тексту добавили еще одно слово. И это слово было — отчаяние.

Песня еще звучала, когда со стороны кратера раздался резкий клокочущий звук. За ним из пустоты на ступени вывалился громадный упырь. Слуги тут же рогатинами загнали чудовище в клетку. Упырь не сопротивлялся, а только тихо повизгивал, жался к стенке и бешено вращал выпученными глазными яблоками.

— Нат, — позвал Абхораш, уже не обращая внимания на измененного Регула.

К камню вышел среднего роста мужчина с длинными белыми волосами, заплетенными сзади в косу.

— Великий Лорд, — сказал он. — Я не хочу выходить, если не получится. Все.

Абхораш молча кивнул.

Нат поднялся по ступеням, обернулся перед прыжком в пламя на Анну и бросился в кратер.

Женщина запела. И вновь это была другая песня. К ней добавилось новое слово — одиночество. В глазах Анны появились слезы.

Кажется, присутствующие не заметили этого, все напряженно вглядывались в пространство над ступенями. Наконец в воздухе что-то сверкнуло, и на ступени вышел Нат.

По залу опять прокатился вздох облегчения. Сидящий рядом с Магнификусом рыцарь даже хлопнул себя ладонью по колену. Очевидно, Ната здесь любили.

— Пей, — протянул испытуемому полный кубок Лорд Вампир.

Нат взял кубок и взглянул на Абхораша:

— Я рад, что у меня есть возможность избавиться от этой пытки, — тихо произнес он. — Я ненавижу Жажду.

— Тогда пей, — подбодрил его Лорд Вампир.

— Не могу, — неожиданно заявил Нат, быстро притянул к себе свободной рукой Анну и насильно влил ей в рот содержимое кубка. Все произошло настолько быстро, что никто ничего не смог предпринять.

Над залом повисла звонкая тишина.

— Что ты наделал? — грозно обратился к Нату Абхораш. — Ты отказался утолить Жажду? Ты не уважаешь наш закон?

— Нет, уважаю, — спокойно ответил виновник происшествия. — Но все сделал правильно. Анна когда-то была моей невестой. Я не уберег ее. Теперь мы квиты.

— Пошел прочь, — приказал ему Лорд Вампир. — Немедленно пошел прочь. Ты больше не достоин быть с нами.

— Я знаю, — согласился Нат. — Признаться, я всегда отличался от вас. Я не высокороден. Какой из меня рыцарь? Как был плебей, так и остался.

— Постой, — окликнул уходящего изгоя Абхораш. — Куда собираешься идти?

— Туда же, откуда пришел. За Черный хребет, к оркам, — сообщил тот. — Они мне не нравятся. И крови там много. Моря крови.

— Анна, — повернулся к женщине Лорд Вампир. — Иди за ним. Тебе тоже здесь не место.

Она послушно кивнула и побежала за Натом.

Когда стихли их шаги, Абхораш обратился к присутствующим:

— Братья! Я знаю, что среди вас есть не утоленные. Вы пришли сюда, чтобы посмотреть, как избавляются от нашего общего проклятия. Сегодня у вас удачный день. Есть среди вас те, кто хочет утолить Жажду раньше положенного срока и без испытания? Встаньте.

Поднялись пять человек.

— Клянусь смертью! Тот, кто сейчас догонит Ната и принесет мне его голову, получит Кубок, — поклялся Лорд Вампир. — Я знаю, что Нат хороший боец, но вы можете приказать ему от моего имени подчиниться. Он не будет сопротивляться. Спешите.

Однако все пятеро опустились на свои места. Никто не пошел за изгнанным.

Абхораш подождал немного, потом объявил:

— Я приказываю всем, кто только что желал избежать испытания и утолить Великую Жажду, подойти сюда.

Понурив головы, к нему вышли пятеро претендентов.

Лорд Вампир наполнил кубок и поочередно напоил их кровью дракона, чем поверг всех, включая Магнификуса, в крайнее изумление. Потом он повернулся к остальным и торжественно произнес:

— Сегодня один из самых удачных дней в моей жизни! Я ждал избавления для троих, а получил свободу от Жажды для семерых, нет — на одну больше! — он крикнул слугам: — Верните этого дурака Ната обратно, вместе с его невестой! — и, вновь обратившись к присутствующим, провозгласил: — Да здравствует Смерть! Играй, Фориус!

Ответом ему был единодушный крик:

— Да здравствует Смерть!

И восторженный гул невидимого органа.

Воодушевленный увиденным, Магнификус кричал вместе со всеми, хотя вкладывал в декларируемый вампирами лозунг совсем противоположный смысл.

Потом расторопные слуги притащили столы, заваленные едой, и несколько десятков ящиков уже знакомого молодому человеку портвейна. В тот вечер Магнификус решил себе «позволить». Как добрался до кровати, он не помнил.

Его разбудило похмелье. Магнификус долго не решался открыть глаза, опасаясь, что любое движение способно спровоцировать инсульт. Когда же он все-таки их открыл, то обнаружил сидящего на краю кровати Абхораша.

Лорд Вампир чистил ножом яблоко, задумчиво глядя перед собой. Почувствовав на себе взгляд молодого человека, он молча протянул ему бутылку.

Не отвлекаясь на благодарности, Магнификус в несколько секунд ополовинил спасительный сосуд и свесил с кровати ноги.

— Надеюсь, я прилично себя вел вчера? — с опаской поинтересовался он у рыцаря.

— Вполне, — добродушно ответил тот. — Разве что перед тем, как упал с клетки, ты требовал, чтобы тебя немедленно искусали и зачислили добровольцем в орден.

— Какой позор! — застонал Второй, делая с горя крупный глоток из бутылки.

— Перестань, — успокоил его Абхораш. — К тому времени Менкалинан уже сцепился с Шаулой, и еще орган гремел так, что тебя вряд ли кто слышал. А если и слышал, то не понял. Ты кричал по-латыни.

— Я не знаю латыни, — удивился Магнификус.

— Зато я знаю, — сказал рыцарь. — Еще ты жестикулировал.

— А кто с кем сцепился? — успокаиваясь, спросил Второй.

— Менкалинан с Шаулой, — повторил Абхораш. — Они когда-то ухаживали за одной вдовой, молочницей, и Шаула первым удостоился ее сердца.

— В каком смысле?

— В переносном. Так, Менкалинан обвинил Шаулу в коварстве, а тот воткнул бывшему сопернику в горло нож. Менкалинан возродился, и они начали рубиться на мечах. Были большие ставки.

— Кто кого?

— Не знаю, я не дождался конца поединка, — встал с кровати рыцарь и сообщил: — Мы сегодня выезжаем для практических занятий. Поднимайся.

— Как же так?! — допивая бутылку, не понял Магнификус. — А несколько эффектных ударов? Ты мне ничего не показал!

— По дороге покажу, — пообещал ему Абхораш, распахивая дверь. — Свой меч оставь здесь, я тебе выдам другой. На время занятий, конечно. Идем скорее.

— Иду, иду, — недовольно пробурчал Второй, вставая на ноги. — Всегда вот так — когда нужно отлежаться денек, так сразу дела!

— Это жизнь, — хлопнул его по плечу рыцарь. — Зато по дороге будут попадаться и трактиры.

— Трактиры — это действительно жизнь, — согласился Магнификус.

— Ну и где же трактиры? — зло поинтересовался Второй, когда они, переодетые в потрепанные хламиды странников, широкие шаровары из той же ткани, с топорами за поясами, утопая по колено в болотной жиже, четвертый час брели на север.

— Будут, — пообещал ему Абхораш, перекидывая на другое плечо моток толстой веревки.

— Почему мы пошли одни и в таком виде? — продолжил расспросы Магнификус, чувствуя, как похмелье с новой силой овладевает им. — Наверно, можно было бы и по дороге, с десятком вооруженной охраны.

— Можно было бы, — кивнул рыцарь. — Только разве это приключение — по дороге и с десятком?

— Клянусь, я устал от ваших приключений! — простонал Второй, делая неверный шаг в сторону и погружаясь по пояс в болото. — Так жить нельзя! Ни дня без приключений. Нет, само собой, я уважаю приключения, но в гомеопатических дозах. Какая от приключений польза, если приключения становятся нормой жизни?!

— Польза есть, — не согласился с ним Лорд Вампир. — Жизнь героя — это сплошные приключения. Хочешь стать героем — не думай о мемуарах. Настоящие герои считают этот жанр неприличным.

— Не уверен, что хочу стать героем, тем более без мемуаров, — тоскливо признался Второй. — Хочу в трактир. Неважно себя чувствую. Тебе этого не понять — у вампиров не бывает похмелья.

— Кто тебе это сказал?! — возмутился рыцарь. — Если кто что-нибудь и смыслит в похмелье, так это вампиры. А ваше похмелье — детские желудочные несварения.

— Пусть так, — буркнул Магнификус. — Но если я в ближайшие десять минут не выпью, то сдохну от этих несварений.

— Крепись. Еще четверть мили, и будет трактир, — приободрил его Абхораш.

Эта новость придала молодому человеку сил, и он зашагал быстрее.

Лорд Вампир его не обманывал — трактир был. Не ахти какой, но трактир. Приземистый сруб, обросший со всех сторон лишайником, без единой подъездной дороги, стоял на островке, окруженный зарослями острых болотных камышей. Над дверью заведения, скрипя на ветру, покачивалась доска с выжженной на ней надписью «Тихие топи».

— Видать, оживленное место, — съязвил Магнификус, выбираясь на твердую землю.

— Не бойся, спокойное место, — не понял насмешки в словах спутника рыцарь и первым вошел внутрь.

Внутри трактир также не блистал особой роскошью — деревянные столы, сколоченные из толстых досок, такие же лавки рядом с ними. Но зато сухо и в очаге горел огонь. Посетителей было немного. Двое мужчин занимали столик в дальнем углу, справа от очага. Сидели они к двери спиной и даже не обернулись на вошедших.

Абхораш сел за ближайший стол, и Второй последовал его примеру.

Доски стола были изрезаны ножами, кое-где можно было даже разобрать надписи. Одна из них гласила: «Терхем груб, но верен. Лири глуп, но храбр. Положили вместе медяки в глаза».

— Поэзия, блин! — ругнулся Магнификус, не терпящий с похмелья кладбищенской тематики.

К ним подошла дородная трактирщица и, даже не поздоровавшись, приказала:

— Деньги показывайте!

Лорд Вампир, не поднимая к ней лица, молча выложил на стол один золотой.

— Поздравляю с хорошей охотой, господа! — сразу подобрела трактирщица и спросила: — Если погоня, то могу быстро подогреть

утреннее жаркое из кабанины, если оторвались, то запеку утку. Пойло любое. Что пить будем?

— Как всегда, Марта, — насмешливо взглянул на нее рыцарь. — Я вижу, ты не сменила компании? По-прежнему разбойники, воры, аферисты?!

— От родных не откажешься, сэр Бетельгейзе, — почтительно поклонилась ему женщина. — Но я вижу, что и вы не торопитесь менять привычки?

— Привычки — визитная карточка для ангела смерти, — ответил ей Абхораш. — Принеси нам поесть и выпить. Выпить в первую очередь. Мой добрый друг устал с непривычки.

— Одну секунду, — поспешила на кухню Марта.

— Это Марта — первая леди преступного мира Империи, — глядя ей в спину, объяснил рыцарь. — Ее муж, знаменитый Георг Перонни, — король воров. Последние сорок лет в заключении за грабеж имперской почтовой кареты. Выходить не торопится, руководит своими людьми из темницы. Я его понимаю — он поклялся Марте на алтаре в храме Сигмара покончить с прошлым и через неделю после свадьбы попался. А у Марты тяжелая рука и взрывной характер.

— Почему она тебя назвала сэр Бете..? — спросил заинтригованный Магнификус.

— Бетельгейзе. Так меня звали одно время, — признался Лорд Вампир. — Я возглавлял в Мариенбурге городской гарнизон и за время службы повесил несколько десятков завсегдатаев этого заведения.

— Об этом все знают? — испуганно оглянулся на парочку в углу молодой человек.

— Абсолютно все, — подтвердил его опасения рыцарь, но успокоил: — Не волнуйся, на меня здесь зла не держат. Я хорошо ловил, они плохо прятались. Все честно, без предательства.

К столу вернулась Марта и выставила перед путниками две бутылки.

— Посиди с нами, — предложил Абхораш. — Много лет не виделись.

— Сейчас, огонь убавлю, — согласилась женщина и быстро пошла на кухню.

Едва она обернулась к столу спиной, Магнификус схватил бутылку и сделал крупный глоток. Содержимое бутылки обожгло ему гортань. Едва сдержав кашель, Второй выдохнул воздух и констатировал:

— Это не портвейн, это абсент!

— Полынная водка, — согласился с ним Лорд Вампир. — Крепкий напиток с воображением. Поэтому не советую злоупотреблять, у тебя и так с воображением перебор.

— Ты любишь абсент? — изумился вкусам спутника Магнификус.

— Он меня любит, — уточнил Абхораш. — Я же отвечаю взаимностью.

Марта села за стол со своей бутылкой.

— Где вы путешествовали столько времени, сэр Бетельгейзе? — поинтересовалась она. — Додж Горбатый болтал, что вас разрубили на мелкие кусочки в битве у Кислева.

— Не отрицаю, — чокнулся с ней бутылками Лорд Вампир. — Потом меня повесили в Бретонии, и сожгли два оборванца в одной маленькой деревушке под Мидденхаймом. Хитростью, к слову, заманили в дом и сожгли. Один в шляпе, болтливый, а другой — блондин с губной гармошкой. Что вспоминать, твое здоровье, прекрасная Марта! Ты одна из самых волнительных женщин, каких я встречал на своем пути, а я долго ходил.

Женщина зарделась от такого комплимента и в свою очередь тихо провозгласила:

— За вас, сэр Бетельгейзе! Жалею, что поторопилась замуж за Георга, но с другой стороны — мы познакомились чуть позже.

Они выпили и одинаково занюхали ладонями, потом звонко хлопнули их друг об дружку.

— Кстати, а как Георг? — спросил после этого символического жеста Абхораш.

— Страдает, — печально сообщила женщина. — Пишет, что практически перепилил решетку, но его опять перевели в другую камеру. Вот я и подумываю совершить какое-нибудь преступление и «сесть» к нему. Вместе нам легче будет выбраться. Он такой неуклюжий.

— Не стоит, Марта, — посоветовал рыцарь. — Тюрьма — не женское дело. Ты только напиши о своем замысле Георгу в тюрьму, и я убежден, что твоя готовность к самопожертвованию сотворит чудо.

— Вы все смеетесь, сэр Бетельгейзе, — хохотнула Марта. — Если я ему об этом напишу, он убежит в тот же день. Нет, пусть сидит. Он там писать научился. И потом, я уже не та Марта, которую он помнит. Столько лет прошло.

— Перестань, Марта, — усовестил ее Лорд Вампир. — Ты же знаешь: женитьба — не постель, а любовь в рассрочку.

— Как печально, что вы уже не вампир, — вздохнула женщина и протянула свою бутылку. — Я бы согласилась, чтобы вы меня выпили, как эту травяную водку.

— Не жалей, — покачал головой рыцарь, хотя по его лицу было видно, что Марта ему польстила. — Я никогда не пил уникальные сорта. Вандализм не в моем стиле.

И они снова чокнулись и выпили.

— Опять ни за что и в никуда? — предположила Марта, опуская бутылку.

— Дела, — вздохнул Абхораш и спросил: — Что нового в округе?

Женщина подумала и сообщила:

— Стригоя видели утром, к востоку отсюда — раз, месяц назад в Мариенбурге старого Топу Башмачника повесили, он проезжего аристократа из Альтдорфа подрезал — два, полгода назад Мир Касим дочку замуж выдал, а она супруга, как грязную тряпку, в окно выбросила. И поделом ему. Хорошая девочка. Мир Касим сам виноват, надо было разрешить ей за Смехача выйти. Теперь ей пару и не подберешь. Три. Все вроде. Из интересного. А так по-прежнему — режут, грабят, воруют. В общем — скука.

— Смехач все смеется? — заинтересовался рыцарь.

— Смехач подался в Тилею, — ответила Марта. — И правильно. Последнее время смех у него жутковатый стал.

— Жаль, — сказал Абхораш. — Надо уважать чувства своих детей. Но я не удивлен — Мир Касим всегда был слишком высокого мне-

ния о себе, больше, чем может себе позволить умный человек. А стригой — Регул.

— Не прошел? — подалась вперед женщина.

— Не прошел, — кивнул Лорд Вампир. — Тоже подвела гордыня.

— Бедный Регул! — расстроилась Марта и поднялась из-за стола. — Я за уткой. Такая жирная птица, чудо, а не птица! Вы будете ее вспоминать всю жизнь, как первый поцелуй.

— Сэр Бетельгейзе, — обратился к своему спутнику Магнификус, после сытной трапезы покидая трактир. — А ты мстишь тем, кто когда-то тебя убил?

— Обычно нет, — ответил рыцарь, закрывая дверь и поправляя свою хламиду. — Только в исключительных случаях. Ты это к чему спросил?

— Вспомнил, как тебя хитростью заманили в дом и спалили, — объяснил Второй.

— Нет, болтливому бородачу и его другу-полукровке мстить не буду, — махнул рукой Абхораш. — Невежественные люди. Спасали деревню от кровопийцы. Не знали, что «Кровавые Драконы» не нападают на безвинных, даже в период Жажды. Ты что, их знаешь?

— Знаю, это мои соратники, — признался Магнификус.

— О вкусах не спорят, — пожал плечами Абхораш. — Если взглянуть на это с другой стороны — бесстрашные люди. И хитрые, поганцы!

К полудню они выбрались из болота и пошли через лес. Лорд Вампир шел молча, о чем-то размышляя, и Магнификус не решался без особого повода отвлекать его. Второй на ходу любовался вековыми деревьями, высоко раскинувшими свои зеленые кроны, на голубое небо, проглядывающее сквозь них, не забывая при этом отхлебывать из бутылки, благоразумно прихваченной в «Топях». Полынная водка не

только исцелила его нервную систему, истерзанную событиями последних дней, но и настроила на благодушный лад.

— Дивный, просто дивный лес! — мысленно восторгался он. — Эти деревья наверняка были свидетелями многочисленных подвигов и романтических встреч. И этот прохладный ветерок, и эти сладкоголосые птицы! Почему я раньше не любил лес? Собственно, а что я раньше любил? Да ничего не любил. И себя в первую очередь. Мерзавец! Как я смел себя не любить? Красавца-гуманитария, эрудита-бессребреника! Нет мне прощения! Я просто обязан оправдать надежды, возложенные на меня эльфами, гномами, вампирами, крысами... Хотя, хрен их поймешь, чего они точно хотят. Крысами! Шарскун, дружище, где теперь твоя противная морда? Ужель не свидеться нам больше в юдоли жизненной моей? Так, где же меч?

И он уже вслух поинтересовался:

— Да, собственно, где же меч? Точнее, мечи? И что по поводу обещанных эффектных ударов?

Рыцарь отвлекся от дум и укоризненно взглянул на Магнификуса:

— О! Да ты, уважаемый, опять нарезался.

— Отнюдь, — попробовал протестовать Второй.

Но Абхораш не стал его слушать, отобрал бутылку и отшвырнул ее в сторону:

— Хватит праздновать. Так мы далеко не уйдем.

— Я полон сил! — заверил его Магнификус.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Лорд Вампир и зашагал дальше.

Магнификус побрел за ним, бормоча себе под нос:

— Подумаешь! Ну перебрал чуть-чуть. Так я болел.

— И скоро опять болеть будешь, — заверил его рыцарь. — А ближайший трактир очень далеко.

Это встревожило молодого человека:

— Как далеко?

— Завтра, — ответил Абхораш.

— Нет, завтра — это никуда не годится! — ужаснулся Магнификус. — Через два-три часа мне опять станет плохо.

— Зачем тогда столько пил? — спросил рыцарь. — Надо было тянуть, к вечеру был бы здоров.

Второй сбегал в ту сторону, куда его благоразумный спутник выбросил бутылку, и вскоре вернулся обратно, бережно прижимая спасительный сосуд к груди.

— Буду тянуть, — заверил он Абхораша.

Тот пожал плечами и двинулся дальше.

Сразу за лесом начинались торфяники.

— Вон за тем холмом река Рейк, — показал рыцарь, вытаскивая из-за пояса топор. — Надо рубить плот.

— Зачем нам плот? — не понял Магнификус.

— Плыть, — лаконично объяснил Лорд Вампир. — По реке плыть до Альтдорфа, потом на север, к проходу Карак—Ангора. Три дня, и мы на месте.

— Плот так плот, — смирился Второй.

Абхораш скинул на землю хламиду и, обнажившись по пояс, принялся рубить ближайшее дерево. Магнификусу ничего не оставалось, как только последовать его примеру и вонзить свой топор в другое дерево.

Рыцарь явно имел богатый опыт в сооружении плотов. Второй еще и одного дерева не повалил, а Лорд Вампир уже срубил два, очистил стволы от веток, разделил ствол пополам и отволок к указанному холму.

— Где ты научился так лихо топором орудовать? — невольно восхитился Магнификус.

— Я несколько лет служил лесником, — продолжая работать, ответил Абхораш. — Интересное было время. За мной охотилась имперская рейхсгвардия, а я дышал свежим воздухом в глубине Дракwальдского леса. Причем за хорошее жалованье.

— Почему охотились? — покряхтел Второй, всем телом налегая на подрубленный ствол.

— Ерунда, — усмехнулся рыцарь. — Случайно встретил на площади в Альтдорфе одного знакомого, отрубил ему голову и осиновый кол в сердце загнал. А он оказался министром.

— С министрами так нельзя, — укорил его Магнификус.

— Нельзя, — согласился Лорд Вампир. — Только это был плохой министр.

— Если всем плохим министрам осиновые колья в сердце загонять, то мы так без министров останемся, — резонно заметил Второй и всем телом налег на неподдающийся ствол.

Дерево жалобно хрустнуло и повалилось на рыцаря, стоящего к своему неопытному помощнику спиной и поэтому вовремя не сумевшего среагировать.

— С тобой рискованно иметь дело, — сердито пробурчал Абхораш, выбираясь из-под придавившего его ствола. — Ты поопасней рейхсгвардии будешь.

— Прости, — извинился Магнификус. — У меня совершенно отсутствует опыт в этой области.

— Я заметил, — отряхиваясь, кивнул Лорд Вампир и вернулся к разговору: — Министр не просто плохой был, а очень плохой — интриган и кровосос. Он раньше при лахнийском дворе писцом служил. Как он втерся в доверие к Карлу-Францу — не понимаю.

— Кто у нас Карл-Франц? — уточнил Второй.

— Император, — ответил рыцарь.

— Может, они нашли общие интересы? — предположил Магнификус.

— Надеюсь, что нет, — покачал головой Абхораш и объяснил: — Министр не любил женщин, он предпочитал однополые утехи. Сомневаюсь, что это помогает в карьере.

— Великий Лорд! — заверил его Второй. — Как раз эта особенность — одна из самых перспективных в продвижении по службе. Удивляюсь, что ты этого не знаешь.

— Да? — не поверил рыцарь.

— Уж поверь мне, — кивнул Магнификус.

— Откуда ты знаешь? — с подозрением покосился на него Лорд Вампир.

— Теоретически, — успокоил его Второй. — Без личного опыта.

— Это прекрасно, что без личного! — приободрился рыцарь и потащил очередной ствол к холму.

Собрав необходимое количество строительного материала, Абхораш ловко скрепил стволы между собой прихваченной из замка веревкой и одной рукой потащил тяжеленный плот к шумящей внизу реке. Потом он вернулся к лесу и срубил четыре крепкие палки — две длинные и две покороче.

— Наши мечи, — заявил он, показав на короткие палки и вставая на плот.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Магнификус, тоже перебираясь с берега на скрепленные бревна.

— Я имею в виду десяток-другой эффектных ударов, — сообщил рыцарь и кинул одну из палок молодому человеку. — Защищайся.

— Как же так? — удивился тот, но первый же удар по предплечью мгновенно отрезвил его.

— Вот так, — делая еще один выпад, ответил Абхораш. — Зачем время терять? Плот по течению плывет сам, самый подходящий случай для учебного боя.

— Да ты хоть научи чему-нибудь сначала! — взмолился Магнификус, получая еще один удар, на этот раз по ноге.

— Учу, — сказал рыцарь, прицеливаясь для очередного удара, — Не следи за палкой, смотри мне в глаза. Дай возможность своему телу сражаться и не отвлекай его пустыми мыслями.

— Очень полезная информация, — не вполне искренне поблагодарил его молодой человек, но следующий удар отбил.

— Вот видишь, — сказал Абхораш. — Порой думать вредно.

Река несла их плот мимо крутых берегов с нависающими над ними зарослями густого кустарника, потом мимо песчаных пологих спусков, по которым обычно крестьяне сгоняют на водопой скот, потом мимо величественных колоннад корабельных сосен, возвышающихся над водой по обоим берегам, потом — опять кустарник и опять леса. Бесконечные, непроходимые, прекрасные в своей никем не потревоженной свободе леса.

Солнце всходило, достигало зенита и скрывалось за горизонтом, а путешественники стучали своими палками, делая недолгие перерывы, чтобы перекусить, и прекращая занятия только когда на небе загорались звезды. Тогда они шестами направляли плот к берегу, разжигали костер и, предварительно наломав себе еловых веток, засыпали на них до первого луча солнца.

Так прошло два дня, пока, наконец, впереди не показались первые крыши домов.

Рыцарь тут же опустил свою палку, и Магнификус, задыхаясь, плюхнулся на мокрые бревна.

— Ты точно монстр, — сказал он, снимая мокрую от пота накидку и выжимая ее.

— Не скрываю, — спокойно заметил Лорд Вампир, присаживаясь, и добавил: — Мы подплываем к пригороду Альтдорфа. Надо бы где-то причалить и дождаться ночи. Днем нас может заметить и арестовать береговая охрана.

— Какая разница? — спросил Магнификус. — Убьем их всех и поплывем дальше. Если нас убьют, то восстановимся и убьем их всех.

— Неизвестно, кто из нас больше монстр, — укорил его рыцарь: — В береговой охране служат нормальные люди, семейные, не герои. Зачем сразу убивать? Дождемся ночи и бескровно поплывем дальше.

— Какой неожиданный гуманизм! — вздохнул Второй. — Два дня колотил меня палкой, а я монстр! Совести нет.

— Ты меня удивляешь, — не согласился Абхораш. — Хочешь за неделю научиться тому, чему учат годами, а у меня, мол, совести нет!

— Нет, — настаивал Магнификус. — Показал бы несколько эффектных ударов, как я просил, и достаточно.

— Несколько — это сколько? — уточнил рыцарь.

— А сколько нужно для нормального поединка? — вопросом на вопрос ответил Второй.

Лорд Вампир подумал и сообщил:

— Пять тысяч.

— Сколько?

— Пять-шесть тысяч.

— Это какой уровень?

— Средний. Хороший уровень — не менее десяти тысяч.

— И за сколько ты меня собираешься научить среднему уровню?

— Как договорились — за четыре дня.

— Каким образом?

— Буду лупить тебя палкой, пока не научишься.

— А научусь?

— Что тебе остается?

Рыцарь поднял шест и начал подводить плот к берегу. Вскоре плот врезался в заросли прибрежного камыша и остановился. Абхораш бросил шест и улегся на спину.

— Простудишься, Великий Лорд, — предупредил его Магнификус.

— Издеваешься? — повернувшись на бок, отмахнулся от него тот. — Вампиры не боятся холода. Однако за заботу о моем здоровье благодарен.

— Не за что, — улыбнулся Второй и спросил: — Что, вампиры вообще ничем не болеют?

Лорд Вампир подумал и ответил:

— Гипертония. С возрастом.

— Чем лечите?

— Кровь пускаем.

— Кому?

— Как кому? Себе, естественно.

— Помогает?

— Когда как.

На берегу раздался какой-то шум. Магнификус поднялся на ноги и огляделся. По дороге вдоль берега двигался отряд вооруженных всадников.

— Что там? — заинтересовался Абхораш.

— Рыцари. Отряд. Человек двадцать, — сообщил Второй.

— На щитах какой знак?

— Солнце.

— Это рыцари Слепящего Солнца. Куда движутся?

— К городу. Кстати, Великий Лорд, а если мы погибнем в неравном бою? Какой алтарь нас восстановит? В твоем замке?

— Слава Смерти — нет. Далеко. Я в горах личный алтарь открою.

— Каким образом?

— Очень просто. Нарисую круг своей кровью и напишу в нем руны регенерации.

— Так можно?

— Мне можно.

— А мне?

— Тебе тоже. Встанешь в центр круга, руны вслух произнесешь и все.

— Удобно.

— Еще бы.

Магнификус подумал и предложил:

— Может, я прогуляюсь до вечера?

— В трактир? — насмешливо предположил Лорд Вампир.

— Почему сразу в трактир? — обиделся Второй. — Не только в трактир. Я город хочу посмотреть.

— Не советую, но как хочешь, — сказал рыцарь. — Главное, никуда не лезь и ни с кем не разговаривай.

— Денег не дашь? — попросил Магнификус.

Абхораш вытащил из кошелька горсть золотых монет и протянул спутнику.

— Какой сейчас курс? — в шутку спросил тот.

— Золотой — одна лошадь или две коровы, — без намека на шутку ответил Лорд Вампир.

Второй спрятал монеты в карман шаровар и спрыгнул с плота. Вода едва доходила ему до щиколоток.

— К закату вернись, — крикнул ему вслед рыцарь.

Магнификус кивнул и побрел к берегу. Прежде чем выйти на дорогу, он внимательно огляделся по сторонам. Людей рядом не было. Далеко вдали клубилась пыль, поднятая проехавшим отрядом всадников. Путешественник вышел на дорогу и зашагал по ней в сторону Альтдорфа.

Поначалу попадались только стоящие на приличном расстоянии друг от друга аккуратные крестьянские дома, с ухоженными огородами вокруг. Потом встретилась настоящая мельница. Из телеги, запряженной двумя мулами, коренастый крестьянин выгружал на землю перед мельницей мешки с зерном. Вокруг него гонялись друг за другом двое щекастых малышей — мальчик и девочка. Они то и дело спотыкались о выгруженные мешки и падали. Потом с радостным визгом опять вскакивали на ноги и продолжали погоню друг за другом.

Магнификус не спеша обошел телегу и двинулся дальше. Крестьянин почтительно поклонился ему. Очевидно, он его принял за странствующего священнослужителя — сигмариота.

— Прошу ваших молитв, святой отец.

— Да благословит тебя Сигмар! — тут же входя в роль, приветливо кивнул ему Второй.

Крестьянин еще раз поклонился. Детишки на мгновение отвлеклись от игры и повторили его жест.

Сразу за мельницей потянулась череда одноэтажных строений, явно принадлежащих городским жителям. Среди них попадались небольшие особняки. На треугольном фронтоне крыльца одного из них красовалась надпись «Продается. 37 зол. имп. Торг.»

— Недорого, — про себя отметил Магнификус.

Чем дальше он шел, тем больше и нарядней становились дома, а гравий под ногами сменила брусчатка. Начали встречаться магазины.

Второй с удовольствием читал надписи на них: «Ткани и прочая мануфактура г-на Гонга», «Альтдорфские пряники», «Золотые украшения, подарки и сувениры», «Табачный островок» и т. д.

«Табачный островок» заинтересовал путешественника, и он вошел в магазин.

Торговое помещение украшали три застекленных стеллажа с выставленными на них курительными трубками разных форм, дубовый прилавок с несколькими десятками разноцветных коробок на нем. Из-за прилавка торчала ушастая голова с дымящейся трубкой во рту.

При появлении покупателя голова пришла в движение, и навстречу Магнификусу поднялся худощавый продавец неопределенного возраста.

— Что-нибудь желаете, уважаемый? — деликатно поинтересовался он.

— Да, трубочку и табачок к ней я бы купил, — признался Второй, но во избежание конфуза уточнил: — Цены приемлемые?

— Хоть в долг, — добродушно заявил продавец. — Но если деньги есть, то за двадцать медных импов можно подобрать что-нибудь приличное. Какой табачок предпочитаете? С ароматическими добавками или в чистом виде?

Магнификус мысленно попытался сформулировать табачный букет, присущий традиционным бельгийским табакам, которые ему нравились, но получилось не очень вразумительно:

— В основном чистый и немного пряного.

Однако продавец прекрасно его понял и протянул одну из коробок:

— Может быть, «Вечерний разговор» — в меру легок, для окружающих приятен, при повторном возжигании горечи не дает.

Второй открыл коробку и понюхал табак.

— Понимаю, что так, на глазок, не подберешь, но можно попробовать его покурить, — продолжил продавец. — Хотите — забейте в свою трубку, хотите — купите новую, хотите — я вам дам одну из своих. Чищенную, специально для дегустаций.

Убедившись в откровенном намерении доброго малого угодить покупателю, Магнификус решился до известной степени довериться и соврал:

— Понимаете, у меня был день рождения, и мои друзья дали мне денег, на самую лучшую трубку для себя. И табак. Я много путешествую, мне приходится общаться с высокопоставленными особами, но при этом хотелось бы не сувенир, а настоящую трубку. Короче говоря, мне выдали на это золотой.

— Золотой! — озадаченно почесал затылок продавец. — На золотой можно двадцать лучших трубок купить и мешок табака. И путешествуете, значит? И высокопоставленные? И не сувенир?

— Точно, — подтвердил Магнификус.

— Вот что, — решил продавец. — У вас есть время?

— Есть.

— Тогда присядьте за столик и немного подождите. Я быстро сбегаю к своему другу, тут через улицу. Будем надеяться, что у него еще осталась одна удивительной работы трубка. Как вы относитесь к длинным чубукам?

— Вполне.

— Тогда я побежал, — продавец покинул прилавок и вышел из магазина, но через мгновение заглянул обратно:

— Уважаемый! Сейчас вам сюда моя супруга чаю принесет и газету, чтобы вы не скучали.

— Вот это сервис! — про себя восхитился Магнификус. — Некурящий закурит.

В магазин вошла далеко не юная, но невероятно обаятельная женщина и поставила перед посетителем поднос с чашкой ароматно пахнущего чая и газетой «Утренний Альтдорф». На прощанье улыбнувшись, она молча удалилась.

Второй сделал глоток чая и развернул газету.

На первой странице красовался графический портрет пожилого господина в величественной позе. Из сопутствующей портрету статьи путешественник выяснил, что этот господин ни кто иной, как рейхсмар-

шал Капитан Рейхсгвардии Курт Хельборг и что вчера он отпраздновал трехсотлетний юбилей. Автор статьи не скупился на дифирамбы рейхсмаршалу, но и от пикантных подробностей биографии оного не отказывался. Так Магнификус узнал, что юбиляр в юности слыл проказником по части амурных привязанностей и имеет незаконнорожденного сына, который ныне служит в одном из воинских гарнизонов Альтдорфа в чине лейтенанта и не желает поддерживать связи со своим легендарным отцом, поскольку не может ему простить страданий, пережитых его матушкой — владелицей городского ипподрома.

Вслед за передовицей, на другом листе, Второй ознакомился с манифестом общества защиты горных троллей и парочкой литературных эссе на тему непростой студенческой жизни. Автор эссе, судя по всему, сам студент, укорял общество за невнимательное отношение к быту учащихся альтдорфского университета и вопиющей несправедливости руководства вышеупомянутого учебного заведения, отдающего за деньги треть учебных мест тупым отпрыскам богатых родителей.

Третий лист равномерно распределяли между собой новости культуры и религии. Колонку культурных новостей занимала рецензия известного столичного литературоведа на новую книгу Феликса Ягера. Рецензент недоумевал: «Коль этот плодовитый литератор покушается поразить воображение читателя своими подвигами, он мог бы, по крайней мере, утрудить себя привнесением в текст хотя бы намека на морально-нравственные или философские выводы из своего воистину эпического "героизма"».

Колонку религиозных новостей заполнил богословский диспут двух священнослужителей: одного — принадлежащего культу Сигмара, второго — культу Ульрика. Богословская суть диспута ускользнула от понимания Магнификуса, однако он все-таки догадался по некоторым фразам, что ученые клерикалы борются за освобождение своих церквей от государственного налогообложения.

Четвертый лист делили поздравления, некрологи и частные объявления типа: «Гильдия альтдорфских гномов-часовщиков с прискорбием сообщает о безвременной кончине нашего доброго товарища Мипома Зоркого, покинувшего нас на 972-м году жизни вследствие рецидива

грудной жабы. Мы выражаем наши глубочайшие соболезнования вдове и родителям покойного».

Или: «Желающие получить навыки верховой езды на боевых гидрах могут посылать свои заявки по адресу: 2 Облачный переулок. Дом 3. Геру Кытику. Стоимость полного курса — 70 сер. имп».

Или трогательное: «Где ты, единственный?! Мне уже 190, а я все одна. Блонд. Цвет глаз — зел. Рост — 1 м 73 см. Вес — 56 кг. Образ. высш. Дворянка. Писать: Улица Четвертого Триумфа. Д. 6. Люссия Вермотти».

Как раз на прочтении этого объявления в магазин вернулся запыхавшийся продавец. Глаза его радостно сверкали, а руки сжимали прямоугольный металлический футляр.

— Вам очень повезло! — сообщил, выложил футляр на стол перед молодым человеком и раскрыл его. — Цельный остланский бриар, чубук из лобной кости «хладнокровного», золотой охладитель. Работа фон Гаера, по эскизу мастера Бомса. Продолжение линии «Гнезда Фениксов». Оригинал. 400 лет.

Магнификус достал трубку, подержал ее в руке и удовлетворенно кивнул:

— Чудесно! И сколько?

— Шесть серебряных импов, — смущенно признался продавец. — Дешевле не отдают. Редкая вещь.

— Простите, — перебил его Второй. — Я почти всю жизнь прожил в пустыне и совсем ничего не смыслю в деньгах. Шесть серебряных импов — это больше, чем золотой?

— Конечно нет! — воскликнул продавец. — Золотой — это десять серебряных импов, или правильнее — империалов. И сто медных.

— Тогда давайте табак, вон тот, в белом кувшинчике, — успокоившись, попросил Магнификус. — Обкурим трубку.

Продавец с готовностью снял с прилавка нужную коробку.

Попыхивая своей новой трубкой, Магнификус продолжил ознакомление со столицей Империи. Город ему определенно нравился. Чистые широкие улицы. Добродушные симпатичные жители. На каждом углу уютные закусочные, как правило, под открытым небом, в огороженных низкими деревянными оградами палисадниках. В одном их таких заведений молодой человек решил подкрепиться. Он заказал себе жареной картошки с грибами и рюмочку чего-нибудь крепкого. Официантка, принимая заказ, уточнила, что святой отец имеет в виду под «чем-нибудь крепким»? Магнификус сослался на крепость полынной водки, но добавил, что как раз ее-то и не нужно. Тогда официантка посоветовала ему фирменную настойку на мандрагоре. Мол, по крепости то же самое, а вкус гораздо интересней. Второй доверчиво согласился и принялся разглядывать идущих мимо прохожих. По тротуарам улиц Альтдорфа двигались в основном обычные люди, хотя можно было встретить и деловитых гномов, спешащих куда-то с толстыми кожаными папками в руках, и степенных азуров, задумчиво прохаживающихся вдоль витрин магазинов, и даже гоблинов. Очевидно, какую-то цивилизованную их разновидность. По проезжей части то и дело проносились кареты и маршировали группы вооруженных всадников.

Одежда столичных жителей представляла собой гармоничную смесь, состоящую из элементов нарядов средневековой эпохи и эпохи Возрождения, в частности — рококо, явственно дополненное штрихами моды конца двадцатого столетия. Так, на носу сидящего за соседним столиком господина в бирюзовом камзоле красовались пижонские солнцезащитные очки, а изящные ножки официантки обтягивали черные нейлоновые колготы. Впрочем, общую картину это не портило. Да и потом, Магнификусу уже приходилось сталкиваться как с двухколесной «колесницей» Тордиона, марки «Харлей Девидсон», так и с самозарядными пистолетами ван Хала марки «Кольт».

Миленькая обладательница нейлоновых колгот принесла фирменную настойку, и Второй отвлекся от своих наблюдений. Изучив на свет хрустальную стопку, наполненную желтоватой жидкостью, путешественник решительно, одним глотком, опустошил ее и осознал, что на-

стойка на мандрагоре — ближайший родственник текилы. Ему невольно захотелось попросить официантку принести для ознакомления бутылку, но он вовремя вспомнил, где находится.

— Вы довольны? — заботливо поинтересовалась девушка.

— У меня на родине это называется текила, — честно ответил он.

— Как интересно! — неожиданно воскликнула официантка. — Полчаса назад здесь был ваш соотечественник. Он тоже назвал нашу настойку текилой.

— Соотечественник? — удивился Второй, перебирая в голове возможные варианты. — Полчаса назад?

— Да, представительный такой мужчина, — подтвердила девушка и показала на противоположную сторону улицы. — Он повел группу студентов из Нульна в Городской музей.

— Любопытно! — посмотрел в указанном направлении Магнификус.

Путешественник не стал дожидаться своей картошки. Он спрятал трубку, быстро расплатился и направился в Городской музей.

Его надежды оправдались вдвойне — первой, с кем он столкнулся в дверях, была Наола.

— Ты?! — изумилась она.

— Я, — подтвердил он.

— Почему в таком виде? — заинтересовалась Наола.

— Я здесь проездом, — ответил Второй, чувствуя предательское биение собственного сердца.

— А я на практике, — в свою очередь сообщила девушка и отчего-то зарделась. — Я тебя вспоминала.

— Я тебя тоже, — признался он и, желая каким-то образом снять незримое напряжение, возникшее между ними, спросил: — С преподавателем по этике?

— Да, — кивнула Наола. — С профессором Энлиль.

— Он мне очень нужен, — сказал Магнификус. — Меня просили ему кое-что передать.

— Так пошли! — обрадовалась Наола и, схватив его за руку, потянула за собой внутрь. — Вот повезло! Я ведь вышла еще одну студентку встречать.

Она провела его огромным холлом к широкой мраморной лестнице.

— Ты знаешь профессора?

— Конечно, знаю, — зачем-то соврал Второй.

— Тогда поднимайся на второй этаж. Он там. А я сейчас эту студентку встречу и подойду, — распорядилась Наола.

Магнификус не стал возражать. Его охватило ощущение той же самой предопределенности, что и на Острове Мертвых. Он понял, что все так и должно идти, как идет.

Тордиона он действительно узнал сразу. Тот стоял у одного из стендов к путешественнику спиной, окруженный со всех сторон студентами.

— Как ваше обучение у врага всех драконов? — услышал он в своей голове голос, хотя Тордион даже не повернулся к нему.

— Более или менее, — так же мысленно ответил он и в свою очередь поинтересовался: — А где ваши колокольчики?

— Там же, где и меч Кхеине. Далеко.

— Откуда вы знаете?

— Оттуда же, откуда вы знаете, что это я.

— Остров Мертвых?

— Остров Мертвых — это только место, я имею в виду тишину, для которой место — не обязательное условие.

— Что будем делать?

— То, что делаем. Вы — получать синяки, я — учить студентов. Пока не наступит время.

— У меня не больше месяца.

— Этого даже много. Ты хочешь побыть с Наолой?

— Очень хочу. Мне кажется, я...

— Кажется — неправильное слово. Особенно в таких ситуациях. Уместнее сказать — очевидно я... и так далее. Но это уже не мое дело.

— Как у вас получается складывать голоса, не вызывая сферу? Я знаю только одно существо, которое умеет выделывать такие штуки.

— Старина Казирион.

— Казирион Безумный.

— Придай слову «безумный» позитивный смысл и ты поймешь Казириона. Когда-то он был моим учителем. Ну, не будем терять времени.

Тордион обернулся, раскинув руки в сторону, пошел навстречу Магнификусу и крепко обнял его:

— Доктор Кварк! Рад, весьма рад, что вы все-таки приехали. Какая честь для нас! Я сейчас попрошу одного из моих студентов помочь вам устроиться, — он обратился к студентам: — Где Наола?

— Я здесь, профессор! — откликнулась девушка, поднимаясь по лестнице.

— Наола, помоги доктору Кварку устроиться в городе, он здесь впервые, — приказал профессор. — Не опоздай к утренней лекции.

— Хорошо, профессор, — согласилась немного смущенная Наола.

Она протянула молодому человеку руку и представилась:

— Наола Корстейн. Студентка третьего курса.

— Доктор Кварк, — пожал ей руку тот. — Естествоиспытатель.

Когда они оказались на улице, Магнификус посчитал нужным спросить:

— Я, наверно, тебе в тягость?

— Я счастлива! — призналась девушка и обняла его.

«Так не бывает», — подумал он, но вслух сказал: — Я тоже, — и поцеловал ее.

И тут же получил звонкую пощечину.

— Так не бывает! — обиженно заявила Наола. — У нас принято хотя бы сто лет ухаживать.

— У меня нет столетия, — потирая пострадавшую щеку, сообщил он.

— Тогда прости, — поверила девушка и сама поцеловала его.

И губы ее были слаще мечты.

Затем они гуляли по городу, иногда заглядывая в магазинчики, иногда присаживаясь за столики закусочных. И говорили, много говорили, о вещах приятных и необязательных. Просто им хотелось слышать голоса друг друга. Когда стало смеркаться, Магнификус сказал ей, что должен уходить.

И она не спросила его, куда. Это не имело значения. Потому что отныне, куда бы он ни шел, он шел к ней.

И как полагается, они расстались у здания городской ратуши, при последнем, четырнадцатом ударе старинных курантов.

Вернувшись к зарослям тростника, Второй сам оттолкнул от берега плот, и когда тот поплыл по течению вперед, сел и закурил трубку.

Лорд Вампир молча и внимательно со стороны наблюдал за его действиями. Только ближе к рассвету он подсел к Магнификусу и заверил его:

— Я мог подождал до утра.

— Зачем? — пожал плечами Второй. — Все равно нужно идти.

— Верно, очень верно, — согласился рыцарь и протянул ему палку. — Тогда продолжим. Боль — лучшее лекарство от сплина.

Вот уже два дня прошло с того момента, как они оставили плот одиноко качаться на тихих водах Нижнего Талабека. Их путь лежал к виднеющимся далеко впереди вершинам Карак-Ангора. Где-то там и находился упомянутый рыцарем проход к землям орков. Путешественники обходили стороной селения и дороги, пробираясь к цели в основном лесными чащами и болотами. Питались печеными на золе костров лесными голубями, которых ловко сбивал своей палкой Абхораш. Пили из родников. Во время одного из привалов, когда до гор оставалось не более двух часов пути, Магнификус поинтересовался у спутника:

— Высокочтимый Лорд, так я не понял — где тот меч, который ты мне обещал?

— На заре добудем, — сообщил ему тот, наламывая себе еловых веток для ложа.

— В каком смысле добудем? — не сообразил Второй.

— В прямом — добудем, — подтвердил рыцарь. — У нас на пути находится дорога к перевалу. Обычно по ней-то и проходят все разбойники.

— То бишь — мы ограбим разбойников? — встревожился Магнификус.

— Ты имеешь что-то против грабежа разбойников? — лукаво поинтересовался у него Абхораш. — По-моему, нет ничего забавнее грабежа разбойников. Два больших минуса складываются в огромный плюс.

— Весьма забавно, но с каким оружием мы нападем на вооруженных разбойников? — продолжал допытываться Второй. — Сдается мне, что палками их не напугаешь.

— Я никого и не собираюсь пугать, — ложась, ответил Лорд Вампир. — Проткнем их палками и заберем оружие.

— Прекрасный план, — вздохнул Магнификус и взглянул на усеянное звездами небо.

Он вспомнил о двух лучах, посланных Валайей в поисках пределов этого мира.

— Может, и нет никакого предела, — пришло ему в голову. — Может, покойный Корин провел своих друзей не в игру, а куда-то еще? Ведь удалось же ему вытащить Теклиса и остальных наружу, а игрушка в итоге оказалась вообще независимой. Путаница, однако. Нет гарантий, что мы сейчас по микросхемам мечемся, а не в параллельном мире. А игрушка так, первый шаг. Пока Таал с Валайей и Моором в солдатики играли Корин несколько тысячелетий чего-то придумывал. Будем надеяться, что это так. Иначе не очень понятно, как вести себя дальше с Наолой. Придется тоже себя бетоном заливать в Цитадели с остальными игроками. Хотя нет — уведу свою полукровку через Белый Портал и поселюсь с ней на Корфу или куплю гражданство Лихтенштейна. А там дети, внуки, имущество, маразм

и тихое отбытие на тот свет. Надо будет себе памятник самому заказать. На детей рассчитывать нельзя. Из какого-нибудь редкого камня закажу заранее точную копию Белого Портала с выбитой надписью: «Game over. 1976—9004 г.». Пусть археологи свой хлеб отрабатывают. Вот это действительно прекрасный план, а на разбойников с палками...

И он уснул.

Еще не рассвело, когда Абхораш его разбудил и протянул заостренную палку.

— Ты уверен? — на всякий случай спросил его Второй.

Лорд Вампир не утрудил себя ответом, а только показал на начерченный кровью неподалеку от костра круг.

— Алтарь?! — уточнил Магнификус.

Рыцарь утвердительно кивнул и приказал:

— Встань в центр и скажи одно слово — здесь! Только громко скажи. Сафери ценит ясность.

Магнификус в точности выполнил сказанное.

— Теперь пошли, — хлопнул его по плечу Абхораш. — И постарайся не сразу погибнуть.

Они прошли сквозь сосновый бор, перебрались через ручей и спрятались в зарослях кустарника у широкой тропинки.

Долго ждать не пришлось. Через полчаса вдали раздались голоса, и вскоре на тропинке показались три угрюмых орка. Потенциальные жертвы были экипированны сверх всякой меры — на поясах мечи, за спинами тяжелые арбалеты. Орки шли быстро, видно намеревались уже к обеду добраться до первой деревни. Не успел Второй их толком разглядеть, как рыцарь сильным толчком в спину выпихнул его прямо навстречу оркам.

Те остановились и стали разглядывать незнакомца.

— Быстрее убьют, легче отделаюсь. Надо хамить, — решил про себя Магнификус и пошел им навстречу со словами, по его мнению, наиболее уместными в таких случаях:

— Господа орки! Это ограбление. Быстренько бросайте оружие и тащите свои зеленые задницы домой. Дважды повторять не буду, брезгую.

— Это злой дух! — озадаченный внезапным появлением безоружного чужака и его нахальством, предположил один из разбойников.

— Ты кто? — крикнул другой, берясь за рукоять своего меча.

— Большие неприятности, — приближаясь к нему, заявил Второй.

— Он сумасшедший, флагеллант, — решил третий из орков. — Надо его зарезать и дальше идти.

— Нормальное предложение, но я против, — сказал Магнификус, берясь за палку двумя руками и со всей дури втыкая ее в глаз говорившему.

От страха Второй ударил так сильно, что палка прошила голову орка, как гнилой качан капусты, и вышла через затылок. Его подельщики словно зачарованные смотрели со стороны, не решаясь поверить в реальность происходящего.

Магнификус, продолжая одной рукой удерживать палку, другой вытащил из-за пояса убитого им разбойника длинный нож и трижды воткнул его в уже мертвое тело. Потом он отпустил палку, и истекающее кровью тело рухнуло на тропинку. Второй нагнулся и снял с покойника пояс с мечом.

— Прости, приятель, я предупреждал, — сказал он, каждую секунду ожидая удара со стороны соратников убитого.

Но те продолжали, раскрыв рты, наблюдать за его действиями, ничего не предпринимая.

— Жуд — это злой дух, — наконец произнес один из них. — Злой дух! Спаси нас, Горк или Морк! Он нас убьет.

— Он прав, — поддержал орка Магнификус. — Я вас убью. Но я не злой дух. Я бог Войны. Мне нужно оружие.

— Я тебя сам убью! — взревел менее мнительный из орков и, выхватив меч, набросился на молодого человека.

Тот выставил навстречу нападавшему меч его друга и начал отражать удары. Уроки Абхораша не прошли даром, и вскоре Магнификус понял, что его противник никудышный фехтовальщик. Орк лупил своим мечом напропалую, мало заботясь о защите. Отразив очередной удар, молодой человек углядел на теле нападавшего открытый участок и воткнул туда нож. А когда взревевший от боли орк наклонился и отвел меч в сторону, Магнификус крутанулся на каблуках и, умножив таким образом силу удара, отрубил противнику левую руку. Орк припал на одно колено, прикрылся мечом и закричал:

— Дотото, бей его! Стреляй!

Но Дотото окончательно уверился в том, что неизвестный — это злой дух, и побежал со всех ног прочь.

— Я сдаюсь, — прохрипел тяжело раненый орк, оставшись в одиночестве.

— Поздно, приятель, — вздохнул Второй и пропорол ему мечом брюхо.

Разбойник харкнул кровью, упал на спину и забился в судороге.

— Добей его. Нельзя, чтобы он мучался, — раздался сзади голос Лорда Вампира.

Магнификус, все еще не веря, что у него получилось, повернулся к спутнику: — У меня получилось! Сразу двоих!

— Ничего удивительного, — сказал Абхораш, нагибаясь над бьющимся в судороге орком и сдавливая ему рукой горло. — Так и должно быть. Ты же бог Войны. Сам говорил.

— Я думал, они меня на тряпки разорвут, — признался Второй. — У меня случилась истерика.

— Да, это можно и так назвать, — согласился рыцарь.

— Ты видел, как я «мельницу» сделал? — начиная приходить в себя, похвалился Магнификус.

— Лихо, но другой бы тебе ноги отрубил, — остудил его пыл Лорд Вампир. — Не увлекайся. Хотя, если честно, лихо вышло.

— Кто такие — Горк или Морк?

— Их бестолковые божки.

— Пойдем дальше? — предложил Второй.

— Куда пойдем?! — забирая оружие у первой жертвы бога Войны, сказал рыцарь. — Сюда скоро целый склад оружия прибежит. Орки — мстительные существа. Глупые, жестокие и мстительные. Что нам и нужно. Ты сиди в кустах, с тебя пока хватит, а я подожду здесь.

Абхораш был прав — Дотото не заставил себя ждать и вернулся с десятком других зеленокожих через час.

Лорд Вампир сидел на груди у одного из убитых Магнификусом и спокойно наблюдал за приближением отряда мстителей.

— Это другой! — завизжал Дотото, подходя на расстояние десяти шагов к рыцарю. — Ты кто? Где тот?

— Ушел, — поднимаясь на ноги, ответил Абхораш. — Но просил передать, что скоро будет.

— Кончать его! — приказал крупный орк в шлеме, надвинутом по самый подбородок.

— Рубить? — переспросил орка в шлеме Дотото.

— Стрелять, — мудро решил орк в шлеме.

Орки принялись заряжать арбалеты.

— Стрелять — это плохо, — вслух заметил Лорд Вампир. — Придется бегать.

Он в два прыжка достиг отряда и врезался в него, как нож в свежеиспеченный хлеб. Пока зеленокожие сообразили, что воспользоваться арбалетами им не придется, четверо уже были мертвы. Остальные побросали арбалеты и выхватили мечи. Рыцарь оказался в кольце рычащих от ярости противников. Однако это не смутило его, и он самозабвенно заработал клинком, пробираясь сквозь окружение. Рассеченный его ударом до пояса орк послужил отличным щитом для Абхораша. Сразу два орчьих меча застряли в изувеченном теле их товарища. Пока они освобождали свои клинки, Лорд Вампир лишил их голов и обратил свое внимание на орка в шлеме. Тот, в отличие от своих подель-

щиков, дрался цепом — «утренней звездой». Рыцарь уклонился от просвистевшего у него над ухом смертоносного шара, перехватил рукой длинную цепь и вырвал оружие у противника. Орк в шлеме отступил назад и поднял меч одного из убитых, но воспользоваться им не успел — Абхораш его же цепом расплющил ему шлем вместе с головой. Судя по всему, рыцарю понравилось работать цепом, потому что остальных он прикончил именно им. Последним погиб Дотото. Цеп пробил ему грудь насквозь. Орк недоуменно оглянулся на свисающий у него за спиной шар и рухнул навзничь.

— Зрелище для взрослых, — констатировал Второй, покидая укрытие.

— Злые они, неорганизованные внутренне, — сказал Лорд Вампир, собирая мечи и арбалеты.

— Зачем нам столько оружия? — спросил Магнификус, помогая ему.

— Мы откроем алтарь в одной из пещер у перевала и спрячем оружие. При возрождении будет чем драться, — объяснил ему Абхораш.

— Клинки у них, конечно... — разглядывая ржавый меч, заметил молодой человек. — Они их не чистят, что ли?!

— Не чистят, — подтвердил рыцарь. — Такая психология. Надеются еще лучше достать.

— Неужели нам придется этой грязью фехтовать? — вздохнул молодой человек.

— Поэтому я себе вот это оставлю, — потряс цепом Лорд Вампир. — Хоть какое-то разнообразие.

— А я попозже чего-нибудь себе подберу почище, если найду, — сказал Магнификус.

Остаток пути до перевала они двигались молча, и лишь когда над их головами нависла темная горная громада, Абхораш свернул с тропинки.

— Я знаю здесь одно укромное место. Заранее сделаем алтарь. Мало ли что, — пояснил он.

Второй беспрекословно доверился его решению и последовал за ним.

Путешественники начали взбираться по каменному склону. Вокруг стояла оглушительная тишина, только вдали дважды раздался шум от падающих сверху камней. Под ногами появился тонкий пласт плотного тумана. По мере их подъема по склону тумана становилось больше, и сам туман заметно сгущался.

— Странно, — заметил рыцарь. — Раньше здесь никогда не было тумана, да и туман необычный.

Впереди, встревоженная их появлением, вверх взметнулась стайка каких-то небольших птиц.

— Птицы, — сказал Магнификус.

— Это не птицы, это летучие мыши, — проинформировал его Лорд Вампир и вытащил из-за спины арбалет.

— Опасность? — тихо спросил у него Второй.

— Еще не знаю, но тумана здесь быть не может, туман идет с кем-то, — кивнул Абхораш.

— С кем? — еще тише задал вопрос Магнификус.

— Со мной, — раздался чей-то голос и навстречу путешественникам из тумана вышел мужчина средних лет, плотного телосложения, с посохом в руке. Верхушку посоха украшал крупный камень, переливающийся в сумраке голубым светом.

— Манфред?! — не поверил своим глазам рыцарь.

— Рад видеть тебя, сэр Бетельгейзе, в добром здравии, — ответил незнакомец.

Лорд Вампир опустил арбалет, подошел к нему и они обнялись как старые друзья.

— Кого ты ведешь? — спросил тот, кого Абхораш назвал Манфредом. — Он не похож на аристократа ночи.

— Да, он не из нас, — сообщил рыцарь. — Я веду Кхеине.

— Как любопытно, — оглядел молодого человека незнакомец. — Я совсем по-другому представлял себе бога Войны. Так представь же меня своему именитому попутчику.

— Манфред фон Корстейн — последний из клана великих Корстейнов, — представил его Лорд Вампир.

— Увы, это правда, — величественно поклонился Магнификусу тот.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался Лорд Вампир. — Еще не потерял надежды найти Свитки Нагаша?

— Пожалуй, что потерял, — признался фон Корстейн. — И надежду, и желание искать. Просто иду навстречу своей судьбе. А ты, я так понимаю, решил в одной из пещер алтарный круг начертать? Поближе к схватке?

— Ты как всегда проницателен, — подтвердил его догадку Абхораш и спросил: — За перевалом ничего не изменилось?

— Ничего, — ответил мужчина, — Если ты ищешь орков, то в полумиле на запад от Седого камня отряд Габлага разбил лагерь. Ведут рабов — людей и гномов. Я перекусил их дозорных этой ночью.

— Большой отряд?

— Двести голов или около двухсот. Самого Носолома среди них нет. Зато видел его любимого колдуна Вушума.

Пока старые знакомые переговаривались, Второй обстоятельно обдумал сложившуюся ситуацию и решил, что более подходящего момента ему не представится.

— Господин Корстейн? — обратился он к мужчине.

— К вашим услугам, господин Кхеине! — повернулся к нему фон Корстейн.

— Понимаю, что моя просьба покажется необычной, но, учитывая вашу недосягаемость, я прошу... — и Магнификус запнулся, подыскивая наиболее убедительные слова.

— Для вас — все что угодно, — видя его замешательство, приободрил мужчина.

— Короче, я прошу руки и сердца вашей дочери! — закончил свою тираду Второй.

Тут пришла пора замешкаться фон Корстейну. Он в изумлении широко раскрыл глаза и, не веря своим ушам, переспросил:

— Что-что короче?

— Руки и сердца вашей дочери — Наолы, — повторил Магнификус. — Я ее люблю, она меня, кажется, тоже.

— Он шутит? — на всякий случай уточнил у Лорда Вампира отец Наолы.

Абхораш отрицательно покачал головой.

У фон Корстейна бешено сверкнули глаза, а его благородная рука побелела, сжимая посох.

— Между вами что-то было, божок?! — грозно рыкнул он.

— Разумеется, нет, — поспешил успокоить встревоженного отца Магнификус. — Я серьезно отношусь к Наоле.

Фон Корстейн заметно успокоился и опять взглянул на старого друга:

— Сэр Бетельгейзе, вы не перестаете меня удивлять обширным кругом своих знакомств.

— Манфред, ты ничего не ответил влюбленному юноше, — корректно напомнил тот.

По всему было видно, что ситуация его весьма позабавила.

Отец Наолы растерянно перевел взгляд на молодого человека:

— Я не знаю. Слишком все неожиданно. Мы мало знакомы и, если честно, я надеялся, что моя дочь избежит ошибки в таком сложном вопросе. И потом, я не совсем понимаю, как вы намереваетесь совместить семейную жизнь с вашим божественным предназначением. Боюсь, что брак с богом Войны не сулит моей крошке ничего, кроме беспокойства.

— Я временно Кхеине, — сообщил Магнификус. — На период войны. А так я Древний. Магнификус.

— Древний? Магнификус?! — еще больше изумился фон Корстейн.

— Да, Манфред, он тот самый Магнификус, — засвидетельствовал рыцарь. — И я его веду в Безымянные Земли потренироваться на зеленокожих.

— Нет, я понимал, что с Наолой у меня будут проблемы, — забормотал отец Наолы. — Но такие!

— Так как мы поступим? — поторопил его Лорд Вампир. — У нас мало времени.

— Для тренировки, в Безымянные?! — все еще сомневался фон Корстейн.

— Скорее, Манфред, — потряс его за плечи Абхораш.

— Ладно, я подумаю над его просьбой, но при одном условии — мы заглянем к Цыгану-кузнецу. Хочу узнать его мнение по этому вопросу, — наконец решился отец Наолы. — Надо познакомиться поближе.

— Ты по-прежнему веришь в эту чепуху с гаданием? — укорил его Лорд Вампир.

— Я фаталист, хиромантия для меня — поэзия, — оправдался фон Корстейн. — И на твоем месте я бы не стал вмешиваться: дочь моя.

— Тогда вперед! — скомандовал рыцарь и пошел дальше.

Пещера родителя Наолы находилась близко.

— Ты в какой пещере алтарь устанавливал? — спросил у Манфреда Лорд Вампир, всматриваясь в темные проемы у основания скалы.

— Вон в той, — показал на один из них тот. — Там сухо.

— Ловушки ставил?

— Естественно. Полсотни упырей. Сверху колья, отравленные, само собой. Колья я перед выходом закрепил.

— Сам веди.

Фон Корстейн подошел к проему и звонко щелкнул пальцами.

Из темноты с гулом наружу вылетела стая крупных летучих мышей и расселась на выступах близлежащей скалы.

По знаку Манфреда путешественники вошли внутрь.

Беглый осмотр пещеры удовлетворил рыцаря. Он, не теряя времени, достал нож, нарисовал на земле круг, начертил положенные знаки и, надрезав себе ладонь, оросил круг кровью. Фон Корстейн первым встал в круг и произнес: «Здесь». То же самое повторил Второй.

— Теперь к Цыгану? — спросил Лорд Вампир.

— Да, заглянем на минутку, — попросил фон Корстейн.

Как только путешественники оказались снаружи, упыри сорвались со скалы и нырнули обратно в пещеру.

— Ты уверен, что это хорошая защита? — на всякий случай уточнил у него Абхораш.

— Они выпивают быка за пять секунд, — успокоил его отец Наолы. — А укус самок парализует.

— Сам вывел? — предположил рыцарь.

— Семейное хобби, — довольно улыбнулся Манфред.

Путь через перевал занял около двух часов. Путешественники шли быстро, придерживаясь теневой стороны. По дороге им встретился только один небольшой отряд орков, но они, приберегая время, не стали нападать на него и пропустили разбойников мимо, притаившись в зарослях терновника. Ближе к вечеру тропинка вывела их на открытое пространство.

— Вот они — Безымянные Земли, — взмахнул рукой Абхораш. — Край безграничных возможностей для любого маньяка. Ни одного нормального существа и ни одного солнечного дня.

— Ко всему привыкаешь, — глубокомысленно заметил фон Корстейн и предложил: — Ускорим шаг. Цыган принимает строго до девяти.

— Ты у него давно был? — заинтересовался услышанным рыцарь.

— Вчера, — сообщил Манфред, но грустно добавил: — Мне выпал перевернутый Рыцарь Мечей. Цыган отказался гадать.

Они прошли по ветхому мосту над заросшей коричневым камышом речкой и двинулись вдоль нее направо. Начал накрапывать дождь. Путешественники обогнули старое пепелище на берегу с единственной уцелевшей в пожаре печью. Из полуосыпавшейся трубы шел дым.

— Кто топит ее? — не удержался от вопроса Магнификус.

— Никто, — прозаично сообщил отец Наолы. — Аномалия. Внутри огня нет. Я проверял.

Стали появляться деревья, преимущественно березы.

— А Корин родину не любил, — отчего-то злорадно подумал молодой человек, принюхиваясь. — Олифой воняет.

Деревьев становилось все больше. Березы сменились ельником. Тот, в свою очередь, перешел в большой запущенный яблоневый сад.

— Остались только тополя в разгар цветения, — опять подумал Магнификус.

Но он ошибся — за яблоневым садом забелели насыпи белого песка. Подойдя поближе, Второй понял, что это не песок, а соль. Крупная грязная соль. И ее было много, очень много. Соляные холмы тянулись до самого горизонта.

— Здесь было море, — сообщил ему Лорд Вампир и ткнул рукой во что-то темнеющее вдали среди соляной пустыни. — А там — переход на территорию Цыгана.

По хрустящей под сапогами соли они добрались до низкого каменного бункера с ржавой дверью. Фон Корстейн толкнул дверь рукой. Дверь со скрипом отворилась, и путешественники вошли в шахту. Металлические, такие же ржавые, как и дверь, ступени вели вниз.

— Я предполагал, что в Безымянных землях мало красивого, но чтобы так погано, даже представить себе не мог, — спускаясь по ступеням вниз, признался рыцарю Второй.

— Это мало увидеть, это надо почувствовать, — обнадежил его тот.

— Сомневаюсь, что хочу этого, — вздохнул Магнификус.

Ступени заканчивались круглой площадкой с еще одной дверью.

— Ничему не удивляйся, — предупредил Абхораш. — Кузнец особенный.

— В каком смысле?

— Он не совсем живой и не совсем мертвый. Он призрак.

— Вот почему его не трогают орки!

— Истинно так.

В нос пахнуло запахом лежалого сена. За дверью находилось поле. Обычное, поросшее жухлым ковылем поле. За ним виднелся такой же обычный лес. Посреди поля стоял цыганский шатер, точно соответствующий представлениям Магнификуса, как должен выглядеть цыганский шатер. Из шатра раздавался монотонный стук молотка о наковальню. Перед шатром бродил сонный старый конь неопределенной масти.

— Пегий, — решил Второй.

Еще горел костер.

— Цыган! — позвал фон Корстейн. — У тебя гости. Выйди, поздоровайся.

Стук молотка прекратился. Что-то зашипело, словно раскаленный металл опустили в воду. Из шатра навстречу путникам вышел древний седовласый старец в кожаном фартуке, повязанном поверх серого хитона.

— Ничего нельзя изменить, — тихо произнес он, приближаясь ближе. — Абсолютно ничего. Нечего менять и некого! Зачем искать обман? Цыган не умеет обманывать.

— Поэтому мы здесь, — сообщил Манфред. — Посмотри на карты — отдавать мне этому человеку свою дочь замуж или нет? — и он показал на Магнификуса.

Старец растаял в воздухе и, материализовавшись, появился прямо перед Вторым.

— Ты помнишь свой сигнификатор? — спросил он шепотом у него.

— Что? — не сообразил Магнификус.

— Когда ты родился?

— 18 июля.

— Ты Король Кубков, — заявил Цыган и вновь растаял в воздухе.

— Червовый, — перевел Манфред и попросил пока еще не проявившегося Цыгана: — Раскидай на него пирамиду. Хочу с ним познакомиться поближе.

Фигурка кузнеца возникла далеко от них, у самой кромки леса.

— Ты чего, Цыган? — крикнул ему фон Корстейн.

— Думаю, — неожиданно шепнул вопрошавшему кузнец, тенью проплыв за плечами гостей. — Знаю, что карта его пустила. И думаю.

— Думай скорей, — поторопил его Манфред.

Цыган проявился у костра. Он уже сидел перед огнем с большой колодой карт в руках.

Магнификус успел разглядеть призрачные длинные пальцы, ловко тасующие колоду.

Наконец кузнец закончил свои манипуляции и протянул колоду молодому человеку:

— Сдвинь левой рукой.

Стараясь не обращать внимания на то, что при этом рука сидящего у костра Цыгана вытянулась на добрые двадцать метров, Магнификус выполнил его пожелание. Рука мгновенно сократилась. Кузнец подбросил колоду, та зависла в воздухе и принялась вращаться вокруг огня. Время от времени от нее отделялась та или иная карта и ложилась у ног Цыгана.

— Кругом легли десять посохов, — донесся до путешественников голос гадальщика: — Молния сбила купол. Перевернулся король мечей. Восемь подносов отдали хозяину.

Потом Цыган стал говорить тише, и Второй уже не мог разобрать слов.

— Что он говорит? — спросил Магнификус у Абхораша.

— Бред какой-то, — пожал плечами Лорд Вампир. — Про колесо и крокодила. Теперь — стеклянный стол и семь кубков. Все, не могу больше, в этой области я теряюсь. Манфред? — он обратился к фон Корстейну: — Долго еще? Когда ожидается вывод?

— Он не понимает! — ответил тот. — Прошлое прочел, настоящее прочел, будущее не понимает.

— Тогда прекращаем суеверия и пошли, — предложил рыцарь, поворачиваясь к двери.

— Подожди! — остановил его движением руки отец Наолы. — Кажется, он понял.

И действительно, с картами, парящими вокруг огня, происходило что-то необычное — они вспыхивали одна за другой и падали в костер. Цыган страдальчески закрыл лицо руками и начал раскачиваться из стороны в сторону. Его движения становились все быстрее и быстрее, пока он не растаял в воздухе.

— Гадание не имеет смысла, — произнес Манфред голосом старика. — Сделай мне новую колоду.

— Так, — тяжело вздохнул Абхораш, вытянул из-за пояса цеп, стремительным движением раскрутил его и размозжил фон Корстейну голову.

— Мама родная! Что ты сделал? — ужаснулся Второй, уже представляя, как он скажет об этом Наоле.

— Терпение, мой друг, — успокоил его рыцарь. — Я освободил Манфреда от должка.

Из шатра выбежал старик и взвизгнул:

— Нечестно! Все знают цену.

— Молчи, старый жулик! — строго оборвал его Лорд Вампир. — Еще не хватало — Манфреда шевелить.

— Но мне хочется! — захныкал Цыган. — Я только воды попить.

— Извини, — повернулся к двери Абхораш. — Все равно не могу. У нас дружба.

— Тогда пусть он мне пообещает, что сделает новую колоду! — взмолился старик и показал на Магнификуса.

— Но я не умею, я бы сделал, — пробормотал тот.

— Прикажи, и тебе сделают, — подсказал кузнец. — Без колоды нельзя.

Второй не успел ничего ответить, потому что Абхораш его схватил за руку и потянул за собой к двери.

— Я в растерянности, — признался Магнификус, оказавшись на площадке за дверью.

— Не переживай. Твой тесть нас скоро догонит, — сказал рыцарь, поднимаясь по лестнице.

— Зачем ты ему голову расколотил? — не унимался Второй.

— Манфред со своими суевериями до меня голову потерял, — объяснил Лорд Вампир, — Цыгану за его вранье нужно было отдать до полуночи тело. Цена. Он тебе про жизнь в общих чертах, ты ему жизнь конкретно. Я сэкономил мнительному другу немного времени.

— Великий Лорд, — заинтересовался Магнификус, в конце концов осознав суть произошедшего. — Ты что, действительно не веришь в предсказания?

— Я не верю цыганам, — ответил рыцарь. — А предсказания?!.. Предсказания парализуют усилия, а мы живем в меру своих представлений о жизни. Если эта мера — пачка цветных старых бумажек, то это печально.

— Ты, как всегда, прав, — согласился с ним Второй.

— Это тоже печально, — заметил Лорд Вампир и добавил: — Могу себе представить ярость Манфреда. Теперь ему Цыган цену поднимет. До полудня. Пойдем, дождемся его у печки без огня.

— Варвар! — обрушил на Абхораша свое негодование фон Корстейн, появляясь спустя час со стороны реки. — Кто тебя просил вмешиваться?!

— Прости меня, но я не мог перенести насилия старого вруна над твоим благородным телом, — попытался оправдаться рыцарь. — Я уже потом сообразил, что ты все равно к нему вернешься за новым враньем.

— Не вернусь, — успокаиваясь, грустно сообщил Манфред. — У него теперь нет колоды. А какая была колода! Настоящая «Висконти — Сфорца»!

— С огнем шутки плохи, — резонно заметил Лорд Вампир.

— Огонь здесь ни при чем, — объяснил фон Корстейн и покосился на Магнификуса. — Твой божественный друг все карты спутал или, точнее, спутает. Старое гадание не имеет смысла: все взаимосвязи переменились. Обидел старика. Он только воды хотел попить и на лошади проехаться.

— Неужели тебе не противно, что кто-то твоим телом владеет? — спросил Абхораш.

— Тебе этого не понять! — огрызнулся Манфред и тут, о чем-то вспомнив, обернулся к молодому человеку, который на тот момент пытался безуспешно выяснить, откуда же в печке появляется дым, если огня нет.

— Второй, — спросил аристократ ночи, — почему ты бросил свою подружку с зелеными глазами и родинкой на виске?

— Откуда вы знаете? — удивился Магнификус.

— Карты не врут.

— Я ее не бросил, я ей помог от меня убежать с одним богатым торговцем.

— Почему?

— Он был богатый, а я бедный.

— Разве из-за этого расстаются? — не поверил фон Корстейн.

— Еще как! — уверил его Второй. — Нет денег, нет подарков — нет любви. Не по карману мне были такие чувства.

— Нелепость какая! — брезгливо поморщился аристократ ночи и снова задал вопрос: — А отчего ты не захотел к благодетелю наняться? Ты бездельник?

— Нет, — помотал головой Магнификус, понимая, о чем спрашивает отец Наолы. — Я не хотел перед благодетелем унижаться.

— О чем вы говорите? — вмешался в их диалог рыцарь.

— Мой бывший однокурсник разбогател на продаже чужого имущества и предлагал мне к нему в пресс-секретари идти, — объяснил молодой человек. — Я не пошел. Какие там секретари! Я ему за деньги диплом писал. Он бездарь и хам.

— Кто? — еще больше запутался Лорд Вампир.

— Витька Лощин.

— Это у него в Древней жизни приятель был, — расшифровал Манфред. — Твой Кхеине — гордый человек.

— Похвально, — заметил рыцарь и предложил: — Давайте покинем это место и займемся наконец делом?

— Я не пойду с вами, — неожиданно заявил фон Корстейн. — Карты сказали, что вам нужно одним идти.

— Опять эти карты! — огорченно крякнул Абхораш. — Что они еще наврали?

— Что скоро все изменится, — ответил Манфред. — Поэтому я должен срочно вернуться в Империю. Долги кое-какие раздам.

— Господин Корстейн, — осторожно напомнил ему Магнификус: — Каково ваше решение? Ну, по моему вопросу. Насчет Наолы?

— Сами решайте, — устало махнул рукой тот. — Вы люди взрослые. Я не против.

— Да! — обрадовано крикнул Второй.

— Тише, тише! — попросил Лорд Вампир. — В этих местах лучше не кричать лишний раз, — и он протянул руку Манфреду. — Знаю, что тебя держать бесполезно. Будь осторожен.

— Ты тоже, — пожал ему руку фон Корстейн и усмехнулся. — Бедные орки!

— Это точно, — согласился с ним Абхораш. — Бедные зеленые мерзавцы.

Аристократ ночи поклонился своим собеседникам и уверенно зашагал обратно к мосту.

— Куда мы теперь? — проводил взглядом своего будущего тестя Магнификус.

— Вперед, — ответил ему рыцарь. — Нас ждет много интересного.

Соратники миновали мост и двинулись по еле заметной тропе вперед. Небо над их головами стало стремительно меняться. Теперь это уже был не серый, тоскливый небосклон, а грозный, заполненный тя-

желыми свинцовыми тучами свод. То и дело на путешественников налетали порывы холодного влажного ветра. Сквозь желтые прорывы грозовых облаков иногда пробивались лучи солнца.

— Здесь мне больше нравится, живописней, по крайней мере, — сказал Второй.

— Тише, — предупредил его Абхораш, прислушиваясь к чему-то впереди. — Едут.

— Кто? — понижая голос, спросил Магнификус и на всякий случай положил руку на рукоять меча.

— Скорее всего, Зубастики Гулгара, — ответил Лорд Вампир. — Я слышу похрюкивание их кабанов. Обычно Носолом их берет на вылазки за рабами в Империю.

— Может, спрячемся? — предложил Второй.

— Не нужно, — покачал головой рыцарь. — Кабаны нас вынюхают. Скажем, что идем на турнир Морка.

На тропе впереди показался отряд из нескольких десятков мелких орков верхом на огромных, поросших бурой шерстью, кабанах. Орки были вооружены длинными пиками.

Подъехав к путешественникам, они окружили их со всех сторон.

— Куда идешь, беломордый? — ткнул в грудь Абхораша тупым концом пики один из Зубастиков.

Только сейчас Магнификусу удалось толком разглядеть наездников, и он понял, почему их зовут Зубастиками: непомерно большие рты на приплюснутых головах украшали длинные острые зубы.

— Мы, многоуважаемый герой, идем на турнир Морка, — поклонившись ему до земли, ответил Лорд Вампир.

— Да, я многоуважаемый герой, — восторженно оскалился наездник и крикнул своим зеленокожим товарищам: — Слышали, дураки?! Я — многоуважаемый герой! Это точно: я многоуважаемый герой! — он снова обратился к рыцарю: — Кто тебе сказал, что будет турнир?

— Ваш товарищ — Дотото, — сообщил тот. — Он так и сказал: будет турнир Морка на Арене Горка. Будут играть на рабов и украшения.

— Дотото! — зашумели орки. — Дотото не пришел. Дотото исчез.

— Где ты видел Дотото? — еще раз ткнул в грудь рыцарю тупым концом пики наездник. — Дотото и еще наши солдаты не вернулись в лагерь.

— Я встретился с ним, когда он и еще ваши солдаты брали мешки с золотом и драгоценными камнями из купеческой повозки, — ответил Лорд Вампир. — Он мерил золотой доспех, весь в рубинах и изумрудах, а его товарищ поменялся со мной оружием, — и Абхораш показал цеп. — Я отдал ему длинный новый меч с рукояткой из звездного дерева, а он мне цеп.

— Золотой доспех в рубинах?! Мешки с золотом?! — озадачился наездник. — А куда он пошел?

— Я не знаю, — развел руками рыцарь. — Мешков было очень много. Дотото что-то говорил о Тилее.

— Предатель! — взвыл Зубастик. — Дотото и все они предатели! Они пошли с золотом в Тилею! Там много будут кушать, и там им слуги будут чесать спины.

— Предатель! Золото! Тилея! — зашумели остальные орки.

— С Дотото был такой человек, в черном плаще, — добавил Абхораш. — Это он обманом привел купца с повозкой. Ваши люди взяли мешки с золотом и камнями, а человек взял алмаз, очень большой алмаз, как голова, большой. Человек пошел через перевал. Он за нами гнался, хотел убить, боялся, что мы вам про алмаз скажем. Но мы от него убежали.

— Давно пошел? — деловито уточнил наездник.

— Вы его у границы догоните, — подсказал рыцарь и спросил: — Многоуважаемый герой, как твое имя? Мы с моим товарищем будем биться на Арене Горка, прославляя ваше мужество.

— Да, это правильно, — важно приосанился Зубастик. — Пиртахму Очень Главный.

— Да помогут вам Морк или Горк, многоуважаемый герой Пиртахму Очень Главный, догнать человека с алмазом и Дотото с мешками, — еще раз низко поклонился Лорд Вампир.

Пиртахму Очень Главный поднял над головой свою пику и проорал: — Брать Дотото и мешки! Нам самим спины должны чесать и много еды!

— Мешки! — рявкнули ему в унисон Зубастики, и отряд с грохотом поскакал к перевалу.

— Через перевал сейчас идет Манфред, — напомнил Абхорашу Второй.

— Идет, — кивнул тот. — Бедные Зубастики! Много еды будет у твоего тестя. Считай, это мой подарок за Цыгана.

— Что, мы действительно будем поминать этого зубастого полудурка?

— Нет, конечно, я просто боялся, что они нас перед отъездом прирежут. У орков своя логика. Слава Смерти, понятная.

— Ты мне ничего не говорил про турнир и про Арену Горка не говорил. Я думал, мы идем резаться с орками.

— Орки — хорошие бойцы, но нам для тренировки нужно что-нибудь поинтереснее, — сказал Лорд Вампир. — Орки каждые два месяца устраивают в долине Пустого Глаза турнир в честь своего бога Горка. Там разыгрываются рабы и всякие предметы, иногда очень редкие. Туда съезжаются законченные садисты и мерзавцы со всего света. И все отличные бойцы. Перевоспитанию не подлежат. Тебе будет чем заняться.

— Верю, — кивнул Магнификус. — С тобой всегда есть чем заняться.

После встречи с отрядом Зубастиков Гулгара Абхораш посчитал разумным покинуть тропу и идти напрямик к долине Пустого Глаза, через глиняные карьеры. Путь предстоял не из самых приятных, поскольку глина либо была влажная от дождя и скользила под ногами, либо сухая, и путники шли, задыхаясь от облаков пыли, поднимаемых ве-

тром. К вечеру друзья спустились в очередной карьер, на этот раз мокрый от недавно прошедшего ливня. Пытаясь перескочить через грязную лужу, Второй поскользнулся и упал прямо в нее.

— Проклятые карьеры! — выругался он, осматриваясь в поисках какого-нибудь ручья, чтобы смыть облепившую его с ног до головы глину.

— Отличная маскировка, друг, — хмуро пошутил рыцарь. — Если ты ляжешь на землю, тебя даже орки не увидят.

— Нет уж, увольте, — буркнул Магнификус. — Глина чересчур вонючая. Я не хочу перед свадьбой ею пропахнуть. Надо найти воду.

— Напрасно. Очень подходящий облик для здешних краев, — еще раз ухмыльнулся Лорд Вампир, но отправился вслед за молодым человеком в поисках источника или ручья.

Ни того, ни другого они так и не нашли, зато наткнулись на огромную круглую яму, заполненную жидкой глиной.

— Смотри-ка, орчий алтарь, — сказал Абхораш, нагибаясь над ямой. — И он закипает. Сейчас, мой друг, ты станешь свидетелем необычного зрелища — возрождения орка-героя.

— Он что, из ямы вылезет? — удивился Магнификус.

— Из нее, — подтвердил рыцарь. — Грязь — стихия зеленокожих. Они рождаются из нее и возрождаются из нее же.

— Орки рождаются из земли? — не поверил Второй. — Как овощи?

— Это воля их Создателя, — объяснил Абхораш. — У них нет родителей, только земля.

— Тогда выражение «мать сыра земля» они должны понимать буквально, — плюнул в начинающую бурлить жижу Магнификус. — Всегда недолюбливал народные песни.

— Выходит, — вытаскивая из-за пояса цеп, показал рыцарь.

В центре ямы, на поверхности, возникла облепленная глиной большая скуластая голова.

Голова открыла глаза и глухим басом провозгласила:

— Я здесь.

— Был, — разбивая, как тухлое яйцо, возрожденному голову цепом, возразил Лорд Вампир.

Жижа тут же перестала бурлить и сомкнулась над обезглавленным телом орка.

— Теперь нужно завалить алтарь камнями, — сказал Абхораш. — Нечего ему тут делать. Слишком близко от границы.

И они с Магнификусом принялись стаскивать из разных концов карьера камни покрупнее и бросать их в яму, пока не завалили ее полностью.

— Превосходно! — скидывая в глину последний каменный валун размером с бочонок, заявил рыцарь. — На один алтарь у них стало меньше. Само собой они имеют право взамен ему создать новый. Но зеленые негодяи не любят думать и восстановят свой алтарь не скоро.

Сверху громыхнул гром, сверкнула молния, и хлынул ливень.

— Вот тебе и вода, — разводя руки в стороны, показал Лорд Вампир, сам с удовольствием подставляя под серебряные потоки, льющие с небес, взмокшее от работы лицо.

Ливень шел несколько часов, и все это время путешественники шли вперед, безуспешно пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие.

— Сколько еще может идти дождь? — кутаясь в промокший плащ, спросил Второй.

— Сколько угодно, — невозмутимо ответил рыцарь, отыскивая в наступающем сумраке дорогу.

— Неважный здесь климат, — констатировал Магнификус и не сдержал любопытства: — Великий Лорд, почему ты не сказал Корстейну о Свитках Нагаша?

— Ему они не полезны, так же как тебе выпивка, — заявил Абхораш. — Тем более что он все равно не смог бы открыть Свитки. Их только моя кровь открывает.

— И моя, — напомнил Второй.

— И твоя, — согласился Лорд Вампир, перебираясь через ствол поваленного дерева.

— Укрытие! — радостно воскликнул Магнификус, обнаружив, что толстые корни, вместе с вырванным при падении дерева земляным настом, образовали некое подобие пещеры.

Путешественники пробрались внутрь и, отряхиваясь, сели на сухую землю.

— Хорошее место, — осмотрел пещеру рыцарь. — Сюда можно перенести алтарь. Только мы вход ветками замаскируем.

— А тот алтарь, второй, на перевале, будет действовать? — спросил Второй.

— Тот будет, — кивнул Абхораш. — Два алтаря можно поставить друг за другом, первый сам исчезает, когда ставишь третий. Закон Двойника.

— Дождь-то кончился, — прислушавшись, сообщил Магнификус. — Свинство какое! Столько шли — дождь был, только укрылись — дождь кончился.

— Обычное дело, — пожал плечами Лорд Вампир. — Главное, что мы почти добрались и нашли место для алтаря.

— Долина Пустого Глаза рядом? — сообразил Второй.

— Мы давно по ней идем, — проинформировал его рыцарь. — Арена Горка рядом. Ночью сходим, посмотрим на турнир. Интересно, кто приехал и какие ставки. Заодно тебя запишем на участие.

— Меня одного? — удивился Магнификус.

— Тебя одного, — подтвердил Абхораш. — Я не азартный. Давай пока костер разведем, согреемся, одежду высушим.

— Я трубочку еще покурю, — согласился с ним Второй, доставая кисет с табаком и трубкой, купленной в Альтдорфе.

— Что ж, покури, — разрешил ему Лорд Вампир, сдвигая сухие ветки для костра в центр пещеры.

Огонь быстро согрел воздух в пещере, и Магнификуса стало клонить в сон. Рыцарь этому не препятствовал, потому что времени у них было еще достаточно. Пока его разомлевший спутник дремал, Абхораш нарубил его мечом толстых веток и искусно замаскировал вход в пещеру, оставив только неприметный лаз. Прикрыв ветки срезанным дерном, он вернулся к костру и сел у огня.

— Ты что, без своего гроба не спишь? — приоткрыв глаза, спросил молодой человек.

— Сплю, — глядя на пляшущие языки огня, ответил рыцарь. — Но я пока не хочу. Я думаю о словах Цыгана по поводу взаимосвязей.

— Каких взаимосвязей? — буркнул сонный Магнификус.

— Измененных взаимосвязей, — терпеливо уточнил Лорд Вампир. — Мне последнее время действительно стало казаться, что мир вокруг слишком закостенел. Нет движения. Давно не появлялось новых легенд. Может, это конец истории?

— Ну и что? — перевернулся на другой бок Второй.

— Жалко, — признался рыцарь. — Этот мир, конечно, не идеальный, но в нем много хорошего. Знаешь, какие вкусные пироги пекла моя мать!

— А где она сейчас? — спросил Магнификус.

— Умерла, — грустно сообщил Абхораш. — В один день с моим отцом. Он был учитель фехтования при лахнийском дворе. Однажды отец возвращался с занятий и увидел, что воры лезут в окно дома его приятеля, дяди Дже Неотра. Отец воров спугнул, погнался за ними, а они выстрелили в него из арбалета и попали в ногу. Он стал после этого хромать. Подал в отставку. Начал быстро стареть и умер. Помню, он приказал мне принести его меч. Положил меч рядом с собой в кровать и позвал мать. Меня они из комнаты выгнали. Но я подслушивал. Знаешь, о чем они говорили всю ночь?!

— О чем?

— Ни о чем. Они разгадывали эльфийскую шараду. Один вопрос так и не разгадали. Не успели. Он умер.

— Какой вопрос?

— Обратная сторона всего. Пять букв.

— Ничто.

Лорд Вампир протянул руки к огню и закончил свой рассказ:

— Мама умерла через неделю, перед смертью она мне шепнула:

— Эльфы ошиблись — шесть букв.

— Что она имела в виду? — не понял Второй.

— Любовь, — коротко сообщил рыцарь и надолго замолчал.

Едва ночь окончательно окутала долину мраком, путешественники покинули свое убежище и отправились на поиски дороги, ведущей к Арене Горка. Долго им искать не пришлось — неподалеку послышались громкие выкрики возничих, скрип деревянных колес и мычание запряженных буйволов. Друзья вышли на дорогу и зашагали за движущимся впереди караваном. Через четверть мили впереди показались огни.

— Придумай себе имя, — приказал Абхораш, накидывая на голову капюшон.

— Может, Кварк? — предложил Магнификус.

— Неблагозвучно, — отверг его вариант рыцарь.

— Тогда — Странный Кварк, — снова предложил Второй.

— Странный — достаточно, — решил за него Лорд Вампир. — Прилично звучит. Зрителям понравится. Очень таинственно.

— А много будет зрителей? — поинтересовался Магнификус.

Абхораш молча показал рукой на открывшийся в конце дороги вид.

Громадный пустырь, окруженный со всех сторон скалами, был весь заставлен шатрами. Горели тысячи факелов. Между шатрами сновали гоблины с лотками на груди и визгливо предлагали гостям свой товар — прессованные пачки травы озарений, настойки на всех видах трав и кореньев, преимущественно с галлюциногенным «уклоном», просто вино и ржаные лепешки. В центре пустыря, освещенный со всех сторон, возвышался огромный, собранный из металлических балок купол Арены. Вокруг него громоздились многоярусные зрительские трибуны. Свободных мест практически не было. Орки, Черные Гномы, скейвены и

люди, не сдерживая эмоций, следили за поединком внутри купола. А там дрались насмерть скейвен и Черный Гном.

— Подойдем поближе, — заинтересованно предложил рыцарь.

Путешественники обошли клетки с рабами и приблизились к куполу.

Черный Гном явно превосходил своего противника. Окровавленный скейвен едва успевал отбивать своим мечом удары топора Гнома. Несмотря на свой небольшой рост, Гном отличался завидной мускулатурой и не менее завидной прыгучестью. В очередной раз, подпрыгнув, он выпустил свой топор из рук, и пока крыс отвлекся на летящую в него секиру, Гном спокойно вытащил из-за пазухи нож и метнул его вслед топору. Скейвен отбил мечом топор, но пропустил нож, и тот по самую рукоять вонзился ему в горло. Заливаясь кровью, крыс повалился на бок. Коварный Гном неспешно обошел его, поднял свой топор и прикончил скейвена ударом окованного металлом сапога в висок.

Трибуна восторженно взревела. На поле Арены выскочил гоблин в алом камзоле и оглушительно заорал:

— Победа! Настоящая победа Ригре Рваное Ухо! А крыса сдохла! И теперь Ригре заберет свой выигрыш — прекрасную лошадь из конюшен Остланда и пять серебряных подносов из сокровищниц Кислева! Ликуйте те, кто ставил на Ригре Рваное Ухо. Сегодня Морк или Горк, кто их разберет, подарил вам удачу! Тринадцатый бой.

— Он же нечестно его убил! — возмутился Магнификус.

— О чем ты говоришь?! — вздохнул Абхораш. — Какая честь? Задача — убить и все. Как хочешь, так и убивай. Все, кроме колдовства.

— Сэр Бетельгейзе! — кто-то позвал рыцаря.

Тот огляделся, но никого не увидел.

— Это из той клетки, — показал ему Второй на ряд клеток с рабами.

Лорд Вампир подошел к указанной клетке и воскликнул:

— Не может быть! Кет Зарин?

С другой стороны на него смотрела темноволосая девушка, судя по одежде, из дручий. Руки девушки были связаны за спиной.

— С каких пор на Арене разыгрывают дручий? — спросил Абхораш: — Как ты сюда попала?

— Меня отдал Малекит за новые доспехи, которые ему сковали Черные Гномы из своей «вечной брони», а Гномы меня обменяли скейвенам из клана Скрайра на варп-камни, а те обменяли оркам на ткань, — ответила плененная эльфийка.

— Почему же тебя не защитила королева Морати, ты же Эльф-ведьма? — удивился рыцарь.

— Она и предложила меня Гномам, — призналась Кет. — Кто скажет королеве «нет»?

— Кет, Кет! — покачал головой Лорд Вампир. — Я считал тебя уже взрослой девочкой.

— Ты был прав, я слишком испорченна для счастья, — сказала девушка.

— Кто тебя ставит? — сухо уточнил Абхораш.

— Файдом Живоглот, — сообщила Кет.

— Ладно, посиди еще, тебе полезно, — кивнул ей рыцарь и вернулся к Магнификусу.

— Знакомая? — поинтересовался тот, хотя слышал их разговор.

— Надо идти к распорядителю, — не отвечая на вопрос, сказал Лорд Вампир и шагнул к большому шатру с двумя вооруженными орками на входе.

Внутри шатра на стуле, за полированным дубовым столом, явно добытым в один из удачных набегов, сидел тощий гоблин и что-то чирикал пером по бумаге.

— С Файдомом кто-то уже назначался? — без намека на приветствие произнес рыцарь.

— Сумасшедших мало, но есть, — не отрываясь от своей писанины, прогнусавил гоблин распорядитель. — У Файдома очень большая ставка. Пираззо записался. Семнадцатый бой.

— Сними Пираззо и впиши меня, — выложил перед гоблином золотой Абхораш. — Это лично тебе. Против Файдомовой ставки ставлю десять золотых. А мой друг ставит против ставки Рафаэля столько же.

— Преклоняюсь перед деловым подходом к задаче, — сообщил распорядитель, ловко смахнул к себе в карман золотой и спросил: — Как прикажете записать?

— Пиши — Друг Странного, — после недолгих размышлений ответил Лорд Вампир.

— А вашего друга?

— Странный.

— Странно, но ладно, — заинтересованно покосился на друзей гоблин. — У него двадцать первый бой.

— Кто такой Рафаэль? — выйдя из шатра за рыцарем, полюбопытствовал Второй.

— Подонок. Когда-то служил на Империю, потом, во время битвы за Кислев, увел с поля боя свой легион. Надолго исчез. Появился недавно на Тилее, но без своего легиона. Теперь наемник. Очень хороший боец.

— Я его смогу одолеть?

— Вряд ли. Рафаэль фехтует виртуозно. И у него отличный меч — длинный, прочный, легкий, с невидимыми рунами точности на клинке. По слухам — он выменял этот меч на весь свой легион у Хаоса.

— Так что же, я обречен?

— Не факт, — ободрил приунывшего спутника Абхораш. — Рафаэль — только человек, а ты — сам Кхеине!

Слова рыцаря не умиротворили обеспокоенную душу Магнификуса. Его охватило отчаяние, которое позже плавно преобразовалось в отупение. Второй не мог даже толком наблюдать за поединками на Арене, все его мысли были заняты предстоящим боем, и только когда объявили семнадцатую схватку и Лорд Вампир направился к Арене, Магнификус отвлекся от грустных мыслей.

— А сейчас, почтеннейшая публика, — заорал гоблин, ведущий турнир, — вы станете свидетелями настоящей резни, потому что скоро сюда выйдет сам Файдом Живоглот!

Публика оживилась.

— Но! — гоблин поднял к небу длинный зеленый палец. — Все очень непросто. Мы все знаем Файдома. Сколько удовольствия он доставил нам на прошлых турнирах! О! И каких удовольствий! Помните, как от схватил за нижние лапы противного скинка и разорвал его пополам?! А помните, как он вырвал и сожрал сердце у бистмена Мартика. Какое торжество! У меня и сейчас полный рот слюны от удовольствия. Ну, так вернемся к тому, с чего я начал. А с чего я начал? Ах, да! Я начал с того, что не все так просто. Да, не все! Чтобы бросить вызов нашему любимцу, нужно или башки не иметь, или быть настоящим чудовищем. Сегодня вызов Файдому Живоглоту бросает боец со странным именем — Друг Странного. Не подумайте, что я перекурил травы озарений и начал заговариваться. Я действительно ее перекурил, но и противника Файдома действительно зовут Друг Странного. Еще раз, для идиотов — Друг Странного. Делайте ваши ставки. Лично я ставлю на Друга Странного, потому что уверен, что все поставят на Файдома, и если я поставлю против него даже старую пуговицу, то при победе Друга Странного выиграю быка. Все, я действительно заговариваюсь. Ставки сделаны, господа! Бой!

На поле боя не торопясь вышел Абхораш с надвинутым на лицо капюшоном и встал, ожидая противника. С другой стороны появился орк таких размеров, что Магнификус невольно содрогнулся. Трехметровое зеленое тело сковывали шипованные доспехи. Из одного кулака монстра, размером с две человеческие головы, торчал широкий двуручный меч. На другой кулак была натянута металлическая, тоже шипованная перчатка. Голову Файдома украшал шлем с тремя рогами, а ноги защищали тяжелые сапоги.

Живоглот сверху вниз осмотрел своего противника и, рыча, затопал к нему, на ходу поднимая меч. Лорд Вампир дождался, когда кли-

нок противника начнет свой смертоносный полет в его сторону и взмахнул цепом. Меч Файдома рассек воздух над головой вовремя отклонившегося рыцаря. Вслед клинку полетел цеп и обвил запястье орка. Абхораш потянул цеп вместе с Файдомом на себя, потом отступил в сторону и, словно надувную куклу, отбросил монстра в дальний угол поля. Орк со всего маха врезался в одну из полукруглых балок Арены, отчего весь купол содрогнулся. Публика шумно вздохнула. Файдом с диким ревом вскочил на ноги и опять ринулся на противника. Поскольку цеп остался болтаться на лапе орка, Лорд Вампир остался без оружия. Монстр уже занес меч для удара сверху, но рыцарь стремительно шагнул навстречу, перехватил левой рукой запястье противника с зажатым мечом, а ладонью правой руки толкнул его в грудь. Живоглот снова отлетел к металлической балке. Публика аж привстала. Не дожидаясь, пока орк оправится от падения, Лорд Вампир сам пошел к нему навстречу. Оглушенный Файдом, мотая головой, поднялся на ноги и, увидев приближающегося человека, истерично замахал мечом перед собой, будто отгоняя назойливую муху. Абхораш на ходу поднял выпавший цеп и метнул в орка. Шар угодил монстру в правое плечо. Меч на мгновение остановился. Этого мгновения хватило, и рыцарь, приблизившись к Файдому вплотную, ухватил за нижний край доспеха и швырнул орка, как мешок с картошкой, на спину. Потом сел на грудь противнику, прижал своими коленями к помосту его раскинутые руки и мощным ударом кулака в висок отправил Живоглота в глубокий нокаут.

Публика синхронно ахнула.

Напоследок Лорд Вампир большими пальцами рук выдавил поверженному монстру глаза, встал на ноги и покинул поле боя.

— Что ж! — первым нарушил воцарившуюся над трибунами тишину гоблин-ведущий. — У Файдома были дни и посветлее, но Друг Странного честно заслужил свою награду — две золотые монеты и женщину дручию. А я ведь так пуговицы и не поставил. Дурак, одно слово! Но я гоблин, и мне многое простительно. Восемнадцатый бой!

Магнификус дождался, пока его спутник получит в шатре распорядителя причитающуюся ему награду. Тот вернулся в сопровождении Кет. Девушка на ходу потирала натертые веревками запястья рук.

— Я думал, что ты его прикончишь, — сказал Второй.

— Он герой, героев лучше калечить, — посоветовал рыцарь. — Будем надеяться, что раны у него затянутся прежде чем он очнется и вспорет себе брюхо. Если раны затянутся, то алтари начнут его восстанавливать слепым. Тогда на одного убийцу станет меньше.

— У Файдома двое слуг. Они позаботятся, чтобы он сдох, — сообщила Кет и ласково склонила голову на плечо Абхорашу. — Мне никто не поверит, что сам сэр Бетельгейзе сражался за мою свободу. Временную, к сожалению.

— Почему временную? — не согласился Лорд Вампир, осторожно уклоняясь от ее ласки. — Король тебя продал, Королева предала. Ты свободна, моя хищная птичка.

Кет подняла на него свои большие темные глаза и напомнила:

— Я жрица, мой неуступчивый аскет. Пусть Король и продал, а Королева предала, но ты же знаешь, что я посвящена Кхеине.

— Так кто тебе мешает? Служи, — сказал рыцарь и показал на Магнификуса. — Он и есть Кхеине. Твой бог, которому ты посвящена.

— Так, — быстро вмешался в их разговор Второй, заранее предугадывая ход событий. — Падать на колени, громко славить и тому подобное нельзя. Я здесь инкогнито.

— Кхеине! — окаменев от изумления, повторила за Абхорашем Эльф-ведьма. — Он воплотился!

— Воплотился, — подтвердил Лорд Вампир. — Только тише. Твой бог хочет научиться владеть мечом, поэтому он здесь.

— Если бы, сэр, на вашем месте был бы кто-то другой, то я бы не поверила ему, — сказала девушка, повернулась к Магнификусу и вполголоса произнесла: — Великий Кхеине, Кет Зарин принадлежит вам и телом и душой. Приказывайте!

— Клянусь, сейчас мне ничего в голову не приходит, — признался ее «бог». — Мне скоро на поле выходить. Давай чуть позже я что-ни-

будь придумаю. Пока отдохни и постарайся никого не соблазнить и не съесть. Помню, меня твоя коллега чуть к столу не подала с овощами. Это еще до того как я стал Кхеине.

— Как к столу? — не поверила Кет. — Вас?

— Меня-меня, — кивнул Второй. — Песнями манила, шалунья.

— Двадцать первый бой! — раздался визгливый голос гоблина-ведущего. — Обаяшка и пижон, синьор Рафаэль Пираззо, и господин Странный сойдутся на этом поле, а уважаемая публика сможет наконец отогнать духов сна и усталости. Чувствует мое маленькое черное сердце, что мы получим много радости от этого зрелища.

— Иди и не бойся умереть, — приободрил друга Абхораш. — Рафаэль сначала прощупает твою защиту и только потом будет нападать. Помни, хороший боец верен технике, гениальный — вдохновению.

Магнификус обреченно вздохнул и побрел к полю боя.

Пираззо уже ждал его, небрежно перебирая кружевной манжет на камзоле.

— Так это вы, любезный, лишили меня удовольствия прикончить болвана Фандома или случайно получилось? — хитро сощурился он, когда Магнификус подошел поближе. — У Фандома была такая обаятельная ставка.

— Я лишил, — хмуро сознался Второй. — Перекупил возможность сразиться с вами. Много хорошего о вас слышал.

— Уверен, мне льстили, — вытаскивая из ножен узкий клинок, хитро улыбнулся Рафаэль. — Приступим, любезный господин Странный, к нашим упражнениям. Вы что поставили?

— Золото, — сообщил Магнификус.

— Разделяю ваш вкус, — похвалил противник, делая первый выпад. — В золоте есть что-то настоящее. Недаром говорится — на вес золота, золотая голова, золотое сечение и так далее.

С первых же ударов Второй понял, что в этом поединке его шансы равны нулю. Помимо того что Пираззо блестяще фехтовал, его гибкий, но крепкий меч не шел ни в какое сравнение с ржавой железкой в руках Магнификуса. Клинок Рафаэля при каждом соприкосновении с мечом молодого человека словно змея обвивался вокруг трофейного тесака и с приятным шелестом ускользал обратно к хозяину, при этом оставляя глубокие зарубки на вражеском лезвии. Только опыт, приобретенный Магнификусом в палочных боях с Лордом Вампиром на плоту, пока спасал от смертоносных укусов меча Пираззо. Но рыцарь был прав — первые несколько минут Рафаэль не предпринимал особенных усилий для атаки на поражение. Он проверял боеспособность противника.

— У вас элегантный стиль нападения, — отражая очередной выпад, заметил Второй.

— Для меня сражение — в первую очередь искусство, а уже потом победа, — согласился Пираззо.

— Жаль, что у меня не было такого наставника, — сказал Магнификус, с завистью разглядывая оружие противника.

— Такова жизнь. Главное понимаешь в последнюю очередь, — усмехнулся Рафаэль и стремительным движением клинка сделал прореху на рукаве молодого человека.

— Хоть здесь немного поучусь у мастера, — шагнул назад тот и попросил: — Не будете так любезны оповестить меня о точке на моем теле, куда вы соблаговолите поразить меня? Или ваши действия носят случайный характер?

— Вы обижаете меня, — возмутился Пираззо. — Клинком движет мысль, а не сила. Вот, например, следующим ударом я проколю вам любой, избранный вами же орган. Пари?

— Пари! Пусть будет печень, она у меня давно на подозрении, — согласился с ним Магнификус, внутренне рассчитывая, сколько у него будет времени при таком болезненном раскладе.

— Печень так печень. Раз, — произнес Рафаэль, сделал полшага в сторону и отвел руку с мечом.

— Два, — изящно выгнув стройное тело и припадая на левое колено, продолжил отсчет он.

— Три, и да здравствует Смерть! — закончил за него Второй, раскрываясь перед несущимся в него лезвием меча.

Меч пронзил бок Магнификуса, но тот только шагнул ему навстречу, пока лезвие не погрузилось в его тело по самую рукоять.

Рафаэль, не понимая, что происходит, вытаращил на молодого человека удивленные глаза. Глаза еще не успели закрыться, а его отрубленная голова уже скакала по полю. Вторым ударом Магнификус отрубил ему руку, при этом меч так и остался торчать в боку молодого человека, а тело Пираззо повалилось в сторону. Из последних сил Магнификус извлек меч и только после этого позволил смерти забрать себя.

И он опять быстро шел по длинному коридору в сторону ослепительного света в конце. И снова были двери. Теперь ему удалось разглядеть их лучше. Обычные деревянные двери с полукруглой аркой наверху и тяжелыми бронзовыми кольцами вместо ручек. Одинаковые двери — что правая, что левая. Хотя, кажется, правая была чуть приоткрыта. Но несмотря на то что его движение было не столь стремительно, как в первый раз, остановиться все-таки не удалось. Свет притягивал к себе тело, пока оно окончательно не растворялось в нем.

Его появление в алтарном круге было встречено сдержанными аплодисментами.

— Ловкий трюк! — похвалил его Абхораш, сидя у костра. — Хотел бы я посмотреть на лицо Рафаэля, когда он поймет, что ты лишил его заветного меча. У него приключится истерика.

— Вы неподражаемы, великий Кхеине! — подала голос из-за плеча рыцаря Кет.

— Пустяки, — смутился Второй и начал разглядывать трофей. — Так значит, он его на свой легион выменял?

— Говорят, — подтвердил Лорд Вампир и добавил: — Теперь мой божественный ученик, тебе будет значительно легче тренироваться. С таким мечом невозможно проиграть.

Лорд Вампир как всегда был прав: с обретением меча Пираззо дело у Магнификуса пошло веселее. Он самозабвенно фехтовал, раз от раза чувствуя себя все уверенней. На хорошего противника тратил не более десяти ударов. Зрители при его появлении на поле восторженно скандировали:

— Слава Смерти! Слава Странному!

Многие бойцы просто снимали свои кандидатуры, когда узнавали, что он их противник.

За пять дней Второй проколол два гномьих, два человеческих и шесть орчьих сердец. А заодно выпустил на волю шестнадцать рабов и стал обладателем двух скакунов — белого и черного, — двадцати одной золотой монеты и еще десятка дорогих побрякушек. Все это время Абхораш наблюдал за его поединками с трибун. Красавица дручия наотрез отказалась принять предложенную ей молодым человеком свободу и готовила обеды, а заодно охраняла алтарь возрождения в их отсутствие. Вечерами все трое собирались у костра и тешили друг друга рассказами. Ночью дежурили по очереди.

К концу пятого дня, когда Магнификус попыхивал своей трубочкой у костра, а Кет штопала его порезанную в схватке куртку, Лорд Вампир вернулся в пещеру озабоченный.

— У Арены крутится Пираззо, — сообщил он молодому человеку. — Он хочет свой меч обратно и поэтому настраивает распорядителей турнира против тебя. Говорит, что ты пользуешься сафери и поэтому выигрываешь. Распорядители могут ему поверить. Ты слишком быстро побеждаешь, а он им предложил сорок золотых монет за свой меч.

— Это ведь хорошо, — не понял его логики Магнификус.

— Для тебя хорошо, — объяснил рыцарь, — а для тотализатора плохо. Кажется, нам пора возвращаться.

— Ты хочешь сказать, что мое обучение подошло к концу? — удивился Второй.

— Я уже сказал это, — ответил Абхораш. — Боги быстро учатся.

— Ладно, — смирился с его решением Магнификус, сделал глубокую затяжку и повернулся к девушке: — Кет, а у тебя есть меч?

Она отрицательно мотнула головой.

— Тогда бери этот, — бросил ей под ноги меч Пираззо Второй, — Великому Лорду все равно, чем противника кромсать, а у меня есть мой, божественный, — он оглянулся на рыцаря: — Я правильно говорю?

— Абсолютно, — поддержал его тот и начал стирать алтарный круг на полу.

— Зачем ты его стираешь? — удивился Магнификус. — Вдруг нас убьют?!

— Будем надеяться, что так и произойдет, — ответил Лорд Вампир. — Иначе нам опять по глиняным карьерам идти.

— Глиняные карьеры — это омерзительно! — поежился Второй и зевнул.

— Кет, ты дежуришь? — спросил Абхораш.

— Я, — коротко ответила девушка, откладывая в сторону куртку.

— Смотри, пусть будет как надо, — сказал ей рыцарь и лег на листву у стены.

Скоро Магнификус тоже решил вздремнуть. Он сгреб сухие листья поближе к огню, накрыл их плащом, выигранным накануне у русоголового дикаря с Северных Пустошей, и лег. Сон, ласковый, как дыхание ребенка, пленил его разум и повлек за собой в давние времена, когда Второй еще не сомневался в тотальном могуществе добра.

Что-то кольнуло его в грудь на уровне сердца, он попытался, не раскрывая глаз, отвести ладонью мешающий предмет и ощутил пальцами холодное лезвие клинка.

— Спи, мой господин, — шепнула ему на ухо Кет и надавила на рукоять меча.

Третий раз он шел знакомым коридором. Свет впереди по-прежнему слепил, но уже не тянул к себе так сильно.

— Третья смерть, и направо, — вспомнил Магнификус слова Валайи и взялся за медное кольцо на двери справа. Дверь распахнулась перед ним. Из-за двери пахнуло прохладой. Второй шагнул в дверной проем и оказался в каком-то полутемном зале. Дверь за спиной захлопнулась. Когда его глаза привыкли к царящему вокруг полумраку, он понял, что в зале не один. Мимо стен зала бесшумно двигалась колонна людей. Магнификус подошел к людям ближе. Здесь были и мужчины и женщины, зрелые, совсем старики и дети. Они шли молча, опустив вниз головы.

— Эй! — позвал он.

Но на его голос никто не обратил внимания.

— Они не слышат тебя, — раздался чей-то голос.

Второй обернулся и увидел Смерть. Перепутать было невозможно — скелет в рваном саване, коса в руке. Смерть в ее канонической интерпретации.

— Моор? — догадался Магнификус.

— Он самый, — кивнула Смерть.

— Почему в таком виде? — спросил Второй.

— Ума не хватило другой образ при загрузке в игру выбрать, — честно признался Моор. — Хотелось художественной правды. Жертва личного максимализма.

— Чего они ждут? — проводил взглядом печальную фигуру совсем юной барышни Магнификус.

— Кто чего, — ответил бог Смерти. — Хорошие сегодня родятся людьми, гномами, эльфами или даже могут скейвенами. Плохие — из грязи орками выберутся.

— Это ты решаешь, кто хороший и наоборот?

— Игра сама решает. Моя роль почти номинальная. Только спорные случаи.

— Какие, например?

— Военные чаще. Им же приходится убивать. Если родину защищал — одно, если грабил, мародерствовал — другое. Бывает, плохого не

делал, но только из трусости или по лени. Тоже мне думать. Может в гоблинах себя реализует? Бывает, плохо жил, а под конец — бах, и собой пожертвовал ради другого. Тут машина не справляется. Милосердия не запрограммируешь.

— А как выбор происходит — в люди или гномы?

— Игра справляется. Мастерить любил больше остального — в гномы, парил в фантазиях всю жизнь — в эльфы, гармонично существовал — в люди. Со скейвенами сложнее. Почти каждый случай индивидуальный. Крысы — мои постоянные клиенты. У них патологическая тяга к целесообразности. Докторскую можно писать. Но кому она нужна?

— Кстати, по поводу крыс! — вспомнил Второй. — Тебе Шарскун не попадался? Куда его?

— Шарскун, Шарскун, — Моор склонил в сторону череп. — Не помню. Много их. Сейчас спрошу, — и он крикнул в другой конец зала: — Цыган?! Шарскуна куда определили?

— Никуда, не наш он, — отозвался оттуда знакомый голос.

— Что значит — не наш? — не понял Магнификус.

— Мимо прошел, — пояснил Моор. — Герой.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Второй и кивнул в сторону, откуда прозвучал голос. — Это Цыган-кузнец?

— Он, — ответил бог Смерти и, подплыв по воздуху вплотную к гостю, заглянул ему прямо в лицо пустыми глазницами. — Так ты и есть Магнификус? Порталы рушить будешь.

— Буду, — честно признался Магнификус. — Слишком хорошо ты свой Хаос придумал.

— Кто знал! — простонал Моор и быстро переместился в центр зала. — Нечисть! Злобная нечисть! Паразиты! Они предали меня!

— Не переживай так, — попытался его успокоить Второй. — Порталы снесем, и все утихнет.

Моор опять подплыл к нему и тихо сказал:

— Ты ошибаешься. Я действительно их слишком хорошо придумал. Гениально придумал. Ты Черный Портал закроешь, и они станут

слабее, но не исчезнут. Они в самой сути игры. Это не просто отдельные персонажи — это субличности. Они в каждом из нас. Они и в тебе. Изменение, боль, саморазрушение, порок — вечные герои.

— Не понимаю, — задумался Магнификус. — У них есть тела, а тела можно уничтожить.

— Их тела можно, наши души нет. Уничтожай, не уничтожай, а завтра какой-нибудь голубоглазый мальчик из далекой деревушки вырастет в мужчину, возьмет оружие и превратится в Кхорна. Не уследишь.

— Это слишком сложно для меня, — заявил Второй. — Я знаю, что нужно уничтожить Портал, для этого нужны недостающие кубики, ромбики. Ты мне их дай и все. Там уже моя забота.

— У меня их нет, — раздраженно крикнул бог Смерти. — Эти паразиты их украли.

— Как украли? — удивился Магнификус.

— Точнее, не вернули, — оговорился Моор. — Два я отдал Тзинчу, два — Слаанешу. И все — больше я своих принципов не видел.

— Плохо дело, — ужаснулся Второй. — Хуже некуда. Зачем же ты их отдал?

— Хотел увеличить силу своей армии. Мы с Таалом играли. Он тоже принципы своим раздавал. Это давно было. Очень давно. Откуда нам было знать, что они сами по себе заживут? Я не понимаю, как это случилось! — бог Смерти поднялся на несколько метров в воздух и проорал: — Корин! Корин! Где мы? Что ты наделал? Где мы?

— Здесь, — за Корина ответил Магнификус, опасаясь за рассудок божества. — Вы все здесь и я здесь. Не своди меня с ума дополнительными сложностями. Пойдем по порядку — принципов у тебя нет?

— Нет.

— Они у Тзинча и Слаанеша?

— Да.

— Все ясно. Будем решать эту задачу методом тыка. А пока я должен объявить тебе войну. Вернее, не тебе, а твоему подопечному — Хаосу. Мне так Валайа сказала. Иначе выражаясь, Магнификус объявляет войну Хаосу!

— Хаос принимает вызов Магнификуса! — столь же торжественно ответил бог Смерти, перекинул косу в другую руку и попросил: — А теперь уходи, пожалуйста. Я и так в шаге от безумия. Уж поверь мне как дипломированному врачу в далеком прошлом. Знаешь, почему я перестал контактировать с другими Древними?

— Ну? — насторожился Магнификус.

— Они до сих пор не понимают, что взяли на себя компетенцию Бога — создавать мир и управлять им. Они — просто люди, с обычными человеческими возможностями, пытаются манипулировать бесконечными категориями. От безумия их спасает только собственная ограниченность. Им невозможно объяснить, что это не просто сбой в программе, а промысел Божий. Они атеисты. Я их боюсь, поэтому предпочитаю находиться здесь. Прощай, опасный мечтатель, — Моор взмыл под потолок и растворился в тени.

Второй проводил его взглядом и вернулся к двери.

Он уже взялся за медное кольцо на ней, как его настиг голос Цыгана, раздавшийся откуда-то из тени слева:

— Слаанеш перед выходом в Небытие передал на хранение свои принципы. Я знаю кому.

— Кому? — встрепенулся Второй.

— В обмен на мое знание пообещай сделать колоду, — предложил кузнец.

Магнификус подумал и согласился:

— Хрен с тобой, я попрошу Вилли сделать тебе приличную колоду. Подойдет?

— Подойдет, — сообщил кузнец. — Принцип Слаанеша хранит Малекит в своем дворце. Малекит поклоняется Слаанешу.

— А где он его держит?

— В голове изваяния Кхеине, в зале Желанной Боли.

— Благодарю за информацию. Хоть что-то прояснилось. Ишь ты — в моей голове! Хорошо бы теперь узнать, как уничтожать этот портал? Наверняка полагается совершить какой-нибудь сверхтаинственный ритуал, ети его мать?

— Полагается, как же без ритуала, — согласился призрак. — Но со всеми принципами ты станешь творцом мира. Остальное — только твоя фантазия.

— Заканчивай с гостями, Цыган! Это невозможно, мне нужна тишина! Я сужу жизнь, — прогрохотал под сводами крик Моора.

— Цыган, что за ритуал? — несмотря на окрик, уточнил Магнификус.

Но тот ему не ответил. В зале воцарилась-таки гробовая тишина. Гость подождал еще мгновение и толкнул дверь.

— Где ты был три дня? — встретил его вопросом Лорд Вампир.

— Три дня?! — не поверил Магнификус.

— Два с половиной, — уточнил рыцарь.

— Да так — поделился кое-какими мыслями с богом Смерти. Вот он действительно странный. Страннее остальных, но по-своему ответственней, — рассказал Второй.

— Не понял? — вскинул брови Абхораш.

— Я тоже не понял, — признался Магнификус. — Но в двух словах так — все начинаем с нуля.

И он рассказал о своей встрече с Моором. В течение всего рассказа рыцарь не промолвил ни единого слова, лишь по завершении он потер рукой подбородок и признался:

— Я ничего не понял, но можешь на меня рассчитывать. Пошли. Нужно спешить. Мне давно пора кормить рыбку.

Синее небо над Черным хребтом и прилегающими к нему землями Империи способствовали хорошему настроению. Лица путешественников обдувал теплый ветерок, перед глазами лежали зеленые просторы лесов, и отовсюду доносилось пение местных сладкоголосых птиц.

— Жалею, что не да Винчи, печалюсь, что не Петрарка, страдаю, что не Бетховен! — блаженно жмурился Второй, спускаясь с каменной

кручи вслед за Лордом Вампиром. — Определенно, с этой стороны гор мир лучше во всех отношениях.

— Трудно не поддержать, — согласился с ним Лорд Вампир. — Хотя и не имел счастья познакомиться с упомянутыми тобой Древними.

Они спрыгнули с камней на землю и направились к лесу.

— Великий Лорд, — обратился к своему спутнику Магнификус. — Как-то у меня в голове не укладывается — неужели Кет предала нас?

— Кто знает?! — пожал плечами рыцарь. — Может быть, она сделала за нас грязную работу и сэкономила нам время. Ведь перед тем как мы уснули, я невольно сам подал ей эту мысль. Может быть, она решила подзаработать на мече. Рафаэль за него давал кучу денег. Но скорее всего — и то и другое.

— Разве так бывает? — не поверил Второй.

— Друг мой, — положил ему на плечо руку Абхораш. — Только так и бывает. Все остальное — либо случайность, либо неправда. А какие у тебя претензии к девушке? Мы помогли ей, она помогла нам и еще подзаработала. Что если она укроется теперь где-нибудь в глубинке, выйдет замуж, родит детей и будет рассказывать им и их детям перед сном о том, как встреча с Великим Кхеине изменила ее жизнь. Быть богом — неблагодарное занятие и противоречивое к тому же.

— Широта твоих воззрений, Великий Лорд, выше всяких похвал, — «по-доброму» съязвил Магнификус. — Сомневаюсь, что мне это по силам.

— По силам, по силам, — уверил его рыцарь. — Суди поступки других, как хотел бы, чтобы другие судили тебя.

— Два в одном, — неопределенно констатировал Второй и замер, глядя вперед.

Из лесной чащи им навстречу выезжали вооруженные всадники. Их доспехи блестели на солнце, а руки сжимали копья и щиты, украшенные изображением парящего дракона.

— Вот и они, — сказал Лорд Вампир, приветственно вскидывая руку.

От группы всадников отделился один и поскакал к путешественникам. Магнификус узнал в нем Ната.

— Магистр, мы ждали вас! — отрапортовал всадник. — Сейчас приведут коней. Наш лагерь недалеко. В лесу, у озера.

— Хорошо, Нат, — похвалил его Абхораш и деловито поинтересовался: — Было что-нибудь интересное?

— Мало, — сообщил тот. — Вчера вечером мы уничтожили три с небольшим десятка орков. Они думали напасть на городок к югу отсюда. С пустыми телегами шли зеленомордые. Да, и еще — у нас пленница.

— Пленница?! — удивился рыцарь. — Эльф?

— Никак нет, — мотнул головой Нат. — Скейвен. Дралась как демон. Зарубила двоих наших людей. Еле ее связали. Хотели убить, но она сказала, что ищет своего мужа, которого увел господин Магнификус.

— Асушан?! — воскликнул Второй.

— Так точно — Асушан, раздери ее Хаос! — подтвердил всадник, разворачивая коня. — Она в нашем лагере.

Крайне взволнованный этой новостью, Магнификус забыл о своем божественном статусе и побежал за всадником. Строй рыцарей расступился, пропуская спешащего бога Войны. Лорд Вампир дождался, пока ему подведут коня, и не торопясь поехал следом.

LOADING...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На берегу лесного озерца, заросшем тилорезом, стояли пять походных шатров, в центре лагеря горел костер, над которым один из спешившихся рыцарей жарил куропатку, наколотую на меч. Задыхаясь от бега, молодой человек огляделся. Супругу Шарскуна он обнаружил привязанной цепью к сосновому стволу вблизи одного из шатров.

— Господин Кхеине, — подбежал к нему рыцарь с куропаткой на мече. — Что случилось? Где Лорд?

— Сейчас будет, — отмахнулся Магнификус и, указав на Асушан, приказал: — Немедленно освободите ее!

— Господин Кхеине, это чрезвычайно опасно, — предупредил воин. — Она трижды проткнула меня своим тупым мечом, прежде чем я успел достать свой!

— Освободите! — категорично потребовал Второй.

Рыцарь свистнул. Из близлежащего шатра выскочили трое слуг.

— Отвяжите пленницу, — ткнул в скейвеншу воин и еще раз предостерег Магнификуса: — Не подпускайте ее близко — может перегрызть горло.

Но Второй его не дослушал и сам бросился помогать слугам снимать цепи с Асушан.

— О! Великий Древний! — упала перед ним на колени скейвенша. — Скажите мне правду, где мой бестолковый муж? Я с ума схожу! С тех пор как он ушел с вами, его больше никто не видел!

Магнификус поднял ее с коленей и поторопился успокоить:

— Все нормально! Он жив!

— Как жив? — нахмурилась скейвенша. — Значит, этот подлец бросил свою семью?!

— Да нет же! — воскликнул Второй. — Шарскуна застрелили в Наггароте. Я лично видел его мертвое тело, висящее на городской площади.

— Постойте, — запуталась Асушан, — так он жив или мертв?

— Был мертв, но теперь жив, — сумбурно пояснил Магнификус, — Моор сказал мне, что Шарскун не появлялся у него, потому

что он герой или чемпион. Я не знаю, как это называется у скейвенов.

— Вечный, — подсказала ему Асушан и недоверчиво поинтересовалась: — Как этот проходимец умудрился стать вечным?

— Он пожертвовал собой, спасая другу жизнь, — ответил Второй.

— Шарскун? — на всякий случай уточнила Асушан.

— Твой муж, Шарскун, — подтвердил Магнификус. — Он совершил подвиг и стал вечным.

— Тогда почему мой вечный муж не вернулся домой к началу учебного года наших детей? — спросила скейвенша.

— Я не знаю, — признался Второй.

К беседующим подъехал Лорд Вампир, спешился и принялся молча разглядывать Асушан. Наконец он повернулся к своему «божественному» спутнику:

— Это твоя знакомая?

— Это мой друг, — серьезно взглянул ему в глаза тот. — Ее муж отдал за меня жизнь в Наггароте. Он исчез, и Асушан его ищет.

— Друзья моих друзей — мои друзья, — сделал полупоклон рыцарь. — Я Абхораш Бетельгейзе.

— Отор Бер Асушан Дуц, Восьмая в клане Эшин, — изобразила некое подобие книксена Асушан.

— Я очень высокого мнения о вашем отце — Наршусе Феусс. Вы же — урожденная Феусс? — спросил Абхораш и, к изумлению всех присутствующих, поцеловал лапу скейвенше.

— Откуда вы знаете? — смутилась Асушан и потупила взор.

— Ну, во-первых — фирменный удар вашего почтенного родителя — «пятая лапа», с помощью которого вы лишили жизни моего рыцаря, и во-вторых — имя вашего супруга, — объяснил Лорд Вампир и поинтересовался: — Как ваш знаменитый отец? Практикует?

— Уже нет, — ответила Асушан. — Папа семь лет назад замуровался в одной из подземных пещер в катакомбах под Эшинблантом для внутреннего самосовершенствования. Моя сестра носит ему пищу и одежду.

— Жаль, — вздохнул рыцарь и сообщил Магнификусу: — Отец вашего очаровательного друга когда-то был лучший наемный убийца Старого Света, он разработал уникальный стиль боя, к сожалению, недоступный для людей ввиду различий физиологического характера. Я имел честь дважды сражаться с уважаемым Наршусе, один раз я его убил, другой — он меня. Так в чем проблема?

— Шарскун исчез, — сказал Второй. — После своей гибели в Наггароте он не вернулся домой. Хотя собирался.

— Мой муж — приличный скейвен... — начала было Асушан, но Лорд Вампир не дал ей закончить и деловито уточнил: — Где его алтарь?

— У него нет своего алтаря, он только-только стал вечным, — ответил Магнификус.

— Тогда он должен был восстановиться тем порталом, который видел последним, — заверил его рыцарь и добавил: — Может статься, ему не удается выбраться.

— Точно! — воскликнул Второй. — Там огромное количество зверолюдей, а у Шарскуна не было меча.

— Вы думаете? — с надеждой в голосе спросила скейвенша у Абхораша.

— Я уверен, — кивнул он.

— Тогда мне нужен самый быстрый дракон на свете, — заявил Магнификус, вытащил знак прадракона и шепнул ему: — Болтун, лети сюда скорей.

— Что вы делаете? — не поняла Асушан.

— Он вызывает своего дракона. Хочет вылететь на помощь вашему мужу, — объяснил Лорд Вампир, подал женщине локоть и предложил: — Пока дракон будет сюда добираться, я могу вам предложить перекусить с дороги и выпить вина в моем походном шатре.

— Я не пью, хотя для женщин клана Эшин существуют некоторые свободы в этом вопросе,— опять засмущалась скейвенша, но тут же сунула левую лапу под локоть рыцаря и добавила: — Спаси вас Рогатая Крыса!

После чего Лорд Вампир повел ее к своему шатру.

К тому времени, когда крылатая тень пронеслась над лагерем, Магнификус, Асушан и Абхораш уже успели сытно перекусить, а Второй и рыцарь заодно привести себя в порядок.

— Что ж, — протянул руку Магнификусу Лорд Вампир, — пожалуй, что на этом мы и расстанемся. До битвы. Я не буду выходить из шатра, не хочу смущать дракона, драконы меня не любят.

— Как ты узнаешь, когда будет битва? — спросил Второй.

— Спрошу у Марты, — ответил рыцарь. — Она все знает.

Он обернулся к скейвенше:

— До встречи, милая Асушан, при случае передайте мой поклон своему родителю.

— Передам, — пообещала та, поклонилась рыцарю и первой вышла из шатра.

— О такой спутнице жизни можно только мечтать, — глядя ей вслед, серьезно заявил Лорд Вампир. — Она прошла более тысячи миль, чтобы найти своего мужа.

— Шарскун ее стоит, — сказал Второй и обнял своего печального наставника.

— Это невозможно! — ревел Болтун, взмывая в небо. — Драконы за всю историю мира не носили на себе скейвенов!

— У всего должно быть начало! — философски заметил Магнификус, глядя вниз на превращающиеся в белые точки шатры лагеря Абхораша.

— Я боюсь! — взвизгнула Асушан, вцепившись обеими лапами в пояс молодого человека.

— Кошмар! — продолжал реветь дракон. — Меня засмеют, если узнают. Я никогда не женюсь! У меня не будет потомства! Я погиб!

— Прекратите панику! — крикнул Магнификус. — Я все улажу.

Земля стремительно проносилась у них под ногами. Зеленые массивы лесов сменили геометрические фигуры полей, за ними просколь-

знула паутина мелких речушек, мелькнул верхушками башен какой-то замок на горизонте, опять потянулись леса.

— Где-то там! — показал рукой вниз Второй. — Я узнаю эти места. Ищем озеро в лесу. Почти такое же, как у лагеря.

Дракон спикировал ближе к верхушкам деревьев и полетел прямо над ними.

Магнификус заметил бредущего по лесной тропе тролля.

— Озеро, вижу озеро! — проревел Болтун.

— К нему, — приказал Второй.

Им повезло. Это действительно было искомое озеро. И на его берегу по-прежнему стоял алтарь. На нем же, балансируя на головах каменных химер, отчаянно отбивался лапами от толпы монстров абсолютно голый Шарскун.

— Шарскун! — радостно крикнул Магнификус.

— Где ты был, человечек? — смахивая ударом левой лапы очередного урода вниз, ответил ему крыс. — Меня триста раз сожрали.

— Твой меч, — протянул ему рукояткой вперед меч сланнов молодой человек, подлетая ближе.

Шарскун схватил оружие и с остервенением начал им кромсать голодных битсменов:

— Нате вам, плохие обжоры!

— Любимый, я с тобой! — подала голос Асушан и, не дожидаясь окончательного приземления, спрыгнула в самую гущу зверолюдей.

— Милая, почему ты здесь?! — продолжая орудовать клинком, одновременно обрадовался и удивился скейвен. — Разве дети не пошли в школу?

— Пошли, — успокоила его супруга, перерубая получеловека-полусвинью ровно напополам. — Старшие следят за младшими, и я еще тетю Гаршусу попросила у нас пожить.

Дракон наконец опустился на другой берег озера, и Магнификус присоединился к этой идиллической «мясорубке». Зверолюди начали понемногу отступать в чащу.

— Как ты жил без меня, Древнейший? — полюбопытствовал скейвен и подцепил кончиком своего меча какую-то грязную тряпку с земли. — Порази их Рогатая Крыса! Это были мои любимые штаны!

— Очень энергично жил, дружище, — сообщил Второй, двумя короткими ударами наперекрест вспарывая брюхо жабообразному монстру.

— Ты хорошо дерешься, — заметил Шарскун. — Быстро научился.

— Жизнь заставила, — признался Магнификус и добавил: — В моей сумке есть сменная пара нижнего белья и плащ. Мы тебя оденем.

— Не надо, — вмешалась Асушан, прикончив последнего битсмена и убирая меч в ножны. — Я взяла ему чистую одежду.

— Мышка моя! — обнял ее за талию супруг. — Теперь ты поняла, что я сказал на свадьбе чистую правду? Даже смерть не разлучит нас!

— Оденься сначала, трепач, — отпихнула благоверного скейвенша и достала из заплечного мешка сверток с одеждой.

— Поищи на земле мое обручальное кольцо, — попросил Шарскун, скрываясь с одеждой в прибрежном кусте. — Они мне его вместе с пальцем отожрали.

— Хозяин! — проревел с другого берега Болтун. — Я полетел, что ли? Мне здесь холодно.

— Лети, — махнул рукой Магнификус и повернулся к женщине. — Как вы себя чувствуете?

— Теперь нормально, — ответила Асушан.

— Милая, а кто у нас родился? — подал из куста голос скейвен.

— Девочка, — сообщила супруга.

— Ты уже оформила на нее пособие?

— Не успела пока.

— Ты с ума сошла! Нам же не принесут на день Тринадцати дополнительный паек! — огорчился Шарскун.

— Нечего гибнуть где попало, — огрызнулась Асушан. — Я даже к Бешосу Кипе ходила про тебя узнавать.

— В храм надо ходить, а не по гадалкам шляться, — пристыдил ее супруг, выходя из-за куста в новом наряде. — Великоват немного. Похудел я.

— Зато теперь стал героем, — напомнил ему Второй.

— Но какой ценой! — вздохнул Шарскун и протянул Магнификусу лапу. — Здравствуй, мой дорогой друг!

— Здравствуй, — пожал ее тот и хитро спросил: — Так почему же ты меня не убил?

— Не успел, — честно ответил скейвен. — Ты полез за эту полукровку заступаться. А потом я к тебе привык. Скейвены очень влюбчивые. А кто тебе сказал?

— Добрые боги-заказчики, — усмехнулся Магнификус.

Окончательно приведя себя в подобающий почтенному скейвену вид, Шарскун принялся совещаться со своей «половиной» о том, как лучше вернуться домой. Асушан наотрез отказалась идти через Праг и предложила направиться на юг, в сторону Нульна. По ее словам, когда-то она пользовалась для выхода из путевых тоннелей заброшенной шахтой, находящейся неподалеку от окраины города.

Молодому человеку ее план очень понравился. Ведь именно там и находились Наола с Тордионом.

На этом и порешили.

Весело переговариваясь, компания двинулась по лесной дороге, по всей видимости, вытоптанной троллями.

— Смотри, — скейвен ткнул лапой на пересекающую дорогу тропинку. — Помнишь, как мы на «лютых» здесь проезжали?

— Помню, — ответил Магнификус, действительно узнавая это место.

— На «лютых» не ездят, — усомнилась в достоверности слов супруга Асушан.

— Сердце мое, — с укоризной в голосе сказал тот. — На драконах скейвены тоже не летают.

— Мы на самом деле проезжали здесь на «лютых», — вступился за приятеля Второй. — Нам их предоставила Наола — хозяйка усадьбы неподалеку.

И тут ему в голову пришла замечательная мысль.

— Может, зайдем на минутку? — предложил он. — Я ведь с папой Наолы познакомился.

— Ну и как тебе папа? — заинтересовался Шарскун.

— Нормальный папа, как у всех, — ответил Магнификус. — Я ведь у него руку и сердце дочери попросил.

— Да ты что! — восхищенно выдохнул скейвен. — Ты ему, наверно, очень не понравился. Вот когда кто-нибудь руку и сердце моей дочери просит, то у меня первое желание будет ему морду обглодать.

— Остынь, милый, — одернула его супруга. — С таким отношением мы девочкам женихов не найдем.

— Это ты перестань, — заупрямился Шарскун. — С ума сойти можно — только достигает брачного возраста, как женихи уже на пороге. Мало того, выясняется, что они давно любят друг друга. Я одного такого за ухо взял и спрашиваю: «Как это «давно любите»? Она же совсем ребенок, крыса ты патлатая! С родителями приходи».

— Было такое, — подтвердила Асушан. — Бедный мальчик был вынужден за родителями идти. Опозорил жениха собственной дочери на весь город. Теперь он высокий пост в клане занимает.

— Теперь да, — кивнул скейвен. — Приличный мальчишка оказался. Я его кое-каким премудростям разведки обучил.

— Разведки! — озарило Второго и он спросил: — Хочешь подзаработать?

— Нет, — быстро ответила за супруга бдительная женщина. — У нас все есть.

— Тысяча золотых империалов, — озвучил цену Магнификус.

Скейвены быстро переглянулись между собой, и Асушан попросила:

— Повторите, пожалуйста?

— Тысяча золотых империалов, — исполнил ее просьбу Второй.

— Короля, что ли, кончить надо? — после долгой паузы уточнил скейвен.

— Кое-что украсть из дворца Малекита в Наггароте, — ответил Магнификус. — Вещь, необходимую для спасения мира.

— Это наплевать, для чего, — взмахнул лапой Шарскун. — Главное, чтобы точно тысячу.

— Может?!. — начала было его жена, но скейвен грубо перебил ее:

— Да помолчи ты! На тысячу мы свой клан соберем. И не забывай — теперь твой супруг вечный. Вечный, понимаешь?! Убьют, а я раз, и живой!

— Только я неподалеку буду, — смирилась Асушан.

— Мы согласны, — повернулся к другу Шарскун. — Тебе крупно повезло: я бывал во дворце Малекита и отлично помню систему вентиляционных шахт. Туда надо заходить через плотину. Но заранее хочу предупредить: дворец Малекита ужасное место, самое ужасное, где я бывал.

— Грязь? — по-своему понял его Магнификус.

— Гораздо хуже — порок! Порази их Рогатая Крыса! — поднял к небу когтистый палец скейвен.

Болтун был крайне недоволен, что его опять вызвали для перевозки враждебных драконам существ.

— Хозяин, — урчал он, когда вся троица устроилась у него на спине. — Неужели для дракона не нашлось более подходящего дела?! Крысы совсем чужие для нас и непонятные. Они под землей живут, и от них можно чем-нибудь нехорошим заразиться.

— Животное! — возмутился Шарскун. — Медицина скейвенов опережает человеческую на несколько столетий. Ну и что, что под землей живем, а вы яички откладываете.

— Как только хозяин разрешит, я тебя непременно сожру, — предупредил Болтун. — Вы на свалках в нечистотах копались, когда мы уже постигли блаженство душевного покоя и созерцания.

— Вы только подумайте! — взвизгнул скейвен. — Постигли они! Смирись, будущее драконов в зоопарках.

Ящер аж содрогнулся от обрисованной крысом перспективы. Он вытянул вперед шею и выдал рев такой силы, что близлежащие деревья повалились на землю. Вслед за ревом из его глотки вырвался сноп огня.

— Не ссорьтесь, мальчики! — попыталась урегулировать возникшую ситуацию Асушан.

Но Болтуна уже не занимал спор со скейвеном. Он еще раз вытянул шею и плеснул в сторону огнем.

— Может, не будем с огнем играть? — предостерег дракона молодой человек. — Лес вокруг. Пожар будет.

— Хозяин! — повернул к нему голову Болтун. — Здесь что-то не так. У меня не должно быть огня!

— Почему не должно? — не понял Магнификус. — Ты дракон, а все драконы умеют изрыгать пламя.

— Не все, хозяин, — сообщил ему дракон. — Водяные не умеют.

— Значит, ты и здесь будешь первый, — пожал плечами Второй и спросил: — Как на драконьем языке будет звучать «морское пламя»?

— Даноум дооф, — перевел Болтун.

— Именем себя самого, Древнего от Древних и, по совместительству, Кхеине, изменяю тебе имя на Даноум Дооф. Для друзей — Дооф, — объявил Магнификус и попросил: — Полетели уже, исключительный наш Дооф!

— Я Дооф! — взревел обезумевший от радости дракон. — Не Болтун, а Даноум Дооф! Я теперь быстрее найду невесту!

— Многоуважаемый Дооф, — обратился к дракону Шарскун, когда тот вышел из пике и немного сбросил скорость. — Должен принести вам свои извинения за нетактичность, проявленную мной на земле, и коленопреклонно просить не выделывать фигуры высшего пилотажа в воздухе. Во-первых, с нами многодетная мать, во-вторых, я до смерти боюсь высоты.

— Я принимаю ваши извинения, — благородно внял его просьбе Дооф и полетел ровнее.

Если до обнаружения у себя способности к порождению пламени Болтун считался самым быстрым из драконов, то по обнаружении оных способностей он стал еще и самым высоколетающим. Во всяком случае, на землю дручий путешественники спустились покрытые инеем и замерзшие до полусмерти.

— Клянусь Рогатой Крысой, земля все-таки круглая! — клацая от холода челюстями, сказал скейвен. — Лично видел.

— Только не вздумай об этом трепаться в городской кофейне, иначе тебя засмеют, — посоветовала Асушан, растирая ему лапами спину.

— Товарищи! — взмолился Магнификус, сползая с драконьей спины на землю. — Товарищи, помогите мне достать мою трубку, она у меня в правом кармане плаща, а у меня пальцы не двигаются.

— А что, есть трава озарений? — заинтересовался скейвен.

— Нет, — покачал головой Второй. — Огниво. Костер разжечь.

Дракон намек понял и услужливо дыхнул огнем на торчащий неподалеку сухой куст терновника.

— Спасибо, друг, — поблагодарил его Магнификус и побрел к огню.

— Я могу лететь? — спросил дракон.

— Само собой. Лети, — разрешил Второй, протягивая руки над горящим кустом.

Дооф взмахнул перепончатыми крыльями и поднялся в воздух, напоследок повернувшись к Шарскуну:

— Да, действительно круглая. Я тоже видел.

Путешественники проводили взглядом Доофа, пока он не исчез за облаками.

— Древнейший, — обратился к Магнификусу скейвен, — ты ведь так и не рассказал, зачем тебя вызвали.

— Мир ваш спасать, — сказал тот.

— Что, все так плохо? — уточнила Асушан.

— Неважно, — утвердительно кивнул Второй.

— А как его спасать, они сказали? — продолжил расспросы Шарскун.

— У них очень приблизительный план, — ответил Магнификус. — Если в двух словах, то так: собери кубики, ромбики, разрушь портал, чтобы Хаоса поменьше было, а там делай чего хочешь, здесь все можно. Понятно?

— Ну — так... — неопределенно протянул скейвен и задумчиво констатировал: — Бардак, короче говоря.

— Точно, — удивился точности его оценки Второй. — Ты редкого ума скейвен!

— Не в этом дело, — вмешалась в их разговор женщина. — Ума он действительно редкого, только все и так догадываются, что бардак. Послушали бы вы, господин Магнификус, о чем болтают в Эшинбланте домохозяйки! Страшно становится. Одна портниха договорилась до того, что, мол, и Рогатой Крысы нет! Представляете?!

— Кошмар, — охотно согласился с ней Магнификус. — Ее лечить надо.

— Поздно, — флегматично сообщил Шарскун. — Ее уже в реке утопили.

— Как утопили?! За что? — ужаснулся Второй.

— За ересь, — сказал скейвен и объяснил: — Понимаешь, Древнейший, дело не совсем в Рогатой Крысе, а в том, что если ее нет, то и городской налог на содержание ветеранов войны не надо сдавать, и жениться не надо — можно и без церемонии детей делать. Мракобесие, короче говоря.

— А если войны не будет и, соответственно, ветеранов? — поинтересовался Второй. — Мир и безопасность?

— Тогда наступит конец света, — убежденно постановил Шарскун.

— Почему? — не понял Магнификус.

— Так говорит Рогатая Крыса, — торжественно ответил ему скейвен.

— Сложно возразить, — заключил временно исполняющий обязанности бога Войны.

С появлением в их компании Асушан значительно улучшилась организационная составляющая намеченной операции. Прежде всего опытная скейвенша тщательно обследовала район прилегающего к плотине леса и обнаружила полузаросшие развалины большого здания с отлично сохранившимися подвалами под ним. Именно там Шарскун и создал свой личный алтарь. Создание места возрождения также не обошлось без участия его супруги. Асушан была отлично осведомлена в механике создания алтаря. По ее словам, эти знания она почерпнула из книг в библиотеке отца, еще до замужества. Для активации алтаря потребовался варп-камень, и Магнификусу пришлось вернуть скейвену им же подаренный флакон.

Затем женщина принудила приятелей к строительству целой серии хитроумных ловушек и рытью ям. Когда изнемогающие от усталости Второй и скейвен выполнили поставленные перед ними задачи, Асушан накормила их лепешками и уложила спать.

— У меня складывается ощущение, что я опять в детском саду, — буркнул ее супруг.

— Надо отдохнуть, путь предстоит нелегкий, потребуется много сил, — мотивировала свой энтузиазм Асушан.

— А я не против поспать, — поддержал ее Магнификус. — В прошлый раз мне не дали толком выспаться — зарезали.

— Можете спать спокойно, — заверила его скейвенша. — Я буду дежурить.

— Милая, — уже засыпая, поинтересовался Шарскун, — как сыграли наши в полуфинале?

— Четыре три, — ответила ему супруга, усаживаясь на заросших серым мхом ступеньках, ведущих наверх.

— Слава Рогатой Крысе! — зевнул скейвен, повернулся на другой бок и захрапел.

К плотине Второй и Шарскун вышли засветло. Вдали, на городской стене, еще мерцали огни факелов караула.

— Ты думаешь, что стража не следит за плотиной? — глядя на затянутый пленкой болотной ряски водоем, спросил Магнификус.

— Давно не следит, — успокоил его скейвен. — Триста лет назад тоннель под городом, ведущий к плотине, замуровали. Эта река пересохла, и его замуровали. Проложили другие тоннели, для других рек с пресной водой.

— Так как же мы проберемся, если все замуровали? — уточнил молодой человек.

— За триста лет вода подмыла фундамент, и я нашел в нем щели. Через них доберемся до старого тоннеля, а там будет проще, — объяснил ему крыс. — Говорю же, у меня была одна работа в Наггароте несколько лет назад. Мне заказали одного купчишку.

— Если не секрет, кто заказал? — заинтересовался Магнификус.

— Огромный секрет, — кивнул Шарскун. — Его сын и заказал. Дручии не любят тянуть с наследством. Все, не будем вспоминать старое, нас ждет дворец самого Малекита!

— Не понял? — пробираясь за крысом к отвесной стене, переспросил Второй. — Купец жил во дворце короля?

— Ни в коем случае, — ответил Шарскун. — Я на всякий случай исследовал все лазейки в городе. У дручий такие нравы, что могли появиться еще заказы. Четыре дня ползал по городской вентиляции и нашел дворцовые отводы. Чего только не насмотрелся!

— Дручии все такие испорченные? — опять подал голос Магнификус.

— Нет, но порок у них приветствуется, — перешел на шепот скейвен. — Идеология твердой воли и ясного суждения. Переводя на простой язык: кто успел, тот и съел.

Друзья добрались до остатков плотины и, прижимаясь к стене, начали двигаться осторожнее, поскольку до их слуха несколько раз донеслись голоса стражников сверху.

— Вот он, лаз, — шепнул крыс, встал на четвереньки и пополз внутрь узкой расщелины в стене.

Второй последовал его примеру.

Какое-то время, сжатые со всех сторон мокрыми камнями, они ползли вперед, окруженные непроницаемым мраком. Наконец лаз начал расширяться, и еще через полсотни метров соратники смогли подняться на ноги.

— Клянусь постоянной Планка, я ничего не вижу, — озираясь по сторонам, признался Магнификус.

— Постоим немного, пусть глаза привыкнут, — успокоил его Шарскун. — На самом деле здесь есть свет. Стены тоннелей от сырости покрываются особым лишайником. Он светится.

Скейвен не обманывал. Через несколько минут можно было различать контуры окружающего их пространства.

— Дальше, — подтолкнул его крыс.

Магнификус дотянулся рукой до стены и пошел вперед.

Спустя час ходьбы в полумраке они добрались до перекрестного тоннеля, свернули направо и пошли по нему. Еще через полчаса под ногами перестала хлюпать вода, и кое-где сверху замаячили тусклые просветы.

— Сейчас мы поднимемся по лестнице к первой шахте, — сообщил скейвен, обгоняя спутника. — Шахта проходит по домам жилого квартала. Опять поползем. Тихо поползем. В некоторых домах рано просыпаются.

Следуя за Шарскуном, Второй взобрался по упомянутой лестнице до квадратного лаза шириной не более полутора метров. Опять пришлось встать на четвереньки.

Далее двигались не спеша. Уставая, ложились на спину и отдыхали. У открытых воздуховодов, за которыми слышались голоса, ползли еще медленнее. Магнификусу иногда даже удавалось заглянуть в дома дручий.

Так, в одном он видел рыцаря, задумчиво сидящего у кровати, на которой спали трое детей.

Из соседней комнаты к нему вышла женщина, очевидно супруга, и обняла его за плечи.

— Ты мало спишь, — поднял на нее глаза рыцарь.

— Мне хватает, — поцеловала его в макушку женщина и спросила: — Все думаешь о переезде?

— Еще немного, и я смогу купить эту землю, — вздохнул рыцарь.

— Пойдем завтракать, — позвала его женщина, и они покинули комнату.

Через другой воздуховод он имел счастье наблюдать за игрой в кости трех ворчливых стариков. Они, устало переругиваясь, играли на деньги.

— Ты плохо считаешь, Тенур! — кряхтел один из них, сгребая кости в стакан. — За прошлый бросок мне нужно приплюсовать три, а ты написал — два.

— Не ври, — огрызнулся тот, кого он назвал Тенуром. — Я записал правильно, потому что ты перекидывал, а за это снимают одно очко.

— Чего-то я не замечал, что ты у себя вычитал! — не успокаивался его оппонент. — Вот так ты и по жизни — за другими следил, а за собой нет.

— Кидай скорее! — вступил в их спор третий. — Утро уже. Если внучка заметит, что меня всю ночь не было дома, она меня на месяц в комнате запрет.

Сцена в еще одном доме огорчила молодого человека, но он был вынужден придерживаться роли стороннего наблюдателя.

На большой кровати у стены рыдала обнаженная девушка. Рядом с кроватью невозмутимо одевался холеный юноша.

— Чего ты ноешь?! — спрашивал он. — Мне это не нравится. Мы договаривались, что ты будешь меня радовать, пока я не решу, что до-

статочно. Иначе мне придется обо всем рассказать твоим родителям, и они тебя убьют.

— Ты же сам, силой тогда! — сквозь слезы пролепетала девушка.

— Кто тебе поверит?! — усмехнулся юноша. — Ты напилась и захотела любви. Я тебя прекрасно понимаю: мои родители богаты, а твои — пальцы на обед сосут. Надеялась поправить за мой счет дела своей семьи. Теперь я тебя наказываю за твою хитрость. Это справедливо.

— Меня держали твои друзья, я не знала, зачем ты меня позвал сюда! — продолжала всхлипывать девушка. — Ты сказал, что твоя сестра мне передала свою старую накидку. Она обещала.

— Заткнись! — крикнул юноша и отвесил ей пощечину. — Будешь делать что я скажу, сучка! Я еще хочу, чтобы ты и моих друзей обслужила, когда мне надоест. И прекрати вспоминать о моей сестре! Ты грязь, а моя сестра — драгоценный камень. Я ведь могу тебя просто прирезать и все.

— Не надо! — пуще прежнего зарыдала несчастная. — Я все сделаю.

— Умная девочка, — зашнуровывая камзол, сказал юноша. — Сегодня вечером опять приходи. К одиннадцати. Поиграем.

Шарскун сильно потянул Магнификуса за рукав, и тому пришлось ползти дальше. Правда, он успел запомнить видневшуюся за окном комнаты, где происходило это безобразие, надпись на фасаде соседнего дома — «Двор железного пса». Скорее всего, это было какое-то питейное заведение.

— Сейчас эта шахта упрется в вертикальную, — шепнул ему на ухо скейвен. — Я спущусь вниз, а ты мне встанешь на плечи. У меня когти. Я тебя подниму до другой шахты. Она идет прямо во дворец.

Стоя на плечах крыса, молодому человеку пришлось признать определенные преимущества крысиной физиологии. Шарскун, несмотря на восьмидесятикилограммовую нагрузку, полз вверх легко, как паук. Едва вертикальная шахта пересеклась с перпендикулярной, Магнификус поспешил освободить друга.

— Силен, — похвалил Второй скейвена.

— Обычное дело, — скромно отмахнулся тот и предупредил: — Шахта проходит мимо королевской кухни, потом мимо одного плохого места, где придворные развлекаются. Советую не смотреть, но если посмотришь, то держись. Очень плохо развлекаются придворные. Плохие придворные.

— Перестань, — уверил его Магнификус. — Я всего насмотрелся. Боже! Как же здесь воняет тухлой рыбой!

Впрочем, Второй поторопился с выводами. Шарскун мудро поступил, заранее предупредив друга. На кухне, конечно, ничего особенного Магнификус не заметил: сновали повара в традиционных, высоких колпаках, испускали клубы пара глубокие котлы над огнем. Кухня как кухня. Зато другое помещение разительно отличалось от соседствующего с ним.

Просторный зал, озаренный светом трех горящих факелов, был наполовину заставлен клетками, в которых сидели люди. В центре зала возвышались два каменных столба с множеством свисающих с них ржавых цепей. На одном из них, прикованный за обе руки, молча стоял обнаженный сухопарый мужчина, на другом, также прикованное за запястья рук, свисало тучное белое тело с опущенной вниз лысеющей головой. Время от времени голова поднималась, открывая заплаканное лицо пожилого господина, и исторгала тоскливые вопли.

Рядом на скамьях удобно расположились две хорошенькие Эльф-ведьмы в обтягивающих кожаных костюмах. Перед пленниками прохаживалась дородная дама в белом переднике.

Неподалеку, переминаясь с ноги на ногу, скучал толстощекий поваренок, сжимая в руках круглое блюдо и кухонный нож.

— Как это неожиданно, сэр, — говорила дама приятным грудным голосом, обращаясь к худощавому мужчине. — Ни за что не поверю, что вы не могли справиться с двумя обычными городскими стражниками. При вашей-то репутации. Да и мне никто не поверит, что вы связались с Эльф-ведьмой и попали сюда. Уму непостижимо.

— Чему она так удивляется? — шепотом поинтересовался у скейвена молодой человек.

— Это Теневой клинок, — разглядев пленника, объяснил тот. — Лучший разведчик Наггарота. Он учился у отца Асушан. Отличный боец. Говорят, что его руками Малекит убирает своих врагов в границах Старого Света. В самом деле, как он сюда попал?

Тот, кого Шарскун назвал Теневым клинком, взглянул на женщину в переднике и спросил:

— Чему ты так удивляешься, Кайс? Тебе что, не бывает одиноко?

— Бывает, — охотно призналась та. — Часто бывает. Ты же знал моего покойного супруга. Я не понимаю, почему ты сдался стражникам?

— За ночь с Эльф-ведьмой платят жизнью, Кайс, — напомнил Теневой клинок. — Мне понравилась девушка, она мне напомнила одну знакомую из моего глупого прошлого. Я сделал выбор.

— Ну и понравилась, а дальше что?! — воскликнула Кайс. — Теперь тобой позавтракает один из дворцовых бездельников! Надо было сбежать!

— Тогда дворцовый бездельник позавтракал бы этой девушкой, — опять напомнил мужчина. — Это нечестно, Кайс. Ты лучше подумай, в чем меня будешь отмачивать. У меня не мясо, а резина.

— Не беспокойся, чего-нибудь подберу, — заверила его женщина и спросила: — Помнишь, как ты мне передавал любовные записки от моего мужа? Ох, как ругался отец! Он был до последнего против этого брака.

— Помню, — хмыкнул Теневой клинок. — Сердитый старик чуть не подстрелил меня из арбалета. Папа еще жив?

— Три года назад умер, — сообщила Кайс и махнула рукой. — Чего вспоминать! Все равно не понимаю тебя, Зи...

— Не стоит! — не дал ей назвать своего настоящего имени мужчина. — Это давно чужое имя. Лучше займись своим делом.

— Займусь, займусь, — недовольно пробурчала женщина и приблизилась к другому пленнику. — Вот этот — жирненький. Только желчный. Надо его будет хорошенько отварить, иначе горчить будет.

— Мадам! — плаксиво обратился к ней второй пленник. — Я вам очень хорошо заплачу и еще дам пять здоровых молодых рабов. Они вкуснее. Я купец. Я очень богат. Меня хорошо знают при дворе. Я поставляю двору ткани.

— Бросьте вы свое нытье! — прикрикнула на него Кайс. — При чем здесь ткани? Или ваши рабы? Они не спали с Эльф-ведьмой, а вы позабавились на славу. Здесь не рынок.

— Он поганый извращенец, — подала голос одна из сидящих на скамье девушек. — Противно вспомнить, что он меня заставлял делать.

В конце концов женщина что-то про себя решила и махнула поваренку. Мальчишка подошел ближе. Женщина отошла от упитанного пленника, еще раз внимательно пригляделась к нему и взяла у поваренка нож.

— Сколько человек будет? — спросила она.

— Пять офицеров, — ответил мальчишка.

— Пять, — повторила женщина, внимательно изучая висящего перед ней.

— Точно пять, заявка на пять, — опять подал голос поваренок.

— Тогда это, — произнесла женщина, приблизилась к пленнику и умело срезала с предплечья купца крупный кусок мяса.

Несчастный истошно завопил.

— Ну надо же?! — удивилась женщина. — Какая несдержанность!

Она бросила срезанную мышцу на блюдо поваренку.

Невозмутимый поваренок потащил блюдо на кухню.

— Сэр Теневой клинок, — вернулась к беседе с худощавым пленником Кайс. — Не знаю, что у вас в сердце происходит, но давайте посоветуемся с начальством.

— Давай не будем, — отказался тот. — Посуди сама, разве я мог здесь оказаться случайно?

— Случайно не мог, — согласилась женщина, обтирая окровавленные руки о передник. — Но иногда мы все сходим с ума. И не старайся меня переубедить, иначе я прикажу твоей девушке пожертвовать собой во благо Кхеине, — она обернулась к девушкам. — Унси, ты готова покончить со своей проклятой службой?

— С того дня, когда меня отдали в Эльф-ведьмы, — ответила другая девушка.

— Видишь, как все непросто, — сказала Кайс пленнику. — Стой и жди.

Весьма озадаченные увиденным, Магнификус и Шарскун поползли дальше. Через несколько метров от окна воздуховода шахта сделала поворот. Друзья остановились и легли на спины, чтобы дать возможность отдохнуть перенапряженным суставам.

— Ты что-нибудь понял? — мотнул в сторону пройденного зала молодой человек.

— Я плохо разбираюсь в кухне дручий, — невнятно пробормотал скейвен.

— Почему он хочет, чтобы его к столу подали? — спросил Магнификус.

— У тебя что, никогда не возникало такого желания? — вопросом на вопрос ответил крыс.

— Только на День Независимости! — мрачно пошутил Второй и пояснил: — Есть у меня на родине такой праздник, мои соплеменники празднуют отказ от мечты отцов.

— Нелепо считать это праздником, — заметил Шарскун. — Чушь какая-то! Я же говорил, здесь плохое место. Все вверх ногами. Нельзя рассказывать об этом Асушан, у нее больное воображение. Обещаешь?

— Обалдел, что ли? Естественно! — понимающе кивнул Магнификус.

— Я имею в виду праздник, — уточнил скейвен.

Отдохнув, они двинулись дальше. Шахта петляла и то и дело пересекалась с другими, точно такими же. Еще несколько раз молодому человеку пришлось воспользоваться незаурядными дарованиями скейвена, поднимаясь на уровень выше. Крыс мужественно переносил все

тяготы путешествия, разве что иногда пускался в пространные рассуждения о превосходстве мировоззрения скейвенов перед прочими расами. Магнификус попытался было отстоять позиции человеческой мысли, но его доводы утопали в поистине вселенских масштабах доводов Шарскуна. Тот умело применял в качестве первичного критерия целесообразность, и тут молодому человеку действительно противопоставить было нечего. Весь человеческий род представлялся скопищем непоследовательных шалунов и проказников, живущих на иждивении всемилостивого Неба. Раса же скейвенов облекалась в отшельнические хламиды стоиков и трудяг, без какой-либо ощутимой поддержки Сверху. Единственное, что, по мнению крыса, оправдывало существование человечества, так это его способность к самопожертвованию, причем на бессознательном уровне. Измученного философией Магнификуса спасло появление впереди широких воздуховодов прямоугольной формы.

Шарскун прекратил мудрствования и шепнул:

— Покои Малекита, дальше комната королевы Морати. Максимально тихо ползем.

Из второго воздуховода послышались женские голоса, в одном из них Второй, к своему изумлению, узнал голос Кет Зарин. Магнификус осторожно заглянул в проем воздуховода и действительно убедился, что это его старая знакомая. Кет стояла у окна перед красивой брюнеткой неопределенного возраста. Голову брюнетки венчала усыпанная драгоценными камнями диадема.

— Королева, я уверена, что это был он, — произнесла девушка.

— Опомнись, милочка! — насмешливо возразила ей королева. — Сам Кхеине участвует в дикарских побоищах, да еще под наблюдением вампира отступника! Для чего? Кхеине априори непобедим!

— И тем не менее это был он, — настаивала Кет. — Мне кажется, что Кхеине вернулся и он не с нами.

— Бред! — на этот раз раздражительно отозвалась ее царственная собеседница. — Опасный бред! Дручии — единственно достойный милости Кхеине народ. Мы ежедневно приносим ему жертвы. Ты бредишь, Кет! Иди домой и обдумай свои догадки. Хорошо обдумай. Се-

годня в полночь мы совершим ритуал призыва Кхеине в его храме. Ты сама убедишься, что тебя обманули.

— Да, мы приносим жертвы, — согласилась девушка. — Но я поняла, что Кхеине они неугодны.

— Иди, — приказным тоном повторила Морати. — Наточи свой жертвенный нож, может, он тебе пригодится.

Кет смиренно потупила взор и вышла из комнаты. Как только за ней закрылась дверь, из-за ковра на стене вышел высокий мужчина в атласной ночной сорочке алого цвета.

— Ты слышал это? — обратилась к нему королева.

— Почему ты ее не выбросила в окно? — зло поинтересовался мужчина. — Она будет болтать.

— Не будет, — успокоила его Морати. — И не забывай: Кет дочь Каурана. Потом, ей осталось недолго: мы принесем ее в жертву. Сегодня же, сынок.

— А что будем делать с этим проклятым Кхеине? — спросил тот.

— Не знаю, — призналась королева. — Слаанеша нет, а Кхорн далеко. Но все равно я пошлю к нему гонца. Пусть Хаос думает вместе с нами.

Шарскун тихо подтолкнул своего любопытного спутника. Магнификус бесшумно пополз дальше. Шахта начала спускаться вниз.

— Скоро нужное место будет, — сообщил скейвен. — Чуешь, жженой смолой пахнет?

Второй принюхался и поинтересовался:

— Как же мы через эти бойницы пролезем?

— У тебя варп-камень остался? — спросил крыс.

— Думаю, только на одну возможность, — нащупал под курткой флакон Магнификус.

— Хватит, — обрадовался Шарскун. — Обернись кем-нибудь мелким, пролезь в дыру и достань чего нужно.

— А потом? — вникая в сказанное, уточнил Второй.

— Проще простого, — хихикнул скейвен. — Лезвие к глотке, хлюп — и ты в подвале.

— Гениальный план, — недовольно пробурчал Магнификус. — Ваши хлюп — во-первых, больно, а во-вторых, нужно продумывать варианты без хлюп. Я боюсь хлюп... Что, двери нет?

— Дверь есть, — задумчиво поскреб морду крыс. — Только надо еще часов шесть ползти, а там еще через весь дворец. Охраны очень много. Они могут за нас хлюп сделать.

— Пропади все пропадом! — смирился Второй и пополз дальше.

Прежде чем воспользоваться сафери, он заглянул в пресловутый Зал Желанной Боли.

Прямоугольное пространство, по стенам расставлены широкие постели, покрытые белыми коврами, у дальней стены ряд скульптур на мраморных постаментах. Перед каждой кадящий сосуд на треноге.

— На ночлежку для генералов похоже, — констатировал он и обернулся к хвостатому спутнику. — Кто здесь спит?

— Никто не спит, — хмыкнул Шарскун. — Они здесь балуются.

— То есть — балуются?

— Штаны снимают и плетками друг друга лупят и еще спариваются с кем попало.

— Клуб садомазохистов — одно слово, — понял Второй.

— Про клуб не знаю, но неприлично себя ведут, — кивнул крыс. — У нас за такое хвосты бы поотрезали и повесили на южных воротах, у свалки.

— Так, — вытащил флакон Магнификус. — Мне глубоко наплевать, как они развлекаются, мне необходимо найти скульптуру, изображающую Кхеине. В ее глиняной голове кубики.

— Этого я не знаю, — пожал плечами скейвен. — Долби по всем головам, не ошибешься.

Второй начертал в воздухе свое имя, вызвал сферу и принялся искать подходящий символ. Один из символов изображал мышь, однако,

не было никаких гарантий, что он не превратится в скейвена. Пришлось побороть искушение почувствовать себя в крысиной шкуре и продолжить поиски. Наконец он выбрал змею. Даже если сафери его обернет питоном, он сможет пробраться в зал.

— Вот что, — прежде чем активировать символ, обратился он к Шарскуну. — Сможешь кое-что для меня сделать?

— Попытаюсь, — честно ответил тот.

— Помнишь, мы ползли мимо комнаты с девушкой, которая плакала?

— Отлично помню.

— В одиннадцать вечера она опять вернется туда, и к ней придет этот поганец. Ты не пожалей времени, проберись в дом, дождись поганца и пришей его. Дом находится напротив кабака «Двор железного пса». Сделаешь?

— С удовольствием, — понимающе подмигнул скейвен и показательно сжал рукоять своего меча.

— Поехали, — вздохнул Второй и тронул кружок со змеей.

После мучительных преобразований в организме, традиционного приступа тошноты и головокружения Магнификус превратился в гадюку.

— Кхе! — пробормотал у него над головой крыс. — Я бы в соловья обернулся.

Второй хотел ему возразить, но понял, что не может произнести ни слова. Только прошипел в ответ и заскользил к проему.

Быть змеей — дело скользкое. С одной стороны, появляется высокая маневренность, с другой — панический страх открытого пространства.

Магнификус болезненно шлепнулся на мраморный пол и скользнул вдоль стены к статуям. Он решил не торопиться и сначала отыскать изображение Кхеине, а уж потом трансформироваться в себя самого и сокрушить статуе голову.

Долго искать не пришлось. Статуя Кхеине стояла ровно в центре. Молодой человек определил это сразу, даже не задумавшись, почему он так уверен. Когда же он все-таки задумался, то изумился собствен-

ному прозрению. Скульптура Кхеине изображала его самого. Он, высеченный умелой рукой из розового известняка, величественно удерживая обе ладони на рукояти легендарного меча, строго взирал куда-то вдаль. Его каменную грудь украшал красивый доспех, поверх которого покоился знак прадракона.

— Надо же! — с известной долей сарказма подумал он. — Я очень интересный мужчина, и скульптура отличная. Достоверно передает мое духовное величие. Комара мне в штаны!

Желая рассмотреть свое изваяние внимательнее, Магнификус пополз вокруг статуи. Поджарый «тыл» и прямая спина бога Войны вполне удовлетворили честолюбие «первоисточника».

И тут он обратил внимание на то, что статуя не была закреплена на постаменте. Во всяком случае, он заметил маленькую щель между постаментом и ногами изваяния. В его змеиной голове немедленно родился план последующих действий. Второй скользнул вверх по ногам скульптуры, миновал «тыл», вполз на плечи и, хвостом обвив каменную шею, своей головой с силой уперся в стену. Изваяние качнулось. Он повторил попытку. Скульптура покачнулась еще сильнее. Магнификус вложил все силы своего нового, «единомышечного» тела в следующий толчок, и изваяние рухнуло на пол. Второй вовремя успел отцепиться от известняковой шеи и упал рядом с постаментом. Быстро оправившись от удара, он пополз насладиться зрелищем разбитого истукана. Где-то вдали захлопали двери и раздались голоса. Грохот упавшей скульптуры явно привлек внимание дворцовой охраны.

Магнификус проскользил мимо разбитой каменной груди к тому месту, где, по его расчетам, должна была находиться голова. И тут его змеиный взор приметил два небольших разноцветных предмета, валяющихся среди осколков. Топот бегущей к залу стражи послышался вблизи. За неимением лучшего выхода Второй подчинился собственной интуиции, заглотил найденные принципы и молнией скользнул к ближайшей кровати. Только там, наблюдая со стороны за тремя вооруженными охранниками, вбежавшими в зал и растерянно застывшими над поверженным истуканом, он подумал: «Как же я теперь эти куби-

ки выделю? И не переварить бы их, иначе неудобно будет признаться своим божественным собратьям. Мол, прошу прощения, но я, по ходу, разложил ваши принципы на микроэлементы. Так что — увы!»

Один из охранников нагнулся и заметил его.

— Надо сматывать! — понял Магнификус и быстро пополз прочь.

В основании стены за второй кроватью он обнаружил отверстие в полу и нырнул туда. Грубый голос сверху проорал:

— Она в слив уползла! Это гадюка!

Второй голос предложил:

— Нужно туда масла горячего плеснуть.

Второй не стал дожидаться завершения их дискуссии и устремился по сливной трубе вперед. Полз он довольно долго, пока не уткнулся в стену. Присмотревшись, Магнификус понял, что сверху все-таки есть отверстие, но оно было плотно забито всякой грязью. Сдерживая отвращение, беглец продавил головой заслон и выглянул наружу.

Труба его вывела в школьный класс. Десятка два юных школьников в одинаковых костюмах выстроились перед одноногим преподавателем средних лет и жандармской наружности. Тот водил пальцем по нарисованному на доске изображению планеты в разрезе, при этом объясняя:

— Мы вот с вами живем на внутренней стороне планеты, а солнце и луна крутятся внутри нее.

— Почему мы не падаем на солнце? — осторожно спросил его один из учеников.

— Воля богов! — важно насупил брови учитель. — И вы, маленькие гаденыши, должны хорошо учиться и тренироваться, чтобы понимать эту святую волю.

Где-то за дверью класса зазвенел колокольчик.

— Урок окончен, — буркнул одноногий и заковылял на костылях к выходу. Дети начали возвращаться за свои парты.

Второй услышал разговор двух мальчишек, чьи парты были ближе всего к трубе.

— У меня старшего брата скоро в армию заберут. — сказал один из них. — Ему мама форму сшила.

— А мой давно домой не писал, — произнес другой. — Его отряд защищает восточное побережье. Мама плакала вчера. Она боится, что его злые азуры убьют. Они всех убивают.

— Почему они нас так не любят? — вздохнул первый и начал убирать в свою сумку лежащие на парте книги.

— Давай вечером на пустырь за бани сбегаем? — предложил первый. — Сегодня день женщин. Посмотрим. Вдруг твоя Иншли будет мыться?

— Не-а, — отказался второй. — Я отцу обещал помочь сети доплести. Ему завтра их сдавать.

— Он так и не хочет обратно на корабль? Там же много платят, и еще моряки трофеи привозят, — поинтересовался у него друг.

— Не по душе, говорит, — ответил тот. — Сестра сказала, что папа сломался. Когда дядя утонул, вот тогда и сломался. Ты про Иншли больше никому не болтай. Она хорошая девчонка, не смотри, что из аристократов. Я вырасту, пойду на флот и стану капитаном. А потом на ней женюсь.

— Мечтай! — хихикнул его друг. — Ее в Эльф-ведьмы отдадут.

— Я тебе сейчас в глаз дам, — пообещал первый. — Иншли не пойдет в Эльф-ведьмы.

— Куда она денется? — не испугался угрозы второй. — Как миленькая пойдет. За это ее отцу повышение дадут, а Иншли для отца все сделает.

— Не буду с тобой дружить, — обиженно надулся влюбленный малыш.

Магнификус не стал дожидаться окончания спора двух мальчишек и нырнул обратно в трубу.

Пропетляв по сливу с полчаса, он нашел еще один выход. На этот раз это была больница. У примитивного операционного стола, на котором недвижимо лежало окровавленное тело, нервно прохаживался высокий худощавый мужчина в зеленом халате. На него из проема двери строго взирал другой, в форме лейтенанта городской стражи.

— Вы уверены, господин Чест, что ничего нельзя было поделать? — спросил военный.

— Совершенно уверен, — кивнул тот, кого назвали Честом. — У покойного исполосован весь желудок. Кроме того, поздно доставили. Он потерял слишком много крови.

— Этот больной офицер — высокого ранга. Вы должны были его спасти, — заявил стражник.

— Для начала он должен был не пить столько и не драться в кабаке на ножах, — невозмутимо ответил врач.

— Дерзите, господин Чест? — удивился военный.

— Диагноз ставлю, — бесстрашно взглянул на него Чест. — А диагноз — всегда правда. В моем случае.

— Что ж, — повернулся к нему спиной стражник, — тогда мне придется предъявить вам обвинение в государственной измене. Потрудитесь не покидать город до завтрашнего утра.

— Литертон, — обратился к нему врач, — помните, я оперировал вашего сына? Если мне не изменяет память, вы клялись, что если я спасу его, вы исполните любое мое желание.

— Хотите избежать суда? — повернулся к нему тот.

— Нет, — покачал головой Чест. — Суда не боюсь. Надоело бояться. Прошу не трогать мою семью и не препятствовать моему сыну поступать в военное училище. Чудовищная ошибка с его стороны, но это его желание.

— Обещаю, — сказал военный и добавил, выходя из операционной: — У вас отличный сын, господин Чест. Я лично прослежу, чтобы он прошел вступительные экзамены.

Когда Литертон вышел, в помещение вбежала женщина, судя по такому же зеленому халату, — медсестра.

— Доктор, что он сказал? — взволнованно поинтересовалась она.

— Судить меня будут, — сообщил Чест.

— За что?

— За эту порезанную свинью, — показал на стол врач. — Им так легче оправдаться перед своим начальством. Диверсия. И предательство.

— Что же делать? — ужаснулась медсестра.

— Не суетись, Элизабет, — положил ей на плечо руку Чест. — Лучше приготовь мне на дорогу дозу надежного яда. Хочу спокойно себя чувствовать перед судом. Мне нужно кое о чем им сказать. Они будут очень недовольны.

— Это несправедливо! — воскликнула женщина. — Вы спасли тысячи дручий!

— Справедливость — привилегия богов, нам же остаются только связи и богатство, — горько усмехнулся врач. — Ни того ни другого у меня нет, а в справедливость небожителей я не верю.

— Очень напрасно, — подумал Второй, проскальзывая в приоткрытую дверь.

За дверью оказался длинный коридор. Магнификус как можно быстрее пополз по нему, стараясь избежать встречи с больничным персоналом. Ему это практически удалось. Разве что у самого выхода на улицу он напугал одинокую посетительницу, поднимавшуюся по лестнице.

Оказавшись снаружи, Второй тут же скрылся в ближайшей клумбе и уже оттуда, высунув голову из-за широкого листа макодеса, он огляделся по сторонам. Улицы Магнификус не узнал и пополз вдоль клумб к перекрестку.

— Было бы неплохо покинуть город без крысиных фокусов веселого суицида, — размышлял он в движении, — Главное — найти городские ворота. Наверняка в них есть подходящая дырка. Где же эти ворота?

На перекрестке Второй выглянул из клумбы, но снова не узнал места. После недолгих размышлений он решил ползти переулком напрямик к городской стене и потом двигаться вдоль нее к воротам. Преодолев почти половину переулка, Второй понял, что уже когда-то был здесь. Ну конечно! Знакомая кованая изгородь, выложенный мозаикой дракон на фронтоне здания. Это был дом Повелительницы невест.

Ни секунды не сомневаясь, он скользнул сквозь решетку к особняку. Там он поднялся по зарослям вьюна к открытому окну на втором этаже. За окном находилась детская комната. Комната пустовала. Но вот дверь распахнулась и в детскую вбежали девочки, за ними появилась и сама Радира.

— Змея! — тут же завизжали девочки, прячась за спину прабабушки.

Та внимательно взглянула на даже не предпринявшего попытки скрыться Магнификуса.

— Это не совсем змея, девочки, — успокоила детей Повелительница невест. — Это оборотень. Нахальный оборотень. Видите, ему нравится, что на него смотрят.

Второй не решился больше испытывать терпение женщины и вернул себе нормальный облик.

— Маг.., — начала было Радира, но тут заметила меч у гостя на поясе и поправилась: — Божественный Кхеине, люди Наггарота рады тебе! — и поклонилась.

— Прекрасная Радира, милые дети, — так же ответил поклоном молодой человек. — Тысячу лет вам жить!

— Вина, божественный? — предложила Повелительница невест.

— Не дерзну отказаться, — улыбнулся Магнификус.

Радира оставила девочек в своей комнате и повела гостя в столовую.

— Для бога вы излишне галантны, — заметила она на ходу.

— Я исправлюсь, — пообещал Второй.

— Не нужно, — попросила женщина. — Это качество будет вас выгодно отличать среди всего пантеона богов нашей планеты. Обычно боги хамоваты.

Они зашли в столовую и сели за стол. Женщина достала два серебряных кубка.

— Как провели время? — деликатно поинтересовалась она, наливая в кубки вино.

— Плодотворно, — ответил Магнификус. — Много учился, встречался с интересными людьми. Имел счастье провести ночь в логове одного знакомого вам белого волка.

— Вы ему рассказали обо мне? — насторожилась Повелительница невест.

— Упомянул вскользь, — признался Второй.

Женщина заметно занервничала, первая пригубила из своего бокала и поинтересовалась:

— Он по-прежнему предпочитает городу лес?

— Да, — кивнул гость. — И пьет крепкую кедровую настойку.

— Мой рецепт, — улыбнулась Радира.

— Что у вас нового? — в свою очередь спросил Второй.

— Два счастливых брака и один пропавший корабль, — ответила женщина.

— Увы, последнее — моих рук дело, — сообщил Магнификус. — Дейдвуд предал вас, и я скормил его, вместе с экипажем, водным драконам.

— Не осуждаю, хотя капер мне импонировал, — вздохнула хозяйка дома и полюбопытствовала: — Если не секрет, это Древние послали вас обратно в Наггарот?

— И да и нет, — отпил глоток вина гость. — Древние просили утрясти одну ситуацию, и мне пришлось стать богом Войны. К слову, я видел собственное изваяние во дворце вашего короля. Я похож на себя. Что удивительно.

— Почему удивительно? — чокнулась с ним бокалами Повелительница невест. — Изваяние делал сам Торион Огненное Сердце, а он был гений. Так расскажете обо всем по порядку или нет?

— Расскажу, — согласился Магнификус. — Но все-таки я обязан вас спросить — Вы зависимы от Хаоса?

— Я дитя Хаоса, но свободное от него, — честно призналась Радира и добавила: — Ваши представления о Хаосе ограниченны. Хаос разный, очень разный. Поэтому он и Хаос.

Больше ни о чем спрашивать хозяйку Второй не стал и по порядку, не торопясь, поведал ей о своих приключениях.

— Кет Зарин, — вслух повторила за рассказчиком Повелительница невест, когда он закончил свое повествование. — Она не только Эльф-ведьма. Она внучка одной из Вечных Королев азуров и Лормастера Казириона Безумного. Об этом мало кто помнит. Но Морати должна. Девочку сегодня принесут в жертву Кхеине. Простите, — вам.

— Старины Казириона?! Я не хочу ее в жертву, — поставил пустой бокал на стол Второй. — Нельзя ли ее заменить Морати? Такой обмен мне нравится. А заодно и вашего короля можно.

— Почему нельзя? — неожиданно заявила Радира. — Можно. Только это сам Кхеине должен сказать жрецам и всем присутствующим на церемонии.

— На церемонии! — задумался Магнификус.

— На церемонии, — повторила женщина и наполнила бокалы вновь.

Второй, все еще продолжая размышлять, машинально поднял свой бокал.

— Что вас смущает? — поинтересовалась Повелительница невест.

— Два редких предмета в моем желудке, — ответил гость и в один глоток осушил бокал. — С другой стороны, почему нет? Кхеине — единственный бог дручий?

— Не единственный, но главный, — сказала Радира.

— Тогда зовите Ракартха и Дирона. Мы сегодня немного подправим старую историю и начнем новую, — приказал Магнификус и повторил Доофу слова, уже когда-то сказанные им Болтуну: — У всего должно быть начало.

— Слушаюсь, божественный! — азартно подмигнула ему Повелительница невест и вышла из столовой.

— Лихая женщина! — глядя ей вслед, подумал захмелевший Второй. — Понимаю Ульрика. Было бы ей на несколько тысяч лет меньше...

Радира удивительно оперативно справилась с поставленной задачей. То ли ей вообще нравились радикальные меры, то ли свойственная всем женщинам интуиция подсказала ей, что у намеченного плана есть будущее. Мудрый Абхораш, скорее всего, объединил бы и то и другое. Объятый волнительным предчувствием подвига, Магнификус налил себе еще один бокал.

Через час в столовую вошел Ракартх в сопровождении Дирона и еще нескольких ДрагЛордов.

— Мы все знаем, — с порога заявил он. — Мы на все готовы, божественный.

— На абордаж! — крикнул, поднимая со стола сонное лицо божественный и при попытке встать на ноги рухнул на пол.

Опытная во всех отношениях Повелительница невест быстро выпроводила мужчин прочь и произвела с гостем комплекс оздоровительных процедур, после которых Второй смог переложить добытые принципы из желудка в карман куртки. Завершающим этапом процедур явилась глубокая затяжка из личной курительной трубки хозяйки дома.

Едкий дым, просочившись в легкие гостя, произвел на него ошеломляющий эффект, сравнимый разве что с купанием в ледяной воде.

— «Сытая песня гарпии»? — пытаясь проявить компетенцию в данном вопросе, предположил Магнификус, попутно чувствуя мощный прилив ничем не обоснованного восторга.

— «Повторный вздох», — ответила Радира и с помощью двух служанок привела внешний вид молодого человека и столовую в порядок.

Только после этого ДрагЛорды были допущены обратно.

— Кто-то принес большую жертву нашему божественному гостю, — сообщила Радира вошедшим.

— Гигантскую, — спешно подтвердил тот и, дабы отвлечь потенциальных соратников, спросил: — Как мы пройдем на ритуал?

— Процессией, — сказал Ракартх, продолжая подозрительно принюхиваться. — Пройдем через центр города процессией. Вы будете сидеть на носилках под покрывалом. Мы будем идти в окружении. Начальнику стражи доложат, что клан ДрагЛордов предоставил на ритуал особую жертву. Никто не решится проверить.

— Мне нужны доспехи, — вспомнил свое изваяние Магнификус. — Точно такие же, что и на моих памятниках.

— Их сейчас принесут, — кивнул Дирон и объяснил: — На скульптурах Кхеине, точнее — вы, изображены в доспехах Хладнокровных Рыцарей. За последние триста лет кланы ДрагЛордов и Хладнокровных Рыцарей очень сблизились. В каждой семье Хладнокровных Рыцарей есть представитель семьи ДрагЛордов, и наоборот.

— Какие еще есть кланы? — спросил Второй.

— Из аристократии — только Черная Стража. Черная Стража — верные псы Малекита, но они тоже поклоняются Кхеине. Если нам удастся быстро доказать вашу божественность, они не рискнут сопро-

тивляться. В крайнем случае, мы их уничтожим. Самый сильный — капитан Кауран. Мы потеряем много воинов, прежде чем убьем его, мы знаем это. Еще есть Верховный Жрец Храма — мастер Алер, но он очень мудр.

— Выпустите всех драконов, — приказал Магнификус, еле-еле сдерживаясь от приступов безумного хохота. — Закроем небо их черными крыльями.

— Уже, — поклонился мудрости своего бога Ракартх. — ДрагЛорды поедут на боевых гидрах.

— Слава мне! — шлепнул ладонью по столу божественный и первым вышел из столовой.

— Бабушка, — обратился к Повелительнице невест Дирон, — я не знал, что Кхеине — такой веселый бог!

— Наоборот, почему-то он сегодня печален, — сказала та. — Будем уповать, что печаль покинет его, и над землей дручий прогремит его победный смех.

Дикий хохот Магнификуса, раздавшийся снизу, стал ответом на ее упования.

Величественная процессия двигалась по улицам Наггарота. Прохожие опасливо жались к стенам, пропуская мимо сначала колонну мрачных Хладнокровных Рыцарей на своих черных скакунах, потом несомые десятью обнаженными рабами и покрытые темной тканью носилки, откуда то и дело гремели раскаты безумного хохота, и, наконец, колонну боевых гидр, оседланных ДрагЛордами.

— Когда же закончится действие этой проклятой отравы? — переживал, сидя в носилках, Второй и опять ни с того ни с сего разражался хохотом.

Процессия приблизилась к воротам в Жертвенный Двор Храма Кхеине.

Подъехавший к начальнику караула Дирон быстро перекинулся с офицером несколькими фразами, и ворота перед процессией распахнулись.

Магнификус в небольшую щель между покрывалами осмотрел Жертвенный Двор.

Чем-то он походил на римский Колизей, разве что трибун было поменьше, и в центре возвышалась огромная статуя бога Войны. Вокруг статуи горели сотни масляных светильников, закрепленных на металлических окружностях. Чуть поодаль стояли барабанщики и горнисты. Трибуны понемногу заполнялись. На часах возвышающейся над Жертвенным Двором башни было без десяти четырнадцать.

Рыцари и ДрагЛорды спешились и окружили носилки. Рядом с ними начали спешиваться другие, только что прибывшие на церемонию всадники. Справа от конных гостей выстроилась колонна воинов в черных доспехах и с длинными копьями в руках. Слева сгруппировалось с полсотни Эльф-ведьм.

Ровно в полночь на каменный парапет перед статуей Кхеине вышли королева Морати, король Малекит и древний седовласый старик в церемониальных одеждах — Верховный Жрец Алер.

Взревели трубы, за ними отбили длинную дробь большие барабаны.

Верховный Жрец поднял руку, и все звуки на Жертвенном Дворе стихли.

— Ваше Величество! — обратился к Морати старец. — Мы должны начать ритуал.

— Начинайте! — разрешила королева.

— Ваше Величество! — повернулся к Малекиту Верховный Жрец. — Мы должны начать ритуал.

— Начинайте, — кивнул тот.

— Высокочтимые лорды! Верные жрицы! Высокородные горожане! — взглянул на собравшихся Алер. — Мы должны начать ритуал.

— Начинайте! — единодушно вздохнула толпа.

— Ритуал начинается! — возгласил жрец.

Снова взвыли трубы и грохнули барабаны. Эльф-ведьмы двинулись к статуе и выстроились перед ней в семь рядов.

Когда построение закончилось, Верховный Жрец громко спросил Морати:

— Молчание Кхеине добрый знак, знак побед и завоеваний, за это нужно заплатить цену. Что предлагает дворец?

Королева выдержала эффектную паузу и объявила:

— Кхеине шепчет внутри меня имя. Он хочет, он голоден. Но ему мало простолюдина. Он хочет Эльф-ведьму.

Среди жриц пробежала волна недоуменных взоров.

— Кхеине обещает скоро большую победу и хочет большую жертву! — продолжила Морати.

— Кто это? — спросил Алер.

— Он назвал имя! — ответила королева и показала на одну из стоящих внизу жриц. — Это Кет Зарин.

Девушка покорно вышла вперед и поклонилась статуе.

— Я могу умереть ради моего народа, — спокойным голосом сказала она. — Призовите Кхеине, потом в тишине я буду ждать его беззвучных шагов, потом я омою своей кровью его ноги, — и она извлекла из-за пояса кривой ритуальный нож.

— Ты — верная дочь нашего народа, — похвалил жрицу старец и поднял к небу руки. Кет приставила лезвие к своему горлу.

— Кхеине! — протяжно возопил Верховный Жрец.

— Кхеине! — повторили за ним присутствующие жрицы.

— Кхеине! — эхом пронесся над Жертвенным Двором призыв всех собравшихся.

Наступила тишина, оглушительная тишина, словно все звуки города вокруг растворились в ритуальном призыве.

Поэтому когда Магнификус сказал: «Я тут как тут!» и соскочил с носилок, его неожиданное появление привело всех присутствующих в состояние оцепенения.

Второй подошел к девушке и отвел руку с ножом от ее горла.

— Я здесь, Кет, — еще раз повторил он, забрал нож из рук предполагаемой жертвы, небрежно бросил его на землю и опять расхохотался.

Его безумный смех еще больше ошеломил публику.

Первой в себя пришла Морати и заорала, тыкая рукой в нежданное божество:

— Стража, взять этого идиота!

Но сделать это оказалось весьма затруднительно — ДрагЛорды и Хладнокровные Рыцари, вытащив из ножен свои мечи, в десять рядов окружили молодого человека. Боевые гидры, будто управляемые мысленными приказами хозяев, встали в боевые стойки. Сверху прошумел звук полусотни огромных перепончатых крыльев, и небо над Жертвенным Двором перекрыли драконы.

— Вы звали меня, — развел руками Магнификус. — Я пришел. Я и есть Кхеине.

— Это ложь! — взвизгнула королева.

— Это Кхеине, хозяйка, — подала голос Кет. — Я говорила вам, но вы меня не послушали. Я поверила вам и хотела умереть. Вы обманули меня. Значит, это правда, что вы и король поклоняетесь не нашему богу, а Хаосу!

— Кауран! — крикнул Малекит Капитану Черной Стражи. — Убей их всех!

Тот, к кому он обращался, с обнаженным мечом стоял впереди колонны вооруженных копьями воинов. Его взгляд растерянно перескакивал то на Кхеине, то на короля, то на Кет.

Неожиданно девушка пробралась сквозь защитное окружение Магнификуса и подошла к Капитану.

— Папа, это и правда Кхеине, — глядя прямо в глаза Каурану, сказала она. — Нас долго обманывали.

Капитан огорченно сплюнул на землю и опустил меч.

Вслед за ним свои копья опустила вся Черная Стража.

— Вот и славно! — обрадовался Второй.

— Морати и Малекит сбежали! — крикнул Дирон. — Они скрылись в храмовой башне! Надо их догнать!

— Не надо, — остановил его Магнификус, поднес к губам знак прадракона и шепнул:

— Братья драконы, расплавьте храмовую башню до основания со всей дрянью внутри.

Драконы тут же вняли его приказу, зависли в воздухе полукругом у башни, и на приговоренное строение хлынул такой поток огня, что его свет озарил весь Наггарот.

Второй поднялся к собственному изображению, встал рядом с Верховным Жрецом, предварительно силой подняв его с колен, и громогласно объявил:

— Дручии! Я Кхеине! Мои слова для вас закон! Я не буду особенно вмешиваться в вашу жизнь. Это ваша жизнь. Я только немного изменю ее оболочку. Итак: та, которую хотели принести мне в жертву, становится вашей королевой, ее дети — вашими правителями. Кет Зарин отныне и навсегда, силой бога Кхеине, стала королевой дручий. Дальше: мне не нужны человеческие жертвы, я бог благородных эльфов, а не кровожадных шакалов. Посему и весь институт Эльф-ведьм не имеет смысла. Устраивайте свою личную жизнь, прекрасные совратительницы, и забудьте о моей. И последнее: сегодня арестовали врача Честа и Теневого клинка. Их нужно освободить. Специалисты на дороге не валяются. Мне нечего больше сказать пока. Я еще вернусь, если увижу, что вы страдаете. Аминь.

Закончив свою речь, Магнификус спустился с постамента вниз.

— Слава богу Кхеине! — первым закричал Дирон.

— Слава богу Кхеине! — присоединились к его возгласу бывшие Эльф-ведьмы.

— Слава богу Кхеине! — подхватили все присутствующие.

И это прозвучало искренне.

Утром у городских ворот его провожали Радира, Кет, Ракартх и Дирон.

— Что говорят боги в таких случаях? — спросила Кет и вытерла рукой заплаканное лицо.

— Не знаю, всегда импровизация, — улыбнулся ей Второй.

— Вы точно не хотите остаться с нами? — уточнил Ракартх, снимая с руки перчатку. — Нам предстоит многое изменить в Наггароте. Ваша помощь была бы бесценна.

— Ты преувеличиваешь мои таланты, — пожал ему руку Магнификус. — Честное слово, я еще появлюсь.

Радира ничего не сказала, а только обняла его.

Уже отойдя от ворот на приличное расстояние, Магнификус все-таки обернулся и громко спросил у Повелительницы невест:

— Если мне посчастливится случайно встретить большого белого волка, можно я передам ему от вас поклон?

Женщина смущенно кивнула и пошла к городу под недоуменными взглядами ничего не понявших спутников.

Шарскун, заложив лапы за спину, ждал его у плотины. Как только Магнификус подошел, крыс тут же сообщил:

— У нас неприятности.

— Что такое? — испугался Второй.

— Болтун, то есть Дооф, вернулся. Его не приняли сородичи, потому что он может порождать пламя. Он сейчас в лесу сидит и ноет. Жалостливо так, — сказал скейвен.

— Нечего было с ним ругаться, — пристыдил приятеля Магнификус.

— Это еще не все новости, — продолжил Шарскун. — Пока мы ходили на задание, к нам пытался проникнуть неприятель, но попал в ловушку, а моя мышка его добила. Вот он, — и крыс вытащил из-за своей спины большую отрубленную голову.

— Кром Завоеватель, — узнал голову Второй. — Не везет парню. Но смотри, какой настырный! Как он нас выследил? Выброси эту гадость, зачем ты ее с собой таскаешь?

— Показать хотел, — оправдался Шарскун.

— Что с девушкой? Помнишь, я тебя просил? — поинтересовался Магнификус, направляясь в лес.

— Очень хорошо! — похвалился скейвен. — Я посмотрел, куда она вошла, и через дымоход пролез. Она орать, ну, я ее по башке горшком стукнул и под кроватку засунул. А сам в кроватку лег и жду. Слышу — идет скверный человек, а с ним еще три человека. Его друзья идут — тоже скверные люди. Заходят и меня через одеяло щупают. «Большая, — говорят. — Сейчас мы разденемся и будем с ней совокупляться». Слышу — шуршат, штаны снимают. Потом тот первый подходит и с кроватки одеяло стаскивает. Я им говорю: «Здравствуйте, дорогие проказники! Меня послал ваш великий бог Кхеине вам глотки порезать, потому что вы совсем не уважаете молодую женщину! А молодая женщина — это будущая мать и полноправный гражданин». Они как давай ругаться!

— Ну и?.. — не выдержал столь подробного повествования молодой человек. — Где они?

— Вот они, — и Шарскун вытащил из-за спины правую лапу, держащую за волосы отрубленные головы молодых извращенцев.

— Тьфу ты! — брезгливо сплюнул Магнификус. — А девушка? Испугалась?

— Не очень, — хихикнул крыс. — Она помогала головы резать. Я ее сюда привел. С ней Асушан разговаривает.

— То есть как привел? — удивился Второй.

— Ей никак нельзя было в городе оставаться; для своих родителей она позор. Мы с женой пока девушку в Эшинблант возьмем. Пусть с моими детишками поиграет. А няньку я уволю. Чего деньги даром платить? — объяснил Шарскун и хитро сощурился на друга. — Когда, кстати, ты денежки дашь?

— Слетаю к друзьям и привезу, — пообещал тот.

Дооф сидел рядом с руинами, где они устроили свое убежище, и осоловело глазел на свое отражение в луже.

— Что пригорюнился? — подходя к нему, спросил Магнификус.

— Я один, я совсем один, — тоскливо пробасил дракон. — На свете больше нет огнедышащих водяных драконов. У меня никогда не

будет детей. Я не смогу их научить летать и говорить. Я не буду отцом.

— Неужели у драконов так развит родительский инстинкт? — поразился Второй.

— Он самый сильный, — кивнул чешуйчатой головой ящер.

— Не грусти, — успокоил его Магнификус. — Еще немного, и я смогу тебе помочь. Вряд ли, конечно, мне удастся создать еще одного водяного дракона, извергающего пламя, но я постараюсь превратить тебя в человека. Из драконов весьма приличные люди получаются. Что ты хочешь больше — остаться драконом или иметь потомство?

— Потомство, — с интересом отнесся к предложению человека дракон. — А ты меня красивым сделаешь?

— Ну, брат! — развел руками Второй. — Это уже от тебя зависит. Будешь веселым и храбрым — за тебя любая девушка пойдет.

— Буду! — клятвенно пообещал Дооф и признался: — Знаешь, а мне уже одна девушка понравилась. Та, которую крыса привела.

— Только не торопись с выбором, — предостерег его Магнификус. — Выбор подходящей девушки — очень сложное дело. Некоторые до седых волос определиться не могут. Очень сложное!

— О чем я и говорю! — рявкнул повеселевший ящер и, резко развернувшись в сторону леса, посерьезневшим голосом сообщил: — Рядом в лесу кто-то есть. Нападать не хочет. Чего-то ждет. Человек, но не совсем. И очень сильный. Очень.

— Сильнее меня? — заинтересовался Второй.

— Нет. Ты Кхеине и Создатель, — мотнул чешуйчатой головой Дооф и предложил ему: — Хочешь, я по лесу огнем полью?

— Не надо, — запретил тот. — Схожу гляну. Вдруг это посланник от моих друзей.

— Крикни, если что, — попросил дракон.

Магнификус согласно кивнул и пошел к лесу.

Источник беспокойства Доофа он обнаружил сидящим на пне неподалеку, и это был Таал собственной персоной.

— Твоя ящерица права — ты действительно уже сильнее, и я действительно уже не совсем человек, — поприветствовал его Древний. — Драконы искони отличались особого рода проницательностью.

— Таал, как я рад тебя видеть! — обрадовался Второй. — Что привело тебя к нам?

— Твоя глупость, — сказал Таал. — Как ты посмел вмешиваться в историю дручий? Они должны существовать сами по себе, без вмешательства со стороны Древних.

— А что тут такого? — пожал плечами Магнификус.

— Дручии первые вслед за Хаосом вышли из игры со своим дурацким расколом, — ответил Древний. — Ты этим энтузиазмом можешь натворить бед. Не забывай — дручии это те же эльфы. Задействуешь в битве с Хаосом дручий, игра может заставить гномов и людей встать на сторону Хаоса. Это — не считая орков, гоблинов и твоих дружков из нежити.

— Учту, — пообещал ему Второй. — Все как-то само собой вышло, — и он спросил: — Вы знали, что Моор свои принципы раздал демонам? — спросил Магнификус.

— Каким демонам? — удивился Древний.

— Два Слаанешу, два Тзинчу, — сообщил Второй. — Я так понял, что во время последней игры ты первый начал жульничать и усилил своих героев принципами, Моор последовал твоему примеру. Только свои принципы ты собрал, а он не смог. Хаос с помощью этих кубиков смог выйти из-под контроля.

— Это конец! — обреченно шлепнул себя по колену ладонью Древний.

— Почему конец? — не согласился Магнификус и вытащил из кармана добытые принципы. — Два я вернул. Надеюсь, что и остальные как-нибудь добудем.

— Гениально! — обрадовался Таал. — Как тебе это удалось, молодой проныра?

— Пришлось немного вмешаться в историю дручий, — улыбнулся молодой человек. — И у меня были расходы.

— Вот, — показал ему на мешок лежащий у ног Древний. — Три тысячи золотых. Прихватил тебе на мелкие расходы.

— Если бы ты знал, как это кстати! — потер руки Магнификус. — А что у нас с проходом наемников через земли Империи?

— Я лично дал задание Карлу-Францу заняться этим вопросом, — сказал Таал и поднялся с пня. — Мне пора. Будь осторожнее с историческими переделами. Не дай Бог устроишь сбой в программе, и — конец Нибиру.

— Не устрою, — заверил Второй.

Древний сделал круговое движение правой рукой и взметнулся вихрем серебряной пыли к небу, оставив у пня мешок.

— Шарскун, Асушан! — позвал Магнификус, возвращаясь из леса и скидывая со спины тяжеленный мешок, набитый золотом.

Скейвены выглянули из своего убежища.

— Друзья! — объявил Второй. — В силу не зависящих от меня обстоятельств я не выплачу вам обещанную тысячу золотых.

Шарскун замялся, не зная, как реагировать на эту новость, и взглянул на супругу.

— Мы понимаем, — вздохнув, ответила за него женщина. — Потом как-нибудь сочтемся. Самое главное, что мой хорек стал вечным, и к этому приложили руку вы, божественный.

— Да, — сориентировавшись, поддержал жену скейвен. — Ты мне еще меч сланнов подарил. Такого ни у кого нет в Эшинбланте. Золото — не главное, хоть в нем и есть что-то настоящее.

— Вы не поняли меня, — умилился Магнификус. — Я не дам вам тысячу, я дам вам три тысячи. Точнее — две тысячи восемьсот пятьдесят золотых. Сто пятьдесят на дорогу себе оставлю.

— Две тысячи восемьсот пятьдесят!!! — воскликнули супруги.

— Две — вам, восемьсот пятьдесят на нянек и на содержание девушки, — разделил Второй. — Купите детям конфеты.

— Любимая, — обратился к Асушан крыс. — Что обычно говорят в таких случаях?

— Не знаю, — так же тихо ответила ему супруга.

— Спасибо говорят! — насмешливо прорычал дракон. — Грызуны!

Со скейвенами Магнификус и Дооф расстались неподалеку от Наггарота. Шарскун отлично знал пролегающие под здешними землями подземные пути, регулярно используемые контрабандистами. Молодому же человеку было гораздо удобнее, воспользовавшись услугами дракона, пролететь напрямик через половину Империи к Нульну. Он с замиранием сердца представлял встречу с любимой Наолой и загадочным Тордионом. Ему очень хотелось с кем-нибудь поделиться своими переживаниями, но никого, кроме Доофа, рядом не было, а дракон в подобных вопросах некомпетентен.

Под ногами мелькали имперские ландшафты, то озаряемые палящим в это время года солнцем, то тонущие в ночном сумраке. Кстати, о времени года Магнификус задумался впервые. В той части Нибиру, где он находился, явно было лето. Точнее — конец лета или даже ранняя осень. Это Второй определил по начинающей желтеть листве деревьев и нескольким кратковременным теплым дождям. Когда он впервые встретился с преображенным Торгримом, стояла глубокая осень.

— Мы отстаем на сезон, — промелькнуло в его голове. — Мы! Вот так вот, мечтательный друг. Ты уже мыслишь о реальной жизни в отвлеченных категориях. Видать, понравилось бродить по иллюзорным маршрутам и общаться с несуществующими персонажами. Электронно-психическая фикция тебе ближе суровой действительности. Но почему нет? Что в этом, собственно говоря, плохого?! Так и есть — ближе этой паскудной действительности. Может быть, молекулярно я и принадлежу ей, но только молекулярно. Я здесь живу больше, чем там. Опять это «там». Небытие, как сказал однажды Таал. Небытие. Должно быть, я обязан ощутить стыд и раскаяние, но я их не ощущаю. И почему — обязан? Кому обязан? Родным и близким? Но чем обусло-

влена эта обязанность? Только моим рождением в их окружении, факте столь же случайном, как и мое избрание хозяином принципа. Родине? Да пошла она! Предложи выбирать — доли секунды не задумался бы и выбрал местечко на Нибиру. Богу? Простите, но кто сказал, что Ему это неугодно? Даже наоборот — там я равнодушный, инертный, как устрица, маргинал, а здесь я люблю, мне интересно жить, я хочу жить, в конце концов! Слава Порталам! Они прививают вкус к жизни. Чтобы полюбить жизнь, нужно перестать бояться умереть. В Небытии мы не любим жизнь, мы боимся умереть. Так почему же я обязан желать той реальности?! Я не желаю ее. Дрянь, а не реальность. Единственное, что она дала мне, — это возможность расстаться с ней. Вот за это спасибо от всей души! Нет, пора заканчивать с правдой. Так или иначе придется возвращаться. Игра закончится, начнется оплата коммунальных услуг. Абстинентный синдром счастливого человека, который не имел права быть счастливым. И все-таки спасибо, Господи, что я сейчас лечу на драконе в город, где меня ждет любимая! — дальше этой мысли Второй не пошел из опасения окончательно впасть в ересь и потерять последнюю надежду на милость Свыше, которая, по его мнению, оставляла вариант загробного возвращения на Нибиру, поскольку постулат «каждому по вере его» еще никто не отменил.

Дооф летел, не зная усталости. Магнификусу тоже не терпелось добраться до места, поэтому когда его охватывала дрема, он привязывался ремнем к шее дракона и засыпал.

Вечером следующего дня Дооф начал спускаться.

— Мы прилетели? — спросил у него путешественник.

— Прилетели, — ответил ему дракон. — Дальше лететь нельзя — заметят. Я приземлюсь у дороги к твоему городу, высажу тебя, а сам подальше в лес перелечу. Буду нужен — позови.

— Разумно, — одобрил его план Магнификус. — Заберешь с собой мою сумку с мечом и другими вещами. Они мне пока не потребуются.

LOADING...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вскоре он шагал по дороге в направлении сверкающего впереди огнями города.

Неподалеку от первых строений Второй зарыл под деревом с развесистой кроной и прибитыми к стволу указателями сто двадцать пять золотых, остальные рассовал по карманам и вошел в Нульн.

Академический городок пестрел огнями. Газовые фонари по обочинам украшали стеклянные колпаки разного цвета, отчего создавалось праздничное ощущение. В этом не было ничего удивительного, так как основное население Нульна составляли студенты, а они традиционно тяготели к разнообразию. Многочисленные кафе заполняли шумные молодежные компании, влюбленные парочки прохаживались по тротуарам и занимали большинство деревянных скамеек вокруг журчащих фонтанов. Порой встречались куда-то спешащие взрослые господа с толстыми папками в руках. «Преподаватели», — решил про себя Магнификус.

В поисках ближайшей гостиницы он забрел в один из переулков и тут же наткнулся на две дерущиеся компании. «Настоящая студенческая жизнь», — обходя кулачную баталию стороной, почему-то удовлетворенно подумал он.

После недолгих блужданий Второй наконец наткнулся на небольшую гостиницу с озорным названием «Шпаргалка». Пройдя в фойе казенного дома, он прямиком направился к дремлющему за стойкой портье.

— Хм! — деликатно кашлянул Магнификус.

Портье, пожилой господин в костюме кофейного цвета, поднял на него глаза и, не вымолвив не единого слова, протянул через стойку ключ с номерной биркой.

Решив, что портье его с кем-то спутал, путешественник признался:

— Я здесь не живу. Я только приехал в город.

— Я понял, — кивнул портье и добавил: — Утром оформитесь, а сейчас идите, отдыхайте. Завтрак в девять.

Очарованный подобным гостеприимством, Второй зажал ключ в руке и поднялся на второй этаж, где без труда нашел свой номер. Од-

номестная кровать и окно с видом на освещенную улицу вполне устроили уставшего скитальца. Быстро раздевшись, он нырнул под еще холодное одеяло и тут же уснул. Сквозь сон Второй слышал, как в соседнем номере неизвестный играет на гитаре. Магнификус безошибочно узнал мелодию — «Зеленая долина».

Утренний Нульн отличался от ночного: по улице спешили на занятия группы студентов, проехала повозка молочника, а из кондитерской лавки, находящейся на другой стороне улицы, выбежали двое мальчишек с небольшими пакетами в руках.

В дверь номера постучали.

Второй спешно накинул плащ и пригласил:

— Входите! Открыто.

В комнату заглянула пожилая женщина.

— Вы опоздаете на приемный экзамен, господин студент.

— Благодарю, — поспешил уведомить ее постоялец. — Мне назначено на вечер.

— А! — по-своему поняла его слова женщина. — Вы преподаватель! Нужно было сразу сообщить об этом дежурному портье. Для преподавателей у нас есть две свободные комнаты на третьем этаже. Комнаты с ванными и столами. Я сейчас же подготовлю одну из них.

— Не стоит, — отказался Магнификус. — Я, скорее всего, перееду жить к своему другу, тоже преподавателю.

— Жаль, что вы покинете нас, — огорчилась женщина. — Хотя я вас прекрасно понимаю — лучше жить у друга, чем в гостинице. На этом этаже душевые кабинки и туалет в конце коридора. На первом этаже есть прачечная комната. Можно будет попросить наших девушек-уборщиц вам постирать и погладить одежду.

— Вот! — подхватил ее идею Второй. — Мне вообще желательно купить новую одежду. Пока я сюда добирался, пришлось сделать огромный крюк через болота на западе. По научной работе. Старая одежда совсем растрепалась.

— Давно вы путешествуете? — уточнила женщина.

— Три года с небольшим, — пришлось соврать Магнификусу. — Обошел полмира и совсем не разбираюсь в современной моде.

— Тогда я вам пришлю Глимори Даболфор, — решила гостья. — Это наш главный модельер. Он немного со странностями, но идеально разбирается в модной одежде и знает где что продается. Глимори — граф. По крови граф. После посещения в прошлом году императором нашего города вся местная знать не считает зазорным консультироваться с Глимори относительно выбора одежды. Сам Карл-Франц советовался с ним. В столицу звал, но Даболфор отказался. А сейчас не теряйте времени, приводите себя в порядок и приходите завтракать на первый этаж в столовую. И, простите, как вас величать?

Вопрос застал молодого человека врасплох, и поэтому он ляпнул первое приятное на слух сочетание имени и титула:

— Маркиз Че Гевара.

— Спускайтесь завтракать, маркиз, — повторила приглашение женщина и закрыла за собой дверь.

Следуя разумному совету разговорчивой гостьи, Магнификус сбегал в душевую, где тщательно смыл с себя дорожную пыль. За сим, на всякий случай, припрятал десять золотых в медном рожке газового светильника на стене и спустился в столовую.

В Нульне умели готовить и любили поесть — понял Второй, ознакомившись с пухлым меню.

— Что будете кушать? — вежливо осведомилась у него подошедшая барышня в белом кружевном переднике.

— Не знаю, — растерялся он. — Яичницу и стакан сока. Да, и булочку.

Девушка кивнула и пошла на кухню.

Заказ еще не поспел, а в столовой уже показался худощавый франт с тростью в руке.

Приблизившись к столику гостя, он обаятельно улыбнулся и представился:

— Граф Глимори Даболфор. Мадам Бримера просила вам помочь разобраться с одеждой.

— Маркиз Че Гевара, — привстал со своего стула Магнификус и жестом указал на соседний стул. — Прошу вас.

Вельможа охотно воспользовался его предложением, попутно крикнув в сторону кухни:

— Рози, мой коктейль!

Сделав заказ, Даболфор продолжил:

— Прежде всего, многоуважаемый маркиз, мне хотелось бы объяснить причину, по которой я взялся помочь вам. Она незамысловата, но элегантна. Помогая малознакомым людям найти свой стиль, я практикуюсь в любезной мне слабости — философии внешнего облика, простыми словами — в моде. Есть два варианта общения с модой — следовать ей и создавать ее. Последнее мне ближе — я создаю моду. Причем делаю это методом поиска наиболее эффектных архетипов и отбора элементов внешнего облика данных архетипов, чтобы позднее предложить вышеупомянутые элементы простым людям и сделать мир прекраснее.

Девушка вынесла из кухни поднос с заказом путешественника и сервировала стол.

— Простите, моя яичница, — извинился Второй, встревоженный основательностью подхода нового знакомого к такой прозаичной теме, как выбор костюма.

— Кушайте, кушайте, — согласно кивнул граф и вернулся к своей мысли: — Моя техника на удивление проста — я задаю вам вопросы, вы отвечаете, я подбираю вариант гардероба.

— Согласен, — подхватывая вилкой кусок глазуньи, пробормотал Магнификус.

— Что для вас интереснее — двигаться к цели или достигнуть ее? — задал вопрос модельер.

— Двигаться, — чистосердечно признался гость и обосновал: — Невозможно разочароваться.

— В предмете, который вы приобретаете, вы цените больше его практичность или его легенду?

— Легенду. Практичность, как правило, к ней прилагается.

— Кто вам приятнее в качестве собеседника на выбранную тему — крепкий профессионал или увлеченный дилетант?

— Дилетант. С ним интереснее.

— Самый предпочтительный для вас вариант взаимоотношений с Вечностью — родство или дружба?

— Дружба. Люблю независимость.

Рози принесла Глимори высокий бокал, наполненный газированной жидкостью алого цвета.

Граф сделал глоток из бокала и продолжил:

— Что является для вас мерой истины — свершившееся или свершаемое?

— Свершаемое. Истина всегда в движении.

— Ваш метод анализа — утверждение или отрицание?

— Отрицание. Оно даже ошибку делает приятной.

Даболфор допил свой коктейль и заключил:

— Вам не нужна новая одежда, постирайте эту. С вас один золотой.

— Так дорого? — удивился Второй, выкладывая на стол монету.

— Не скупитесь, — усовестил его граф. — Люди с подобным подходом к жизни все, без исключений, богаты.

Он вытащил из кармана небольшой блокнот с тонким карандашом в нем:

— Разрешите, я зарисую ваши сапоги? Это шедевр. Только их нужно отчистить от смолы.

— Конечно, рисуйте, — разрешил Магнификус, все еще не понимая толком, стал ли он жертвой надувательства или свидетелем утонченного мастерства.

Глимори быстро сделал набросок в блокноте, молча откланялся и пошел к выходу.

— Золотой! — напомнил ему Второй.

— Оставьте себе, — хитро усмехнулся Даболфор. — У меня такой же подход к жизни.

— О как! — только и смог подумать, глядя вслед модельеру, путешественник.

Перекусив и рассчитавшись, Магнификус вышел в город. Было бы разумно выспросить у портье дорогу к университету, но ему захотелось прогуляться.

Как и все города, имеющие солидные учебные заведения, Нульн прежде всего ориентировался на потребы студенчества и всего связанного с процессом образования. Бесконечное число книжных магазинов перемежалось со столь же бесконечным количеством недорогих кафе и закусочных, между ними попадались магазины одежды и табачные лавки. Религиозный аспект был решен отцами города с академической простотой и основательностью — одна из улиц состояла исключительно из храмов всех известных религий мира. Между величественной колокольней храма Сигмара и приземистым кубом храма Ульрика Второй обнаружил даже храм Рогатой Крысы. Правда, по плотному слою пыли на ступенях можно было предположить, что последователей у этого культа в городе немного. Однако сам факт существования этого ритуального сооружения ясно указывал на мудрость городских властей, не исключающих возможности появления, рано или поздно, студентов скейвенов. Вскоре Магнификус нашел храм Кхеине и храм Моора. И тот и другой тоже не подавали признаков кипучей религиозной деятельности. Оживленней всего было у храма Валайи. У его ступеней толпилось около десятка гномов в одинаковых длинополых сюртуках и с заплетенными в толстые косы бородами. Низкорослые прихожане шумно обсуждали триста двадцать восьмую поправку к семьдесят шестому кодексу. Поскольку Второй не был знаком ни с кодексом, ни тем более с поправкой, он деликатно обошел спорщиков и остановился перед большим пирамидальным камнем с рунической надписью: «Здесь будет возведен храм пока еще не известному богу». Рядом с камнем

стоял ящик для пожертвований. Пораженный дальновидностью горожан, путешественник бросил несколько медяков в ящик и повернул на другую улицу. Эта улица тоже имела узкую специализацию — на ней находились публичные дома.

— Как все близко! — хмыкнул себе под нос Магнификус и прочел на двери в один из «храмов любви» прейскурант: «Специалисты имперского происхождения — 5 сер. имп. Специалисты прочих рас — цена договорная».

Под прейскурантом висела лицензия нульской санэпидемиологической станции, увенчанная солидной сургучной печатью.

— Порядок есть порядок, — продолжая усмехаться, Второй повернул еще на одну улицу.

Здесь его ничего не удивило. Улица как улица. Один книжный магазин, одна кондитерская, два кафе и стенд с наклеенным на нем свежим номером газеты «Нульский хроникер».

Путешественник было уже прошел мимо, но тут ему в глаза бросилось крикливое заглавие передовицы: «Сенсация! Найдены свитки Нагаша!»

Второй подошел поближе и прочел следующее: «Усилиями известного ученого Йохана ван Хала обнаружены казалось бы бесследно пропавшие несколько тысячелетий назад «Свитки Нагаша». Пока находка не изучена самым подробным образом, ученый отказывается давать какие-либо комментарии, однако сам факт подобной находки взбудоражил ученые головы университетской профессуры и на помощь в расшифровке свитков к господину ван Халу выехали два лучших имперских криптолога».

— Начинается! — азартно потер руки Магнификус и обратил внимание на графическое изображение брутальной внешности небритого мужчины средних лет с крупной надписью под ним: «Разыскивается»!

Далее следовал текст: «На прошлой неделе совершил дерзкий побег из королевской тюрьмы Альтдорфа опасный преступник-рецидивист Георг Перонни. Имперская полиция за поимку преступника назначила вознаграждение в 10 золотых империалов».

— Марта написала мужу письмо, — опять усмехнулся путешественник.

Анализируя прочитанное, он прошелся еще несколькими улочками и вышел на площадь перед величественным зданием. Сомнений не оставалось — это и был знаменитый на всю Империю Нульский университет. На флагштоках, по обе стороны широкой лестницы из розового гранита, развевались многочисленные знамена.

— Простите, — обратился Второй к проходящему мимо очкарику с пачкой книг в руках. — Если мне нужно найти одного из студентов, куда лучше обратиться?

— В регистратуру, — охотно ответил тот и показал на лестницу. — В главный вход, потом сразу налево.

— Премного благодарен, — поклонился очкарику Магнификус и пошел к лестнице.

Лестница привела путешественника в большой холл, наполненный абитуриентами. Те толкались группами у щитов с объявлениями. Молодой человек проследовал указанным очкариком путем и уткнулся в дверь с табличкой «Регистратура». Постучавшись в нее, он немного подождал, прислушиваясь к голосам за ней, но, так и не дождавшись приглашения, вошел внутрь.

За длинным столом сидела дородная дама с красным от напряжения лицом и сердито щурилась на стоящего перед ней господина с всклокоченной шевелюрой.

— Нет, вы все-таки не понимаете весь абсурд ситуации, — негодовал господин. — Ялгит не сумел ответить ни на один из поставленных вопросов, в то время как остальные ответили, ну, как минимум, на две трети из них! Он даже в приемной анкете умудрился сделать восемнадцать ошибок!

— Нет, — еще больше раскраснелась дама. — Это вы чего-то не понимаете! Отец Ялгита — председатель попечительского совета. Если его единственный сын не будет зачислен, нам придется уволить половину преподавательского состава. Нам просто будет нечем им платить за работу! И о чем мы вообще спорим? Зачисление Ялгита — вопрос решенный.

— Кем решенный? — крикнул господин.

— Ректором Университета! Досточтимым Сомерсетом Уипли! — так же крикнула ему в ответ дама.

— Невероятно! — всплеснул руками господин. — Я сейчас же переговорю с господином ректором! Я просто уверен, что произошла чудовищная ошибка, весьма оскорбительная для репутации всего университета!

Он резко развернулся и бросился к двери, едва не сбив Магнификуса с ног.

Оказавшись наедине с дамой, Второй растерялся. Но дама сама пришла ему на выручку и нейтральным голосом поинтересовалась:

— Здравствуйте! Что вам угодно?

— Видите ли, в чем дело, — начал тот. — У вас учится моя сводная сестра Наола Корстейн. Ее родители просили передать ей кое-какие вещи. Где ее можно найти?

Дама вопросительно взглянула на него, и в ее взгляде блеснул озорной огонек, свойственный всем уважающим свой беспокойный труд сотрудникам кадровых отделов.

— Ох, я болван, запамятовал! — хлопнул себя ладонью по лбу Магнификус. — Ее родители обязали меня пожертвовать вашему почтенному заведению некую незначительную сумму на благоукрашение. Пустячок, короче говоря.

При слове «незначительную» взгляд дамы потускнел, но блеск золотого, приятно звякнувшего о крышку стола, вновь проложил мост взаимопонимания между дамой и посетителем.

Она полистала несколько толстых тетрадей со списками и сообщила:

— Ваша сестра числится на четвертом курсе, заочное отделение. Дважды ей предлагали перейти на очное отделение и дважды она отклоняла предложение. Третий этаж, аудитория «К 11».

— Ваше участие в судьбе моей родственницы бесценно, — откланялся Второй.

Дама молча согласилась с ним, подняла со стола монету и попробовала ее на зуб. Убедившись, что золото настоящее, она крикнула вслед Магнификусу:

— Их сейчас в аудитории нет. Они в парке деревья сажают.

— Где у вас парк? — уточнил посетитель.

— Обойдите главное здание и по дорожке прямо, мимо учебных корпусов, — сказала дама. — Сажать деревья перед началом каждого учебного года — традиция нашего университета.

— Ничто не ценится так дорого, как образование, — заметил про себя Второй, проходя мимо одинаковых трехэтажных зданий по вымощенной квадратной плиткой дорожке.

Корпусов было не меньше двадцати. Недаром Нульский университет считался самым крупным учебным заведением в Империи.

Дорожка его вывела в ухоженный парк с искусственным прудом посередине. Вдали он заметил копошащихся в земле студентов. Приблизившись к ним, путешественник попытался определить среди работавших там девушек Наолу. Однако это ему никак не удавалось. Сначала он обратил внимание на черноволосую барышню, стоящую к нему спиной с лопатой в руке. Но барышня обернулась, и он понял, что ошибся. Потом он долго разглядывал барышню в соломенной шляпке, сажающую какое-то растение. Но это тоже была не Наола. Магнификус собрался было обратиться к одному из студентов за помощью, как сзади раздался желанный голос:

— Неужели это вы, о божественный!

Он обернулся и увидел выходящую из-за деревьев Наолу. Девушка катила перед собой тележку с садовым инвентарем.

— Отлыниваете, о неожиданная? — шутливо поздоровался он.

— Я свои саженцы уже посадила, — сказала девушка и поставила коляску. — Совсем недавно меня навещал папенька. Вами, о божественный, интересовался.

— Чего это? — смутился Второй, заранее предполагая, о чем пойдет речь.

— Да так, — подошла к нему Наола. — Спрашивал, давно ли мы решили пожениться?

— И что ты ему ответила? — еще больше смутился Магнификус.

— Что я могла ответить? — развела руками девушка, выдержала длинную паузу, разглядывая гостя, и сообщила: — Сказала, что с тех пор как он последний раз был дома.

— Это когда? — заинтересовался Второй.

— Вообще-то мне тогда было десять лет, но папа этого не помнит, — хихикнула Наола, потом опять посерьезнела и спросила: — Как тебя угораздило просить моей руки и сердца?

— Я думал, что так поступают все честные люди, если влюбляются. А папу твоего поймать сложно, вот я и воспользовался случаем. Прости за спешку, — извинился Магнификус.

— Прощаю, — кивнула девушка.

— И что сказал папа? — полюбопытствовал Второй.

— Папа в таких вопросах очень консервативен, — ответила Наола. — Сказал, боги нам подходят.

— Мне повезло, — облегченно вздохнул Магнификус.

— Мне тоже, — призналась ему девушка.

— Надо выпить, — констатировал он.

— Ты много пьешь, — сказала Наола и тут же добавила: — Но за это стоит.

«Ты много пьешь, — про себя повторил слова возлюбленной Магнификус и подумал: — Вот так оно все и начинается. Хотя, как я там Болтуну сказал: «Все должно когда-то начинаться».

— Я знаю хорошее заведение на окраине, — предложила девушка. — Оно немного особенное, но нам подойдет. Называется «Проезжий патриот».

Особенность предложенного заведения заключалась в том, что кроме Магнификуса и Наолы людей в нем не было, только гномы, гоблины и эльфы, причем какие-то особенные.

— Это что за эльфы? Я таких еще не видел, — усаживаясь за барную стойку, шепотом спросил Второй у своей спутницы.

— Лесные эльфы, — также шепотом проинформировала она. — Славный народ, только неразговорчивый. Учатся у нас на агрономическом.

Из-за стойки к ним обратился длинноухий гоблин-бармен:

— Что будем пить, девочки?

— Я мальчик, — поправил его Магнификус.

— Что будем пить, мальчики? — невозмутимо скорректировал свой вопрос бармен.

— Я девочка, — не преминула сообщить Наола.

— Вы сначала разберитесь в себе, а потом заказывайте, — обиженно надулся гоблин.

— Бигли, не дури, — усовестила его девушка. — Ты меня компрометируешь в глазах жениха.

— У тебя новый? — заинтересовался бармен и шевельнул левым ухом.

— Не понял? — насторожился Второй.

— Не обращай внимания, он редкая... — начала Наола, грозно приподнимаясь со стула.

— Редкий. Я редкий. Потому что я — мальчик, — не дал ей закончить гоблин. — Пошутить нельзя. Чего будете? Заказывайте скорее.

— Бигли, ты же знаешь, что я обычно заказываю, — сменила гнев на милость девушка. — И моему спутнику ту же смесь.

— Поверь, парень, — перегнувшись через стойку, зловеще прошептал ушастый бармен. — Я не против института брака, но подумай хорошенько. Это ведь на всю жизнь! Хотя у меня был один знакомый герой, так он после каждого возрождения опять женился. И ведь все по-честному!

— Не ври! — вмешалась Наола. — Там говорится: «На всю жизнь моего я».

— Это как кто понимает, — хмыкнул гоблин и исчез за стойкой.

— Там — это где говорится? — не понял Магнификус, косясь на проходящего мимо лесного эльфа с кружкой в руке.

— Там — это во время брачной церемонии, — ответила девушка. — Брак регистрируется в городском управлении и чиновник, который

оформляет брачные свидетельства, произносит текст брачного обязательства.

— Слушай, — сменил тему Второй. — Объясни мне, наконец, гоблины кто такие? Они хорошие или плохие? Они из земли появляются или обычными способами?

— Гоблины? — задумалась его спутница. — По поводу размножения не знаю, а так — они разные. Гоблины — идеальные бармены и рыночные заводилы. Еще они любят технику, не меньше гномов.

— Больше, крошка, гораздо больше, — поправил ее вынырнувший из-под стойки с бокалами в жилистых лапах Бигли. — И талантов больше, есть и неприличные. Доступные только для дам-с, так сказать.

— Еще они все болтуны, интриганы и жулики, — закончила свой рассказ Наола.

— Не все, — воспротивился гоблин. — У нас есть старинная гоблинская легенда «О честном гоблине Фуле». Очень печальная легенда. Триллер. Все, мне пора, — бармен поставил перед посетителями бокалы и бросился к другому клиенту.

— А Шарскун в храме брак регистрировал, — почему-то вспомнил Магнификус.

— В храме будет слишком необычно, — взяла свой бокал девушка. — В храмах Сигмара или Ульрика тебе странно появляться, а в своем — нескромно. Подумай только, как будет выглядеть текст свадебного приглашения: «Многоуважаемый некто! Мы имеем счастье пригласить вас на обряд бракосочетания Наолы Корстейн и бога Кхеине в храм последнего».

— Ты права, — согласился с ней Второй и спросил, кивая на бокал. — Это что?

— Можжевеловая настойка с лимонным соком, — сообщила Наола: — «Заводной демон» называется.

Магнификус пригубил напиток и «перевел»:

— Джин с тоником.

После седьмого бокала «Заводного демона» молодые люди решили прогуляться. На улице вечерело, в окнах домов и бесчисленных кафе зажигались огни, улицы заполнили уже влюбленные или судорожно стремящиеся к тому.

— Красивый город, — сказал Магнификус, с интересом разглядывая прохожих.

— Хороший, — взяла его под локоть спутница. — Но у меня здесь мало друзей.

— Почему? — удивился Второй. — Ты девчонка общительная.

— Мало времени, — ответила она, — Я ведь на заочном учусь. Приезжаю, сдаю экзамены и сразу уезжаю.

— Может, оно и к лучшему, что мало времени, — крепче сжал ее руку Магнификус.

— Не вздумай меня ревновать, — предупредила его Наола. — Корстейны этого не понимают.

— Не буду, — пообещал Второй.

У магазина одежды девушка остановилась:

— Нам сюда.

— Зачем? — не понял Магнификус.

— Купим тебе приличную рубашку, у меня есть деньги, — сообщила ему девушка и силой втащила его внутрь магазина.

— Ты знаешь, — признался ей Второй, наблюдая со стороны, как она перебирает рубашки, — я успел проконсультироваться с лучшим модельером в городе. Он мне сказал, что мой внешний облик идеально соответствует моему мировоззрению.

— Если ты не в курсе, то знай — мировоззрение мужчины неженатого и состоящего в браке — это два разных мировоззрения, — постановила Наола и вытянула из груды рубашек одну, из переливающегося бордового атласа: — Примерь.

— Цыганщина! — возмутился он, но рубашку взял.

Из магазина Магнификус вышел уже в новой рубашке. Его спутница была явно довольна.

— Мой дедушка обожал этот материал и этот цвет, его в ней и казнили, — радовалась она. — Тебе удивительно идет.

— Не сомневаюсь, для плахи в самый раз, — недовольно пробурчал он и прислушался. Мелодия, несущаяся из дверей ближайшего кафе под вывеской «Сантименто», была ему до боли знакома.

— Это танго? — не понял он.

— Танго, — согласилась она. — Сильванское танго «Последний поцелуй». Ты что, умеешь танцевать танго?

— Умею, — кивнул он и сразу оговорился. — Правда, это единственный танец, который я умею танцевать. Учительница литературы научила. А ты умеешь?

— А меня папа научил, — призналась она. — И я тоже единственный умею. Но папа говорил, что если умеешь танцевать танго, умеешь танцевать все.

— Тогда..! — озорно подмигнул ей Магнификус, расстегивая плащ.

— Естественно! — поддержала она и первой шагнула к ресторану.

Танго не танцуют, танго живут. Из всех танцев мира только танго может претендовать на вечность, потому что только танго порабощает страсть, в то время как остальные танцы у страсти на побегушках. Невозможно себе представить, чтобы осужденный на смерть в качестве последнего желания захотел бы станцевать вальс или польку, но танго — вполне. Потому что танго — это биение взволнованного сердца, это всплеск штормовой волны, это замирание секундной стрелки на таймере перед взрывом и прочая, прочая, прочая. Так еще никто на свете не говорил о танго, но так сказал бы каждый, кто хоть один раз в жизни станцевал бы его.

Наола умела танцевать танго, Магнификус не уступал ей. Она угадывала каждое его желание, он подчинялся каждому ее капризу. Ее пальцы струились по линиям его ладони, чтобы соскользнуть с линии жизни и взвиться языком пламени к блеклым потолочным фрескам. Его обожженные мгновенной нежностью ладони окутывали ураганным ветром ее тело и отбрасывали его от себя, как невыносимую боль, чтобы в последний миг задержать падение и повторить упоительную пытку.

Находившиеся в кафе посетители не отрывали восхищенных взоров от танцующих. Края наполненных бокалов так и не коснулись губ, горячие блюда безнадежно остывали.

Оркестранты, расположившиеся на невысоком помосте у стены, выжимали из своих инструментов все, на что те были способны, попутно удивляясь глубине этих способностей и собственному мастерству.

На последней ноте одна из гитарных струн не выдержала и звонко лопнула, что, в свою очередь, послужило сигналом для всех присутствующих, и те разразились аплодисментами.

Молодые люди спешно покинули заведение и свернули в первый попавшийся переулок.

— Ты фантастически танцуешь, — еще задыхаясь от бега, похвалила девушка.

— А ты — сказочно, — галантно ответил Магнификус.

И последовавший за этим признанием поцелуй был естественным и прекрасным, как сияние звезд у них над головами.

— Наверно, теперь полагается что-то еще? — тихо спросила Наола, заглядывая молодому человеку в глаза.

— Это вопрос? — ласково переспросил он.

— Не уверена, — призналась она и подняла голову вверх.

Утро их застало на крыше. Быстро одевшись, молодые люди спрыгнули вниз, благо это был второй этаж, и пошли по улице. До самой площади перед университетом они не сказали друг другу ни слова. И только у лестницы Второй не выдержал и произнес:

— Если я сделал что-то неправильно, прости меня.

— А ты меня, — подала голос девушка.

— Так ты выйдешь за меня замуж или нет? — спросил Магнификус.

— Ты что, сомневаешься? — удивилась Наола.

— Я не идеален, — самокритично заявил он.

— Мягко сказано, — звонко рассмеялась девушка. — Замужеством надо было поинтересоваться еще на крыше.

— Ты не ответила, — продолжал настаивать Второй.

— Куда мне теперь деваться? — пуще прежнего засмеялась Наола.

— Не пойму, что тебя так развеселило? — начал раздражаться Магнификус. — Прекрати это издевательство и говори по существу — да или нет?

— Чудо мое! — бросилась ему на шею девушка. — У нас считается, что если между мужчиной и женщиной происходит то, что произошло между нами, они автоматически становятся мужем и женой. Разве у вас не так же?

— У нас еще свадьба полагается, — несколько абстрактно ответил он, про себя зарекаясь раз и навсегда пускаться с кем-либо в откровенные беседы на интимные темы.

— Будет свадьба, будет, — наконец посерьезнела Наола. — Теперь нужно папу поймать.

— Это уж не переживай, — заверил ее Второй. — Из-под земли достану.

— Звучит пророчески! — поняла его буквально новобрачная. — Когда папа в пределах Империи, он обычно подбирает себе какое-нибудь кладбище. Только в Империи много кладбищ.

— Найдем, — подтвердил серьезность своих намерений Магнификус. — И как найдем, так сразу свадьба.

— Ищи, муженек, ищи, а я пока сессию сдам. И не шали, иначе я тебе всю кровь после свадьбы выпью, на законных основаниях, — девушка поцеловала суженого в щеку и побежала вверх по лестнице. — Сегодня в полдень профессор Энлиль читает лекцию в аудитории «5 С». Советую послушать, — крикнула она уже от самых дверей.

Вернувшись в гостиницу, Второй застал Вилли, дремлющего на большом чемодане у стойки портье.

Магнификус потряс друга за плечо и сказал:

— Вилли, я женился.

— Поздравляю, — пробормотал сигмариот сквозь дрему. — Я от Сеттры посла принес. Он в моем чемодане. Тяжелый ужасно.

— Как ты меня нашел? — поинтересовался Второй, подхватывая одной рукой священнослужителя, а другой его чемодан.

— Проще простого, — ответил Вилли. — Я обошел сорок две гостиницы и в каждой спрашивал о молодом господине с перстнем белого золота на указательном пальце левой руки.

— Ты мог ошибиться, — пожал плечами Магнификус.

— Я и ошибся семь раз, ты восьмой, — подтвердил сигмариот. — Настоящий ученый всегда готов признать свои ошибки.

— Как Нехекхара? — Второй открыл дверь своего номера и затащил туда Вилли.

— Нехекхара?! — устало пробормотал тот, плюхаясь на кровать. — Нехекхара неописуема! Придется к нашей с Йоханом «Либер Демонике» выпустить приложение, листов на семьсот. Великий Сигмар! Какой же тяжелый этот Миб Тоус! У него кости из чугуна!

— Кто такой Миб Тоус? — не сразу сообразил Магнификус.

— Моя поклажа, — показал на чемодан священник и снял с него замок.

Как только крышка распахнулась, в комнате пахнуло влажностью, а над чемоданом взвился мини-торнадо из темных матерчатых полос, костей и разрозненных металлических элементов. Экзотический вихрь в конце концов оформился в высокого мужчину, если можно считать таковым мумифицированное тело в облачении жреца.

— Мир тебе, Великолепный! — низко поклонился он.

— Мир и тебе, жрец, — ответил ему поклоном Второй. — Я рад, что Великий Сеттра откликнулся на мой призыв.

— Мой царь ждал его, и торжеству всей Нехекхары нет предела! — сказал жрец.

— Уважаемый Миб Тоус?! — намекнул ему на что-то Вилли.

Жрец протянул к его лицу руку и изо рта сигмариота на жреческую ладонь выскочил скарабей. Миб Тоус обтер жука рукавом и спрятал себе за пазуху.

— Слава Сигмару! — сглотнул священник и потер горло. — Десять дней во мне эта гадость лазила. Я же говорил, что не обману!

— Все так говорят, — оправдался жрец и снова обратился к Магнификусу: — Скажи, о Великолепный, что ты хочешь от нас? Мы сделаем все.

— Нет, сначала скажи, что я могу сделать для Сеттры и его людей? — попросил Второй.

— Когда-то мы искали бессмертия, и мы нашли его. Теперь мы ищем жизни, обычной жизни, мы стали мудрее, — ответил Миб Тоус. — Помоги нам.

— Думаю, я смогу это сделать, — сказал Второй. — Но за свою жизнь вы должны мне заплатить. Мне нужна ваша помощь. Скоро я двину свою армию на Хаос. Помощь со стороны Нехекхары была бы весьма кстати.

— Ты получишь ее, — пообещал жрец и спросил: — Где будет битва?

— Я иду к Черному Порталу, — сообщил Магнификус. — От границ Остермании до центра Северных Пустошей несколько дней хода. Я точно не знаю, где Хаос встретит меня.

— Мы пойдем под землей, прямо под твоими ногами, и выйдем во время битвы, — пообещал Миб Тоус.

— Подземными тоннелями? — уточнил Второй.

— Нет, — покачал головой жрец. — Именно под землей. Земля пропускает нас, как морские воды рыбу.

— Еще лучше, — кивнул Магнификус и попросил: — Если с землей у вас такие близкие отношения, не могли бы вы найти мне одного человека? Он имеет обыкновение отдыхать от забот в гробу, на кладбище, как раз под землей.

— Твои желания закон, — сказал Миб Тоус. — Назови мне имя, и я доставлю его тебе.

— Манфред фон Корстейн, — назвал имя будущего тестя Второй. — Он где-то рядом.

— Мы вскроем все гробы Империи и спросим имена лежащих, — поклялся жрец. — Только мне необходимо выйти отсюда незамеченным и найти место в земле без камней.

— Ночью я с Вилли выведу тебя на окраину города, там много подходящей земли, — пообещал Магнификус.

Миб Тоус благодарно поклонился.

— Ты что, уходишь? — не понял священник.

— Ненадолго. Мне нужно встретиться с одним важным лицом, — ответил Второй. — Древние просили меня. А для тебя у меня тоже есть поручение.

— Какое? — заинтересовался Вилли.

— Ты ведь знаешь в Нульне всех, в том числе и художников?

— Знаю.

— Так вот, я обещал помощнику бога Смерти, Цыгану, сделать колоду карт. Его карты сгорели. Найди мне художника и закажи ему колоду. Цыган очень помог мне.

— О Великолепный! — вмешался в их беседу жрец. — Разреши мне помочь тебе!

— Каким образом? — удивился Магнификус.

— Сделать карты, — объяснил Миб Тоус. — Те карты, о которых ты упомянул, рисовал я, недостойный я и мои собратья по служению. Мы сделали их во время предательства Нагаша, да растает его имя в бездне времени. Тот, кого ты называешь Цыганом, — несчастный Тутеп, свергнутый правитель Нехекхары. 76 ночей мы пробирались к пирамиде, где его замуровал заживо предатель Нагаш, и сквозь отверстия для воздуха просовывали туда карты. Мы зашифровали в картах все наши знания, накопленные за тысячелетия. Мы надеялись, что они помогут Тутепу сохранить свою жизнь или хотя бы облегчат его переход в долину теней. Потом мы спрятались в катакомбах под городом и ждали дня, когда восстанет Великий Сеттра и свергнет с трона ненавистного предателя Нагаша. Когда этот день наступил, те из нас, кому удалось выжить, в том числе и я, присоединились к Сеттре. Мы вскрыли пирамиду с несчастным Тутепом, но бог Смерти, уже забрал его и наши карты. Но я помню каждую из них. Я сам рисовал «Звезду» и «Висельника».

— Что для этого потребуется? — быстро уточнил Второй.

— Только папирус и кисти, — ответил жрец. — Я до полуночи сделаю тебе колоду.

— Вилли, быстро в магазин за бумагой и кистями, — приказал Магнификус и покинул номер.

Перед тем как посетить лекцию профессора Энлиля, Второй зашел в первую попавшуюся закусочную и плотно перекусил. Время до полудня еще было, университет находился недалеко, и путешественник позволил себе после завтрака выкурить трубочку и привести в порядок мысли.

— По-прежнему особой ясности нет, — думал он, выпуская облако табачного дыма. — Ситуация накаляется, вот-вот и битва, а правил для необходимого ритуала разрушения этого поганого Портала нет. Плохо. Теперь глобально — разрушим Черный Портал и дальше? Переберемся с Наолой в Небытие. Денег у меня, как у дурака махорки. Купим замок на островке в Адриатике. Дети пойдут. Дети — это хорошо, но мы с Наолой чем займемся? Воспитанием. А вырастут? Путешествовать будем. На фоне памятников архитектуры фотографироваться. Хобби подберем. И так до финиша. О надгробии я уже думал. Что еще? Все. И все? Жуть.

Магнификус выбил трубку, поднялся из-за стола и двинулся в сторону университета.

Нужную аудиторию он нашел сразу. Слушатели уже сидели, но лектор еще не появился. Второй, на ходу отыскивая глазами возлюбленную, начал пробираться к свободному стулу. Едва он успел сесть, как в аудиторию вошел Тордион. Выглядел он по-прежнему как среднестатистический преподаватель.

— Друзья! — сходу начал он и обвел аудиторию взглядом. — С большинством из вас я уже имел удовольствие общаться, остальные, я надеюсь, присоединятся к нашим размышлениям. Они все те же. Мы с вами будем говорить об истории существ, что-либо изучающих, о свя-

зях, которые они создают внутри, о понимании, которого можно достичь, и о механизмах, оказывающих конкретное влияние на другие существа, если, конечно, они не против. Последнее — главное, ибо и является сутью предмета. Начнем с повторения. Уверен, что вы все помните, что карта — еще не территория?

Тут Магнификус вновь услышал в своей голове голос Тордиона:

— Рад, что вы заскочили ко мне на лекцию, господин Магнификус.

— Добрый день, господин профессор, — мысленно поздоровался с ним тот.

— Очень добрый. Наола сказала, что вы сделали ей предложение?

— Сделал.

— Поздравляю. Она прекрасная девушка.

— Я ее не вижу, где она?

— Она у меня отпросилась. Побежала в городской муниципалитет договариваться о дате бракосочетания.

— Как быстро!

— Радуйтесь, она вас любит. Но я так понимаю, что, кроме личного счастья, в Нульне у вас есть еще кое-какие заботы?

— И немалые. Мне нужна ваша помощь.

— Всегда к вашим услугам. Если не ошибаюсь, вы остановились в «Шпаргалке»?

— Да.

— Выходите утром на улицу. Часов в семь. Я заеду за вами.

— На мотоцикле?

— Само собой разумеется. А сейчас я бы на вашем месте послушал мою лекцию. Я неплохо сегодня подготовился.

Второй отнесся к его предложению серьезно, ему хотелось присмотреться к человеку, от которого, быть может, зависит его судьба.

Тордион говорил о взаимоотношениях существ разумных с окружающим миром, о том, как часто эти существа, пытаясь уйти от проблем внешнего мира, создают себе проблемы внутренние. О деликатности обращения с каждым таким существом, и как при попытке выве-

сти сознание этих существ из плена собственных иллюзий не сделать их рабами иллюзий чужих. И еще о многом другом, о чем, в принципе, знает каждый, но далеко не каждый способен систематизировать эти знания и заставить их работать на себя.

По завершении лекции Тордион коротко попрощался и покинул аудиторию.

Магнификусу понравилось все, о чем говорил лектор, и еще больше понравилось, как он это говорил. Он не поучал, он вдохновлял.

Вдохновленный услышанным, Второй зашел в ту же самую закусочную, что и по дороге в университет. Он заказал себе сок и выкурил подряд две трубки.

— А действительно, — размышлял он, — чего особо волноваться? Все наладится само собой, а если не наладится, то и ладно. Не судьба. Главное — Наола, свадьба и дети. Вот, я думаю, как дракон. А драконы, как известно, существа мудрые.

На этом Магнификус и успокоился. Расплатился за сок, спрятал трубку в футляр и уже собирался вернуться в гостиницу, но тут до его ушей донеслись знакомые голоса.

Занявшая стол за его спиной семейная парочка, на которую он и внимания поначалу не обратил, громко обсуждала вопросы обустройства новоприобретенного дома. Вообще-то подслушивать чужие разговоры было несвойственно молодому человеку, но поскольку он сидел очень близко, то просто был обречен слушать их препирания.

— Столько мебели нам не нужно, — сказал мужчина. — Это не дом будет, а склад! Зачем нужны сразу три секретера?

— В гостиную, в твой кабинет и в мою спальню, — резонно отвечала ему женщина. — Нам придется вести записи по хозяйству и письма тоже на чем-то нужно писать.

— Тогда зачем нужны два стола? — не унимался ее оппонент. — Письма пишут на столах! И кто собирается сидеть на сорока двух стульях, если мы собираемся жить уединенно?

— Не горячись, — отстаивала свои позиции собеседница. — Стулья расставим по всему дому. Вот, предположим, идешь ты по дому, устал, а тут и стул рядом. Сел, отдохнул и пошел дальше. Другое дело, я не понимаю, зачем нам четыре подземных хода? Я разговаривала с соседями. Они категорически против, чтобы у них под домом мы копали подземный ход. От кого ты собираешься убегать?

— Я убегать не умею, — обиженно буркнул мужчина, — Подземные ходы — это еще один способ жить незаметно. Один ведет к соседней улице, где магазины, другой — где рынок, третий — где больница, а четвертый — запасной вариант. Пусть будет. А соседи — недоумки! Я им дважды объяснял, что подземный ход пройдет под их сараем, а не домом!

— Ты совсем рассудка лишился в своем лесу, — рассердилась женщина. — Я остаток жизни под землей проводить не собираюсь! Один ход рой, так и быть, и хоть спи в нем. Но только один.

— Два, Радира, два! — хлопнул по столу мужчина. — Иначе я выкину секретер и тридцать стульев.

Услышав, как сосед по столику назвал свою даму, Магнификус не выдержал и обернулся. Сомнений не было: за соседним столиком сидели Ульрик и Радира.

— Не верю, — громко произнес Второй, привлекая внимание спорщиков. — О чем вы тут спорите?

Застигнутая врасплох внезапной встречей со старым знакомым, парочка безмолвно уставилась на Магнификуса.

Первым пришел в себя Ульрик.

— Мы в Нульне дом купили, — без всякого намека на приветствие сообщил он. — Хотим с Радирой начать жизнь заново.

— Этого никто не знает, и мы не хотели никому говорить, — сразу предупредила Повелительница невест. Теперь мы супруги Ральф и Луиза Геминги.

— Обещаю забыть, что встретил вас. Мне достаточно того, что вы сами наконец встретились, — заверил их Второй, но все-таки напомнил: — Помнится, мне говорили, что вы сможете встретиться только после смерти Тзинча?!

— Значит, он умер, — предположил Ульрик, а ныне Ральф. — Мы же встретились.

— И что теперь?

— Мы просто исчезли, — ответила Радира. — Когда-то у нас был такой договор с Ульриком, вот и пришло время его воплотить в жизнь.

— Думаете, получится? — спросил Второй.

— Знаем, что получится, — решительно заявил Ульрик. — Либо так, либо никак.

— Я тоже так думаю, — взяла под локоть своего спутника женщина. — Ты осуждаешь нас за это?

— Я поздравляю вас, — сказал Магнификус. — Наступит время, и я тоже приобрету в этих краях маленький домик.

— Как надумаешь, предупреди. Я знаю все свободные дома в округе. Что-нибудь подберем. Хотя дерут три шкуры! — пообещал Ульрик.

— Предупрежу, — кивнул Второй и полюбопытствовал у Радиры: — Как там в Наггароте?

— Более или менее, — сказала та. — После опереточного переворота на храмовой площади Кет Зарин провела с помощью солдат своего отца серию арестов коррумпированных чинов в правительстве. Заключила перемирие с азурами и гномами. Подвижная девочка оказалась.

— У меня скоро свадьба, — сообщил Магнификус. — Я вас приглашаю.

— Мы поднимем за вас кубки дома, — вежливо отказался Ульрик и объяснил: — Хотим, чтобы о нас забыли.

— Прости нас и тоже забудь, — извинилась за обоих Радира.

— Первое не требуется, второе не обещаю, — встал из-за стола молодой человек, расцеловал старых друзей в щеки и пошел к гостинице.

В номере Магнификус застал ожесточенно спорящих священника и жреца. Перед ними лежала готовая колода карт.

— Неужели ты серьезно думаешь, смертный, что судьбу можно предсказать? — негодовал Миб Тоус. — Я сейчас брошу эту колоду на

пол и моя судьба изменится. Карты созданы не для балаганных шарлатанов, а для людей, желающих постичь глубины своего «я»!

— Почтенная мумия, — не уступал ему Вилли. — Твои представления многотысячелетней давности давно устарели. Прогресс и эволюция не стоят на месте. Я не утверждаю, что с помощью карт можно предсказывать будущее, потому что и в настоящем-то путаюсь. Я констатирую, что предсказанная на картах судьба имеет гораздо большую вероятность сбыться, чем непредсказанная, поскольку она и не судьба вовсе, а так — неопределенное будущее. Ты упростил мою мысль до уровня своего жука-навозника.

— Тогда как ты смеешь настаивать на том, что «Дурак» — последняя карта Старшего Аркана, если я лично участвовал в разработке исходной колоды! «Дурак» начинает Старшие Арканы. Эта карта олицетворяет чистую, наивную душу, не имеющую ничего, кроме природного чутья и готовности к познанию. Она фактор-ключ к любой другой карте.

— Чушь! — взревел сигмариот. — «Дурак» завершает Старшие Арканы и олицетворяет отнюдь не чистую душу, готовую к познаниям, а свойственный разуму парадокс, столь выгодно отличающий даже тебя от жука-навозника. Присутствие «Дурака» в раскладе прежде всего корректирует смысл рядом расположенной карты Старшего Аркана, делая этот смысл обширнее.

— Да, конечно, — язвительно скривился жрец. — Именно поэтому у ваших гадалок каждая карта имеет сразу десяток противоположных друг другу значений. Трактуй как хочешь, лишь бы деньги платили. Все уйдут довольные с «прямой десяткой пентаклей» в итоговом результате. Будешь богатой, выйдешь за принца.

— Нет, лучше они уйдут с перевернутой «Башней» как символом внутреннего переустройства и ментального обновления! — парировал священник. — Самосовершенствуйся, чадо, и дальше.

— Господа! — подал голос Второй. — На улице давно стемнело, можно выходить.

— Слушаюсь, о Великолепный! — тут же внял его призыву Миб Тоус. — Колода готова.

— Быстро, — похвалил Магнификус и спросил: — Скажите мне, уважаемый, что точно я должен буду сделать для вашего народа? До сих пор не понимаю.

— Ничего, кроме того, о чем мы уже договорились, — объяснил жрец. — Древнее пророчество гласит, что участие моего народа в битве под знаменем Великолепного освободит нас от жизни в смерти.

— Тогда, Вилли, накинь на нашего гостя плащ и, когда будем выходить из гостиницы, заболтай портье, — приказал ничего так и не понявший Второй.

Спорщики беспрекословно выполнили его указания, и они покинули номер.

Портье на месте не было, поэтому сигмариоту не пришлось применять свои таланты.

Сторонясь яркого света, троица пробралась к парку неподалеку и остановилась у куста, постриженного в форме шара.

— Вы помните о моей второй просьбе? — напомнил жрецу Второй.

— Мы найдем его, — кивнул тот, скинул плащ и попросту утонул в земле.

— Ух ты! — нагнулся над местом его исчезновения Вилли.

Тут из земли высунулась рука Миб Тоуса, звонко щелкнула пальцем сигмариота по лбу и опять исчезла.

— Хулиганье трухлявое! Покарай тебя Сигмар! — рассвирепел священник и начал ожесточенно топтать землю.

— Брось, Вилли, — взял его за плечо Магнификус. — Он уже далеко. Пошли-ка лучше спать.

Глубоко оскорбленный заштатный клирик напоследок плюнул в траву и поплелся за другом.

На заре молодого человека разбудил гудок клаксона. Магнификус выглянул на улицу и увидел Тордиона, поджидающего его у входа в го-

стиницу на мотоцикле. Осторожно обойдя храпящего на кушетке у стены Вилли, путешественник вышел наружу.

— Отдохнули? — встретил его вопросом Тордион, облаченный на этот раз в костюм арлекина.

— Специально лег пораньше, — ответил Второй и забрался на мотоцикл.

— Держитесь, — предупредил его профессор и крутанул рукоять газа. Двигатель оглушительно взревел и понес мотоцикл по мостовой.

— Вы не боитесь, что нас могут увидеть? — крикнул пилоту пассажир.

— Нет, — сообщил тот. — Отчего-то на маршрутах, где я проезжаю, сон у горожан особенно крепкий, — и Тордион громко захохотал.

Из города они выехали довольно быстро и понеслись в сторону сияющих белоснежными вершинами гор на юге. Скорость передвижения была столь стремительна, что беседовать не представлялось возможным. По мере приближения горного хребта дорога становилась все хуже и хуже, так что Тордиону поневоле пришлось сбросить скорость. Тогда-то уже подуставший от бешеной гонки Второй задал свой первый вопрос:

— Как вы думаете, профессор, можно ли предугадать судьбу?

— Предугадать — нет, можно загадать, — ответил Тордион и поинтересовался: — Откуда подобный интерес?

— Один знакомый мне заказал колоду карт, — признался Магнификус.

— Цыган, что ли?

— Он. Его колода сгорела, когда он гадал отцу Наолы.

— Бедный Тутеп! Эти карты были его единственной радостью.

Они выехали на пологий горный склон и покатили вверх. Тордион ловко управлял своей «колесницей», объезжая каменные валуны и глубокие вымоины в песчанике.

Снова под колесами возникла дорога. Даже не дорога, а, скорее, тропинка. Петляя, она устремлялась круто к вершине, так что и пеше-

ходу пришлось бы идти помогая себе руками. Но Тордиона это мало смущало, и он упрямо гнал мотоцикл вперед.

— Перевернемся! — крикнул Второй, мертвой хваткой сжимая талию пилота.

— Все будет хорошо! — успокоил его тот. — Я знаю один секрет.

— Какой? — спросил Магнификус жмурясь, потому что летящая из-под колес мотоцикла каменная крошка то и дело попадала ему в лицо.

— Никогда не сбавляйте скорость, — сообщил Тордион и еще сильнее крутанул ручку газа.

Мотоцикл рявкнул и пулей взлетел на большую каменную террасу. У них над головой дымил вулкан.

— Вот мы и на месте, — глуша мотор, сказал бесстрашный ездок и показал на открывающийся внизу пейзаж: — Караз-Орруд. Мое любимое место. Мне здесь отлично думается.

Магнификус слез с мотоцикла и подошел к самому краю площадки. У него под ногами, частью покрытая голубоватым туманом, дремала горная гряда, похожая на хребет гигантского дракона.

— Действительно красиво! — вздохнул он.

— Очень красиво, — согласился с ним Тордион, усаживаясь на край и свешивая вниз ноги. — Сразу за ним начинается океан, а за океаном лежит материк, куда еще не ступала нога человека. Через десять-двенадцать тысяч лет первые поселенцы высадятся на его берега, а еще через несколько тысячелетий в одном из государств, основанных на этом материке, чудак ученый, страдающий клаустрофобией, теоретически обоснует возможность телепортации. Вот тогда-то все и начнется.

— Откуда вам это известно? — удивился Второй.

Профессор пожал плечами:

— Есть события, которые не могут не случиться, — он показал на место рядом с собой. — Не будем терять времени, садитесь и спрашивайте.

Магнификус устроился рядом с ним и спросил:

— Что такое сафери?

— Если вы имеете в виду фокусы со значками, то это чушь, которая исчезнет вскоре после того как ты разрушишь Черный Портал.

Если вы имеете в виду саму сущность сафери, то это — фантазия и вера. Вы представляете, как устроен мир?

— Поверхностно.

— Этого достаточно. У реальности семь уровней. Немного, но все-таки. Сафери на шестом. Поле сознания. Вы придумываете, вы верите, вы реализуете. И все. Я доступно объясняю?

— Более или менее. А что на седьмом уровне?

— О! На этот вопрос могут дать ответ только влюбленные. Лучше не трогать этот уровень. Во-первых, для его описания нет словесного эквивалента, во-вторых, он имеет право на личную жизнь.

— Не понял.

— Проще говоря — это вы, когда сделали хорошее дело и отдыхаете.

— Тоже не понял.

— Я же говорю, для описания седьмого уровня не придумали слов и не придумают.

— Почему?

— Потому что когда придумают, он станет восьмым, девятым и так далее. Он не будет по принуждению вступать в диалог.

Магнификус помолчал, размышляя над сказанным, и, наконец, опять подал голос:

— Тогда я спрошу о чем-нибудь попроще?

— Валяйте, — перекинул ногу на ногу Тордион.

— Как погиб ваш отец? — спросил Второй.

Профессор внимательно взглянул на своего собеседника и попросил:

— Снимите свое кольцо.

Магнификус послушно исполнил его просьбу.

Тордион взял кольцо, поднялся на ноги и бросил кольцо в пропасть под ногами.

Однако кольцо не успело пролететь и полметра, как перед ним в воздухе проявилась приоткрытая дверь, и кольцо исчезло в ее проеме.

— Пошли, — предложил профессор, входя в дверь первым.

Молодому человеку ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Мир вокруг на доли секунды заволокла цветная пелена, в нос пахнуло запахом жженой резины, и Сергей обнаружил себя стоящим в тамбуре электрички. За окном была ночь, ближайший вагон пустовал.

— Сейчас будет остановка, — предупредил его стоящий рядом профессор и показал на валяющееся под ногами кольцо: — Не забудьте перстенек.

Оторопевший Второй поднял кольцо.

Электричка заметно сбавила ход, заскрипела тормозами и остановилась напротив пустой платформы. Двери разъехались в разные стороны.

Тордион вышел на платформу, Сергей за ним.

Электричка вздрогнула, двери закрылись, и собеседники остались на пустой бетонной платформе, освещаемой пятью тусклыми фонарями.

— Сто сороковой километр, три часа ночи, четырнадцатое число, следующая электричка через пятнадцать минут, спрашивайте, — обернулся к молодому человеку профессор.

— Как вернуться назад? — изменил свой вопрос Сергей, едва сдерживаясь от приступа паники.

— Войти в следующую электричку, она будет здесь через четырнадцать минут тридцать секунд, — без всякого намека на эмоцию проинформировал Тордион и добавил: — А отца задушил Слаанеш, когда понял, что отец хочет отключить игру.

— Зачем ваш отец хотел это сделать? — изумился Второй.

— А теперь постарайтесь сосредоточиться и не пугайтесь, — предупредил профессор. — Отец не просто хотел это сделать, он это сделал.

— То есть? — мотнул головой Сергей, словно пытаясь очухаться от дремоты.

— То есть нет никакой игры, есть Нибиру, есть законы, по которым она существует, а игры нет, — сказал Тордион. — Отключена машина.

— Но тогда как же?.. — начал Второй.

— Вот так, — развел руками профессор. — Просто забавное стечение обстоятельств — четверо друзей создали новую реальность и она

зажила своей жизнью. Отец первый понял это и приложил все усилия, чтобы уничтожить Нибиру. У Нибиру, при всех ее несовершенствах, есть два глобальных преимущества — иное течение времени и отсутствие страха смерти, а соответственно — лжи. Отец трезво осознавал, что рано или поздно те ограничения, которые он заложил в программу, будут отменены, и цивилизация Нибиру превзойдет земную за несколько лет. А там — кто знает? Уже был создан Хаос.

— Тогда зачем он взял с собой Слаанеша? Это же Хаос! — не понял Сергей.

— Он думал, это я, — объяснил Тордион, — А я не пришел к Белой Башне, в моем облике пришел Слаанеш. Он хорошо умеет притворяться.

— Почему не пришли?

— Не хотел покидать Нибиру. Небытие не нравится мне, здесь некрасиво. Я родился на Нибиру, я любил на Нибиру. Мне был абсолютно чужд насильственный патриотизм отца.

— Вопрос! — прервал его речь Второй. — А дверь, через которую мы с вами сюда проникли, кто сделал?

— Конечно, отец, — ответил профессор. — Все, что есть на Нибиру, сделал мой отец.

— Выходит, о патриотизме речь не шла, — сказал Сергей. — Боюсь, вы недооцениваете своего покойного отца. Он хотел не уничтожить Нибиру, он знал, что, отключая машину, не сможет уничтожить ее. Ваш отец хотел просто изолировать свое перспективное создание и потом вернуться в него заветной дверцей. А вас он звал посмотреть здешний мир по каким-то другим причинам.

— Вы прозорливы! — почти с восхищением посмотрел на него Тордион. — Догадываетесь, по каким причинам?

— Сафери? — предположил Второй.

— Именно, мой смышленый друг, — сафери, — подтвердил его догадку профессор. — Сафери! Великое сафери! Мир во всем мире! Спасение от рака! И еще тысячи гуманных чудес. Отец был идеалист. Наивный идеалист. Он не учел одного весьма важного обстоятельства, о котором известно любой набожной старушке в Небытии.

— Седьмой уровень? — опять предположил Сергей.

— Вы восхищаете меня все больше и больше, — улыбнулся Тордион и повторил за ним: — Седьмой уровень. То, что позволительно на Нибиру, запрещено здесь, поскольку Создатель здешнего мира имеет совершенно другие виды на человека. При этом я лично уверен, что появление Нибиру — тоже часть Его проекта. Отец попытался форсировать построение рая на Земле, и вместо меня пришел Слаанеш. Так что мира во всем мире и лекарства от рака не получится. Аморально спорить с Творцом творцов. Кстати, отец не собирался возвращаться обратно «заветной дверцей», как вы изволили выразиться. Повторяю, он надеялся уничтожить Нибиру.

— Но «дверь»? — напомнил Второй.

— Что «дверь»? Она «заработала» только после того как отец отключил «машину», — ответил Тордион. — До этого отец дважды разбивался о камни под Караз-Оррудом. И свое любимое кольцо он потерял именно во время этих безнадежных экспериментов. Могу спорить, что кольцо вы достали у лесных эльфов. Внизу проходит их дорога.

— Ну, в общем, близко к этому, — признался Сергей. — Мне его подарил Фунибар, а ему лесные эльфы. Они думали, что перстень Корина наделяет своего хозяина даром предвидения.

— Ерунда! — махнул рукой профессор. — Это кольцо обладает гораздо более серьезным достоинством.

— Каким? — заинтересовался Второй.

— Оно просто есть. Вещь в себе.

— Разве кольцо не открывает дверь? Вы ведь кинули кольцо в пропасть?!

— С таким же успехом я мог кинуть камень, — сообщил Тордион. — Признаться, я кинул кольцо из сентиментальных соображений. Этакий «цветок Колриджа».

Вдали послышался шум приближающейся электрички.

— Одного не пойму, — разглядывая свое самоценное кольцо, поделился Сергей. — Ваш отец, Великий Магнификус Первый, создает Белый Портал, через который эльфы, гномы и другие обитатели Нибиру

запросто переходят в Небытие, а с дверью у него ничего не получается? Странно как-то.

— Ничего странного, — ответил профессор. — Белый Портал он создает из Небытия, вместе с остальным миром, а дверь он создает уже будучи на Нибиру. Программа не может породить полноценную программу сама по себе, ей нужен сигнал извне. Таким сигналом стало отключение компьютера. Автосохранение или что-то подобное.

Электричка почти поравнялась с перроном.

— Простите за настырность, — опять подал голос Второй. — Еще одна вещь непонятна — почему вы не провели остальных Древних этой дверью? Они ведь собираются себя на сто лет в бетон закатать на дне океана.

Тордион как-то странно покосился на него и после секундной паузы сказал:

— Я думал, что вы и об этом догадались.

— О чем? — уже входя в тамбур, уточнил Сергей.

— Слаанеш не только моего отца убил, — произнес ему в спину профессор.

Эта информация, вкупе с разноцветной рябью перед глазами и диким давлением на виски при переходе, практически лишила молодого человека сил. Выйдя из двери на каменистую поверхность горного плато, он рухнул на колени. Тордиону пришлось помочь ему встать на ноги.

Дверь в воздухе медленно растворилась. На Нибиру уже наступила ночь.

— Они погибли? — задыхаясь, переспросил Магнификус.

— В Небытии — да, — кивнул его спутник. — На Нибиру — нет. В отличие от моего отца в момент физической гибели они спали.

— Но они об этом не знают! — воскликнул Второй. — Ни Теклис, ни Торгрим, никто им не сказал!

— Не сказал, — подтвердил Тордион. — Я запретил об этом говорить. Это лишнее. И вам не советую распространяться.

— Обалдеть! — только и смог произнести Магнификус, переваривая услышанное.

Профессор вернулся к своему любимому месту на краю плато и сел. Вскоре к нему присоединился и Второй. Спутники долго сидели, молча разглядывая яркие, переливающиеся разными цветами звезды на небосклоне.

— Валайа рассказала мне, что три тысячи лет назад послала два разумных луча в поисках предела вашей Вселенной. Они еще не вернулись, — почему-то вспомнил Магнификус, доставая из кармана свою трубку.

— Они и не вернутся, — сказал Тордион. — У этой Вселенной, как и у всех других Вселенных, нет предела. Они беспредельны, и в их глубине существует все. Где-то существует мир, точно такой же, как этот. И там так же сидим мы, только ваша трубка у меня в руках. А есть мир, где мы еще не вышли из вагона.

— Обалдеть! — повторил Второй, раскуривая зажженной спичкой трубку.

— Перестаньте повторять одно и то же слово, — упрекнул его профессор и предложил: — Чередуйте «обалдеть» с «непостижимо». Интеллигентнее звучит. Удивительно, почему такому важному понятию, как «непостижимое», не придумали свой символ? У «бесконечности» есть, а у «непостижимости» — нет. Придумайте что-нибудь. В историю войдете.

— Я «обалдеть» говорю не потому что вы, профессор, мне глаза открыли. Тем более что по теории Эверетта о «множественности Вселенной» я в институте курсовую писал, — пояснил Магнификус. — Я поражаюсь другому. Откуда такая уверенность?

— Много путешествовал, — ответил Тордион и тут же добавил: — Мысленно, конечно. И смею уверить вас, мой образованный друг, что все наши представления о разновидностях разумной жизни до неприличного ограниченны. Я видел такое, что даже не смогу описать. Однако увидеться с этим нам удастся не раньше, чем через несколько миллионов лет. Далеко это все.

— Шредингеровская «Пси» в круге, — предложил Второй.

— Что такое «Пси» в круге? — не понял Тордион.

— Пси. Символ непостижимости, — объяснил ему Магнификус.

— Плохо, — покачал головой тот. — На торговую марку бытовой техники похоже.

— Тогда любимое здесь число — четырнадцать в круге.

— Отчего четырнадцать?

— Полное соответствие понятию «непостижимости» — значит много и ничего конкретно, но без него — никуда.

— Оригинально, надо подумать.

Второй хихикнул.

— Вы чего? — удивился профессор.

— В голову пришло, — сообщил Магнификус. — Страшный сон каждого земного эволюциониста — от «человека думающего», продукта страха смерти, через «человека мечтающего», обязанного своим появлением безделью, к «человеку творящему», собственно, уже и не обязательно человеку. Никакой локальной связи.

— Бредите, любезный?! — тоже усмехнулся Тордион и спросил: — Напомните, чему вас нужно обучить?

— Сафери, — напомнил Второй и добавил: — Хотя основы теории я усвоил. Теперь мне хотелось бы практических упражнений. Ну, предположим, как мне ритуал разрушения Черного Портала совершить? Не мечом же в воздухе махать?

— Проще простого, — объяснил профессор. — Предположим, вы решили написать некий увлекательный роман, в котором ваш главный герой должен совершить некий могущественный ритуал, итогом которого будет разрушение некого Черного Портала. Придумайте этот ритуал, уберите слово «некий» и добавьте туда добытой по ходу сюжета атрибутики. Я имею в виду принципы. Заклинания должны звучать торжественно, обстановка должна быть таинственная, герой должен быть убедительным. И все.

— Попахивает дешевкой, — заметил Магнификус.

— Хотите, я вам в двух словах «Илиаду» перескажу? — в ответ предложил Тордион и поправил свой шутовской колпак.

— Не хочу, — отказался Второй. — Я понял вас, профессор.

— Тогда будем считать, что я передал вам все необходимые на данном этапе познания в искусстве сафери, — поднялся на ноги профессор. — Если понадобятся детали, то можете заглянуть к моему старому

другу в Каннах и посвятить остаток дней изучению его знаменитой техники хрустальной стены. Он живет на Мимозной горе и помаленьку сходит с ума от осознания собственного совершенства и приступов сплина. Только не старайтесь ему понравиться, он этого терпеть не может. А сейчас пора ехать. У меня через два часа лекция.

Они сели на мотоцикл и ринулись вниз.

Уже у гостиницы, пожав Тордиону на прощание руку, Второй спросил:

— И все-таки, какова, профессор, ваша роль во всем этом? — и он сделал круговое движение рукой.

— Как у вашего кольца, — улыбнулся тот. — Я просто есть.

Тордион поддал газу и помчался на своей варп-колеснице в сторону университета.

В номере Магнификуса ждали.

Во-первых, его ждал злой и вымазанный с ног до головы глиной папа Наолы.

— Я, само собой разумеется, готов присутствовать на бракосочетании своей дочери! — встретил он молодого человека упреками. — Но я категорически против, чтобы меня без предупреждения выволакивали силой из гроба и тащили под землей, как крота, несколько миль. Эти чудовища перевернули респектабельное кладбище вверх дном. В конце концов, они просто меня напугали! Меня — Манфреда фон Корстейна — последнего в Кровавой линии Корстейнов! Лежишь себе в гробу, ничего не подозревая, неожиданно какой-то мумифицированный хам проламывает совершенно новый гроб своей костлявой лапищей и хватает тебя за волосы! Скандал!

Во-вторых, его ждала Наола.

— Милый! — заявила она. — Предупреждать надо, если перед самой свадьбой куда-то уезжаешь. Я тут с ума схожу! Через три дня,

ровно в полдень, мы должны быть в городском муниципалитете, а вечером того же дня — в усадьбе. Приглашения гостям я уже отправила.

В третьих, его ждал Вилли.

— Йохан прислал гонца, наемники на месте! — заговорщическим тоном сообщил он и протянул утреннюю газету.

Крупным шрифтом через всю первую страницу тянулся заголовок: «Банда Руглуда Костожуя похитила Свитки Нагаша! Графы Сильвании объявили крестовый поход!»

— Доброе утро! — поприветствовал присутствующих Магнификус и устало опустился на кровать.

Весь комплекс свадебных приготовлений находился под неусыпным вниманием новобрачной. Второй никак не ожидал от Наолы такой прыти. В некотором смысле его это даже немного тревожило. Хотя, с другой стороны, столь трепетное отношение к вопросу заключения брака со стороны девушки пробуждало в его мятежной душе ощущение мягкого, обволакивающего покоя.

Наола подключила к своей деятельности и отца, и Вилли, и прибывшего первым из гостей Ракартха. Всем были поручены определенные заботы, за своевременным исполнением коих также следила Наола. Единственным незадействованным в деле человеком был жених.

— Пока наслаждайся временной свободой, только не рекомендую злоупотреблять, — заявила ему девушка. — Никаких мальчишников и прочих холостяцких рудиментов!

Однако тот и не намеревался затевать шумных проводов своего одиночества, поскольку много лет тяготился им. Свободное время Магнификус использовал для посещения лекций Тордиона в университете.

Его недавний экзальтированный спутник практически ничем внешне не отличался от остальных преподавателей легендарного учебного заведения. Свои лекции он посвящал психологии, плавно подчиняя последнюю вопросам этического свойства. Его мало интересовали деловые преимущества психологии и глубоко тревожили морально-нравственные не-

урядицы окружающего мира. Судя по всему, своей основной задачей как преподавателя он считал попытку пробудить у студентов вкус к миротворчеству как исходной величине сознания. Каждым своим вновь озвученным тезисом Тордион призывал, в первую очередь, к сохранению и равновесию и уже потом ко всему остальному. На этих лекциях молодого человека не покидало ощущение, что профессор искусно избегает слова «любовь», предоставляя внимающим ему волшебную возможность прийти к необходимым выводам самим. Магнификусу это нравилось.

Пока он внимал проникновенным речам Тордиона, Наола продолжала свою организационную деятельность. Предстоящему бракосочетанию она дала кодовое название «Операция Гнездо». И милая полукровка вила это «гнездо» с энергией штормового ветра.

Будущий тесть молодого человека, ввиду отвратительного реноме, был выслан из Нульна и направлен в усадьбу для подготовки к приему многочисленных гостей. Беспокойному клирику-сигмариоту поручили документальное оформление брака, и тот измучил муниципальных чиновников бесконечными уточнениями брачного контракта, который в конце концов составил три увесистых тома. Встревоженный такими объемами, рассудительный Ракартх лично просмотрел все документы и свел контракт к двум фразам: «Девица Наола фон Корстейн добровольно вступает в брачный союз с маркизом Че Геварой и обязуется быть тому преданной супругой и ответственной хозяйкой». «Маркиз Че Гевара без всякого принуждения со стороны вступает в брачный союз с девицей Наолой фон Корстейн и обязуется быть той верным супругом и защитником». Негодованию Вилли не было предела, и с горя он напился в «Проезжем патриоте» до бесчувствия. Когда Бигли и гном-повар привели его под руки в гостиницу, оскорбленный формалист еще долго оглашал тишину «Шпаргалки» декларацией вслух 72 пунктов брачного контракта, где оговаривалось процентное соотношение при разделе имущества в случае бесплодия одного из бракосочетающихся и последующего развода.

За день до свадьбы в Нульн приехали Торгрим Злопамятный и Король Феникс Фунибар. И тот и другой инкогнито остановились в лучшем отеле города и с упоением подключились к свадебным пригото-

влениям. Дабы избежать ненужной огласки, Верховный Король гномов скупил все полосы периодических изданий города на неделю вперед, а Король Феникс убедил городские власти объявить пятидневный карантин с полной изоляцией Нульна от внешнего мира.

В назначенный день Магнификуса разбудил Фунибар и лично препроводил к поджидавшей у гостиницы карете. Еще десять карет дожидались их на площади перед муниципалитетом. Регистрировать брак взялся сам мэр Нульна — господин Эрих Лоц Старший.

Ко всеобщему удовольствию, господин Лоц оказался на редкость сообразительным человеком и, окинув взглядом присутствовавших на церемонии гостей, он не стал докучать речами, а лишь молча показал бракосочетающимся, где необходимо поставить подписи. Разве что после этого он смущенно напомнил:

— Поцеловаться бы надо.

Молодожены не стали возражать.

Едва праздничный кортеж пересек границы Нульна, к нему присоединились отряд «Кровавых драконов» во главе с Абхорашем, отряд «Белых львов» — преданной гвардии Короля Феникса, отряд «Боевых молотов» — постоянной охраны Торгрима Злопамятного. С небес кортеж патрулировали рыцари Ракартха на своих боевых драконах. Дооф летел чуть поодаль, явно не решаясь вступать в контакт со своими породистыми собратьями.

К семи часам вечера колонну догнала карета Королевы Дручий, окруженная отрядом «Черной Стражи».

— По-моему, профессор Энлиль не поехал, хотя я приглашение лично передала, — выглянув из увешанной цветочными гирляндами кареты, сказала Наола.

— Могу спорить, что он уже в усадьбе, — успокоил ее супруг и задумчиво добавил: — Слишком хорошо все идет, чтобы хорошо закончиться.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась девушка, подозревая, что Магнификус намекает на свадьбу.

— Ситуацию в целом, — неопределенно ответил он.

— Не стоит беспокоиться, — взяла его за руку Наола. — Мы передвигаемся через мирные территории и в таком сопровождении, что нам ничего не угрожает.

— Милая, поверь мне, — сказал ей Второй. — Я игрок со стажем. Именно когда ничего не угрожает, и нужно ждать удара.

Его слова оказались пророческими. Снаружи что-то оглушительно грохнуло, лошади испуганно заржали, и карету сильно качнуло.

Молодожены выглянули из окна. Их взору открылась, мягко говоря, неутешительная картина — две гигантские трещины, разверзшиеся в земле, отрезали их карету от остального кортежа. Из образовавшихся трещин вырывались клубы раскаленного пара, рядом с каретой, срывая с земли крупные куски дерна вместе с растущими на них придорожными кустами, кружил смерч. Небо заволокло невесть откуда возникшими грозовыми облаками.

— Любимый, ты умеешь предсказывать будущее! — восхищенно покосилась на супруга девушка, а потом еще и поцеловала его.

— Какая у тебя любопытная реакция на природные катаклизмы! — пытаясь открыть заклинившую дверь, заметил Магнификус.

Тут ему кто-то помог снаружи, и дверь наконец распахнулась. За ней стоял в своем обычном, «университетском», облике Тордион.

— Здравствуйте, господин профессор! — поприветствовала его из-за плеча супруга немного опешившая Наола.

— Добрый день, — ответил полупоклоном тот и попросил: — Можно мне позаимствовать вашего супруга на пару слов?

— Если только на пару, — неуверенно отозвалась девушка.

— Не волнуйся, я мигом, — пообещал Второй, спрыгнул на землю и подошел к профессору.

— Есть интересное предложение, — сообщил тот и показал на узкую полоску земли, тянущуюся посреди двух почвенных разломов.

— Верю, что по пустякам вы не стали бы отвлекаться, — кивнул Магнификус, но перед тем как ступить на указанный путь, поинтересовался: — Надеюсь, что за время нашего разговора я не овдовею?

— Можете не беспокоиться, в моем лице вы имеете живого гаранта института семьи, — заверил его Тордион, заложил руки за спину и первым зашагал вдоль шипящих паром трещин.

Шли они недолго. Магнификус не успел сосчитать до ста, как паровая завеса перед ними расступилась, и они оказались в месте, до боли знакомом молодожену — те же пустые улочки, те же скрипящие на ветру гнилые ставни.

— Это Прааг! Я был здесь! — воскликнул он.

— Совершенно верно, — подтвердил его догадку профессор. — Это Прааг — город с мрачной биографией, ставший могилой почти для миллиона разумных живых существ. Древние когда-то разыграли в Прааге увлекательную схватку сил Хаоса и Империи. Одну из самых драматических схваток. Империя победила 400:370. Я имею в виду «тысяч».

— Зачем мы здесь? — не понял Магнификус.

— Один мой старый знакомый посчитал возможным пригласить вас на похоронную церемонию своей матери, — ответил Тордион и добавил: — Заодно вы сможете с ним обговорить детали предстоящего вам подвига.

— Какого подвига?

— Разрушения Черного Портала.

— А что за старый знакомый?

— Тзинч.

— Демон Изменения?! Зачем нам Тзинч?

— Как зачем? — подталкивая молодого человека к одной из дверей, напомнил профессор. — Вам же нужны недостающие принципы?

— Вы хотите сказать, что... — не поверил Магнификус.

— Да, я хочу сказать это, — кивнул Тордион.

На столе посреди комнаты лежала мертвая старуха, рядом с ней стоял мужчина плотного телосложения в парчовом френче, то и дело самопроизвольно изменяющем цвет. Казалось, что мужчина не заметил вошедших. Во всяком случае, он никак не отреагировал на их появление. Мужчина не отрывал взгляда от лица покойницы.

— Примите мои соболезнования, — тихо произнес Второй.

— Зачем? — посмотрел на него мужчина.

Магнификус не нашелся, что ответить.

— Ты все ему объяснил? — повернулся к Тордиону мужчина.

— Пока нет, — сказал тот.

— Тогда объясни, — без какого-либо намека на эмоцию предложил мужчина.

— Друг мой, — профессор положил молодому человеку руку на плечо, — мистер Тзинч хочет предложить вам одну сделку. Ее суть такова — он готов отдать вам имеющиеся у него многогранники Моора, а за это вы должны вывести всех Древних той дверью, которую я вам показал.

— Как дверью?! — ужаснулся Магнификус. — Они же!..

— Он не согласен? — опять обратился к Тордиону мужчина.

— Он согласен, у него нет выхода, — заверил мужчину профессор и подтолкнул молодого человека наружу.

Оказавшись на улице, Магнификус переспросил:

— Я правильно понял — нужно провести Моора, Таала и Валайю через дверь над Караз-Оррудом?

— Правильно, — ответил Тордион. — Таала, Бога Смерти и мою мать.

— Но они просто исчезнут! Их нет на Земле! — напомнил Второй.

— Ваши предложения? — резко спросил его Тордион.

— Не знаю, — растерялся Магнификус. — У меня нет предложений.

— У меня тоже, — устало вздохнул профессор. — Это единственное.

— Я не могу, — покачал головой Второй. — Я не пойду на убийство.

— Убийство кого?

— Древних.

— Древние давно мертвы, а те, кто вас вызвал — их заблудившиеся на Нибиру души.

— Нет, — категорически отказался Магнификус и сделал шаг назад, с твердым намерением вернуться к карете.

— Тогда Нибиру исчезнет, а с ним и все, кем вы дорожите, и Древние заодно, — сообщил ему Тордион.

Второй остановился, повернулся к профессору и, пытаясь до конца осознать сказанное, переспросил:

— Исчезнет?

— Правила игры, — напомнил Тордион. — Если один из участников побеждает остальных, какая надпись появляется на экране?

— Игра окончена, — машинально произнес Магнификус.

— Теперь вы понимаете, почему я сказал Тзинчу, что у вас нет выхода? — объяснил ему профессор.

— Теперь я понимаю, почему вы так много времени отводите на своих лекциях идее равновесия, — горько усмехнулся Второй и добавил: — Только сможет ли это понять ваша мать?

— Сможет, — уверенно кивнул Тордион. — Она не пропустила ни одной моей лекции. Помните, я упоминал о моем старом друге, волшебнике с Мимозной горы? Так вот, он не устает повторять, что допуск к абсолютной реальности имеется только у женщин.

Второй пнул ногой листву и обреченно вздохнул:

— Неужели Тзинч так ненавидит Древних, что готов пожертвовать источником собственной силы?

— Не в этом дело, — Тордион протер ладонью воспаленные от усталости глаза.

— А в чем?

— В равновесии. Тзинч жертвует своими силами не ради нас, а ради Хаоса. Если Хаос победит, итог будет тот же — игра окончена. Тзинч мудр, как древний змей.

— Что, остальные демоны Хаоса этого не понимают?

— Еще как понимают, но правила есть правила, и эти правила можете изменить только вы, а для этого вам нужны недостающие принципы. Следите за ходом моих рассуждений?

Магнификус резко развернулся и вошел в дом.

— Почему ты хочешь уничтожить Древних? Просто принципы отдать нельзя? — без предисловий, напрямую, спросил он Тзинча.

Тот молча показал на лежащую старуху.

— Справедливость, — ответил за него Тордион, подходя сзади.

Демон поднял на руки женщину и вышел на улицу. Дневной свет мгновенно изменил его. Теперь это был уже не человек, а кошмарная смесь птицы, леопарда и змеи. Под лапами чудовища засверкали электрические разряды, и сильный порыв холодного ветра взметнул сухую листву к небу. Тзинч, больше не обращая внимания на людей, двинулся с мертвым телом по улице, прочь от пустого дома.

— Куда он пошел? — спросил Второй.

— На северной окраине его слуги соорудили большой погребальный костер из всех найденных в городе книг, — сообщил профессор.

— А кто эта женщина?

— Мать библиотекаря, которого убили во время штурма Праага. Она лишилась разума и ослепла от горя. Бедная женщина считала Тзинча своим спасшимся сыном, и Тзинч со временем стал считать так же. Безумие — одна из сторон изменения.

— Вы хотите сказать, что демон искренне верит в это?

— Более чем искренне, — подтвердил Тордион. — Пожалуй, это единственное, во что он верит.

— Надо попытаться разуверить его! — отчаянно предложил Магнификус.

— О мой упрямый друг! — опять положил ему на плечо руку профессор. — Лишать веры — это компетенция седьмого уровня. Тут мы бессильны. Пойдемте к вашей карете, Наола, наверное, уже волнуется.

— Так битва будет или нет? — спросил Второй, входя за своим проводником в паровое облако.

— И еще какая! — заверил его тот. — Мир содрогнется.

Обратный путь у них занял также очень немного времени. Судя по всему, все эти фокусы с природными катаклизмами были своеобразным прикрытием незаметного для остальных перемещения Магнификуса и Тордиона в район Праага.

— Надо бы на досуге обучиться у профессора всем этим забавным фокусам, — мелькнуло в сознании молодого человека. — Теоретическая часть — это прекрасно, но практическая — полезно.

Когда они оказались у кареты, выяснилось, что усилиями рыцарей Абхораша и охраны Торгрима над земляными расколами уже были сооружены деревянные настилы.

— Что это такое? — подбежал с вопросом к спутникам встревоженный Фунибар.

— Землятрясение, Ваше Величество, — невозмутимо проинформировал того профессор. — Здесь активная сейсмическая зона. В прошлом году такая же беда случилась на полях графа Гормета.

— Нужно посоветовать Карлу-Францу отправить на изучение этих мест специалистов в данной области, пока трагедии не случилось. Мы еще легко отделались, — заявил Король Феникс и направился помогать своим людям переправлять карету новобрачных по деревянному настилу на другую сторону.

Вслед за ним к Магнификусу подошла Наола.

— С тобой все в порядке? — спросила она, поглядывая на Тордиона. — Вас не было десять минут. Я боялась, что вы свалились в трещину.

— Любовь моя! — успокоил ее Второй. — С учетом моего тотального бессмертия меня бы давно восстановил ближайший алтарь, а господин профессор, насколько я понимаю, даже в порталах не нуждается.

— Именно так, — подтвердил тот. — Я регенерирую в доли секунды. Это мое единственное практическое преимущество перед остальными. Пойдемте к вашей карете. Уверен, что господин Корстейн волнуется, а когда люди волнуются, у них появляется нездоровый аппетит. В случае с вашим папой это совсем некстати.

После доставки кареты на нормальную дорогу молодые люди сели в нее вместе с Тордионом, и свадебный кортеж двинулся дальше.

Весь остаток пути Тордион развлекал озадаченную мрачным настроением супруга Наолу. Профессор рассказывал потешные истории,

декламировал наизусть удачные эпиграммы на своих коллег по университету и даже спел один куплет студенческой песни. А Магнификус смотрел на него и думал:

— Этот простодушный с виду весельчак приговорил собственную мать к смерти. Жуткий сон! — и он задал себе вопрос:

— А я смог бы пожертвовать своей матерью ради спасения мира?

Отвечать себе Второй не решился. Ему просто стало безудержно стыдно.

К двадцати пяти часам кортеж приблизился к усадьбе Корстейнов. В наступившей к тому времени темноте усадьба была видна за несколько миль. Что-что, а в вопросах искусственного освещения будущий тесть Магнификуса разбирался отменно. Тысячи разноцветных фонариков украшали подъезд к воротам родового гнезда по обе стороны дороги. Упыри, верные спутники легендарного вампира, тучами носились по воздуху с такими же фонарями в сжатых лапах. Драконы-охранники приветствовали подъезжающих фонтанами алого пламени с небес. Каждый столб ограждения украшали горящие масляные лампы. Между аккуратно постриженных кустов в парке по воздуху плавали диковинные фосфоресцирующие овалы, время от времени принимающие форму женщин-призраков.

— Бедные девочки, — вздохнула невеста, глядя на них. — Папа ни в чем не знает меры. Заставлять баньши работать осветительными приборами жестоко. Они и так все время плачут.

— Однажды я видел, как они смеялись и пели, — напомнил ей супруг.

— Это была заслуга твоего зубастого собутыльника, — кивнула Наола и спросила: — Ты его приглашал?

— Приглашениями занималась ты! — воскликнул Второй. — Если мы его не пригласим, он может обидеться! И перед Асушан очень неудобно.

— Не волнуйтесь, — по-отечески успокоил их профессор. — Понимая, что за всем вам уследить не удастся, я взял на себя смелость пригласить грызунов и мастера Казириона.

— Это очень дальновидно с вашей стороны, — поблагодарил его Магнификус.

У ворот свадебный кортеж встречал сам Манфред фон Корстейн. Рядом с ним стоял Уул и служил хозяину усадьбы живым рупором. Вампир что-то говорил вполголоса, а тролль громогласно повторял за ним все слово в слово.

— Дорогие гости! — говорил Манфред. — Нет слов, какими я смог бы передать вам свою признательность за то, что вы почтили наше имение в этот торжественный день. Слуги примут ваших лошадей, доставят ваш багаж в комнаты и проведут вас к праздничному столу. Милости просим!

Из-за спины вампира к каретам заспешили волки. Гигантские оборотни довольно ловко справлялись с поставленной перед ними задачей, и вскоре спешившиеся гости были все препровождены в здание. Некоторые насильно. Предположим, одному из гномов-кучеров совсем не хотелось оставлять своих лошадей без присмотра, тогда трое лютых волков повалили гнома на землю, закатали в ковровую дорожку и в виде извивающегося рулона поволокли в дом.

Последними в дом вошли Магнификус и Наола.

— Папа, кто готовил? — деловито поинтересовалась у отца невеста.

— Можешь не беспокоиться, — обнял ее вампир. — Десять лучших поваров Альтдорфа. Некоторые из них готовили еще на свадьбе дедушки Карла-Франца.

— А что у нас с музыкой? — проявил похвальную домовитость Второй.

— На разогрев — оркестр из нульнского «Сантименто». Наола просила. Говорит, что с их музыкой у вас с ней много чего связано. А для последующего, серьезного застолья — сам мэтр Фориус. Еле уговорил. Пришлось его клавесин из Мидденхайма доставлять, — сообщил фон Корстейн.

— Хорошо, — похвалила девушка.

— Дочь моя! — обратился к ней отец. — Мне хотелось бы задать тебе с глазу на глаз один вопрос, — он повернулся к Магнификусу и попросил: — Умоляю, идите в дом. Мы вас догоним.

Второй понимающе кивнул и пошел к зданию.

— Что, папа? — взглянула на Манфреда Наола.

— Даже не знаю, как сформулировать, — замялся тот и, все-таки решившись, в лоб спросил: — Я надеюсь, что ты еще девица?

— Как тебе не стыдно, папа?! — укорила отца Наола и побежала вслед за женихом.

— А что тут такого стыдного? — себе под нос пробурчал вампир. — Все должно быть как у порядочных людей. Утром полагается вывешивать простыни. Что я вам — донор?!

Продолжая что-то бормотать, он направился к дому.

В подготовке внутреннего убранства дома почтенный вампир попытался ничего не упустить из виду. Сквозь обеденный зал, открытую веранду и вплоть до искусственного пруда со старой мельницей тянулся длинный праздничный стол. Входящих гостей принимали два самых крупных волка и разводили по своим местам. Размещение было продумано таким образом, чтобы представители разных рас ранее не имели между своими народами открытой вражды, поскольку присутствие за столом потенциального неприятеля, даже если на данный момент он таковым не являлся, все равно сказывается на настроении и аппетите. Так, например, гномов посадили напротив людей, а Высших эльфов — напротив аристократов ночи. Темных эльфов и прибывших последними Бигли и еще двоих гоблинов разместили на другом «крыле» стола. Кстати, туда же подался и старина Казирион, не переносивший соседства своих собратьев — Высших эльфов. По случаю торжеств он изменил свой облик и превратился в сухощавого старика с реденькой седой бородкой. «Ни дать ни взять — старик Хоттабыч»,— подумал жених.

Его внучка — ныне Королева Темных эльфов Кет Зарин — прилагала все возможные усилия, дабы угодить деду. Она лично следила за своевременным наполнением его тарелки едой, а бокала — вином. Однако вздорный предок каждый раз требовал, чтобы она отпивала из его вновь наполненного бокала глоток, чем обижал девушку. Что-что, а отравление родного дедушки никак не входило в ее планы. Каурана видно не было.

Молодоженов устроили в центре стола. Рядом сели отец невесты, Тордион, Ракартх, Абхораш и Вилли.

Пока все рассаживались, оркестр из «Сантименто» наигрывал какую-то популярную в Нульне польку, но как только к праздничному столу был придвинут последний стул, а перед гостями не осталось ни одного пустого бокала, музыка стихла и слово взял Манфред фон Корстейн.

— Многоуважаемые гости! — провозгласил он. — Можно было бы посвятить целый день чествованию каждого из вас, удостоивших своим присутствием наш праздник, но это свадьба, и наш главный гость — это любовь! Выпьем за любовь, все остальные вопросы история решит за нас.

Присутствующие одобрительным гулом и звоном бокалов поддержали хозяина дома.

Тот выпил и продолжил:

— Когда-то и я сидел за этим столом в качестве жениха, а моя супруга, прекрасная Оливия, держала мою руку в своей. О, как же я был неблагодарен жизни, как непроходимо глуп и преступно самонадеян! Почему я не ценил по достоинству это мгновение? Нет мне прощения, и его не будет и молодым, если они не осознают, что этот миг счастья — последний. Все остальные мгновения — либо уже в недосягаемом прошлом, либо в абстрактном будущем. Я предлагаю поднять наши бокалы за это мгновение, в котором мы живем. Мир стоит на месте, а моя дочь выходит замуж.

Манфред всхлипнул и поднял над головой бокал.

— Папа сегодня обязательно напьется, — на ухо предупредила Магнификуса невеста.

— Так полагается, — успокоил ее тот. — И у Древних есть такая традиция. Еще жених бегает с подаренными конвертами в туалет. Но это сложно объяснить.

Следующее слово неожиданно взял Абхораш.

— Я буду краток, — сразу предупредил он, извлекая из-за пазухи маленькую золотую клетку. — На моей родине любящие мужья дарили своим женам не драгоценные камни, не волшебные украшения, а птиц. У нас считалось, что птица — это символ непреходящей красоты, которая выражает себя в преданности друг другу, — рыцарь передал клетку Наоле. — Мой нежный друг, в этой клетке очень маленькая, но очень красивая птичка. Довольно редкая птичка. Когда ты будешь по-настоящему счастлива, отпусти ее.

Девушка немедленно взялась за дверцу клетки.

— Не торопись, — остановил ее Абхораш. — Никто не сомневается, что ты сегодня счастлива, но кто знает — может быть, завтра ты будешь еще счастливее, а послезавтра еще.

— Тогда эта птичка может остаться в клетке навсегда, — возразила ему Наола.

— Именно за это я и хочу выпить, — провозгласил рыцарь. — За «навсегда»!

— За «навсегда», за «навсегда»! — поддержали его собравшиеся.

— Не мучай птичку, — шепнул Второй невесте. — Незаметно, под столом, выпусти пернатое, и все.

— Ничего, ей и в клетке пока неплохо, — почему-то заупрямилась девушка и спрятала клетку.

Третьим решился говорить Ракартх.

— Уважаемые дамы и господа! — поднялся он со своего места. — Я ничего не буду желать или дарить молодым, потому что чего бы я ни сказал или чего бы я ни предложил, это будет ничтожно мало в сравнении с тем, что они уже имеют. Я нищ и бессилен перед лицом этого счастья. Побежден. Как все мы побеждены. За эту победу, совершенную не оружием, не дворцовыми интригами или политическими альянсами,

а сердцем, способным быть побежденным, я и хочу опустошить свой кубок. Я доступно изъясняюсь?

— Более чем, мой дорогой брат! — поддержал оратора Король Феникс и выпил первым.

— Ты понял хоть, о чем идет речь? — тихо поинтересовалась у супруга Наола.

— О том, что неплохо бы тебе научиться готовить, — перевел слова дручия тот.

— А тебе — коней подковывать, — дополнила его перевод своим девушка.

Далее говорили все по очереди — Торгрим призывал к разумному ведению хозяйства, Фунибар — к обоюдному уважению, Вилли требовал определиться в едином вероисповедании, дабы укрепить фундамент семьи совместными идеалами. Когда очередь дошла до мастера Казириона, тот выдержал длинную паузу, критично осмотрел каждого из присутствовавших и, в конце концов, желчным тоном произнес:

— Вы тут, детки, говорите и говорите, так умно говорите, так практично, но мне от ваших слов только горько становится. Горько, честное слово!

— Горько! — крикнул улыбающийся Тордион.

— Горько! — закричали все, а мэтр Фориус ударил по клавишам.

Магнификус с Наолой поднялись и поцеловались.

К Манфреду сзади подошел один из волков и что-то прорычал. Фон Корстейн дождался финала традиционного лобзания и сообщил жениху:

— Тут к вам пришли или, вернее будет сказать, приходили.

— Как же не везет парню! — почти с сожалением сказал Магнификус, разглядывая расплющенное пнем тело в доспехах, лежащее у ворот. — Кром Завоеватель. Убийца. Опять меня приходил убить.

— У него не было приглашения, и он нагрубил Уулу, — объяснил ему тесть.

— Да, с таким воспитанием в убийцы нельзя брать, — согласно кивнул молодожен и тут заметил бредущего вдали по направлению к усадьбе путника.

— Клянусь конформной инвариантностью Вайла! — узнал путника Магнификус. — Это же Йохан. Только почему он пешком?

Второй поспешил навстречу старому другу. Тот выглядел неважно — рваная одежда и темные круги под глазами от усталости.

— Хаос нам не поверил, — не здороваясь, сообщил ван Хал. — Хаос напал первым. Все перебиты или разбежались. Я восстанавливался семь раз. У нас нет больше армии.

— Не совсем так, — заверил его Магнификус. — Хотя об этом пока рано говорить. Пойдем, для начала ты меня поздравишь. Я женился.

— Женился?! — не поверил Охотник. — Тебя шантажируют или околдовали?

— Скорее, околдовали, — улыбнулся Второй. — Сильно околдовали и немного шантажировали.

— Моя вина, — вздохнул, следуя за ним в дом, Йохан. — Нужно было тебе дать с собой защитный талисман «Лесного духа». Верная вещь.

— Поздно, очень поздно, — сказал «околдованный» и попросил: — Пока о наших неудачах никто знать не должен, даже Вилли. Причем Вилли — в первую очередь. Попозже поговорим.

— Как скажешь, божественный, — понял его ван Хал. — Паника — плохой помощник в таких делах.

— Поверь мне, — взглянул на него Магнификус. — О панике речь не идет. Хаос перешел границы Империи?

— Пока нет, — покачал головой Охотник. — Он сгруппировал свою армию в районе Нижнего Талабека. Везде патрули. Много патрулей.

— Подожди, — задумался Второй, — если Хаос не перешел границу, то каким же образом он напал?

— Мы встали двумя лагерями на нейтральной территории,— объяснил Йохан. — Точнее, на спорной территории. В тех краях грани-

ца — понятие относительное. Первой пострадала группировка Борджио Осадника. На него напали рано утром. Внезапно. Пока Борджио выстроил остатки своих войск, от его группировки осталось не больше половины. Кто-то нас предал.

— Ладно, разберемся, — ободрил друга Магнификус, усаживая того между Вилли и Ракартхом. — Перекуси с дороги.

К новобрачному сзади подошла Наола и, обхватив его талию руками, полюбопытствовала:

— Что-то случилось?

— Ничего особенного, — погладил ее по руке тот. — За исключением того, что твой садовник растолок, как горох в ступке, наемного убийцу, а мои войска разбиты в пух и прах. Я, любовь моя, полководец без армии.

— Неужели вся эта ерунда испортила тебе настроение? — поцеловала мужа в шею девушка. — После свадьбы наберем тебе новую армию.

— Нет, испортить мне настроение все сложнее и сложнее, — пожал плечами Второй. — Разве что проголодался на нервной почве.

Наола звонко хлопнула в ладоши и со стороны кухни расторопные поварята понесли в зал огромные подносы с горячим.

Жаркое из Мидденхаймских оленей под сливочной шубой, белые альтдорфские карпы, запеченные в тесте на зеркале, паренные на пиве пустоземные жирные тетерева, фаршированные грибами, и туши жаренных на вертеле молодых бычков, тушенная в глиняных горшочках ягнятина, начиненные черной икрой яйца лорентийских перепелов и еще с добрый десяток блюд, любовно приготовленных поваром-виртуозом. Все это гастрономическое великолепие наполнило окружающее пространство упоительным ароматом, и разговоры мгновенно стихли. Только позвякивание столовых приборов и перезвон бокалов нарушали тишину.

По старой студенческой привычке Магнификус не стал отвлекаться на изыски и принялся поглощать начиненные икрой перепелиные яйца с такой скоростью, что невеста испугалась за его здоровье и отодвинула поднос с яйцами подальше. Второй с огорчением крякнул и ухватился за горшок с ягнятиной.

— Ты умрешь, — предупредила его Наола. — Хотя бы не торопись.

За стол вернулся отец девушки и протянул жениху сверток:

— На воротах для тебя передали.

Магнификус развернул ткань и обнаружил там два сосуда. Один из них был точной копией флакона с осколками варп-камня, когда-то подаренного Шарскуном, другой — копией флакона с жидкостью, по словам того же скейвена, нейтрализующей побочные явления варпстоуна.

— Как неудобно! — огорчился Второй. — Сто процентов — это подарок Шарскуна и Асушан.

— Там еще записка, — показала ему на клочок бумаги рядом с флаконами Наола.

Он развернул записку и прочел:

— Поздравляем. Извиняемся, но не можем приехать. Шарскуна вызвали на срочный совет Тринадцати. Желаем много потомства и мало трудностей. А. Ш.

— Что там во флаконах? — не сдержала любопытства невеста.

— Варп-камень для сафери, — ответил Магнификус и тут же проверил — начертил в воздухе свое имя, вызывая сферу.

Сфера переливалась голубыми огоньками. Каждый символ был готов к реализации.

— Много варп-камня, — обрадовался Второй. — Возможностей на семь-восемь. Все символы светятся.

— А сколько у тебя в сфере символов? — спросила девушка, видимо, частично осведомленная в вопросах сафери.

— Тысячи, — сообщил ей супруг.

— Как много! — восхитилась Наола. — Ты такой могущественный. Но больше яички не ешь.

— Не буду, — смирился с ее требованием Второй и предложил: — Я яички не буду есть, а ты отопьешь из крысиного подарка.

И Магнификус заставил жену сделать большой глоток из флакона жидкости, нейтрализующей негативное воздействие варп-камня.

Тут он заметил, что Тордион, стоя у входной двери, тайком подает ему какие-то знаки.

— Любимая, я опять на секунду отлучусь, — предупредил Магнификус, поднимаясь из-за стола.

— Это неприлично, — укорила его девушка. — Все-таки свадьба.

— На секунду, — решительно повторил он и вышел из зала на улицу.

Профессор уже прогуливался по дорожке у дома.

— Я вас слушаю, профессор? — обратился к нему Магнификус.

— Согласитесь, как это все забавно выглядит, — кивнул тот на видневшийся за окнами праздничный стол. — Эльфы, вампиры, гномы, волки-оборотни. Свадьба. Клавесин.

— Мне нравится, — пожал плечами Второй.

— Мне тоже, — серьезно взглянул на него Тордион. — Но вам не кажется, что пора решить один наш вопрос?

— Уводить Древних? — догадался Магнификус.

— Самое время, — подтвердил его догадку профессор. — Я слышал, что Хаос разогнал ваши наемные войска и движется вдоль границ Империи. Это плохой знак. Очень плохой.

— Профессор, я до сих пор не понимаю, зачем нам исполнять прихоти Тзинча, и еще я не понимаю, каким образом этот демон узнал о двери? — спросил Второй.

— Я ему рассказал, — спокойно ответил Тордион.

— Зачем?! — изумился Магнификус.

— Я спросил, что необходимо сделать, чтобы он вернул вам принципы, он ответил, что нужно избавить Нибиру от Древних. Я предложил дверь.

— Я тоже Древний.

— Не совсем так. Тзинч питает антипатию к тем Древним, которые создали его убийцей, а к вам он равнодушен. Более того, кажется, он вам даже симпатизирует, по-своему, разумеется.

— Пусть так. Но подскажите тогда, как мне удастся собрать Древних. Того же Моора невозможно вытащить из его мертвого дома. Но

даже вместе с ним — пусть я обернусь самой быстрой птицей и полечу в Башню Хоэта, оттуда вместе со всеми к Караз-Орруду, — это займет несколько дней.

— Они уже все там, кроме моей матери, — сообщил Тордион. — А она хотела с вами переговорить до встречи с остальными.

— Где? — обреченно вздохнул Второй.

— В одном из кафе Лорейна, где вы уже бывали с ней. Она даже заказала ваш любимый напиток без кофеина, — проинформировал профессор.

— Как я туда попаду? — не понял Магнификус. — Я не могу на несколько дней исчезнуть с собственной свадьбы. Наола меня не поймет, а ее папа обескровит.

— Какой же ты тупой! — впервые потерял свойственное ему самообладание профессор. — У тебя, простите, вас, великолепное образование, здоровый мозг, зрелый возраст, короче говоря, — все необходимые для понимания параметры. Неужели вы до сих пор не скомпоновали в своей голове все ранее увиденное и услышанное?!

— Это вы к чему? — немного обиделся на своего собеседника молодой человек.

— Это я к тому, что вы владеете сафери, — уже спокойнее объяснил Тордион. — Вызовите сферу, ничего экстраординарного не придумывайте — просто дайте ей задание. Своими словами, без ритуальных завываний и прочей чепухи. Сафери любит простое изложение мысли. Вы же не лобзаете колесо своего автомобиля перед тем как завести двигатель?

— Не лобзаю, — согласился Магнификус и добавил: — В моем мире я голодранец, и у меня нет машины.

— Давайте же скорее, — поторопил его профессор. — Мне и так нелегко.

Второй выдохнул воздух и, произведя необходимый пас рукой, вызвал сферу. Собравшись с мыслями, он произнес:

— Хочу попасть в кафе, которое находится в Лорейне, на Ультиане. В том кафе, где я уже был с Валайей. Лучше всего, если я появлюсь из пустого переулка рядом. Так, чтобы меня никто не видел.

От сферы отделился символ, напоминающий кляксу. Магнификус ткнул в него пальцем и тут же оказался стоящим за тенистым деревом в каком-то переулке. Второй вышел на освещенную фонарями улицу и понял, что стоит в нескольких метрах от приоткрытых дверей нужного заведения. Не теряя времени, он вошел внутрь.

Валайа сидела за тем же столиком под картиной старинного эльфийского живописца.

— Ваш кофе, — пододвинула она к присаживающемуся за столик собеседнику форфоровую чашку. — Трехглазую рыбу я заказывать не стала.

— Пожалуй, трехглазую нам и не надо, — кивнул он и полез в карман за трубкой.

Какое-то время женщина внимательно наблюдала за ним, потом спросила:

— Вас что-то смущает?

— Да, — поднял на нее взгляд Магнификус. — Меня смущает та святая простота, с которой сын отправляет свою мать на смерть, и мать, которая столь же просто соглашается с гениальным планом своего сына.

— Вы не должны осуждать Тордиона, — мягко произнесла она. — Он — душа этого мира. На Нибиру нет ни одного живого существа, которому Тордион был бы чужой. К сожалению, даже мой покойный муж, при всей своей гениальности, не понимал этого.

— Все равно, — покачал головой Второй. — Я тоже не понимаю. Ведь наверняка Тзинча можно обмануть и всем остаться в живых.

— Нельзя обмануть. Тзинч — такая же часть Тордиона, как и ваша невеста, как картина у вас над головой и ваша трубка, — ответила Валайа. — Это сложно объяснить, но если проводить технические аналогии, то мой сын в момент своего рождения стал операционной системой нашей игры. Правда, и он и я это поняли, только когда погиб его отец. У Тордиона нет своей личности, его любимый шутовской наряд — своего рода протест.

— Тордион — машина? — не поверил Магнификус.

— Не совсем. Правильнее будет сказать: Тордион — иной вид сознания. И поймите, Нибиру живая, как Земля. Она по-другому появилась, но такая же живая.

— Я понимаю, отчего вы решились пожертвовать собой, но как на это пошли Таал и Моор?

— Моор давно мечтал о чем-то подобном. Годы, проведенные им за разбором посмертных дел компьютерных мертвецов, превратили парня в религиозного фанатика. Он жаждет искупить свои грехи. А Таала я опоила отваром из цветов катты. Пока у него сознание трехлетнего младенца.

— Вам не страшно умирать?

— Страшно. Но я знаю, как будет выглядеть моя другая жизнь.

— Вы верите в загробную жизнь?

— Это очевидно. А вы нет?

— Пока я верю только в то, что возможно абсолютно все, правда, я не понимаю, как с этим управляться.

— Очень просто — выберете сами. Сознание определяет бытие.

— Вы выбрали?

— Да, я рожусь в семье военного в 1969 году в России и проживу точно такую же жизнь.

— Абсолютно такую же? — опять не поверил Магнификус.

— Ну, может быть, по-другому отвечу на этот вопрос, — сказала женщина.

Уже у порога Второй не выдержал и поинтересовался:

— А вам не приходило в голову, что ваш сын сам подстроил гибель своего отца и последующий бардак с Хаосом? И, что самое главное, теперь он исправляет собственные ошибки ценой ваших жизней?

— Не только наших, — уточнила его предположение Валайа. — Через четырнадцать часов после того как я перешагну порог двери, Тордион растворится в Нибиру.

— Как растворится? — замер от неожиданности Магнификус.

— Вот так, — развела руками женщина. — Станет тем, кем рожден быть, — душой Нибиру. Но это произойдет только тогда, когда оборвется его последняя внешняя связь, то есть моя жизнь. А когда вы соберете эти проклятые принципы и разрушите Черный Портал, Торди-

он активизируется и восстановит все поврежденные участки в информационной оболочке Нибиру. Даже если мой бедный мальчик такой закоренелый злодей, каким вы его себе представляете, он давно и с лихвой окупил свои пороки одиночеством. Я — его мать и понимаю собственного сына лучше остальных.

— Что же будет со мной?

— А что вы? Вы должны постараться помочь Нибиру выжить. У вас есть четырнадцать часов. Если вы не успеете за это время разрушить Портал, Тордион умрет.

— Почему Тордион мне сам ничего не объяснил? — удивился молодой человек.

— Думаю, мой сын понимает, что вы порядочный человек и не способны на подлость, даже для спасения целого мира. Недаром же последний принцип активировался именно на ваше появление. Тордион хотел, чтобы вы лично убедились в моей добровольной жертве.

— Поспешим. Таал скоро начнет приходить в себя, — поторопила своего собеседника Валайа.

Они вышли на улицу, свернули в тот же пустынный переулок и, произведя необходимые действия сафери, переместились на каменистую площадку под Караз-Оррудом.

Там их нетерпеливо дожидались Таал и Бог Смерти. Таал мерил шагами площадку, Бог Смерти неподвижно завис над самым краем пропасти.

— Почему так долго? — закричал Таал. — Мы здесь больше часа скучаем. Этот скелет такой нудный, у меня от него голова кружится, — и он ткнул пальцем в неподвижную фигуру Бога Смерти.

Бог Смерти беззвучно развернулся на месте, сверкнув при этом в лунном свете лезвием косы, и простонал:

— Жизнь пуста. Мы изжили свое.

— Давайте-давайте! — опять крикнул Таал. — Я хочу веселиться. Так, — Древний подбежал к Магнификусу. — Там будут сладости? У меня шесть карманов.

— Успокойся, там горы конфет, — пообещала Валайа. — Я была там. Ужасно вкусно.

— Скорее, — подал голос Моор. — Я хочу идти. Я чувствую освобождение.

— Какой ты скучный, ты нам все портишь, — Таал сложил руки на груди и принялся ждать, пока Магнификус вызовет дверь.

Второй снял с руки кольцо и бросил в пропасть. Тут же над бездной появилась открытая дверь.

— Может, все-таки я первый? — предложил Магнификус. — Я опытнее.

— Пошел прочь, мальчишка! Ты все съешь! — оттолкнул его Таал и шагнул в дверь. За ним в проеме исчез Моор.

— Вы уверены, что так и должно быть? — повернулся к женщине молодой человек.

Валайа не сразу ответила ему. Она смотрела на звездное небо, на огни костров внизу, на проглядывающие в ночном мраке вершины гор. Наконец она взглянула на Магнификуса.

— Мой муж создал красивый мир, — сказала она и переступила порог.

Контуры двери плавно растворились в прохладном воздухе.

— Вот и все, — прошептал Второй и спешно принялся вызывать сферу.

Точкой своего возвращения он назначил участок дороги в полукилометре от дома Наолы.

Едва ступив на землю, он тут же услышал шум, доносящийся со стороны усадьбы.

— Что тут происходит? — спросил он у рыцарей, карауливших ворота.

— Праздничный фейерверк, господин Магнификус, — ответил один из воинов, и Второй узнал в нем Ната.

Парк искрился, как новогодняя елка, в небо то и дело со свистом взмывали шутихи, несколько десятков огненных фонтанов били из клумб. Гости с бокалами в руках толпились на дорожке у дома, любуясь предложенным зрелищем. Тордион стоял отдельно от остальных, у входа в обвитую плющом беседку. Второй сразу направился к нему.

— Как все прошло? — встретил его вопросом профессор.

— В полном соответствии с вашим планом — все погибли, — сказал Магнификус и признался: — Профессор, если бы вы только знали, как мне хочется набить вам морду!

— Не решусь возражать, — пожал плечами тот. — Бейте, если это вас успокоит.

— У меня нет привычки колотить бытовые приборы, — огрызнулся молодой человек и, не говоря больше ни слова, направился к дому.

— Как ты долго ходил! — упрекнула Наола, отвлекаясь от разговора с сидящей рядом Королевой Дручий.

— Она начала забывать, за кого вышла замуж, — поддержала невесту Кет Зарин.

— Тысячу раз простите, — извинился Магнификус и решительно пододвинул к себе бутылку с вином.

Над головами молодоженов раздался старческий кашель. Они подняли головы и обнаружили стоящего рядом мастера Казириона. Почтенный старец опирался на деревянный посох и беспрерывно приглаживал ладонью правой руки свою жидкую бороденку.

— Господин Казирион, вам чем-нибудь помочь? — спросила у него девушка.

— Нет, детки, мне помогать уже поздно, — ответил он. — А я вот могу вам помочь.

— Чем? — не понял Второй.

— Советом, — объяснил старец. — Это будет мой свадебный подарок.

— Мы готовы, — незаметно взяла под столом за руку своего возлюбленного Наола.

— Один мудрый, очень мудрый человек говорил так: чтобы понять, нужно полюбить, и наоборот. Поймите друг друга, и вашей любви не

смогут противостоять ни живые, ни мертвые, ни расстояние, ни время. Вот и весь совет, детки, — Казирион хитро подмигнул Магнификусу и, покашливая, поковылял к выходу.

— Что он имел в виду? — спросила у супруга девушка.

— Он имеет в виду, что ты можешь помочь мне принять мир таким, какой он есть, — как мог, объяснил Второй, но, определив по взгляду возлюбленной, что она все равно ничего не поняла, уточнил: — Он хочет, чтобы я рассказал тебе о тех чувствах, в которых я не могу разобраться сам.

— Рассказывай, разберемся, — тут же предложила она.

— Подожди, — покачал головой он и встал с места. — Это должен услышать еще один человек.

Магнификус вывел невесту из дома и подвел к беседке, где находился Тордион. Профессор сидел внутри и безучастно наблюдал за происходящим снаружи.

— Профессор, вы позволите? — спросил Второй, пропуская вперед Наолу.

Тордион молча показал на пустующую скамью.

Ничего не понимающая девушка села на предложенное место и спросила у профессора:

— Что здесь происходит, господин Энлиль?

— Это не совсем профессор Энлиль, — предупредил ее Магнификус. — В Старом Свете он больше известен как Тордион — лидер и создатель касты странствующих врачей инжи.

— Тот самый Тордион?! — изумленно воскликнула Наола, поворачиваясь к своему разоблаченному преподавателю.

Тот в подтверждение сказанного кивнул.

— Вы не будете против, если я расскажу вашей ученице всю историю, как я ее понимаю? Если я ошибусь, то вы всегда сможете меня поправить, — обратился к Тордиону Второй.

Тот опять кивнул.

— История такая, — начал свой рассказ Магнификус. — Папа и мама господина профессора были могущественные волшебники. Они

сотворили этот мир и стали в нем жить вместе со своими друзьями. Потом мама господина профессора родила самого господина профессора. Прошло время, и господин профессор вырос, а вместе с ним «вырос» и мир, если можно так сказать о целом мире. Папа и мама господина профессора вместе со своими друзьями продолжали наслаждаться своим волшебным миром. Они творили народы и заставляли их воевать друг с другом. Для них это была только игра, а для господина профессора — нет. Этот мир ему был родной. Мало-помалу творение гениального папы господина профессора стало обретать некую самостоятельность. В итоге: эльфы разделились, а демоны вообще перестали подчиняться. Папа это дело увидел и испугался. Понял, что если Нибиру окончательно выйдет из-под контроля, то будет угроза тому миру, откуда папа с мамой и друзьями появились. Папа решил уничтожить свое творение, но не смог, потому что господин профессор договорился с демонами, и те папу задушили. Но демоны не только папу задушили, а еще и всех остальных. Только души убиенных остались на Нибиру. Чтобы избавиться от этих душ, господин профессор вызвал меня. Я помог ему избавиться. Теперь господин профессор склоняет меня к окончательной расправе над демонами, потому что те свою роль сыграли. Как только я закрою Черный Портал, демоны расползутся по своим щелям, а господин профессор сольется с миром в любовном экстазе.

— А если ты этого не сделаешь? — спросила Наола.

— Тогда ровно через четырнадцать часов господин профессор обогатит мир, но уже как минеральное удобрение, — спокойно ответил Магнификус и обратился к Тордиону: — Я правильно изложил проблему, господин профессор?

— Немного упрощенно, но вполне доступно, — согласился тот и, словно в подтверждение сказанному, вытащил из кармана два разноцветных многогранника и протянул молодому человеку.

— Так что же мне делать, дорогая? — обратился к супруге тот, забирая принципы.

— Есть из чего выбирать? — резонно поинтересовалась она.

— Нет, — признался Второй. — Но меня коробит от фатальной логики господина профессора. Это не по-человечески, потому что господин профессор — не человек.

— Ну и что? Если выбора нет, — решила девушка, — сделай, что просит господин Тордион, и больше никуда не лезь.

— Ты, наверно, не поняла, — повторил Магнификус. — Господин Тордион повинен в убийстве своих родителей и еще двоих людей.

— Я поняла, что родители господина Тордиона и еще двое людей повинны в убийстве тысяч невинных жителей Нибиру, — строго ответила Наола.

Профессор молча похлопал ей в ладоши.

— Радуетесь? — зло поинтересовался у него Второй. — Вижу, что радуетесь, господин, иной вид сознания! А чему радуетесь? На крови только сорняки растут.

— Я радуюсь, что у вас будет двойня. Мальчик и девочка. Почему-то я раньше этого не замечал, — сказал Тордион, встал и вышел из беседки.

— Какие мальчик и девочка? — взглянул на внезапно покрасневшую супругу Магнификус.

— Ты не рад? — тихо спросила она.

Тут до молодого человека, наконец, дошло, что имел в виду профессор.

— Ты... — начал он.

— Да, — подтвердила она.

— Мне нужно все хорошенько обдумать, я скоро вернусь, — извинился Второй и вышел из беседки.

— Какая сложная штука — жизнь! — думал Магнификус, сидя в одиночестве на краю пруда. — Действительно, какие у меня могут быть претензии к этой «кофемолке». Он подарил мне возможность стать тем, кто я есть. А я «ножку выставил». Господа, как вам не стыдно? Фи! Чего, господа? Какое стыдно?! Ох, не хватает мне Шарскуна! Он

умеет красиво оформлять такие ситуации. Гамлета как он лихо оправдал. Все, господа! Период обывательских рефлексий закончен. Только вперед! Я герой и умница! Мир восхищен мною. Я спасу мир и свои «сорнячки». А остальное — гори оно огнем.

Сверху пахнуло ветром, что-то прошелестело над головой, и рядом с молодым человеком опустился Дооф. Дракон аккуратно сложил крылья и склонил голову к самой воде.

— Почему не веселишься с остальными драконами? — спросил Магнификус. — Я видел, как к ним в овраг провели целое стадо жирных овец.

— Со мной поговорил мастер Казирион, — сообщил Дооф. — Теперь во мне нет уверенности, что мой удел — продолжение рода.

— Тогда в чем же твой удел? — заинтересованно взглянул на ящера молодой человек.

— Познать себя, — гордо ответил дракон. — Мастер Казирион согласился принять меня после битвы в ученики.

— Старина и о битве знает? — удивился Магнификус.

— О ней все знают, — сказал Дооф. — Драконы спорят, каким строем будет лучше нападать. Рыцари чистят свои доспехи. Битва — это хорошо!

— Ну, если даже ты так считаешь, то деваться некуда, — Второй поднялся с камней и пошел к дому.

Его появление было встречено радостными криками гостей и тревожным взглядом Наолы.

— Господа! — призвал он к вниманию всех присутствующих. — Я бесконечно рад, что удостоился высокой чести стать вашим другом. Сегодня самый счастливый день в моей жизни — я стал мужем самой красивой женщины на свете. В соответствии с древними традициями Нибиру и статусом бога Войны предлагаю отметить этот день кровопролитной схваткой с Хаосом. Торжественно заверяю, что нас ожидает увлекательное приключение и большинство из нас в живых не останется. У нас осталось не больше тринадцати часов, чтобы спасти мир.

Над столом повисла пауза.

Первым ее решился нарушить Абхораш.

— Звучит несерьезно, — сказал он и добавил: — Но мне нравится.

Его слова послужили сигналом для всеобщего ликования.

— Сумасшедший дом! — покачал головой Магнификус и снова взял слово: — Выступаем сейчас же. План битвы обсудим по пути. К сожалению, господа азуры и господа гномы не могут выступить в поход с нами. Не будем нарушать правила.

— Это несправедливо! — в один голос взревели сидящие за столом Высшие Эльфы и гномы.

— Обещаю — как только мы доберемся до Черного Портала, я изменю правила, и вы присоединитесь к нашему приключению.

Уже во дворе к молодому человеку подошли Король Феникс и Торгрим.

— Мы все понимаем, но мы идем с вами, — категорично заявил Фунибар.

— Один гном и один эльф — это еще не весь народ, — поддержал его гном.

— Но вы правители этих народов! — возразил Магнификус.

— Ради такого случая мы с удовольствием отречемся от своих престолов, — сказал Король Феникс. — Наши люди нас поймут.

— Уже поняли, — добавил Торгрим. — Я пять дней назад передал свой престол своему второму сыну, а Фунибар — принцу Каледора. Мало того, я вернул престолу азуров настоящую корону Королей Фениксов.

— Получается, вы все знали заранее? — удивился Второй.

— Все к этому шло, — пожал плечами Торгрим.

— У нас мало времени. Как вы доберетесь до границы Северных Пустошей? — спросил Магнификус.

— Господин Ракартх любезно выделил нам по одному боевому дракону, — сообщил Король Феникс.

— Зачем вы будете мучить бедных ящеров и терять время, детки? — услышали они голос Казириона.

Они обернулись и увидели лежащего на подстриженной лужайке единорога.

— Мастер Казирион, но как мы окажемся в нужном месте? — поинтересовался Торгрим.

— Я, детки, очень старый, но это ничего не значит, — сказал отшельник. — Я открою вам коридор. Только покажите мне точку, где хотите оказаться, и вы там окажетесь.

— Йохан! — крикнул Магнификус. — Йохан, карту! Скорее, Йохан!

Тут перед собравшимися из-под земли, словно волшебный гриб, вырос Миб Тоус.

— Прошу прощения, — извинился жрец. — Но я бы тоже хотел взглянуть на карту.

Подбежавший к ним ван Хал без лишних слов расстелил прямо на земле карту.

— Где основная группа войск Хаоса? — спросил полководец, вглядываясь в графическую разметку на бумаге.

— Думаю — здесь, здесь и здесь, — ткнул пальцем в карту Охотник, но тут же оговорился: — Точнее сказать не могу, они все время перемещаются вдоль границы.

— Но границу не переходят? — уточнил Магнификус.

— Нет.

— Мастер Казирион, а почему бы ваш коридор прямо до Портала не проложить? — предложил Второй. — Тогда мы выстроимся вокруг него, и я произведу ритуал. Не будет лишних потерь.

— Нельзя, — мотнул белоснежной гривой единорог. — Колдуны Хаоса блокируют мой коридор у самой границы Северных Пустошей.

— Что, их колдовство сильнее вашего волшебства? — удивился Магнификус.

— Сафери — не волшебство, детка, — возразил Казирион. — Сафери — искусство взаимоотношений с миром. Что же касается кол-

довства, оно не сильнее, оно на своей территории. Это опять правила, детка.

— Как мне надоели эти правила! — огорченно крякнул Второй и показал рукой на изображение горы на карте. — Это высокая гора?

— Это не гора, это пологий холм, — проинформировал его Йохан. — Он находится у самой границы.

— Хорошее место, я знаю его, — подал голос незаметно присоединившийся к ним Абхораш. — Оттуда удобно будет нападать.

— Это и будет точкой, — решил Магнификус и ткнул носком сапога в изображение на карте.

— Твоя воля, о Великолепный! Через час силы Нехекхары будут там, — поклонился Миб Тоус и беззвучно утонул в земле.

— Кто это был? — брезгливо глядя на место, где только что исчез жрец, спросил ван Хал.

— В другой ситуации — твой потенциальный клиент, — усмехнулся бог Войны и взглянул на мирно лежащего единорога. — Мы выбрали точку, мастер Казирион.

— Ты уверен, детка? — уточнил тот.

— Конечно, нет, — признался Магнификус. — Разве на Нибиру можно быть в чем-нибудь уверенным?

— Ты становишься мудрым, детка, — поднялся с травы отшельник. — Собирай своих людей.

Единорог ударил по земле копытом, и на другой половине парковой лужайки образовался огромный пульсирующий зеленоватым огнем диск.

Первой в коридор прыгнула Наола. Все произошло так быстро, что Второй даже не успел рта открыть. Ему не оставалось ничего другого, как последовать за женой. А уже за ним в коридор полетели драконы, поскакали всадники, прыгнули Йохан с Вилли, Уул с гигантской дубиной в руке, волки и фон Корстейн, окруженный стаей летучих мышей. Последним в мерцающем диске растворился степенно вошедший туда единорог.

У границы Северных Пустошей было прохладно, поэтому Магнификус приказал разжечь костры. Вампиры, Темные эльфы и другие соратники бога Войны грелись у огня, настороженно поглядывая на заснеженную полосу, отделяющую Империю от владений Хаоса.

— Сколько нас всего? — поинтересовался Второй у своей супруги.

— Не больше четырех сотен, — ответила она. — Если летучих мышей папы тоже считать. Кет полетела за своими войсками в Наггарот. Она сильно ругалась, что ее не предупредили.

— Так, у Нехекхары десять тысяч воинов, — продолжил подсчет Магнификус. — Итого — десять тысяч триста бойцов, если считать летучую мелочь твоего папы. Кет не в счет, у нас просто нет времени.

— Зато у нас полсотни драконов, — напомнила ему Наола.

— Драконы — это сила, но у нас осталось меньше двенадцати часов. Ни о какой стратегии, кроме лобового удара, и речи быть не может, — вздохнул Второй. — У Хаоса, по словам Йохана, не менее пятисот тысяч. Мы можем опоздать, и твой профессор пропал. Кстати, почему он даже не предложил своей помощи?

— Уходя, он сказал, что опаздывает на лекцию, — сообщила девушка и предположила: — Может быть, по правилам он не имеет права помогать нам?

— А может быть, это его очередной трюк, и спасать вообще никого не надо, — обнял Наолу Магнификус. — Одно меня радует — о такой первой брачной ночи никто и мечтать не может. Невеста беременна двойней, а жених поведет на рассвете армию кровососов и прочей нечисти на верную гибель.

— У тебя мрачный юмор, — заметила девушка и протянула ему нож с обоюдоострым лезвием: — Возьми. Острый как бритва. Завтра за пояс сунь.

— У меня есть оружие, — не понял Второй.

— Этим лучше себе горло резать, если тебя серьезно ранят, — объяснила Наола.

— Шутишь?

— Нисколько.

— Лучше бы шутила, — принялся рассматривать подарок супруги Магнификус. — Фантастика! Откуда у тебя нож Гила Хиббена? Это прошлогодняя коллекция. Я его только в каталоге видел.

Из темноты к ним вышел, кутаясь в плащ, один из офицеров Черной Стражи.

— Господин Кхеине, — доложил он, — наш дозор на юге обнаружил движение.

— Далеко? — встревожился Второй.

— Если неизвестные и дальше будут перемещаться с той же скоростью, то через час они войдут в лагерь, — проинформировал офицер. — Прикажете трубить общий сбор?

— Подожди, — Магнификус достал знак прадракона и позвал: — Дооф, лети сюда.

Не успел он еще убрать медальон, как ящер завис над его головой.

— Дооф, дружище! — попросил его Второй. — Слетай на юг. Глянь, кто это к нам тащится.

Дракон глухо рыкнул и полетел в указанном направлении.

— У него феноменальный нюх, — объяснил рыцарю Магнификус и отпустил бдительного воина, а сам опять обнял супругу: — Вот что я решил, любовь моя. Получится у нас разрушить этот Портал или нет, сразу после битвы мы с тобой махнем на Дооф к Белой Башне Хоэта. Ты пройдешь Белым Порталом ко мне на родину и разбудишь меня. А там мы заживем в роскоши и тишине. Недолго, но счастливо. Обвенчаемся по-человечески, детей на ноги поставим. Короче говоря, настоящая жизнь. Без излишней динамики. Ты согласна? Только не спрашивай меня, верю ли я в это. Потому что — не верю. Но ведь можно себя убедить, принудить и запутать. Так?

— Что ты хочешь, чтобы я ответила? — ласково поинтересовалась Наола.

— Тебе все равно, — понял Второй.

— Абсолютно, — уверила его девушка и вздохнула: — Я бы лучше послушала музыку.

— Нет проблем, любовь моя, я лично был свидетелем, как твой неуемный папаша затаскивал в коридор клавесин Фориуса. Вряд ли Фориус оставил свой инструмент. Я его сейчас найду.

И Магнификус пошел вдоль горящих костров, выискивая взглядом музыканта.

Фориуса он обнаружил спящим у костра рядом со своим клавесином, неподалеку от леса. Тут же дремал Уул.

— Маэстро! — он потряс музыканта за плечо. — Поднимайтесь, маэстро. Дамы требуют музыки.

— Господин Кхеине! — взмолился тот. — Мне же еще полдня марши играть! Помилосердствуйте!

— Не могу, — настаивал Магнификус. — Слово дамы для меня закон. Тем более что спать вам осталось недолго.

— О! Какое беспокойство, — продолжая стенать, Фориус пихнул ногой тролля: — Вставай, толстяк! Тащи клавесин. Твоя госпожа без музыки жить не может.

Уул угрюмо пробурчал что-то, но инструмент поднял.

Что может быть изысканней звука хорошо настроенного клавесина, да еще когда на нем играет виртуоз? Только точно такой же звук, такого же клавесина, с тем же виртуозом, да еще и разносимый эхом по темной равнине высокого холма, покрытого пылающими кострами.

В эту ночь Фориуса явно посетило вдохновение, поэтому на втором же пассаже к звуку его клавесина присоединилось несколько десятков воющих глоток волков-оборотней и губная гармошка ван Хала.

— Вы что, зятек, совсем ополоумели? — выскочил разбуженный этим концертом отец Наолы. — Всех врагов раньше времени разгоните!

— Что, Манфред, собственно, вам не нравится? — вступился за бога Войны Фориус. — Волки воют в такт. Это забавно. И потом — вы же сами меня заставили пойти вместе с вами. Так что наслаждайтесь.

— На самом деле, папа, — поддержала музыканта Наола, — со стороны все довольно благозвучно. Это я предложила послушать музыку.

— У меня просто нет слов, дочь моя, — развел руками огорченный вампир и удалился.

— Тебе правда нравится? — едва сдерживая смех, спросил молодой человек.

— Я никогда ничего подобного не слышала, — призналась девушка, склоняя свою голову на плечо мужу. — В этом есть что-то сакральное. Как я это понимаю.

— Ты правильно понимаешь, детка, — откуда-то из темноты сказал Казирион. — И в лагере наших противников это поняли так же. У них паника. Решено пока не обстреливать наш лагерь. Колдуны Хаоса считают, что мы здесь творим что-то очень могущественное.

— Это так и есть, — заявил Фориус, продолжая терзать инструмент. — Что может быть могущественнее гармонии?

Сверху донесся рев дракона.

— Дооф вернулся, — узнал голос своего огнедышащего друга Магнификус.

На самом деле, через мгновение Дооф опустился на землю рядом с клавесином. У него со спины спрыгнули Шарскун и Асушан.

— Пляшете? — удивленно поинтересовался крыс.

— Не может быть! — воскликнул Второй. обнимая скейвена. — Каким ветром вас сюда занесло?

— Мы не одни, — сообщила Асушан.

— Шарскун, проказник, ты опять будешь папой? — шутливо погрозил крысу указательным пальцем Магнификус.

— Я не это имела в виду, — засмущалась скейвенша. — Шарскуна избрали главой клана Эшин.

— Да ну?! — не поверил Второй. — Взятками всех умастил?

— И это тоже, конечно, — честно ответил Шарскун. — Но главным аргументом стала моя вечность и дружба с богом Войны.

— Но как же Сникч и его сын Шроч, тот, что театр построил? — спросил бог Войны.

— Увы! — приложил когтистую лапу к груди скейвен. — Трагическая гибель обоих при невыясненных обстоятельствах. Да сохранит их память Рогатая Крыса!

— Ай-яй-яй! — покачал головой Второй. — Так уж — при невыясненных?

— К делу это отношения не имеет, — поспешил закрыть тему трагической гибели своего предшественника Шарскун.

— А что имеет? — зевнул Магнификус.

— Мы слышали, что наш друг, бог Войны, воевать собрался, — сказал скейвен. — И решили присоединиться к его подвигам. Привели бойцов клана Эшин и еще трех кланов. Общей численностью двенадцать тысяч отборных ребят и девчат.

— Двенадцать тысяч крыс? — не сдержал возгласа Фориус.

— Можно и так выразиться, — беззлобно отреагировала Асушан. — Только умножьте это на пять или шесть — именно столько уводит за собой в могилу один плохо тренированный скейвен.

— Мой верный друг, а ты понимаешь, что у Хаоса сил в сотни раз больше и, скорее всего, никто из твоих «отборных ребят и девчат» домой не вернется? — серьезно обратился к нему Второй.

— Они и не собираются, — столь же серьезно ответил скейвен. — Они пришли достойно умереть за Нибиру. У нас ведь такая задача?

— Такая, — был вынужден признать очевидное Магнификус.

— Тогда все в порядке, а пособия их семьям я заранее оформил, — деловито сообщил Шарскун и кивнул Фориусу: — Продолжайте музицировать. Крысы это любят.

Ближе к утру голова молодого человека от перебора бесконечных комбинаций, способных хоть чем-то облегчить предстоящую схватку, отказалась работать категорически. Весь наработанный им ранее в игровых зонах интернет-клубов опыт оказался бесполезным. Магнификус осторожно покинул прикорнувших у клавесина Наолу со скейве-

нами и побрел между кострами. Периодически он натыкался на дозорные наряды, благоразумно выставленные командиром Черной Стражи по всему периметру лагеря. Старшие дозорных нарядов коротко докладывали «полководцу» о царящей в лагере и вокруг обстановке, после чего продолжали патрулирование.

Обойдя таким образом практически весь лагерь, Второй остановился с южной стороны и стал разглядывать чернеющий впереди темный массив обступающего холм леса.

Его внимание привлек одинокий огонек костра у самых деревьев. Заинтригованный, Магнификус спустился с холма и направился к огоньку.

Подойдя к костру почти вплотную, он обратил свой взор на одинокую фигуру, сидящую у огня. Что-то очень знакомое показалось молодому человеку в фигуре.

— Неужели это ты, Цыган? — спросил Второй.

Фигура качнулась, и с головы сидящего спал капюшон, открывая белоснежную шевелюру помощника бога Смерти.

Магнификус сел рядом с ним.

— Карты сделал? — подал голос призрак.

Второй покопался в карманах и, найдя колоду, протянул старику.

Тот, даже не взглянув на карты, сунул колоду за пазуху.

— Для тебя это так важно? — поежился от прохладного ветра Магнификус.

— Они должны существовать, — неопределенно ответил Цыган и, в свою очередь, тоже задал вопрос: — Моор не вернется больше?

— Не вернется, — честно сообщил Второй. — Он умер.

— Здесь умер, — поправил его старик и с искренней горечью в голосе добавил: — Большая потеря для мертвых. Моор умел оправдывать. Всегда давал шанс. Теперь всех судит закон, всех под одну гребенку. Скорее бы назначили нового бога.

— Ничего не поделаешь, Моор пожертвовал собой, чтобы спасти весь мир, — сказал Магнификус.

— Да, он был такой, — кивнул шевелюрой Цыган. — Воевать будете?

— Будем, только шансов победить у нас немного. Врагов в сотни раз больше.

— Количество еще ничего не значит.

— Количество — нет, но время значит много. Если мы не успеем, то наши жертвы будут напрасны. И жертва Моора тоже. Ничего толкового не посоветуешь?

Цыган пошамкал беззубым ртом и сказал:

— Обычно в больших делах все решают мелочи.

— Мелочи, — задумчиво повторил за ним Второй и улыбнулся: — А ведь ты прав, бестелесный!

— Удачи тебе, материальный, — пожелал тот. — Ты хороший человек. Когда толком умрешь, я вставлю за тебя словечко.

— Заранее благодарен, старик, — хмыкнул Магнификус. — Неужели ты только за картами приходил!

— Теперь уже, как видишь, — нет. Но вообще-то, они — единственное, что у меня есть, — подтвердил тот. — И еще запомни — карты не врут. Врут люди.

— Это ты верно заметил, — согласился с ним Второй и пошел к лагерю.

Уже взобравшись на холм, он обернулся. Костер у леса пропал. Только белый дымок извивающейся змейкой плыл над кронами деревьев.

Магнификус быстро нашел костер, у которого в компании еще шестерых пожилых вампиров дремал его тесть, и разбудил родственника.

— Что еще? — недовольно пробурчал фон Корстейн. — Опять какая-нибудь дикая блажь?

— Простите, уважаемый, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Быть может, это поможет нам если не победить, то хотя бы добраться до Черного Портала, — сообщил Магнификус.

— Я к вашим услугам, — с готовностью отозвался Манфред.

— Каким образом вы управляете своими летучими мышами?

— Мысленно. Они крайне чувствительные существа.

— Летучие мыши могут выстроиться в правильные геометрические фигуры? Я имею в виду — в полете?

— По своей маневренности летучие мыши значительно опережают любую летающую тварь. Выстроиться, ну, предположим, в каре, им ничего не стоит, — гордо ответил фон Корстейн.

— А в круг? — осторожно спросил Второй.

— Проще простого.

— Их могут напугать звуки битвы?

— Напугать могут, но они будут выполнять мой приказ до конца. Что-то зловещее задумали?

Магнификус весело взглянул на него и пообещал:

— Поверьте мне, если получится то, что я задумал, изображение летучей мыши Корстейнов станет одним из самых популярных боевых символов Нибиру. Может быть, даже почтовую марку выпустят.

— Почтовую марку? — недоверчиво переспросил Манфред и добавил: — Трудно поверить, но мои летучие мыши в вашем распоряжении. Почтовая марка — очень серьезный мотив для авантюры. Захариус собирает марки, — и он показал на щуплого длинноволосого вампира, дремлющего у костра.

— Вилли! — крикнул в темноту Магнификус. — Труби общий сбор! Начинаем!

— Друзья! — крикнул Второй, стоя перед своим войском. — Через несколько минут начнет рассветать, и мы пойдем в бой. Среди вас есть те, кто заслужил своими прошлыми подвигами возможность возрождения. Сейчас вы зафиксируете свои алтари. Это особые алтари, они будут вас восстанавливать среди битвы.

Он повернулся к фон Корстейну:

— Прошу вас, Манфред.

Вампир дважды хлопнул в ладони, и на землю перед войском начали садиться летучие мыши. Верные спутники Манфреда образовали четырнадцать идеально ровных кругов.

По рядам воинов пронесся шумок. Солдаты явно не понимали, что все это значит.

— Это ваши алтари, — показал на круги из летучих мышей Магнификус. — Летающие алтари возрождения.

— Гениально, детка, — похвалил его Казирион. — Даже Великий Элтарион не додумался бы до этого. Ты прирожденный бог Войны.

— После того как все герои выберут себе по алтарю, я прошу командиров всех порразделений подойти ко мне и получить свои приказы. Возражения не принимаются, некогда. За дело.

Из строя к живым алтарям начали выходить воины и совершать необходимые процедуры для создания персональных алтарей. Как правило, дело сводилось к одному жесту и двум-трем фразам. Хотя некоторые из героев задерживались, посыпая мышей какими-то порошками или поливая неизвестными жидкостями. Мыши ежились, но терпели.

Когда все герои, включая самого Магнификуса, выбрали себе по алтарю, фон Корстейн снова дважды хлопнул в ладоши, и летучие мыши взвились в воздух.

Вокруг молодого человека собрались все военачальники. Каждому Магнификус отдавал свой приказ.

— Вы, господин Кауран, поведете своих людей впереди, — сказал он командиру Черной Стражи. — Ваша задача проломить строй пикинеров, чтобы сэр Бетельгейзе смог как можно глубже врезаться в ряды противника со своими всадниками. Все остальные действия — на ваше усмотрение.

— Вы, сэр Бетельгейзе, — повернулся он к Абхорашу, — двигайтесь вперед, пока это возможно. Когда вас лишат коней, продолжайте движение. По мере гибели рыцарей алтари начнут их восстанавливать чуть впереди. Задача — в рядах воинов Хаоса создать столь любимый ими хаос.

— Вам, господин Корстейн, придется выискивать колдунов Хаоса и уничтожать их. Ваша устойчивость к любому колдовству весьма кстати. Да, и не забудьте, когда поймете, что наши войска окончатель-

но смешались, отдать приказ «крылатым алтарям» переместиться на четверть мили вперед. За войска Хаоса.

— Я пойду с папой. Можно? — спросила Наола. — Мне с ним веселее.

Магнификус согласно кивнул и вернулся к распределению боевых ролей.

— Вы, Ваше Величество, — Второй обратился к Сеттре, — выведете своих подданных из-под земли за линию фронта, когда увидите, что алтари переместились вперед. Нужно сдерживать преследование до тех пор, пока это возможно.

— Твоих воинов, дружище, — Магнификус взял за плечо Шарскуна, — драконы начнут сбрасывать на головы противнику, когда последний из рыцарей сэра Бетельгейзе окажется за спинами армии Нехекхары. Попроси своих ребят обращать особенное внимание на лучников.

— Вы, господин Ракартх, должны будете облететь место схватки вокруг и уничтожить как можно больше алтарей противника, думаю, они недалеко. После появления армии Нехекхары займитесь транспортировкой отрядов скейвенов. По завершении этого этапа отведите драконов назад и дождитесь, когда противник прорвет заслон армии Нехекхары. А там, вы понимаете... Хаос должен чувствовать дыхание ваших зубастых друзей у себя за спинами. Вместе с вами пойдут волки.

— Господин Кхеине, — официально обратился к молодому человеку Ракартх. — Вы со своими друзьями, я имею в виду священника и господина ван Хала, полетите на своем драконе или все-таки соблаговолите оседлать Нормила? Старик мечтает об этом.

— Вилли останется здесь со своей трубой. Мне нужен наблюдатель. Остальные — на Нормиле, — подтвердил Магнификус, — Дооф и драконы Корстейнов будут меня ждать на другой стороне.

— Благодарю вас, — поклонился ДрагЛорд. — Такой великий дракон, как Нормил, должен погибнуть в схватке.

— Что же делать мне, или ты, детка, забыл убогого отшельника? — подал голос Казирион.

— Что вы, мастер! — улыбнулся Второй. — Для вас мы приготовили особую миссию.

— Я не хочу особую, — отрезал единорог. — Я пойду впереди Черной Стражи, — и он посмотрел на Каурана: — Ты не против, сынок? Пожить нам вместе не пришлось, хоть умрем вместе.

— Много раз умрем, отец, — склонил голову перед отшельником суровый воин.

— Именно эту миссию я имел в виду, — вздохнул Магнификус, ранее предполагавший, что вздорный старик будет наблюдать за битвой со стороны вместе с Фориусом.

— Смотрите! — крикнул Вилли, стоящий с подзорной трубой чуть поодаль.

Военачальники повернули головы в указанном сигмариотом направлении и увидели приближающуюся в лучах восходящего солнца армаду войск противника. Словно океаническая приливная волна, мерцающая сталью и ощетинившаяся десятками тысяч копий, армия Хаоса двигалась к ним.

— Как красиво! — восхитился Вилли, разглядывая в подзорную трубу силы Хаоса. — Их там не меньше миллиона. Кажется, их возглавляет Арбаал — любимый воевода Кхорна. Дикий зверь. Предвижу горячий денек.

Второй и сигмариот спешно сложили голоса и Магнификус крикнул:

— Не будем обижать противника равнодушием, пока он не приблизился на полет стрелы! Клянусь теорией Бароу — пора! Фориус, играй атаку.

Музыкант не заставил себя уговаривать и ударил по клавишам.

По первым же аккордам Второй узнал «Оду к радости» из 9-й Симфонии Бетховена.

— Кто это сочинил, маэстро? — поинтересовался Магнификус, забираясь на чешуйчатую спину Нормила.

— Я, — скромно сообщил Фориус, но добавил: — В прошлой жизни.

Нормил со скоростью молнии покрыл разделяющее противников расстояние и врезался в строй пикинеров Хаоса, предварительно выпустив перед собой длинную струю огня. Вражеские лучники даже не смогли в него прицелиться, поскольку опытный ящер летел над самой землей. Оказавшись в рядах врага, Магнификус с Охотником спрыгнули со спины дракона и принялись кромсать лучников. Сам же Нормил развернулся по кругу и начал расшвыривать пикинеров, расширяя пробитую его же тушей брешь. Вскоре туда вклинился отряд Черной Стражи во главе с Казирионом. Обученные сражаться в замкнутых пространствах, черностражники быстро расширили проход в строе противника на добрый десяток метров. Этого хватило, чтобы к ним присоединились рыцари Абхораша. Нормил продолжал неистово лупасить по пикинерам и лучникам хвостом и жечь их тугими потоками пламени. Магнификус уже прикончил семерых лучников и двух вооруженных секирами рыцарей Хаоса, когда ему навстречу выскочил знакомый тип.

— Ба! — усмехнулся Второй. — Кром Завоеватель. Какой же ты упрямый.

Магнификус легко оттолкнулся одной ногой от земли, другой от спины вражеского мечника, сделал в воздухе сальто и обрушил меч на голову чемпиона. Лезвие сверкнуло алыми рунами и скользнуло до середины груди Крома. Тот, так и не сумевший разобраться в происходящем, заливаясь кровью, рухнул на землю.

Рядом Вилли отбивал своим посохом головы подбегающим мечникам. У него за спиной орудовал отобранной у кого-то двухсторонней секирой ван Хал. Неподалеку от них, стремительно вращая двумя мечами, крошила противников Наола.

Магнификус намеревался подобраться к супруге поближе, но ему перегородили дорогу четверо мечников с обоюдоострыми спатхами в руках. Второй спровоцировал выпад в свою сторону, парировал удары их мечей своим волнообразным клинком, волчком прокатился по длинному лезвию первого мечника и, столкнувшись с ним лицом, нахально заявил:

— И так бывает!

Не дожидаясь ответной реакции, упал на колени и полоснул ему по животу. Мечник начал заваливаться на своих соратников, а Магнификус еще и помог ему, толкнув свободной рукой. Пока трое остальных пытались удержать тело погибшего собрата, Второй оказался у них за спинами и нанес три стремительных укола. Каждый из уколов пришелся по назначению. Меч Кхеине был действительно незаурядным оружием.

Несколько раз Магнификус едва не стал жертвой ослепленного боевой яростью Уула. Тролль, со всех сторон утыканный стрелами, с глухим ревом метался по полю боя, размахивая своим пнем-дубиной, и уже не отличал врагов от сторонников. Но беспорядок, создаваемый диким поклонником Киплинга, был весьма кстати.

Над сражающимися пронеслись три стремительные тени. Это Корстейн со своими друзьями бежал прямо по головам вражеских воинов в сторону завывающих неподалеку, на высокой деревянной треноге, двух колдунов. Первым впился в горло воющему служителю культа коротышка Захариус. Его пытались проколоть пикой снизу, но вампир лихо уворачивался от смертоносного жала. И только когда тело колдуна обвалилось, как опустошенный бурдюк, Захариус ухватился за одну из протянутых пик и, словно по шесту, соскользнул на землю.

Пока вампир осушал тело колдуна, Магнификус отбивал нападение сразу семерых мечников, троих он убил, остальным все-таки удалось вонзить в него свои клинки. Не дожидаясь следующего удара и экономя время, Второй сам перерезал себе горло.

После короткой перебежки по знакомому коридору, Магнификус вывалился из кольца летучих мышей прямо на орудующего цепом Абхораша.

— Аккуратнее надо! — выругался тот.

— Опять цеп? — заметил Второй.

— Удобная штука, — сказал Лорд Вампир и, в подтверждение своих слов, мимоходом раздробил голову вражескому рыцарю.

Магнификус вытер пот и огляделся. Впереди колол врагов своим сверкающим рогом Казирион. Это происходило с такой скоростью, что Второй не успевал следить за перемещениями мастера. Будто белый вихрь вращался, то и дело отбрасывая от себя мертвые тела нападавших.

— Алтари перемещаются! — крикнул Абхораш.

И действительно, четырнадцать темных колец поползли вперед.

Сверху посыпались визжащие скейвены. Ошарашенные встречей с таким противником, воины Хаоса попытались восстановить строй, но теперь это было сделать сложно. Скейвены в один прыжок перемахивали через вражеские ряды, на лету успевая поразить одного, а то и двух солдат.

— Цасшурск кух ли!!! — несся отовсюду скейвенский клич смерти.

Что-то прошелестело за спиной Магнификуса. Тот быстро обернулся и обнаружил Фунибара, сбрасывающего со своего меча мертвое тело. У тела была свиная голова.

— Будьте внимательнее, господин Кхеине, — посоветовал Король Феникс и бросился на помощь Торгриму, отступающему под напором целого отряда мечников. Второй хотел присоединиться к венценосным соратникам, но на него самого напали двое рыцарей. Эти воины Хаоса фехтовали профессионально, и только заветный клинок Кхеине позволял Магнификусу отражать их атаки. Голову одного из рыцарей украшал серебряный шлем с рогами, на лицо другого была натянута маска в виде оскаленного черепа. Проведя серию ударов, рыцари начали с разных сторон обходить молодого человека, осложняя тому защиту. Не желая усугублять свое положение, Магнификус первым бросился на одного из рыцарей и сбил его с ног. Пока тот поднимался, Второй успел воткнуть в прорезь на шлеме клинок и обратить свое внимание на другого. Рыцарь в маске вытащил кинжал и метнул в Магнификуса. Тот повернул меч плашмя и отбил удар. Кинжал полетел обратно к хозяину. Рыцарь в маске рефлекторно отклонился от летящего в него лезвия, но, будучи занят этим, не уследил, как Второй подскочил к нему и ударил мечом в грудь. И опять клинок бога Войны не подвел. Он легко пробил доспех рыцаря в районе сердца и вышел с другой стороны.

Однако смертельно раненный нашел в себе силы нанести ответный удар. Лезвие его меча вонзилось в бок Магнификусу.

— Надо же! — восхитился его мужеством тот и полоснул ножом Наолы себе по горлу, успев оценить остроту его лезвия.

И опять бег по коридору. И опять падение.

На этот раз летающий алтарь выбросил его за спины воинов Нехекхары. Высокие скелетоны уже гремели своими кривыми мечами по доспехам противника.

Второй обернулся и увидел несколько десятков рыцарей Абхораша. Самого Лорда Вампира с ними не было. Наолы тоже.

Магнификус уже было собрался вернуться за ними в гущу схватки, как один из порталов выбросил и Абхораша и Наолу в нескольких шагах от него.

— Милочка, — поднимаясь с земли, обратился рыцарь к девушке. — Отчего вам вздумалось меня добивать? Я мог бы еще прикончить парочку-другую.

— Сэр Бетельгейзе, — извиняющимся тоном сказала Наола. — У вас в спине был топор и два меча.

— Ну и что?! — продолжал упрекать Абхораш. — Я же не ребенок, могу сам контролировать свое самочувствие.

— Прекратите ссориться, времени совсем нет, — приказал им молодой человек и достал знак прадракона.

Вдали раздались рык драконьих глоток и волчий вой.

— Ракартх с «лютыми» пошел, — сказал Магнификус и поднес медальон к губам.

Дооф и один из уцелевших драконов Корстейнов появились через несколько минут. Все, кого к тому времени восстановили алтари, взобрались на чешуйчатые спины ящеров.

— Фунибара ждать будем? — обратился к Абхорашу Второй.

Лорд Вампир отрицательно покачал головой.

— Король Феникс погиб, — сообщила за него Наола.

— Разве он не был героем? — изумился Магнификус и по молчанию соратников понял, что угадал.

— Вперед, Дооф! — крикнул он и мысленно обратился к далекому священнику: — Что там происходит, Вилли?

— Все отлично, нас вот-вот сотрут в пыль, их тьма, — услышал он в ответ. — Нормила разорвали на куски и еще драконов десять сбили. От Черной Стражи никого не осталось, кроме Каурана с его рогатым папашей. Крысы молодцы, держатся. Вертлявые твари. Пожалуй, я присоединюсь к остальным. Такие баталии бывают раз в тысячелетие.

— Нет, продолжай наблюдать дальше, — запретил сигмариоту Магнификус.

Дооф быстро набрал высоту и понесся прочь от места битвы.

— Смотрите, — показала рукой девушка.

Второй и Абхораш взглянули вниз. Войска Хаоса прорвали линию обороны Нехекхары и темным потоком хлынули в образовавшуюся брешь, окружая войска Сеттры. С юга и с севера к месту битвы двигались еще две армейские армады.

— Войска Нургла и Слаанеша, — крикнул Абхораш. — Они пошлют за нами химер. Можем не успеть.

И действительно, с земли поднялись несколько десятков черных точек.

Йохан, управляющий одним из драконов Корстейнов, тоже увидел это и развернул ящера навстречу врагу, попутно вытаскивая свои любимые пистолеты.

— Быстрее, Дооф, быстрее! — поторопил Магнификус.

Но тот и так все понимал. Его перепончатые крылья молотили холодный воздух изо всех сил.

— Сколько осталось времени? — спросил Второй у супруги.

— Около получаса, — ответила она.

Впереди мелькнул знакомый Магнификусу пейзаж — низкие кустарники, груды черных камней и, наконец, он увидел Портал. Крутящаяся над землей воронка, словно жидкий хрусталь, переливалась всеми цветами радуги.

— Это он! — радостно хлопнул по плечу Лорда Вампира Второй. — Мы успеваем!

— Боюсь, что нет, — хмуро ответил ему тот и показал сначала на десяток догоняющих их двухголовых химер, потом на несущиеся им навстречу темные диски, похожие на летающих скатов: — Диски Тзинча. Каждый из них — это три дракона. Они окружили нас.

Но произошло неожиданное — диски со свистом пронеслись мимо и врезались в химер. Оставшиеся монстры поспешили развернуться, но не успели — еще несколько дисков догнали и сбили их.

— Что происходит? — растерянно поинтересовался Абхораш.

— Понятия не имею, но мы почти на месте, — ответил Магнификус и хлопнул Доофу ладонью по зеленой шее. — Спускайся. Ближе к воронке.

Ящер сложил крылья и начал пикировать. Перед самой землей, когда казалось, что столкновения не избежать, Дооф расправил крылья и плавно спланировал на снег.

— Храни тебя Рогатая Крыса! — буркнул напуганный Второй, спрыгивая со спины ящера.

— Хулиган! — поддержал друга Лорд Вампир.

И только девушка похвалила Доофа:

— Это было весело!

Магнификус шел к Порталу, на ходу извлекая из кармана принципы. На всякий случай он пересчитал их. Все правильно — четырнадцать.

Тут краем глаза он заметил, что к нему что-то приближается. Что-то огромное. Второй повернул голову и понял, что это Тзинч. Демон шел не торопясь, явно о чем-то размышляя.

Лорд Вампир и Наола, увидев его, выхватили мечи, но Тзинч на ходу сделал еле заметное движение лапой, и землю перед спутниками

Магнификуса расколола огромная трещина, перепрыгнуть которую ни один человек был не в силах. Дооф попытался расправить крылья, но над ним тут же грозно зависло три черных диска.

Второй приближался к воронке все ближе, стараясь не обращать внимания на идущего рядом демона изменения.

— Будь что будет, — думал он. — В конце концов, все зависящее от меня я сделал.

Воронка кружилась в двух метрах от него. Магнификус протянул к ней руку с зажатыми в кулаке принципами.

— Я хочу закрыть Черный Портал, — произнес он и после секундной паузы добавил: — Нибиру должна жить по своим законам. Больше никаких искусственных правил нет, есть только реальность.

Второй разжал ладонь. Принципы излучали свет. Яркий свет. Очень яркий.

Магнификус бросил многогранники прямо в воронку. Принципы закружились в ней, и воронка начала быстро уменьшаться. Где-то ударил колокол. Тзинч застонал. Второй посмотрел на него. Демон видоизменялся. Его тело окутала, словно кокон, паутина энергетических разрядов. Когда паутина исчезла, то вместо фантастического монстра на земле лежал знакомый Магнификусу по Праагу плотного телосложения человек. Он был жив. Точнее, еще жив. Перед смертью он повернул к молодому человеку лицо и внятно произнес:

— Ничто.

Его тело свела последняя судорога, и он затих.

— Ничто, — повторил Магнификус. — Я не понимаю.

— Это я, — раздался со стороны воронки знакомый голос.

Второй взглянул на воронку. Никакой воронки уже не было. Только разноцветные многогранники, раскиданные повсюду, и мерцающая зеленым огнем пирамидка, зависшая над снегом. Пирамидка медленно вращалась.

— Кто это говорит? — спросил Магнификус. — Тордион, это ты?

— И он тоже, — ответил голос. — Теперь еще и Нечто, и Ничто.

— Не понимаю, — еще раз повторил Второй.

— И не обязательно. Так — объединяющее понятие, — сказал голос. — Перед твоим пробуждением хотел сказать тебе: Тордион никого не убивал, Тордион не пошел за Первым, он обязан был исчезнуть вместе с Нибиру, и Тордион любил свою мать.

— Перед каким пробуждением? — не понял Магнификус, но тут почувствовал, что его непреодолимо клонит ко сну. Он пытался встряхнуть головой, чтобы отрезвиться от наступающей усталости, но спать хотелось все сильнее и сильнее. Магнификус обернулся к Наоле и Абхорашу, издали смотрящих на него. Протянул к ним руку. Хотел что-то сказать, но не смог. Сон победил его. Последнее, что он слышал, был голос Вилли. «С ума сойти! — возбужденно сообщил тот. — Мертвяки превращаются в деревья. Огромные деревья! Тысячи деревьев! Кет Зарин подошла с тремя отрядами. О Великий Сигмар! Хаос бежит! Нет, я пошел! Прости, Древний, но это и мой праздник! Сжечь их всех!»

И он проснулся.

LOADING...

ЭПИЛОГ

Холод. Сергея разбудил холод. Он открыл глаза и обнаружил себя лежащим в камере, куда когда-то его уложил Теклис. Одежды на нем, естественно, не было. Второй поднялся, открыл дверь капсулы и вышел в Зал Снов.

Зал пустовал. Повсюду царила гулкая тишина. У стены напротив шахт с капсулами стоял длинный металлический стол, на котором были аккуратно разложены вещи Сергея.

Он оделся, разложил бумажник, телефон и часы по карманам и подошел к лифту. Нажал кнопку. На темной пластиковой панели вспыхнула алая стрелка. Внутри зашумел механизм. Через несколько секунд двери лифта разъехались в разные стороны, и Второй проник внутрь кабины.

По пустым коридорам верхнего этажа Цитадели сквозняк носил листы писчей бумаги, заполненные колонками цифр. Судя по всему, здесь не было ни единой души. Примерно воссоздав в памяти маршрут, которым они шли с Теклисом, Сергей зашагал к предполагаемому выходу. Вскоре он стоял перед воротами в Цитадель. Перед тем как взяться за рычаг, приводящий в движение механизм засовов, Второй обернулся назад и крикнул:

— Эй?! Здесь точно никого нет?

Ответа не последовало. Сергей повернул рычаг.

На площадке перед воротами его ждал монах.

— Как вы всегда пунктуальны! — похвалил Сергея священнослужитель по-русски, но с легким акцентом. — Пойдемте, все готово. Я смотритель. Меня наняли ваши коллеги.

— Что готово? — спросил еще не пришедший в себя Второй.

— Все готово, — уверил его монах и быстро пошел по узкой тропинке, вырубленной в скале и ведущей к белому строению на другой стороне островного полукруга.

Строение оказалось больше, чем казалось со стороны. Священнослужитель большим ключом открыл сначала кованую решетку, потом другим ключом деревянные двери и пропустил молодого человека внутрь. Сергей вошел туда и обомлел.

Это был склеп, просторная часовня, разукрашенная пестрыми витражами с изображением рыцарей, драконов, замков и сказочных пейзажей. В центре часовни возвышался большой крест из черного обсидиана, под ним стояло четыре надгробия. У изголовья каждого горела большая серебряная лампада в виде лапы дракона, сжимающей перевернутый рыцарский шлем.

— Вчера ночью сами собой загорелись остальные лампады, — сказал монах. — До этого горела только одна. Кроме меня сюда никто не входит. Чудо.

Второй подошел поближе и прочел выбитую эльфийскими рунами на мраморном полу перед надгробиями надпись: «Жизнь — это сказка, хотя каждый ее пишет для себя сам».

— Кто это построил и когда? — поинтересовался Сергей.

— Ваши коллеги-ученые, где-то полтора года назад. Когда погибли эти трое мужчин и женщина, — охотно поделился монах. — Я их лично отпевал. Ваши коллеги договорились с моим священноначалием, и я теперь должен каждое четырнадцатое число убирать помещение и менять масло в лампадах. Потом меня заменит другой человек. Нам ваши коллеги, в качестве благодарности, построили монастырь на острове в двухстах километрах отсюда.

Но Второй не слушал его, он рассматривал мозаики на стенах. На одной из них была явно изображена Белая Башня Хоэта. На другой он узнал парящего в грозовых облаках Нормила. Третья изображала лицо красивого мужчины в эльфийских доспехах и с короной на голове.

— Фунибар, — вполголоса произнес Сергей.

— Что? — не понял священнослужитель.

— Да так — ничего, показалось, — ответил Второй и поднял взгляд к куполу часовни. На темно-синем фоне сияло золотое созвездие, ко-

торое никогда не увидишь с Земли, — Сафери. Четырнадцать звезд крестом и одна в верхнем правом углу.

— Что, пойдемте на корабль? — предложил монах.

— На какой корабль? — не понял Сергей.

— Вас ждет там корабль. Вам ведь нужно на материк? — напомнил священнослужитель.

— Ах да! Конечно! — поторопился согласиться Второй.

Монах аккуратно закрыл часовню и проводил Сергея до небольшой пристани. Там они сели на катер и поплыли к белеющему на горизонте кораблю.

Отплыв на километр от острова, смотритель заглушил мотор и протянул молодому человеку металлический пульт с единственной треугольной кнопкой ядовито-зеленого цвета на нем.

— Что это? — спросил тот, забирая пульт.

— Ну как же? — терпеливо напомнил священнослужитель. — Вы, как дежурный инспектор, должны открыть шлюзы, чтобы затопить помещение вашей научной станции. Ведь ваш проект закрыли.

— Верно, как дежурный инспектор — должен, — вздохнул Сергей и нажал на кнопку.

Остров вдали явственно дрогнул и скоро от него пришла большая волна.

— Ваш коллега не предупреждал, что там будет что-то взрываться, — крякнул монах. — Хотя какая разница — все равно этот остров ваша частная собственность.

— Коллега? — удивился Второй.

— Да, такой худенький. Топлес, если не ошибаюсь. Он еще утром здесь был. Наверно, ждет вас на корабле.

— Теклис?

— Вот-вот — Теклис, — кивнул монах и завел мотор своего катера.

Естественно, корабль оказался «Луи XIV», и Теклиса на нем не было. Экипаж корабля на этот раз весь состоял из сотрудников какой-то английской мореходной компании, нанятых за месяц до этого. Права собственности на корабль, как выяснилось через день плавания, принадлежали Сергею. В своей каюте он нашел лежащие на столе визитную карточку фирмы «Джи Ти мобиле» с телефонами их представительства в Москве, точные копии знака прадракона, колоды Миб Тоуса и все четырнадцать принципов, нанизанные, как бусины четок, на толстую капроновую нить.

Основную часть плавания Сергей проводил сидя на носу корабля, вглядываясь в безбрежную даль и перебирая собранные эльфом четки.

За день до окончания плавания путешественника посетило чувство необъяснимой душевной определенности. Раньше жизнь для него была просто жизнь, в период своего пребывания на Нибиру она перестала быть просто жизнью, а сейчас опять стала просто жизнь.

По прибытии на материк Сергей незамедлительно через солидного торгового агента продал корабль. Продал с большими уступками, но с обязательным условием переименования корабля. Теперь на его белоснежном борту красовалась надпись «Нибиру».

На частном реактивном самолете путешественник пересек полмира и утром 14 сентября прибыл в Москву.

На родной земле Сергей не стал тратить время зря. По телефону на визитке, оставленной Теклисом, он купил джип «Инфинити», уже оттюнингованный эльфами из «Джи Ти мобиле», и на нем посетил несколько банков, где произвел серию хитроумных манипуляций, в итоге которых львиная доля его капиталов перетекла на счета матери, открытые в этих же банках. Помочь распорядиться столь внушительной суммой он поручил Ильину, естественно, за огромные комиссионные.

Сразу после этого он заглянул в одно из лучших столичных издательств и оставил на столе главного редактора копию колоды Миб Тоу-

са, тщательно проинструктировав главного редактора относительно оформления колоды и последующей презентации.

В девять часов вечера путешественник постучал в дверь квартиры матери.

— Звонок есть, — напомнила она ему, пропуская в квартиру.

— Я как всегда, на секунду, — не проходя дальше коридора, сообщил Сергей и, не дожидаясь упреков, поделился: — Мне предложили работу по специальности за границей. Может быть, я уеду на всю жизнь.

К его удивлению женщина восприняла эту новость без лишнего шума. Она только опустилась на стул в прихожей и долго молчала, обдумывая сказанное. Наконец мать сказала:

— Если получится, то было бы хорошо.

— Мама, — спросил он, — ты была когда-нибудь абсолютно счастлива?

Женщина опять помолчала и ответила:

— Не знаю, наверно, нет. Абсолютно счастливой можно быть только в сказке. И уже не в моем возрасте.

— Я люблю тебя, — улыбнувшись, признался сын, поцеловал ее и вышел из квартиры.

По дороге на железнодорожный вокзал он вспоминал, как он ездил с мамой на юг, как они катались на лодке в деревне у бабушки, как мама однажды привезла ему из города детский микроскоп. Вся эта сентиментальная чепуха заполонила ему сердце до такой степени, что он даже заплакал. Вместе со слезами из его души ушла какая-то тяжесть, которая, как выяснилось, всегда была там. И Сергей стал свободен. От чего? Непонятно, но свободен.

На вокзале путешественник купил билет и сел в электричку.

Через полтора часа он сидел на бетонной платформе стосорокового километра, наблюдал за проходящими мимо поездами и потягивал из металлического термоса еще в самолете заблаговременно заваренный мате «Мальтийский крест» без сахара. Разумеется, он сам и его кос-

тюм благоухали «Мессой де менуэт». Последние несколько месяцев привили ему вкус к деталям.

Ровно в три часа пятнадцать минут Сергей вошел в тамбур подъехавшей электрички и поднял с пола кольцо Корина. Надев его на указательный палец левой руки, он шагнул вперед.

На горном плато у Караз-Орруда его ждали Шарскун, Ракартх, Абхораш, Вилли, Йохан и Дооф.

— Наола рожает, надо бы поторопиться, — встретил его добрым известием Лорд Вампир.

— Асушан принимает роды, — деловито добавил скейвен.

— В королевском дворце Наггарота, — вставил ДрагЛорд.

— Я уже придумал имя мальчику, — торжественно сообщил сигмариот, снимая шляпу и прикладывая ее к груди.

— А я девочке, — скромно сказал Охотник, подкидывая в ладони свою губную гармошку.

— Хозяин, я счастлив, что вы вернулись! — восторженно проревел дракон.

— А я-то уж как! — растроганно признался Магнификус и ловко вспрыгнул на спину ящеру.

Пролог ... 7

Глава I ... 8

Глава II ... 29

Глава III ... 54

Глава IV ... 67

Глава V ... 94

Глава VI ... 124

Глава VII ... 166

Глава VIII ... 202

Глава IX ... 222

Глава X ... 242

Глава XI ... 254

Глава XII ... 276

Глава XIII ... 370

Глава XIV ... 416

Эпилог ... 504

Охлобыстин.м.о.XIV прин
цип

ISBN 5-9900384-3-7

251.00

2 000000 581842